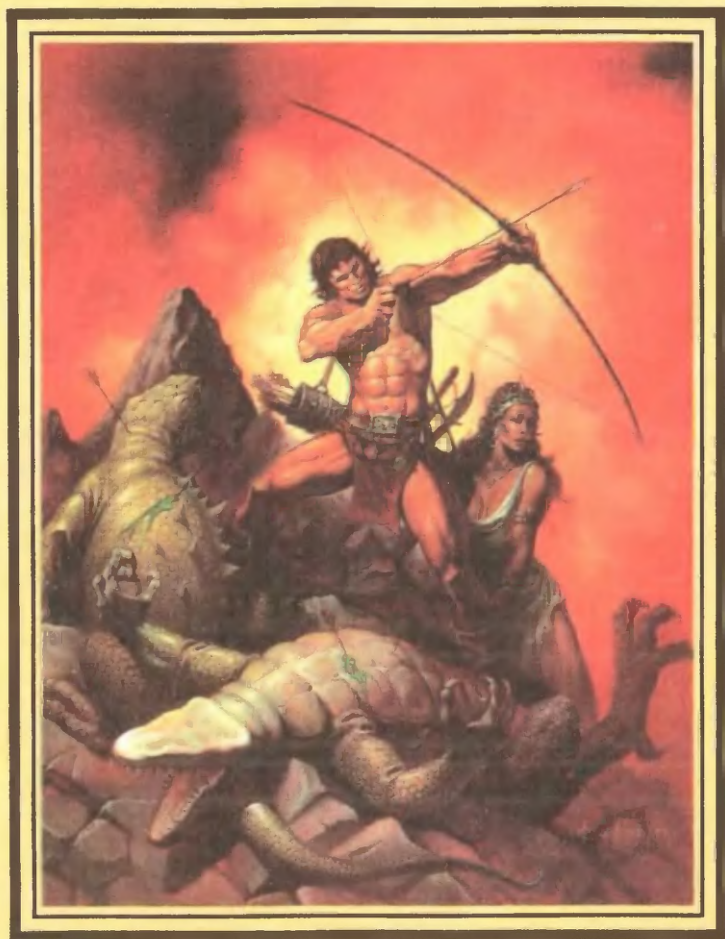

Роберт ГОВАРД

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Сага темных земель

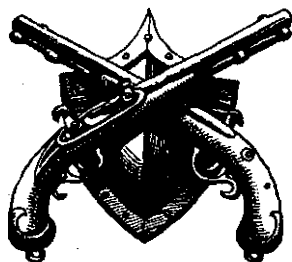

Роберт И. Говард

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Сага
темных земель

"СЕВЕРО-ЗАПАД"
Санкт-Петербург
1997

УДК 820 (73)
ББК 84 (7США)
Г 57

Говард Р. И.

Г 57 Черный камень. Сага темных земель: Повести и рассказы / Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1997. — 528 с.

ISBN 5-7906-0033-2.

Г 8200000000

ББК 84 (7США)

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

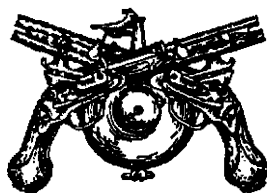
В оформлении обложки использована работа Ken Kelly. Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.

ISBN 5-7906-0033-2

© Ken Kelly, 1984

© «Северо-Запад», подготовка текста, серийное оформление, 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

Те, кто зачитываются увлекательными приключениями Конана, хорошо знакомы и с Хайборийской эрой — удивительной предысторией нашего мира, придуманной одним из самых талантливых писателей США Робертом Говардом (1906—1936), чье творчество было столь ярким, а жизнь — столь короткой. Говард написал двадцать одно произведение о Конане, а после смерти писателя талантливые последователи продолжили его дело, создав множество повестей и рассказов, главным героем которых стал варвар из Киммерии. На сегодняшний день сага о Конане насчитывает сотни книг, как популярных, так и малоизвестных авторов. Многие из них уже издавались на русском языке, другим еще только предстоит встреча с нашими читателями. Нужно сказать, что не только из книг можно узнать о приключениях Конана, о славном киммерий-

це повествует более тысячи комиксов таких фирм, как «Марвел» и «Блек хос», несколько компьютерных игр и два фильма с участием Арнольда Шваценеггера...

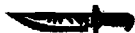
Но кто же такой Роберт Ирвин Говард? Почему именно его считают основателем жанра «героическая фэнтези»? Что он написал, кроме саги о Конане?..

Начну по порядку...

1. Боб Говард, каким он был

Боб Говард родился 22 января 1906 года в местечке Кросс Плейнс, штат Техас, где и провел большую часть своей недолгой жизни. В те годы городок Кросс Плейнс насчитывал всего тысячу двести жителей. С детства Роберта окружали пыльные, скучные равнины, а сердце мальчика рвалось вдаль, к чему-то необычному, загадочному, сокрытому за занавесью веков, либо талящемуся где-то за поворотом. «Романтика неведомого» — так охарактеризовал эту черту Говарда Алан Нурс, психиатр по профессии и писатель-фантаст по влечению души. Как писал в одном из своих эссе о Говарде другой великий писатель фэнтези Г. Ф. Лавкрафт: *«...он (Говард) застал еще последний этап колонизации Юго-Запада США — постепенного заселения обширных равнин по берегам Рио-Гранде, был свидетелем впечатляющего расцвета нефтяной промышленности и рождения новых городов — как следствие нефтяного бума. Его отец, переживший сына, был одним из первых врачей в тех краях. Семья Говардов жила в восточном и западном Техасе, Западной Оклахоме, а последние несколько лет в Кросс Плейнсе, близ Браунвуда, в штате Техас».*

Боб весил около ста килограммов при росте метр восемьдесят — сплошные мускулы. Порой ему было тесно в провинциальном городишке, где в какой-то мере еще сохранялась атмосфера общества Конфедерации. «Джентльмен и спортсмен неуместной натуры, — так сказал о Бобе друг его детства. — Смешной он был паренек. Бывало, идет по улице, а потом неожиданно начинает боксировать с невидимым противником. Несколько секунд машет кулаками, а потом спокойно идет дальше... Но никогда он не был задирой, во всяком случае не

больше чем остальные. С ранних лет Роберт увлекался спортом, считался в Техасе неплохим боксером и даже получил Золотые Перчатки. Позднее Говард писал, что в детстве он пережил «драчливый период», однако страсть к книгам, воспитание в «духе Юга» и спортивные тренировки помогли ему обрести самоконтроль. «А вскоре я почувствовал себя столь сильным, что и задирать никого не хотелось», — рассказывает Говард о своем детстве в письме к Оттису Кляйну.

Еще в десятилетнем возрасте, прочитав книгу о древней Англии, Боб очень заинтересовался таинственным племенем кельтов, и, надо сказать, что с годами его интерес к кельтам, саксам, норманнам и гаэлам отнюдь не угас. Он хорошо знал историю и фольклор родных мест, однако больше всего любил мир древний, в котором отвага и сила ценились превыше всего. Каждый из великих героев становился в воображении мальчика джентльменом в духе довоенного Юга.

Развитый не по годам юный Говард чересчур выделялся среди своих сверстников. То задумчивый, то веселый, то грустный — его настроения менялись словно по мановению волшебной палочки. Родители не знали, как справиться с этой проблемой, и не нашли ничего лучшего, как отправить Роберта в интернат в Браунвуд.

В Браунвуде Боб проучился всего два года. И там у Боба обнаружилась еще одна странность — оказалось, что он ходит во сне. Однажды он вылез в окно и чуть не свалился с крыши. С тех пор перед сном мальчик стал прятать свои ботинки.

Закончив школу, Боб вернулся домой. К тому времени у него уже было много приятелей, но суровый, «яростный» стиль жизни, не позволил ему обзавестись близкими друзьями.

Горячий, но отходчивый характер Роберта создал ему в городке репутацию скандалиста. На то были все основания. Вот, например, как отреагировал Боб на появление в местной газете «Кросс Плейнс ревю» статьи, из-за которой его матери отказали в кредите. Юноша ворвался в редакцию, швырнул смятый номер газеты в лицо редактору и заявил, что не допустит, чтоб в его доме появлялась такая «грязь». На следующий день отцу Боба, доктору Айзеку Говарду, который по свидетельству очевидцев был настоящим тираном, пришлось явиться к главному редактору с извинениями.

После двадцати (а это было как раз во времена Великого Кризиса) Боб начал печататься и неожиданно стал самым богатым человеком в своем маленьком городке. Он зарабатывал больше, чем глава кросс-плейнского банка.

11 июня 1936 года врач сообщил Роберту, что его мать, болевшая уже больше года, умрет, не приходя в сознание. В тот день он долго сидел за пишущей машинкой «Ундервуд № 5», напевая себе под нос: «Все уходит... все уходит...». Выйдя из дома, он сел в машину и выстрелил себе в голову из пистолета, который незадолго до этого приобрел для защиты от воображаемых «врагов». Около четырех часов пополудни Боб умер...

Роберт Говард оставил после себя гигантское литературное наследие. Он занимался сочинительством всего девять лет, но сколько он успел создать и сколько черновиков было найдено в его бумагах!

2. Тайна успеха

Так почему же Роберт Говард стал столь знаменитым и книги его вот уже более шестидесяти лет переиздаются вновь и вновь, а герои живут на страницах произведений других авторов?

Во многом тут «виновата»... социальная среда. В те времена — начало Великой Депрессии — под натиском прогресса растворилась личность, и общество требовало от литературы создания идеальных Героев, сопереживая которым, можно было бы вырваться из тисков повседневности.

Если окинуть взглядом приключенческую и фантастическую литературу той поры, можно безошибочно назвать имена, оказавшие наибольшее влияние на творчество Говарда. В конце двадцатых американцы уже полюбили произведения Э. Р. Берроуза (к тому времени вышло несколько книг и о Марсе, и о Тарзане), Хаггарда и Сальгари, однако не вышел из моды и Джек Лондон, который придумывал приключения, возвеличивая ту или иную черту характера своего героя. Вот на стыке этих двух направлений и находится творчество Роберта Ирвина Говарда, который, используя приемы короткого лондонского рассказа и чуть упрощая образ (герои у

него в основном стереотипны), перенес действие на фантастический фон, чтобы подвиги героя казались поистине героическими.

Роберт И. Говард стал классиком жанра «героической фэнтези» (сам термин, кстати сказать, появился где-то в середине шестидесятых). Этот жанр был необходим обществу, уже разuverившемуся в Великой Американской Мечте, воспетой Джеком Лондоном и Бретом Гартом, и уставшему от чудесных сказок Берроуза и Кляйна. А приключенческие романы Хаггарда, Жюль Верна, Майн Рида (я привожу имена лишь тех, кто хорошо известен нашему читателю) просто-напросто перестали читать — нельзя очаровать человека страной, куда можно за неделю доплыть на пароходе.

И вот на страницах журнала «Сверхъестественные истории», где печатались такие известные авторы фэнтези и научной фантастики, как Г. Ф. Лавкрафт, Лорд Дансени, Кларк Эштон Смит, О. А. Кляйн, Эдмонд Гамильтон и К. Л. Мур, появилась плеяда могучих героев Говарда. В бурном водовороте смешались реальность и вымысел. Даже в произведениях о Конане сквозь тонкую вуаль сказки проглядывают реальные страны, история которых хорошо известна всем. Однако за счет фэнтезийного искажения они приобретают своеобразный загадочный колорит, не уводя в сказку, как Барсум «Марсианской серии» Берроуза, но и не забрасывая своих героев в Индию, куда и так можно съездить без особых хлопот. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что в творчестве Говарда встречаются и исторические, и приключенческие рассказы.

Любопытно, что в нашей стране Говард стал популярен по той же самой причине, что и некогда в Америке.

Поначалу фэндом (так называют объединение клубов любителей фантастики) принял произведения Говарда в штывки. Дело в том, что в середине восьмидесятых существовал «самиздат» не только политической и художественной литературы, не вписывавшейся в рамки «социалистического реализма», но и «самиздат» детективов и фантастики, каталоги которого насчитывали несколько тысяч названий. В один из последних таких каталогов (составитель В. Климов, 1989 год) было включено несколько произведений о Конане: «Возвращение Конана», «Конан-корсар», «Алая цитадель», «Дорога Королей» и сборник о Конане

«Люди черного крута», куда вошли четыре повести Говарда под редакцией Карла Вагнера. Однако все эти переводы были далеки от совершенства, и любители фантастики, в большинстве своем обожавшие Струтацких, сторонились (тут я позволю себе процитировать дословно) «этой низкопробной макулатуры, которую читать может только умственно отсталый». Большая же часть фэнов (любителей фантастики) обходила Говарда стороной, ища в литературных произведениях не полет фантазии, не динамику действия, а социальную сатиру. Например, «военный лагерь Льва Троцкого» из романа Г. Гариссона *«Билл — герой галактики»* приводил фэнов в восторг, и хотя сюжет книги был отнюдь не «антисоветский», она все равно становилась популярной.

Когда грянула Перестройка, читатели быстро насытились политизированной сатирой. Кроме того, на полках появились неизданные ранее романы Жюль Верна, Майн Рида, Буссенара и многих других. Но взлет приключенческой литературы, впрочем, как и политизированной фантастики, оказался очень недолгим.

Если раньше для читателя озеро Чад, например, могло с равным успехом находиться как в Африке, так и в другой галактике, а на Цейлоне могли происходить любые загадочные события, то с открытием границ наша страна в несколько лет прошла весь период познания мира, на что свободным странам в начале века потребовалось несколько десятилетий. То, что принято теперь называть «книжным кризисом фантастики», на самом деле было всего лишь периодом переориентации.

Темы, годившиеся для общества, сдавленного тисками социализма, не устроили свободное общество. Изменились люди, изменились вкусы. Появилась фантастика, изданная хоть и бессистемно, но во всем своем пестром многообразии.

И тогда, постепенно, Говард выкристаллизовался из множества авторов и по тем же самым причинам, что и в свое время на Западе, стал популярен у нас, а особенно — его серия о Конане. Ведь она подарила читателям героя-победителя, уведя в тревожный мир, где, в отличие от мира реального, с помощью чести и стального клинка герой с характером джентльмена Вирджинии середины прошлого века (ну, если честно, разве

в Конане много истинно варварского?) побеждает типичных злодеев самого разного толка, а заодно искореняет злых волшебников.

А ценителям прекрасного, которые заявляют, что Конан — глупая сказка по сравнению с тем или иным автором (обычно об этом без устали твердят непопулярные советские писатели-фантасты, которые, будучи великолепными стилистами, не знают о чем писать), хочется напомнить: религии всего мира говорят «сравнивать грешно». И пока есть читатели, желающие перенестись в мир, где победу всегда одерживает справедливость, которой порой так не достает в реальной жизни, пусть выходят в свет новые книги о Великом Воителе.

3. Творчество Роберта Говарда

Роберт Говард решил заняться сочинительством, когда ему исполнилось пятнадцать. Его первый рассказ о приключениях доисторических людей *«Копье и клык»* был опубликован в 1925 году в журнале *«Сверхъестественные истории»* через три года после того, как был написан. Однако известен Говард стал, благодаря повести *«Когда восходит полная луна»* (история об волке-оборотне), вышедшей в 1926 году в апрельском номере этого же журнала.

После выхода в свет первой повести о Соломоне Кейне — *«Красные тени»* (август 1928 года), Говард окончательно завоевал сердца читателей. Кейн — английский пуританин-авантюрист, великолепно владеющий шпагой. Куда бы ни забрасывала его судьба — в Европу или в Африку — везде он бросает вызов злу и несправедливости. «Сверкающая тьма — для угрозы, ледянисто-синий цвет для героя, между ними полоса ярко-алой скошенной травы — для битвы. Страсть и кровь довершают картину, или скорее рассказ. Но кроме того, в повествование вплетены быстро сменяющие друг друга яркие детали», — так сказал об этой повести знаменитый автор фэнтези Фриц Лейбер. Одна за другой появились и другие повести о приключениях удивительного англичанина: *«Луна черепов»*, *«Череп в звездах»*, *«Стук костей»*, *«Холмы смерти»*, *«У подножья»* и многократно переиздававшаяся в нашей стране повесть *«Крылья ночи»*.

Одновременно с серией о Соломоне Кейне Роберт Говард работал над произведениями о приключениях в древнем мире. Истории о таинственной Атлантиде, где правил великий воин — король Кулл, стали первой ступенькой длинной лестницы, что вела к созданию Конана. Действия книг, связанных с именем короля Кулла, разворачивались в придуманных Говардом странах, расположенных на таинственных островах Лемурия, Атлантида и Му, где Кулл — владыка Валузии, вел отчаянную войну против змеелюдей, с неохотой уступающих первенство человеку, и колдунов, познавших черную магию тварей, хозяйничающих на планете еще до появления людей. Серию о короле Кулле открыла повесть *«Королевство Теней»* (1929). Лишь в 1967 году Линн Картер собрал воедино все говардовские повести о Кулле и, дописав несколько незаконченных рассказов великого мастера, выпустил приключения короля Кулла отдельной книгой.

Весьма сильное впечатление на Говарда произвели *«Мифы Кулли»* Г. Ф. Лавкрафта, которые были напечатаны в журнале *«Сверхъестественные истории»* одновременно с его первыми произведениями. Мир, лежащий по ту сторону реальности, ужасные боги, готовые в любой момент обрушиться на людей, черное колдовство... Вдохновившись творчеством мастера ужаса, Говард создал более десятка рассказов из цикла *«Мифы Кулли»*. Но эти произведения разительно отличаются от творчества Лавкрафта. Создатель Конана принес в мир Кулли неистовую ярость, сильного героя, который способен противопоставить себя древним богам, таящимся по ту сторону реальности, ужасному ключнику миров Йог-Саготу и его приверженцам.

Говоря о мистике в произведениях Роберта Говарда нельзя не сказать о жанре «хорор-триллер», прородителем которого, равно как и «героической фэнтези», считается техасский кудесник.

До Говарда подобные произведения писались лишь в готическом ключе, в духе Брэма Стокера и Лавкрафта, Роберт Говард первым переступил привычные литературные традиции. Герой его «ужасов» не забитый, дрожащий обыватель, а все тот же Кулл, Конан или Соломон Кейн, только одевший широкополую шляпу, и повесивший на пояс шестизарядный кольт. Роберт Блох, Фриц Лейбер, Мэнли Уэйд Уэллмен счита-

ли Говарда своим «заочным учителем на путях страха». А Боб МакКаммон не так давно заявил корреспонденту Лукаса: «Еще в детстве удивительные произведения Роберта Говарда доказали мне, что в ужасах вовсе не обязательно психологическое нагнетание. Можно пугать читателя и при помощи беспрерывного действия и подвигов отважных героев».

Появившиеся в середине двадцатых романы Сакса Ромера о борьбе с ужасным Доктором Фу Манчу подтолкнули Говарда к созданию нескольких повестей и рассказов о коварном Скалп-Фейсе (Лицо-Череп), прибывшим в Америку из Китая и творящим зло. Кроме того, к жанру «хорор» относится говардовская серия о приключениях частного сыщика Джона Харрисона. В нее вошли такие произведения, как: *«Имена в Черной книге»* (частный детектив борется против монгольского культа), *«Кладбищенские крысы»* (пожалуй, не нужно объяснять, кто главный враг отважного героя), *«Когти из золота»*, *«Веет черный ветер»* (ах, эти дьяволопоклонники!) и повести, вышедшие уже после смерти писателя — *«Повелители смерти»* (опять коварные монголы), *«Голос смерти»*, *«Черная Луна»*, *«Подозрительный дом»* и *«Черные когти»* (человек-леопард из Африки).

На написание детективов Роберта Говарда подтолкнул его литературный агент О. А. Кляйн; он же является автором довольно популярной серии, соперничающей с Марсианской серией Берроуза.

В начале 30-х годов выходят историко-мистические повести Говарда *«Тигры морей»*, о Кормаке Мак Арте, и *«Дети тьмы»* — о пиктах и Бран Мак Морне. В этих произведениях звучали те же темы, что и в повестях о Кулле и Соломоне Кейне. Но, как и в детективах, в историческом жанре Говарду тесно в жестких рамках реальности. В этих произведениях неизменно присутствует нечто мистическое. Неистовые пикты и викинги, мечи, схватки, сталь, всегда побеждающая черное колдовство...

В тот же период появляется серия Говарда о приключениях на Ближнем Востоке. Два авантюриста попадают в горы, где остался островок Шумерской культуры. Тут есть и ужасный гонг и красавица-танцовщица, которую, естественно, надо спасти и которая тут же безумно влюбляется в одного из Говардовских героев. Повесть *«Красные мечи черного Катая»* была

написана в соавторстве с Тевисом К.Смитом и рассказывает о сражениях несметных армий в Средние века. Всего Говард создал около двадцати историко-приключенческих повестей, большинство из которых вышли в свет еще при жизни автора.

В 1932 году журнал «Сверхъестественные истории» опубликовал рассказ «Феникс на мече» — первую историю о Конане. Но о Конане и Хайборийской эре и так написано достаточно много, мне не хочется повторять ни Спрэга де Кампа, ни Лина Картера, ни многих других критиков.

Говоря о творчестве «гранд-мастера фэнтези» (именно так его договорились называть члены клуба С.А.Г.А. — единственного в мире клуба писателей фэнтези) нужно вспомнить и о его вестернах — юмористических приключениях Джентльмена с Медвежьей речки и о романе «Альмурик». На нем я хочу остановиться особо. Все дело в том, что «Альмурик» как бы отмечал начало нового периода творчества Роберта Говарда. Эдгар Райс Берроуз подарил миру Джона Картера, создав при этом очень удобную схему для написания романов «героической фэнтези», хотя сам по себе его цикл «героической фэнтези» не является. Джон Норман, Лин Картер, Алан Экерс (псевдоним Кеннета Балмера), Эндрю Оффут, Майкл Резник — множество авторов выстраивают свои романы, пользуясь приемами Берроуза. В свое время Говард тоже попытался вписать в эту схему неукротимого и могучего Есаи Керна и, если бы не смерть, я уверен эта повесть превратилась бы в многотомный сериал. Есаи Керн, известный на Земле как Железная Рука переносится на волшебную планету Альмурик. Кого он там только не встречает! И коварных крылатых людей и гигантского ужасного червя и, само собой разумеется, очаровательную красоту...

За столь короткую жизнь Говардом было создано множество сериалов о приключениях различных Великих Воителей, произведений, которые ни в чем не уступают Саге о Конане: Конн (не путайте с Конаном) и Король Кулл, Соломон Кейн и Джентльмен с Медвежьей речки, Бран Мак МORN и Кормак Мак Арт, Джон Харрисон и Есаи Керн, Джон Кирован и Джеймс Конрад, Кормак Фитц Жоффрей и Брекинридж Элкинс.

Надо сказать, что о четырех героях Говарда (кроме Конана) — Бране Мак Морне, Кормаке Мак Арте, Соломоне Кейне и короле Кулле уже в наше время написаны саги-продолжения.

Самая длинная из них — сага о Бране Мак Морне насчитывает около десяти томов. Продолжают выходить и книги о Великом Воителе Конане. Одни из них удачны, другие, мягко говоря, не очень, но я с удовольствием приветствую каждую новую книгу, потому что в ней живет частица многогранных, красочных миров Роберта Ирвина Говарда.

Но наиболее полную оценку творчества Роберта Говарда дал Г. Ф. Лавкрафт:

Трудно точно сказать, что так выразительно отличало рассказы Говарда от иных, но главный секрет заключался в том, что в каждом из них — независимо от того, писалось ли это произведение на продажу, или нет, — автор оставил частичку себя. Он был выше меркантильных соображений. Даже там, где он явно поддавался на уговоры своих искушенных в денежных делах издателей и критиков, он оставался собой, а щедрость его таланта придавали неповторимое своеобразие всему, что выходило из-под его пера... Под его пером люди и события всегда обретали черты жизненности, реальности... Ни один писатель, пусть даже самого скромного масштаба, не может быть хорошим писателем, если он не относился к работе серьезно. Роберт Говард именно так относился к ней... То, что такой мастер ушел в небытие, в то время как легионы борзописцев и графоманов творят бессмысленных вампиров, вурдалаков, космические корабли и оккультные преступления, является воистину печальным доказательством существования иронии Вселенной!

...

Подбирая произведения для собрания сочинений Роберта Говарда, из многочисленных публикаций, мы старались взять наиболее полные варианты, лучше всего раскрывающие талант «техасского гения». Чаще всего мы делали переводы по изданиям вышедшим еще при жизни автора. Эти публикации значительно отличаются от тех, что выходят ныне. Они гораздо ближе к первоисточнику, в них нет редакторских добавлений и сокращений, которыми грешат другие книги.

Каждый том собрания сочинений составлен, ориентируясь на определенную тематику. В первый том включены мистические произведения, главными героями, которых являются аме-

риканский джентльмен Джон Кирован и французский авантюрист де Монтур. В сороковые годы по повестям «Голуби ада» и «Луна Замбидве» были сняты фильмы. Второй том посвящен отважным воителям древности. В третьем томе вы встретитесь с отважным пуританином Соломоном Кейном и перенесетесь в мир крылатых чудовищ. Четвертый том посвящен великим авантюристам, пиратам и знаменитым разбойникам. Пятый том порадует любителей остросюжетных детективов и «боя без правил». Шестой... впрочем этого наверное достаточно, чтобы почитатели таланта Роберта Говарда заинтересовались нашим проектом.

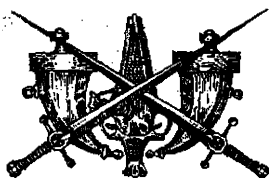
И, повторяя любимые слова Лина Картера, мне хочется сказать вам:

Счастливой Магии!

Александр ТИШИНИН

Санкт-Петербург

март 1997

ДЖОН КИРОВАН

ЖИВУЩИЕ ПОД УСЫПАЛЬНИЦАМИ

С

реди ночи меня разбудил бешеный стук в дверь. Удары были столь сильны, что казалось, вот-вот расколются филенки.

— Конрад! Конрад! — вопили за дверью. — Ради Бога, пустите меня! Я видел его!

— Похоже, это голос Джоба Кайлза, — с тревогой произнес Конрад, вскочив с дивана. — Оставьте в покое дверь! — крикнул он, ища в потемках шлепанцы. — Я иду!

— Быстрее! Ради Бога! — надсаживался Джоб. — Я видел демона!

Конрад включил свет и распахнул дверь. За ней едва держался на ногах Джоб Кайлз — угрюмый старик, живущий по соседству. С ним, обычно скрытным и сдержанным, произошла разительная и жуткая перемена. Редкие волосы дыбились, лицо заливал пот; его трясло как в лихорадке.

— Боже мой, Кайлз! Что с вами случилось? — воскликнул Конрад. — У вас такой вид, будто вы только что повстречали призрака.

— Призрака?! — Пронзительные вопли перешли в истерический хохот. — Демона из преисподней, вот кого я видел! Он стоял за моим окном! И смеялся! Боже, как он смеялся!..

— Кто смеялся? — перебил Конрад.

— Мой брат Джонас! — закричал Кайлз.

Конрад был ошеломлен. Джонас, брат-близнец Джоба, умер неделю назад. Мы с Конрадом видели его тело в усыпальнице, что возвышалась над полугими склюнами Дагота. Я помнил, как ненавидел скрягу Джоба его брат, промотавший свою долю наследства и влачивший жалкое, одинокое существование в полуразрушенном фамильном особняке у подножия Дагота. Вся злоба, кипевшая в его душе, сосредоточилась на расчетливом брате, живущем в долине, в собственном благоустроенном доме.

Чувство было взаимным. Даже когда Джонас лежал при смерти, Джоб с большой неохотой согласился навестить брата. Случилось так, что у ложа умирающего не осталось никого, кроме Джоба. Сцена приближения смерти, видимо, была столь ужасна, что Джоб не выдержал и пулей вылетел из комнаты. Лицо его было серым как пепел, а вслед ему

несся жуткий кudahчущий смех, внезапно перешедший в предсмертный хрип...

И вот старина Джоб стоит перед нами, дрожа и обливаясь потом, и снова, и снова повторяет имя брата.

— Я его видел! Нынче я засиделся допоздна. Только решил лечь спать и погасил свет, как вдруг увидел его лицо в лунном свете за окном... Перед смертью он клялся, что вернется из ада и утащит меня с собой! Он не человек! Я давно это подозревал! С тех пор, как он вернулся с Востока. Он — демон в человеческом обличье! Вампир! Он замыслил уничтожить меня! Душу и тело!

Мы с Конрадом лишились дара речи. Напрашивалась мысль: Джоб Кайлз сошел с ума. Ничего не соображая от страха, он яростно тряс Конрада за отвороты халата.

— Я должен идти в склеп! Ничего другого не остается! — в отчаянии кричал старик. — Я должен собственными глазами увидеть труп! Вы пойдете со мной? Я боюсь идти один. Вдруг он подстерегает меня где-нибудь за изгородью или деревом, лежит и ждет.

— Это нелепо, Кайлз, — отрезвляюще сказал Конрад. — Джонас мертв. Вам приснился кошмар.

— Кошмар? Приснился?! — Голос вновь сорвался на визг. — С тех пор, как я стоял у смертного одра злодея и выслушивал проклятия, меня не оставляют кошмары. Но я не спал! Сна у меня ни в одном глазу! Я видел своего брата-демона наяву! Это чудовище маячило за окном и глядело на меня!

Джоб стонал и заламывал руки. Гордость, самообладание, высокомерие — все смыл животный парализующий страх. Конрад взглянул на меня, но мне было нечего посоветовать. Происходящее сма-

хивало на дурной сон, и лишь одно казалось очевидным: надо немедленно вызвать полицию и отправить старика в ближайшую лечебницу для душевнобольных.

Будто уловив наше смятение, Джоб завопил:

— Думаете, я свихнулся! Я в здравом уме, как и вы. Но пойду в склеп даже в одиночку. Если вы меня оставите, кровь моя падет на ваши головы! Идете?

— Подождите.— Конрад стал поспешно одеваться.— Мы пойдем с вами. Полагаю, вы избавитесь от галлюцинаций лишь в том случае, если увидите вашего брата в гробу.

— Именно! — Старый Джоб грозно захохотал.— В открытом гробу! Зачем, спрашивается, он приготовил гроб без крышки и перед смертью распорядился, чтобы его не закрывали?

— Он всегда был чудаком,— предположил Конрад.

— Он всегда был демоном! — рявкнул Джоб.— Мы с юных лет ненавидели друг друга. Когда он промотал свою часть наследства и вернулся без гроша в кармане, его, видите ли, возмутило, что я не поделился с ним своим состоянием, нажитым с таким трудом! Черный пес! Дьявол из преисподней!

— Скоро мы убедимся, что он преспокойно лежит в гробу,— заметил Конрад.— О'Доннел, ты готов?

— Да,— ответил я, пристегивая кобуру с «сорок пятым».

Конрад рассмеялся.

— Не забыл службу в Техасе, а? — поддразнил он.— Если понадобится, будешь стрелять даже в призрака?

— И не говори,— улыбнулся я.— Не люблю ходить по ночам без этой птукловины.

— Против вампира пистолет бесполезен, — мрачно произнес Джоб, — годится лишь одно оружие — добрый кол, вонзенный в черное сердце.

— О небо! — хохотнул Конрад. — Джоб, вы серьезно?

— Почему бы нет? — В глазах старика вспыхнул огонек безумия. — Ведь жили на земле вампиры в былые времена... Да и сейчас они остались — в Европе, на Востоке... Помню, как брат похвалялся познаниями в черной магии. Я подозреваю, перед смертью он испытал на себе один из проклятых колдовских рецептов. Он обещал вернуться и забрать меня в преисподнюю!

Мы вышли из дома и пересекли лужайку. Эта часть долины была малонаселенной, лишь в нескольких милях к югу сияли городские огни. Западнее раскинулось поместье Джоба, примыкавшее к владениям Конрада; темный дом безмолвно и мрачно возвышался над деревьями.

Дом — единственная роскошь, которую позволил себе старый скупердй. На севере, в миле от нас, текла река, а на юге виднелись угрюмые очертания низких, округлых холмов — каменистые, поросшие кустарником склоны Дагота. Странное название! Оно не принадлежало ни одному из индейских языков, хотя, по слухам, впервые так назвал эти холмы краснокожий. Здесь почти никто не жил. На обращенных к реке склонах располагались фермы, но в самих долинах слой почвы оказался слишком тонок, слишком много там было камней и скальных обнажений. Менее чем в полумиле от поместья Конрада высилось обветшалое строение, в течение трех столетий там жили Кайлзы. Во всяком случае, каменной кладке было лет триста, хотя сам дом не раз перестраивался.

Ночь выдалась ветреная и темная. Облака застигли луну. Ветер завывал среди деревьев, принося странные звуки, искажая наши голоса. Мы шли к усыпальнице, приютившейся у вершины самого высокого холма. Ниже находилась ровная площадка, на которой стоял дом Кайлзов. Обитатель гробницы словно смотрел на свои бывшие владения, некогда занимавшие пространство от водораздела до реки. И всего-то от них осталось — полоска земли, взбегающая на холм, дом на одном ее конце и склеп на другом.

Как я упоминал, холм, на котором стояла гробница, возвышался над остальными. Наш путь вел по пологому, заросшему густым кустарником склону. Когда мы приблизились к гребню, Конрад спросил:

— Почему Джонас построил гробницу так далеко от фамильных склепов?

— Джонас тут ни при чем, — буркнул Джоб. — Гробницу соорудил наш предок, старый капитан Джекоб Кайлз, и с той поры этот холм называют Пиратским. Дело в том, что капитан был пиратом и контрабандистом. При жизни он почти не выходил из усыпальницы, а особенно любил бывать здесь по ночам. Но так и не занял ее после смерти. Он погиб в море, смертью воина. С утеса, что сейчас над нами, он следил, не покажутся ли враги. Вот почему скалу по сей день называют Башней Контрабандиста. К тому времени, когда Джонас поселился в старом доме, гробница почти развалилась, и пришлось ее восстанавливать. Мой брат прекрасно понимал, что не найдет покоя в освященной земле. Он тщательно подготовился: заново отстроил гробницу, заказал открытый гроб...

Я был не в силах сдержать дрожь. Мрак, облака, затмевающие щербатую луну, разноголосый вой ветра,

хмурые холмы и жуткие слова нашего спутника — все это разбудило мое воображение, населило ночь неведомыми тенями. Я нервно оглядывался на кусты, совершенно черные в едва проникающем сквозь облака свете луны, и ловил себя на мысли, что мне совсем не хочется быть в такой близости от отвесных скал легендарной Башни Контрабандиста, которая торчит из мрачной гряды, словно бушприт.

— Я не девчонка, чтобы бояться теней,— бормотал Джоб.— Я видел в окне его лицо, освещенное луной. В глубине души я всегда верил, что мертвецы разгуливают по ночам... Что это?

Он застыл как вкопанный. Мы инстинктивно напрыгли слух. Ветер шумел в ветвях, шелестела высокая трава.

— Ветер,— пробормотал Конрад.— Он искажает звуки...

— Нет! Говорю вам, нет! То был...

Ветер донес пронзительный крик, в нем звучали смертельный ужас и мука.

— Голос брата! — завопил Джоб.— Он зовет меня из преисподней!

— Откуда кричали? — спросил Конрад.

— Не знаю.— По моей коже бегали мурашки.— Может, сверху... или снизу. Станный какой-то крик, приглушенный.

— Объятия могилы и тесный саван не дают ему кричать громче! — визгливо объяснил Джоб.— Ему не ложится на раскаленных жаровнях ада, вот он и кричит! Хочет, чтобы я разделил его участь! Вперед, друзья мои! В гробницу!

— Все там будем рано или поздно,— пробормотал Конрад, и от этого мрачного комментария мне не стало уютней.

Мы едва поспевали за Кайзом, почти теряя из виду тощую фигуру старика. Он вприпрыжку подбежал к приземистому строению, похожему на тускло поблескивающий череп.

— Ты узнал голос? — обратился я к Конраду.

— Трудно сказать. Ты правильно заметил, он был как бы приглушенный. Может, проделки ветра. К тому же ты сочтешь меня ненормальным, если я скажу: кричал Джонас.

— Не решу, — пробормотал я. — Вся эта история — безумие, но сейчас я готов поверить во что угодно.

Поднявшись к гробнице, мы остановились перед массивной железной дверью. Усыпальница стояла на пологом склоне, покрытом густой растительностью. В расположении мрачного мавзолея мне виделся зловещий умысел, словно фантастические видения ночи подхлестнули воображение строителя. Конрад направил луч фонарика на обветшалый фасад.

— Дверь давно не открывали, — заметил он. — Замок на месте. Взгляните: щеколда густо обвита паутиной. Кроме того, если бы кто-нибудь входил в гробницу или выходил, трава была бы примята.

— Что для вампира двери и запоры! — плачущим голосом произнес Джоб. — Он проходит сквозь толстые стены, как призрак. Я же говорил вам: не успокоюсь, пока не войду туда и не сделаю того, что должен сделать. У меня есть ключ...

Он достал большой старинный ключ и сунул в замочную скважину. Раздался скрежет ржавого железа и скрип петель. Джоб отпрянул, будто ожидая, что из-за двери на него бросится привидение.

Мы с Конрадом заглянули в усыпальницу. Должен признаться, я попятился, настолько мне стало не по себе.

Но внутри была тьма египетская. Конрад хотел включить фонарик, но Джоб остановил его. К старику отчасти вернулось самообладание.

— Дайте фонарь. — В его голосе звучала мрачная решимость. — Я пойду один. Если он вернулся в склеп и опять лежит в гробу, я сумею с ним справиться, Ждите здесь. Если услышите мой крик или звуки борьбы, спешите на помощь.

— Но... — Конрад хотел возразить.

— Не спорьте! — рявкнул старый Кайлз. — Я должен сделать это сам!

Он выхватил фонарь из руки Конрада и, достав из-под пальто два каких-то предмета, шагнул в гробницу и затворил за собой дверь.

— Ей-Богу, он спятил! — Мне было очень неуютно. — Зачем он настаивал, чтобы мы сопровождали его, если вошел в склеп один? Ты заметил, как у него блестят глаза? Явный признак безумия.

— Не уверен, — ответил Конрад. — Нас разделяет всего несколько футов. Видимо, он нарочно не пустил нас. Ты заметил, что он принес с собой?

— По-моему, деревянный колышек и небольшой молоток. Зачем ему молоток, ведь гроб без крышки?

— Ты прав! — оборвал меня Конрад. — Какой же я дурак, что не сообразил раньше! Вот почему он потребовал, чтобы мы остались здесь. Он не шутил, когда нес всю эту галиматью о вампирах. Помнишь его намеки, О'Доннел? Он хочет вонзить кол в сердце брата! Пошли. Я не позволю ему надругаться над...

В это мгновение в гробнице раздался крик, который, наверное, будет звучать у меня в ушах до самой смерти. Мы застыли на месте, но едва успели собраться с духом, как послышался топот ног, тя-

желый удар в дверь, и из склепа, как летучая мышь из врат ада, вылетел Джоб Кайлз.

Он растянулся у наших ног. Фонарь упал на землю и погас. Железная дверь осталась распахнутой, и мне почудилось, что там, во тьме, кто-то скребется. Но все мое внимание обратилось к несчастному, который корчился у наших ног.

Выскользнувшая из-за темной тучи луна осветила его лицо. Мы невольно вскрикнули: не лицо, а маска ужаса. В глазах угасал рассудок, губы кривились. Конрад встряхнул старика.

— Кайлз! Господи, что с вами?

В ответ Джоб тихонько заскулил. В бессвязном лепете безумца мы разобрали лишь несколько слов:

— Тварь... тварь в гробу!

Едва он это произнес, как глаза его закатились, губы растянулись в бессмысленную улыбку, тело скорчилось и застыло.

— Мертв! — прошептал Конрад.

— Ран на теле не видно, — пробормотал я, потрясенный до глубины души.

— Их нет... Нигде ни капли крови.

— В таком случае... — Пришедшие мне в голову мысли казались столь страшными, что я не отважился высказать их вслух.

Мы взглянули на полосу тьмы, обозначившую вход. С воем, словно кричали торжествующие демоны, налетел ветер, прижал траву к земле. Конрад выпрямился и расправил плечи.

— Одному Богу известно, что таится в этой дьявольской могиле, — сказал он. — Но мы должны войти и все выяснить. Старик стал жертвой собственного страха. Наверное, у него было слабое сердце. Ты идешь со мной?

Нет ничего страшнее невидимой и неведомой угрозы. Но я кивнул, выражая согласие. Конрад поднял фонарь и удовлетворенно хмыкнул — тот был в исправности. Осторожно, как к логову змеи, мы приблизились к гробнице. Я держал револьвер наготове. Конрад толкнул дверь. Луч фонаря обшарил серые стены, пыльный пол, сводчатый потолок и остановился на открытом гробе, стоявшем на каменном пьедестале в центре зала. Конрад осветил гроб. Мы вскрикнули. Гроб был пуст.

— Боже! — прошептал я. — Джоб был прав! Но где вампир?

— Джоб Кайлз умер не потому, что увидел пустой гроб, — ответил Конрад. — Последние его слова: «Тварь в гробу!» Кто-то одним своим видом погасил жизнь Кайлза.

— Где же он? — спросил я. — Джонас не мог незаметно выбежать из гробницы. Или он способен превращаться в невидимку? Может, притаился?

— Не сходи с ума! — рявкнул Конрад, но бросил-таки взгляд через плечо. — Чувствуешь запах?

— Да, но не узнаю.

— Ничего общего с мертвецами. Так пахнут пресмыкающиеся. Подобные запахи я встречал в глубоких шахтах. Гроб пахнет, словно в нем побывала тварь, живущая под землей.

Конрад вновь обвел стены лучом фонарика и застыл. В стене, которая на первый взгляд казалась сплошной, виднелась узкая щель. Одним прыжком Конрад подскочил к ней. Я последовал за ним. Мы внимательно осмотрели стену. Конрад осторожно толкнул, и стена беззвучно отошла в сторону. Нашим глазам открылась такая мгла, о существовании которой я и не подозревал. Конрад рассмеялся,

словно ледяной водой окатил мои натянутые нервы.

— Одно можно сказать: чтобы входить и выходить, обитатель склепа пользуется отнюдь не сверхъестественными средствами. Потайная дверь подогнана очень тщательно. Видишь, это большой каменный блок на оси. Судя по тому, как бесшумно он поворачивается, ось недавно смазывали. — Конрад направил в подземелье луч фонаря, и мы увидели узкий туннель, пробитый в коренных породах. Гладкие, ровные стены, сводчатый потолок. Конрад повернулся ко мне. — Знаешь, О'Доннел, мне все время чудится что-то темное и грозное. Уверен, здесь не обошлось без злой воли человека. Кажется, будто под нами черная река. Не знаю, куда она течет, но чувствую, за всем этим стоит Джонас Кайлз. Я верю, старый Джоб видел в окне своего брата.

— Невозможно! Пуст гроб или нет, но Джонас Кайлз мертв.

— Не думаю. Скорее всего, он погрузился в каталепсию. Это практикуется среди индийских факиров. Я сам видел это несколько раз и всегда готов был поклясться, что факир мертв. Что бы там ни говорили ученые и скептики, замедление жизненных процессов — не выдумка. Джонас Кайлз несколько лет провел в Индии, и, бьюсь об заклад, он узнал эту тайну. Видимо, у него были причины разыгрывать из себя мертвеца. Или он сошел с ума, или, напротив, тщательно продумал свой план. Я склоняюсь к последнему, но мои подозрения слишком страшны и фантастичны. Надо осмотреть туннель. Возможно, Джонас прячется где-нибудь поблизости. Идешь со мной?

— Иду, — проворчал я, хотя при мысли о том, что нам предстоит спуститься в подземелье, душа

ушла в пятки.— Но что ты думаешь о крике, который мы слышали возле башни? И о твари, которую Джоб обнаружил в гробу?

— Не знаю. Возможно, Джонас лежал в гробу в каком-нибудь дьявольском гриме. Как бы там ни было, мы должны осмотреть туннель. Помоги перенести старика в гроб.

Уложив Джоба в гроб брата, мы оставили его смотреть в потолок остекленевшими глазами. Напоследок я взглянул на него, и мне почудилось, будто порыв ветра вновь донес эхо его слов: «Вперед, друзья мои! В гробницу!»

Мы прошли через потайную дверь, оставив ее открытой, и оказались в подземелье. Единственный ключ от огромного висячего замка входной двери лежал в кармане у Конрада, и это меня радовало. Можно было не бояться, что Джонас запрет нас и мы останемся в гробнице до Судного дня. Туннель постепенно забирал к востоку. Мы медленно продвигались вперед, освещая путь фонариком.

— Джонас Кайлз не мог проложить этот туннель,— прошептал Конрад.— Здесь сам воздух говорит о древности... Смотри!

Справа показался проем в стене. Конрад посветил, и мы увидели другой, более узкий ход. Из него в обе стороны уходили параллельные коридоры.

— Эти коридоры соединены узкими туннелями,— пробормотал я.— Кто бы мог подумать, что под Даготом такие катакомбы! Как Джонас Кайлз их нашел? Взгляни, справа еще один коридор, и еще, и еще! Это геометрически правильная сеть туннелей. Кто мог прорыть их? Должно быть, неведомый доисторический народ. Кстати, совсем недавно по этому коридору кто-то прошел. Пыль на полу потревожена. Все коридоры ведут направо. Видимо,

галерея огибает холм. Где-то должен быть второй выход. Гляди!

Мы проходили мимо одного из боковых туннелей и увидели стрелку, грубо начертанную красным мелом. Она указывала в глубь бокового туннеля.

— Этот ход не может вести наружу, — произнес я, — он прорыт к центру холма.

— И в случае чего мы легко сможем вернуться, — добавил Конрад.

Мы пошли по туннелю. Несколько раз на пути встречались ответвления, и возле каждого мы видели стрелку. Тонкий луч света почти бесследно исчезал в крошечной тьме; страх и недобрые предчувствия овладели мною. Туннель кончился, и перед нами открылась узкая лестница, ведущая вниз, во тьму. Я не сдержал дрожь при виде выптербленных ступеней. Чьи стопы касались их на протяжении многих веков?

У лестницы мы заметили вход в маленькую комнату. Когда Конрад осветил ее, я вскрикнул. Еще недавно тут кто-то жил. Мы стояли, следя за пятном света. Удивляло не то, что в комнате жили, а то, в каком состоянии находились вещи. Возле стены лежала сломанная раскладушка. На каменном полу валялись обрывки одеял, изорванные в клочья книги и журналы, смятые и раздавленные консервные банки, вдребезги разбитая лампа.

— Голову даю на отсечение, это тайное жилище Джонаса Кайлза, — сказал Конрад. — Но какой беспорядок! Взгляни на консервные банки — их сплющили о каменный пол, а эти клочья?! Между прочим, располосовать одеяла вовсе не просто, это тебе не бумага. Боже мой, О'Доннел! Человек просто не в силах устроить такой кавардак!

— Сумасшедший и не то может, — пробормотал я.

Конрад нагнулся, поднял с пола блокнот.

— Изорван,— проворчал он.— Но все равно нам повезло. Дневник Джонаса Кайлза. Взгляни, последняя страница помечена сегодняшним числом. Значит, он жив.

— В таком случае, где он? — прошептал я, встревоженно озираясь.— И чем объяснить это опустошение?

— Лишь тем, что он окончательно спятил,— предположил Конрад.— Надо остерегаться: он может устроить засаду.

— Я тоже об этом подумал,— сказал я, стараясь подавить дрожь.— Хорошенькое дельце: безумец, подкарауливающий нас в этих дьявольских катакомбах. Ладно, читай дневник, а я пригляжу за дверью.

— Я прочту последнюю запись,— отозвался Конрад.— Может, она прольет свет на происходящее.

«Все готово для моего *Coup de grace*¹. Нынче ночью я уйду отсюда навсегда. Уйду без сожаления. Мрак и безмолвие начинают действовать на нервы. Воображение разыгралось сверх меры. Я пишу, и чудится, кто-то подкрадывается ко мне, хотя до сих пор я не встретил в этих туннелях ни единой живой твари, даже змей и летучих мышей. Ничего, завтра я буду жить в прекрасном особняке братца. В то время как он — жаль, не с кем поделиться столь удачной шуткой,— займет мое место в холодной мгле, гораздо более холодной и мрачной, чем эти подземелья.

До чего же я хитер, черт возьми! Кто еще мог бы выполнить столь изощренный замысел? Одно то, как я — ха-ха, если бы вы только знали, глупцы! — обработал суеверного братца, тут и там роняя на-

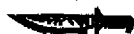
¹ Удар милосердия (фр.)

меки и отпуская загадочные замечания! Он всегда видел во мне орудие Сатаны. Еще до того, как я окончательно «занедужил», он готов был поверить в мою сверхъестественность. А после, когда я со смертного ложа изливал на него свой гнев,— то-то он испугался! Не сомневаюсь, он считает меня вампиром. Кого-кого, а братца я знаю как облупленного. Представляю, как он, вооруженный осиновым колом, бежит в гробницу! Но я знаю, он ничего не предпримет, пока его подозрения не подтвердятся.

Доказательство он получит. Сегодня же вечером увидит меня в окне. Я появлюсь и исчезну. Не хочу, чтобы он умер от страха, поскольку это может помешать моим замыслам. Оправясь от испуга, он придет в усыпальницу, чтобы заколоть меня. Тут я его и приконю. Поменяюсь с братом одеждой, уложу его в гроб, а сам займу его место. Мы достаточно похожи, чтобы, зная его привычки и манеры, я мог спокойно жить под его личиной. Разве кому-нибудь придет в голову меня заподозрить? Слишком абсурдно, слишком фантастично. Когда я умру — даст Бог, это случится не скоро,— меня похоронят рядом с остальными Кайлзами, и на моем обелиске будет имя Джоба Кайлза. А Джоб будет лежать в старой усыпальнице на Пиратском Холме! Какая удачная шутка!

Не могу взять в толк, как старому Джекобу Кайлзу удалось обнаружить подземелья. То, что он не сам их вырыл, очевидно. Не берусь гадать, в какую эпоху землекопы соединили подземными галереями естественные полости в холмах. Но, скрываясь в этих туннелях, я изучил их. Оказалось, сеть туннелей значительно обширнее, чем я предполагал. Видимо, все холмы пронизаны ими, и ходы ведут в невообразимые глубины. Ярус лежит над ярусом, как этажи зда-

ния. Каждые два яруса соединены лестницей. Должно быть, в этих ходах, на самом верхнем ярусе, Джек Кайлз прятал контрабанду и награбленное. Гробницу он построил не иначе как для прикрытия и прорыл под ней потайной туннель. Вероятно, он наткнулся на галереи, когда оборудовал черный ход в Башне Контрабандиста. Когда я нашел дверь в скале возле Башни, от нее остались лишь гнилые доски и ржавчина. После смерти Джонаса никто, кроме меня, не знал об этой двери, и маловероятно, что кто-нибудь обнаружит новую дверь, которую я, не пожалев усилий, сделал собственными руками. Впрочем, я приму меры предосторожности, чтобы такого не случилось. Всею свое время.

Я пытался узнать, кто создал этот лабиринт. Ни костей, ни черепов не попадалось, хотя на верхнем ярусе нашлись медные вещицы необычной формы. На нижних ярусах, начиная с десятого, удалось отыскать каменные инструменты. А в верхних галереях я видел остатки настенной росписи. Краски выцвели, но качество рисунков говорит о несомненном таланте художников.

Рисунки я находил на всех ярусах до пятого включительно, хотя чем ниже, тем грубее они становились, постепенно превращаясь в бессмысленную мазию, словно обезьяна прошла кистью по стенам. То же и с каменными инструментами, с отделкой потолков, лестниц и дверных проемов. Создалось впечатление, будто некий народ жил здесь и с течением веков все глубже зарывался в земную твердь, с каждым ярусом утрачивая человеческие черты.

На пятнадцатом ярусе туннели проложены беспорядочно. Разительный контраст с первым ярусом. С трудом верится, что все это — дело рук одного народа. Должно быть, между созданием первого и

пятнадцатого яруса прошло много веков, и подземные строители окончательно деградировали. Но загадочный лабиринт не заканчивается пятнадцатым ярусом. Самая нижняя лестница завалена камнями. Видимо, сотни лет назад, задолго до того, как старый капитан Джекоб Кайлз обнаружил туннели, обвалился потолок. Любопытство побудило меня расчистить лестницу. Как раз сегодня я пробил отверстие в завале, но не успел спуститься и выяснить, что находится ниже. Сомневаюсь, что мне удалось бы это. Внизу лестница сменяется пологой шахтой. Может, обезьяна или змея и смогли бы подняться по гладкой стене, но человеку это не под силу.

Раньше я считал, что землекопы деградировали и полностью вымерли. Правда, я не обнаружил ничего, подтверждающего мою гипотезу. Если верхние туннели пробиты в скале, то нижние прорыты в мягкой породе. Судя по всему, землекопы использовали самые примитивные инструменты. Вряд ли норы прорыты животными — очевидна попытка имитировать верхние, более древние системы ходов. Но ниже пятнадцатого яруса туннели превратились в грубые, беспорядочно расположенные норы. Каких богопротивных глубин они достигают, я не знаю.

Я теряюсь в догадках, как назывался этот фантастический народ, в буквальном смысле утонувший в земле. Среди индейцев ходят легенды, что их предки за много столетий до прихода белого человека воевали с загадочным чужим племенем. Им удалось загнать чужаков в пещеры Дагота и завалить выходы. Оказывается, племя не погибло. Кто были эти люди, откуда появились — мне никогда не узнать. Антропологи сумели бы что-нибудь выяснить, изучив рисунки верхнего яруса, но

я постараюсь сделать так, чтобы никто не узнал об этих туннелях.

Среди людей, изображенных на рисунках, есть индейцы. Они сражаются с воинами народа, к которому принадлежали художники. Мне кажется, предки подземных жителей скорее относились к кавказскому, нежели к индейскому, типу.

Но пора навестить моего горячо любимого братца. Я выйду через Башню Контрабандиста. Как бы ни спешил Джоб в усыпальницу, я окажусь там раньше. Сделав дело, я покину склеп, и ноги моей здесь не будет. Я позабочусь о том, чтобы дверь в склеп никогда не отворяли. Мощный заряд динамита обрушит часть скалы и навсегда завалит вход в Башню Контрабандиста.

Конрад сунул записную книжку в карман и мрачно произнес:

— Не знаю, сошел с ума Джонас Кайлз или нет, но он сущий дьявол. Я не столько удивлен, сколько шокирован. Какой подлец! И все же кое-чего он не учел — что Джоб Кайлз отправится в гробницу не один.

— Ты прав, — согласился я. — Хотя отчасти дьявольский план удался. Брат Джонаса Кайлза мертв. Видимо, когда Джоб вошел в склеп, Джонас напугал его до смерти и ускользнул через потайную дверь.

Конрад покачал головой. Я видел, что ему не по себе.

— Вряд ли Джоб обнаружил в гробу Джонаса. Если поначалу я видел в происходящем злую волю человека, то теперь... Крик, который мы слышали возле Башни, разгром в комнате, исчезновение Джонаса — все указывает на нечто иное.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

— Предположим, таинственное племя людей, прорывших туннели, не вымерло,— прошептал он.— Предположим, их потомки по-прежнему ведут противоестественный образ жизни в темных норах. Джонас писал в дневнике о своих подозрениях!

— Он провел здесь неделю,— возразил я.

— Ты забываешь, вплоть до сегодняшнего дня путь в шахту был завален камнями. А что, если норы внизу обитаемы и существа, живущие в них, нашли дорогу наверх? Вероятно, одно из них пробралось в склеп и заснуло в гробу, до смерти напугав Джоба Кайлза.

— Конрад, все это чушь,— сказал я.

— Раньше в этих туннелях кто-то жил. Дневник наводит на мысль, что за время своего существования это племя значительно деградировало. Где доказательства, что его потомки не ютятся в черных колодцах, которые Джонас обнаружил под нижним ярусом?.. Тихо!

Он выключил фонарь. Несколько минут мы стояли в темноте не шевелясь. Откуда-то донесся едва слышимый скребущий звук. Мы на цыпочках вышли в туннель.

— Это Джонас Кайлз! — прошептал я.

— Если так, он прячется внизу,— пробормотал Конрад.— Звуки доносятся с лестницы. Кто-то поднимается. Не хочу включать фонарь: если он вооружен, свет даст ему возможность прицелиться.

Я не понимал, почему дрожит Конрад, почему трясутся мои поджилки. Вдруг меня словно током ударило. Из глубины туннеля прилетел тот же тихий, жуткий звук. Пальцы Конрада, будто стальные клещи, впились в мою руку. Внизу, во мгле, сверкнули две желтые искры.

— Господи! — услышал я шепот потрясенного Конрада. — Это не Джонас Кайлз!

В тот же миг рядом с первой парой глаз появилась вторая, а затем мгла усеялась огоньками. Они текли по лестнице к нам, но мы не слышали ничего, кроме резких скребущих звуков. Неприятный запах щекотал ноздри.

— Назад! — хрипло выкрикнул Конрад, и мы помчались прочь.

Я услышал шуршание и, повернувшись, выстрелил вслепую. На миг вспышка осветила жуткую тень. Конрад подхватил мой крик. Мы неслись по туннелю, словно беглецы из ада. Сзади кто-то рухнул на каменный пол и забился в конвульсиях.

— Включи фонарь! — прохрипел я. — Иначе заблудимся в этом дьявольском лабиринте.

В луче света мы увидели кольцевой коридор — тот самый, где заметили первую стрелку. Мы остановились. Конрад посветил назад. Там было темно.

— Боже мой, — произнес Конрад, тяжело дыша. — Ты видел?

— Не уверен, — прохрипел я в ответ. — Стреляя, я что-то заметил, какую-то летящую тень... Это не человек. Голова, как у собаки...

— Когда ты стрелял, я смотрел в другую сторону, — прошептал Конрад.

Кожа у меня стала липкой от пота.

— Что ты заметил? — спросил я.

— Трудно описать. В темноте кишели огромные личинки. Ради Бога, О'Доннел, давай-ка выбираться отсюда!

Но, сделав первый шаг, мы застыли на месте. Впереди послышался тот же скребущий звук.

— В туннелях их тоже полно, — прошептал Конрад. — Бежим в другую сторону! Коридор огибает

холм, он должен вывести нас в Башню Контрабандиста.

До конца своих дней не забуду, как мы бежали по черному коридору, а неведомый ужас гнался по пятам. Я был готов к тому, что в любую секунду из тьмы на нас выпрыгнет призрак с клыками зверя. Наконец Конрад, освещавший дорогу, облегченно вздохнул.

— Дверь! Господи, что это?

Мы очутились у тяжелой двери, обитой железом. Из отверстия в огромном замке торчал ключ. Конрад шагнул к двери и остановился, обо что-то споткнувшись. Он опустил фонарь, и мы увидели скорченный труп. Из расколотого черепа натекала лужа крови. Лицо стало неузнаваемым, но нам было известно имя этого человека, облаченного в саван.

В конце концов Джонасу Кайлзу пришлось умереть по-настоящему.

— Это он кричал, когда мы проходили мимо Башни,— прошептал Конрад.— Он показался брату, возвратился к себе, и здесь, во тьме, его подстерегла дьявольская тварь.

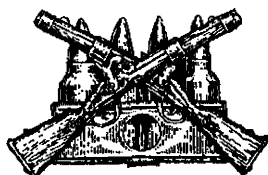
Тут мы снова услышали скребущий звук, бросились к двери, вцепились в ключ, вырывая его друг у друга. Дверь распахнулась, и мы, шатаясь, выбрались наружу.

Порыв ветра захлопнул дверь, но мы успели оглянуться. В памяти осталась нереальная картина: обезображенный труп, а над ним — серое чудище с горящими глазами и головой пса. Только сумасшедшему может привидеться такое в кошмарном сне.

Дверь с лязгом захлопнулась. Мы мчались вниз по склону, и я слышал сбивчивый шепот Конрада:

— Обитатели мрачных нор, где царят безумие и вечная ночь! Гады ползучие, кишашие в неведомых глубинах?... Крайняя степень вырождения... Господи, и это — потомки людей! Куда, в какие бездны уходят норы под пятнадцатым ярусом, какие демоны там обитают...? Боже, защити сынов человеческих от тварей... живущих под усыпальницами!

ПОВЕЛИТЕЛЬ КОЛЬЦА

В

ходя в студию Джона Кирована, я был слишком взволнован, чтобы обратить внимание на изнуренное лицо его гостя, красивого молодого человека.

— Здравствуйте, Кирован. Привет, Гордон. Давненько вас не видел. Как поживает Эвелин?

Не успели они и слово сказать, как я, не в силах сдерживать восторг, похвастал:

— Приготовьтесь, друзья: вы сейчас позеленеете от зави-

сти! Я купил эту вещь у грабителя Ахмета Мехтуба, но она стоит тех денег, которые он с меня содрал. Взгляните!

Я извлек из-под пальто инкрустированный алмазами афганский кинжал — настоящее сокровище для собирателя древнего оружия.

Знавший о моем хобби Кирован проявил лишь вежливый интерес, но поведение Гордона меня просто шокировало. Он отпрыгнул со сдавленным возгласом, опрокинул стул, а потом стиснул кулаки и выкрикнул:

— Не приближайся, не то...

— В чем дело? — испуганно заговорил я, но тут Гордон, продемонстрировав совершенно неожиданную смену настроения, рухнул в кресло и спрятал лицо в ладонях. Его широкие плечи тряслись.

— Он не пьян? — спросил я.

Кирован отрицательно покачал головой и, плеснув бренди в бокал, протянул его Гордону. Тот поднял несчастные глаза, схватил бокал и осушил одним глотком, как будто умирал от жажды. Затем встал и смущенно посмотрел на нас.

— Прошу прощения, О'Доннел, — сказал он. — Я очень испугался вашего кинжала.

— Ну... — произнес я в замешательстве. — Видимо, вы решили, что я хочу вас заколоть.

— Да, решил! — Видя недоумение на моем лице, он добавил: — На самом деле я так не думал — это был лишь слепой первобытный инстинкт человека, на которого идет охота.

У меня мороз пошел по коже от этих слов и отчаяния, с каким они были произнесены.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился я. — Охота? С какой стати? Разве вы совершили преступление?

— В этой жизни не совершал,— пробормотал он.

— Что вы имеете в виду?

— Возможно, гнусное преступление в предыдущей жизни.

— Чепуха! — фыркнул я.

— Вы так считаете?! — воскликнул уязвленный Гордон. — А вы когда-нибудь слышали о моем прадеде, сэре Ричарде Гордоне Аргайле?

— Разумеется. Но при чем тут...

— Вы видели его портрет? Разве я не похож на него?

— Отчего же, вполне, — признал я. — За исключением того, что вы кажетесь честным человеком, а он — хитрым и жестоким, уж извините...

— Он убил свою жену, — сказал Гордон. — Предположим, гипотеза о переселении душ верна. В таком случае почему бы не допустить, что за преступление, совершенное в одной жизни, можно понести наказание в другой?

— Вы считаете себя воплощением прадеда? В таком случае, раз он убил свою жену, следует ожидать, что Эвелин убьет вас. Фантастика! — заключил я с сарказмом в голосе. Представить жену Гордона — эту милую, нежную девочку — в роли убийцы невозможно.

Ответ меня ошеломил:

— На этой неделе жена трижды пыталась меня убить.

Ответить мне было нечего, и я беспомощно посмотрел на Джона Кирована. Он сидел в своей обычной позе, подперев сильными, красивыми руками подбородок. Лицо ничего не выражало, но темные глаза блестели от любопытства. В тишине гулко, как над ложем мертвеца, тикали часы.

— Гордон, расскажите все с самого начала,— попросил Кирован. Словно острый нож полоснул по стягивающей нас удавке напряжения — так подействовал его спокойный, ровный голос.

— Как вы знаете, со дня нашей свадьбы не прошло и года,— начал Гордон.— Говорят, не бывает идеальных семейных пар, но мы никогда не ссорились, Эвелин самая спокойная женщина на свете.

Но неделю назад случилось нечто из ряда вон выходящее. Проезжая по горной дороге, мы решили сделать остановку, вылезли из машины и стали собирать цветы. На краю тридцатифутового обрыва Эвелин вытянула руку, показывая мне цветы, которых особенно много растет у подножия холма. Я глянул вниз и едва успел подумать, смогу ли спуститься, как сорвался от сильного толчка в спину. Катясь по склону, я весь покрылся синяками и ссадинами, а костюм превратился в лохмотья. Будь обрыв отвесным, я бы сломал шею. Подняв голову, я увидел наверху насмерть перепуганную Эвелин.

«О, Джим! — воскликнула она.— Ты не ушибся? Как это случилось?» У меня едва не сорвалось с языка, что ее шутки заходят слишком далеко. Но тут мне пришло в голову, что она могла толкнуть меня случайно и сама того не заметить. Я ответил какой-то глупой остротой, и мы отправились домой. Там Эвелин смазала царапины йодом и пожурела меня за неосторожность. Я не стал спорить.

Через четыре дня я снова едва не погиб! Жена подъезжала к дому на автомобиле, а я шел по дорожке навстречу. Когда Эвелин приблизилась, я сошел на траву. Увидев меня, она улыбнулась и притормозила, словно хотела что-то сказать. И вдруг ее лицо исказилось, а нога надавила на акселера-

тор. Машина рванулась ко мне, как живая, и только стремительный прыжок спас меня от смерти под колесами. Пронесся по газону, машина врезалась в дерево. Я побежал, распахнул дверцу... Эвелин была невредима, но билась в истерике, лепеча сквозь слезы, что не справилась с управлением. Я отнес ее в дом и послал за доктором Доннелли. Осмотрев мою жену, он счел истерический припадок результатом испуга и потрясения.

Через полчаса Эвелин пришла в себя, но с тех пор наотрез отказывалась садиться за руль. Как ни странно, за меня Эвелин испугалась больше, чем за себя. Кажется, она смутно сознавала, что едва не задавила меня, но стоило завести об этом разговор, как у нее опять начиналась истерика. Я сделал вид, будто ее объяснение меня вполне устраивает, и она приняла это как должное! Но я-то видел, как она выкрутила баранку! Я знаю, она пыталась меня сбить, хотя одному Богу известно почему.

Я старался гнать от себя страшные мысли. Прежде я не замечал за ней нервозности, она всегда держалась спокойно и естественно. Но чем черт не шутит — вдруг моя жена подвержена приступам безумия? Кто из нас не испытал желания ни с того ни с сего прыгнуть с крыши высокого дома? А иногда хочется причинить кому-нибудь боль — просто так, без причины. Ты берешь пистолет и думаешь, как легко одним нажатием на спуск отправить к праотцам друга, который сидит напротив и улыбается. Разумеется, ты спохватываешься, если психически здоров и способен держать себя в руках. А если нет?

— Чепуха! — возразил я. — Эвелин выросла у меня глазах. Если она захворала, это случилось уже после вашей свадьбы.

Наверное, не стоило этого говорить. Гордон сразу ухватился за мои слова.

— Да-да, верно, после свадьбы. Это проклятие! Черное жуткое проклятие выползло из прошлого, как змея! Говорю вам, когда-то я был Ричардом Гордоном, а она — Элизабет, моей... его женой!

Голос его упал до шепота, от которого оставался неприятный осадок в душе. Я вздрогнул: страшно смотреть на человека, совсем недавно блиставшего умом и вдруг превратившегося в безумца. Но как, почему это случилось с моим другом?

— Вы говорили о трех попытках, — тихо напомнил Кирован.

— Взгляните! — Гордон задрал рукав и показал повязку. — Нынче утром иду в ванную и вижу, Эвелин собралась кроить платье моей лучшей бритвой. Как и большинство женщин, она не видит разницы между бритвой, кухонным ножом и ножницами. Слегка осерчав, я говорю: «Эвелин, сколько раз тебе повторять: не трогай мою бритву? Положи на место, я дам складной нож». — «Извини, Джим», — отвечает она. — Я не знала, что лезвие от этого тупится. Держи...» — и приближается ко мне с раскрытой бритвой в руке. Я хотел было взять, но тут словно внутренний голос шепнул: «Берегись!». Наверное, меня испугали ее глаза, такими они были в тот день, когда она едва меня не задавила. Короче говоря, прежде чем я перехватил ее запястье, Эвелин рассекла мне руку, а пыталась перерезать горло. Несколько мгновений она вырывалась, как дикий зверь, потом сдалась, и на лице появилось изумление, а бритва выпала из пальцев. Я отпустил ее и отошел. Эвелин едва держалась на ногах. Из раны на моей руке хлестала кровь, и я поплелся в уборную, но едва достал

из аптечки бинт, как услышал испуганный крик жены и оказался в ее объятиях. «Джим! — причитала она. — Как тебя угораздило так сильно порезаться?»

Гордон тяжело вздохнул.

— Боюсь, на сей раз я не сдержался. «Хватит, Эвелин! — вырвалось у меня. — Не знаю, что на тебя нашло, но на этой неделе ты уже в третий раз пытаешься меня убить». Эвелин съежилась, как от удара, прижала ладони к груди и уставилась на меня, будто на призрак. Она молчала, а из меня слова лились потоком. Наконец я махнул рукой и отошел, а Эвелин осталась на месте, бледная и неподвижная, как мраморная статуя. Кое-как перевязав рану, я поехал к вам, поскольку не знал, что еще делать. Поймите, Кирован и О'Доннел... Это проклятие! Моя жена подвержена припадкам безумия... — Он сокрушенно покачал головой. — Нет, не могу поверить. Обычно у нее ясные и умные глаза. Но, пытаясь меня убить, она превращалась в маньяка. — Он с силой ударил кулаком о кулак. — И все же это не болезнь рассудка! Я работал в психиатрической лечебнице и насмотрелся на душевнобольных. Моя жена в здравом уме.

— В таком случае... — начал было я, но замолчал, встретясь с жестким взглядом Гордона.

— Остается одно, — подхватил он. — Старое проклятие, которое легло на меня в те годы, когда я жил с сердцем чернее ада и творил зло, презрев законы божеские и человеческие. Эвелин знает это, к ней иногда возвращаются обрывки воспоминаний, и в такие минуты она становится Элизабет Дуглас, несчастной женой Ричарда Гордона, убитой им в порыве ревности.

Он опустил голову и закрыл лицо ладонями.

— Вы говорили, что у нее были необычные глаза,— нарушил Кирован наступившую тишину.— В них была злоба?

— Нет. Из них полностью исчезали жизнь и разум, зрачки превращались в пустые темные колодцы.

Кирован понимающе кивнул и задал странный вопрос:

— У вас есть враги?

— Если и есть, мне о них неизвестно.

— Ты забыл Джозефа Рюлока,— вмешался я.— Вряд ли этот хлыщ задался целью тебя извести, но, будь у него возможность сделать это без особых усилий и риска, он бы ни секунды не раздумывал.

Обращенный на меня взгляд Кирована стал вдруг пронизывающим.

— Кто такой Джозеф Рюлок?

— Некий молодой щеголь. Он едва не увел у Гордона Эвелин, но она вовремя опомнилась. Свое поражение Рюлок воспринял очень болезненно. При всей своей обходительности это очень напористый и темпераментный человек — что принесло бы свои плоды, не пребывая он в вечной праздности и меланхолии.

— Не могу сказать о нем ничего плохого,— возразил шепетильный Гордон.— Наверняка он понимал, что Эвелин его не любит. Просто ей слегка вскружила голову романтическая латинская внешность этого чудака.

— Джим, я бы не назвал его внешность латинской,— возразил я.— Рюлок больше похож на уроженца Востока.

— Не пойму, при чем здесь Рюлок,— буркнул Гордон. Чувствовалось, что нервы у него на пределе.— С тех пор, как мы с Эвелин поженились, он

относился к нам по-дружески. Неделю назад даже прислал ей кольцо — символ примирения и запоздалый свадебный подарок, так говорилось в приложенной записке. Еще он писал, что отказ Эвелин — не столько его беда, сколько ее. Самонадеянный осел!

— Кольцо? — Кирован оживился. — Что за кольцо?

— О, это фантастическая вещица — чешуйчатая медная змейка в три витка, кусающая себя за хвост. Вместо глаз у нее желтые алмазы. Думаю, он приобрел это кольцо в Венгрии.

— Он бывал в Венгрии?

Удивленно посмотрев на Кирована, Гордон ответил:

— Кажется, да. Говорят, Рюлок весь свет объездил. Он ведет жизнь избалованного миллионера, не докучая себе работой.

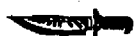
— Но знает он очень много, — вмешался я в разговор. — Я бывал у него несколько раз и признаюсь, ни у кого не видел такой библиотеки.

— Мы все спятили! — крикнул Гордон, вскочив с кресла. — Я-то надеялся получить помощь, а вместо этого сижу и перебиваю косточки Джозефу Рюлоку. Придется идти к доктору Доннелли...

— Погодите. — Кирован удержал его за руку. — Если не возражаете, мы поедem к вам домой. Мне хотелось бы поговорить с вашей супругой.

Гордон молча пожал плечами. Испуганный, томимый мрачными предчувствиями, он не знал, что делать, и был рад любой поддержке.

До особняка Гордона мы добрались на его машине. В пути никто не проронил ни слова. Гордон сидел, погруженный в скорбные думы, а где блуждали мысли Кирована, я мог только догадываться.

Он походил на статую: загадочные темные глаза устремлены в одну точку, но не в пустоту, а в какой-то далекий, одному ему видимый мир.

Считая Кирована своим лучшим другом, я тем не менее очень мало знал о его прошлом. В мою жизнь он вторгся так же внезапно, как Джозеф Рюлок — в жизнь Эвелин Эш. Мы познакомились в клубе «Скиталец», где собираются те, кому не сидится дома, кому не по душе разъезженная колея жизни. В Кироване меня привлекали удивительная сила духа и потрясающая эрудиция. Ходили слухи, что он — отпрыск знатного ирландского рода, не поладивший со своей семьей и немало побродивший по свету.

Упомянув о Венгрии, Гордон заставил меня призадуматься. Иногда в наших беседах Кирован касался одного из эпизодов своей жизни. В Венгрии, как можно было догадаться по его намекам, он испытал боль обиды и горечь утраты. Но как это случилось, он не рассказывал.

Эвелин встретила нас в прихожей. Она держалась радушно, но в словах приветствия и жестах сквозило беспокойство. От меня не укрылась мольба во взгляде, устремленном на мужа. Это была стройная, красивая молодая женщина; ее ресницы чудно трепетали, а в черных глазах светились живые искорки. И это дитя пыталось убить своего любимого мужа? Какая чудовищная нелепость! Я вновь решил, что у Джеймса Гордона помутился рассудок.

Мы пытались завести непринужденную беседу, как советовал Кирован — давненько, мол, собирались к вам заглянуть, — но не обманули Эвелин. Разговор скоро стал натянутым, и наконец Кирован не вытерпел:

— Какое замечательное у вас кольцо, миссис Гордон. Можно взглянуть?

— Придется отдать его вместе с рукой, — улыбнулась Эвелин. — Сегодня пыталась снять — не получается.

Она протянула изящную белую руку. Кирован внимательно рассматривал металлическую змейку, обвившую палец Эвелин. Лицо его оставалось бесстрастным, тогда как я испытывал необъяснимое отвращение к этой потускневшей меди.

— Какая она жуткая! — с содроганием произнесла Эвелин. — Сначала мне понравилась, но теперь... Если удастся снять кольцо, я его верну Джозефу... мистеру Рюлоку.

Кирован хотел что-то сказать, но тут позвонили в дверь, Гордон вскочил как ужаленный. Эвелин тоже быстро поднялась.

— Я встречаю, Джим. Я знаю, кто это.

Вскоре она вернулась в сопровождении двух наших знакомых — доктора Доннелли, чьи упитанность, веселый нрав и громовой голос удачно сочетались с острым умом, и Биллом Бэйнсом — худым, жилистым и необычайно ехидным стариком. Они всюду бывали вместе, эти преданные друзья семьи Эш. Доктор Доннелли вывел Эвелин в свет, а Бэйнс всегда был для нее дядей Билли.

— Добрый день, Джим! Добрый день, мистер Кирован, — проревел доктор. — О'Доннел, надеюсь, вы сегодня без огнестрельного оружия? В прошлый раз вы едва мне голову не снесли из «незаряженного» кремневого пистолета...

— Доктор Доннелли!

Мы все обернулись. С лицом блее мела Эвелин стояла возле широкого стола, опираясь на него обеими руками.

— Доктор Доннелли,— повторила она, с усилением выговаривая слова.— Я позвала вас и дядю Билли по той же причине, по которой Джим привел сюда мистера Кирована и Майкла. Произошло нечто страшное и непонятное. Между мной и Джимом выросла зловеющая черная стена...

— Помилуй Бог! Девочка, что случилось? — встревожился Доннелли.

— Мой муж...— голос ее прервался, но она собралась с духом и договорила: — ...обвинил меня в покушении на его жизнь.

Наступившую тишину прервал яростный рев Бэйнса, который замахнулся на Гордона трясущимся кулаком.

— Ах ты, сопливый щенок! Да я из тебя дух выпшибу!

— Сядь, Билл! — Огромная ладонь Доннелли уперлась в грудь старика, и тот рухнул в кресло.— Сначала выясним, в чем дело. Продолжай, милая,— обратился он к Эвелин.

— Нам нужна помощь. Это бремя нам одним не по плечу.— На лице Эвелин промелькнула тень.— Сегодня утром Джим сильно порезал руку. Он уверяет, будто это сделала я. Не знаю. Я протянула ему бритву, и тут, кажется, мне стало плохо. Придя в себя, я увидела, что он промывает рану и... Он сказал, что это я его ударила.

— Что ты затеял, болван? — прорычал воинственный Бэйнс.

— Молчи! — рявкнул Доннелли и повернулся к Эвелин.— Милочка, тебе в самом деле стало плохо? На тебя это непохоже.

— В последние дни такое случалось. Впервые — когда мы были в горах и Джим сорвался с обрыва. Мы стояли на самом краю, и вдруг у меня потемне-

ло в глазах, а когда я очнулась, он катился по склону.— Она опять вздрогнула.— Потом возле дома, когда я вела машину и врезалась в дерево. Помните, Джим вас вызывал?

Доктор Доннелли кивнул.

— Насколько мне известно, раньше у тебя не бывало обмороков.

— Но Джим утверждает, что с обрыва его столкнула я! — воскликнула Эвелин.— А еще пыталась задавить его и зарезать!

Доктор Доннелли повернулся к несчастному Гордону.

— Что скажешь, сынок?

— Суди меня Бог, если я лгу,— мрачно ответил Гордон.

— Ах ты, брехливый пес! — опять вспылил Бэйнс.— Вздумал развестись, почему не идти законным путем, без грязных уловок?

— Проклятие! — взревел Гордон.— Еще слово, и я тебе глотку разорву, старый...

Эвелин закричала. Схватив Бэйна за лацканы куртки, Доннелли швырнул его в кресло. На плечо Гордона легла твердая ладонь Кирована. Гордон поник.

— Эвелин, ты же знаешь, как я тебя люблю,— произнес он с дрожью в голосе.— Но если так пойдет дальше, я погибну, а ты...

— Не надо, не говори! — воскликнула она.— Я знаю, Джим, ты не умеешь лгать. Если ты утверждаешь, что я пыталась тебя убить, значит, так оно и было. Но клянусь, по своей воле я не могла этого сделать. Наверное, я схожу с ума! Вот почему мне снятся такие дикие, страшные сны...

— Что вам снилось, миссис Гордон? — спросил Кирован.

— Черная тварь, — пробормотала она. — Безликая, жуткая. Она гримасничала, бормотала и хватала меня обезьяньими лапами. Она снится каждую ночь, а днем я пытаюсь убить любимого человека. Я схожу с ума. Может быть, я уже обезумела, но не замечаю этого?

— Не волнуйся, милочка. — При всей своей искусственности в медицине Доннелли не сомневался, что имеет дело с самой заурядной женской истерией. Его деловитый голос немного успокоил Эвелин. — Не надо плакать, все будет в порядке, — добавил он, доставая из жилетного кармана толстую сигару. — Дай мне спички, девочка.

Она машинально похлопала ладонью по столу, а Гордон так же машинально подсказал:

— Эвелин, спички в ящике бюро.

Она выдвинула ящик и стала в нем рыться. Внезапно Гордон, охваченный страшным предчувствием, вскочил на ноги.

— Нет, нет! — вскричал он, побледнев. — Задвинь ящик! Не надо...

Как раз в этот момент она напряглась, нащупав какой-то предмет. При виде перемены с ее лицом мы все, даже Кирован, застыли на месте. Искорки разума в зрачках молодой женщины угасли, глаза ее стали такими, как описывал их Гордон, — пустыми и темными.

Эвелин выпрямилась, и на Гордона уставилось дуло пистолета. Грохнул выстрел. Покачнувшись, Гордон застонал и упал с залитым кровью лицом.

Несколько секунд Эвелин непонимающе глядела на него, держа в руке дымящийся пистолет. Затем наши уши резанул дикий крик.

— Боже, я его убила! Джим, Джим!

Она оказалась рядом с ним раньше всех, упала на колени и обхватила руками окровавленную голову мужа. Ее глаза были полны горя и страха. Вместе с Доннелли и Бэйнсом я бросился было к нашему злосчастному другу, но Кирован остановил меня, схватив за рукав.

— Оставьте, вы ему сейчас не поможете, — сказал он, кипя от гнева. — Мы охотники, а не врачи. Везите меня в дом Джозефа Рюлока!

Ни о чем не спрашивая, я выбежал из дому и уселся в автомобиль Гордона. В выражении лица моего спутника было нечто такое, что заставило меня безрассудно нажать на газ. Мы помчались, лавируя среди встречных и попутных машин. Я казался себе участником трагического спектакля и чувствовал приближение страшного финала.

Я резко затормозил возле высокого здания, на верхнем этаже которого, в причудливо обставленных апартаментах, жил Джозеф Рюлок. Казалось, нетерпение Кирована передалось даже лифту. В мгновение ока мы очутились наверху. Я указал на дверь в квартиру Рюлока; распахнув ее плечом, мой друг ворвался в прихожую. Я не отставал ни на шаг.

Рюлок лежал на диване в расшитом драконами шелковом китайском халате и, часто затягиваясь, курил сигарету. При нашем появлении он поспешно сел, опрокинув бокал вместе с ополовиненной бутылкой, стоявшей у него под рукой. Прежде чем Кирован успел заговорить, у меня вырвалось:

— Джеймс Гордон застрелен!

— Застрелен? Когда? Когда она его убила?

— Она? — Я удивился. — Откуда вам известно...

Но тут сильная рука Кирована оттолкнула меня, и я заметил мелькнувшую на лице Рюлока тревогу. Они разительно отличались друг от друга, эти двое:

высокий, бледный от гнева Кирован и стройный, смуглый, темноглазый, с сарацинской дугой сросшихся бровей Рюлок. Они обменялись ненавидящими взглядами.

— Ты не забыл меня, Йозеф Вралок? — Лишь железное самообладание помогало Кировану говорить спокойно. — Когда-то в Будапеште мы вместе пытались постичь тайны черной магии. Но я не рискнул переступить черту, а ты пошел дальше, погрузился в мерзкие глубины запретного оккультизма и дьявольщины. С той поры ты стал меня презирать и отнял у меня единственную женщину, которую я любил. С помощью злых чар ты совратил ее и затащил в свою зловонную трясины. С какой радостью я бы убил тебя, Йозеф Вралок, вампир по природе своей и по имени, — не будь ты надежно защищен колдовством. Но сегодня ты попался в собственную западню. — В голосе Кирована звучали громовые раскаты. От оболочки утонченности и культуры не осталось и следа, рядом со мной стоял свирепый, первобытный человек, жаждущий крови ненавистного врага. — Ты пытался погубить Джеймса Гордона и его жену, которую тебе не удалось соблазнить. Ты...

Рюлок вдруг засмеялся, пожав плечами.

— Ты спятил! Я не видел Гордонов несколько недель. С чего ты взял, что я виноват в их семейных неладах?

— А ты не изменился: все так же лжив! — прорычал Кирован. — Повторить слова, сказанные тобой минуту назад? «Когда она его убила?». Ты ждал этой вести, Вралок. Приобщенный к колдовскому могуществу, ты знал: дьявольский план вот-вот осуществится. Но и не проговоришься ты, я бы не сомневался, что гибель Гордона — твоих рук дело. Чтобы

обо всем догадаться, достаточно было увидеть кольцо на пальце Эвелин, которое она не сумела снять. Это древнее кольцо Тот-Амона, будь оно проклято! Его с незапамятных времен передают из рук в руки злобные служители колдовских культов. Я знал, что кольцо теперь твое, знал, какие чудовищные обряды пришлось тебе пройти, чтобы завладеть им. Знания магии тебе было недостаточно, и ты вступил в стовор с Повелителем Кольца, черным первобытным духом из глубин ночи и веков. Здесь, в этой проклятой комнате, ты совершал гнусные ритуалы, стремясь отделить душу Эвелин Гордон от тела, а тело отдать во власть богопротивного эльфа из чуждой людям вселенной. Но Эвелин слишком чиста и добродетельна, она предана своему мужу, и демон не смог завладеть ее телом. Лишь изредка и ненадолго удавалось ему вытеснить душу Эвелин в пустоту и занять ее место. Но и того оказалось достаточно, чтобы осуществить твой замысел. И все же не радуйся: отомстив за поражение, ты навлек на себя гибель.

Голос Кирована стал пронзительным, он едва не срывался на крик:

— Какую плату запросил демон, которого ты вызвал из Бездны? Ага, Йозеф Вралок, ты пятишься! Не ты один познал запретные тайны! Когда я в смятении и тоске покинул Венгрию, то вновь стал изучать черную магию, решив любой ценой изловить тебя, мерзкая гадина! Я побывал на развалинах Зимбабве, в дальних горах Внутренней Монголии, на бесплодных, покрытых джунглями островках южных морей. От всего, что я открыл и разгадал, меня с души воротило, и я навеки проклял оккультизм. Но я узнал о существовании черного духа, который по велению волшебника, владеюще-

го кольцом, убивает людей руками их возлюбленных. Не мни себя властелином нечисти, Йозеф Вралок. Тебе не одолеть демона, которого ты разбудил!

Венгр судорожно рванул воротник. Его лицо вдруг оказалось очень старым, словно с него упала маска.

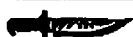
— Лжешь! — прохрипел он. — Я не обещал ему свою душу.

— Нет, не лгу! — кричал разъяренный Кирован. — Я знаю, какую цену приходится платить тому, кто появляется из темных пучин. Взгляни! За твоей спиной в углу шевелится сатанинская тварь. Она смеется! Она глумится над тобой! Она сделала свое дело и пришла получить по счету!

— Нет! Нет! — завизжал Вралок, разрывая влажный ворот. От его самоуверенности не осталось и следа, на наших глазах этот человек превратился в ничтожество. — Я обещал ему душу... но не свою, а девочки или Джеймса Гордона...

— Дурак! — напирал Кирован. — Зачем ему невинные души? Неужели ты не знаешь, что он над ними не властен? Демон мог убить молодоженов, но поработить их души он не в силах. Зато твоя черная душа для него — сущий клад, и он не откажется от такой добычи. Посмотри! Вот он, за твоей спиной!

Внезапно я ощутил неземной холод; по коже побежали мурашки. Можно ли объяснить то, что я увидел под гипнотическим воздействием слов Кирована? Не знаю. Можно ли объяснить игрой света и теней появление смутных контуров антропоморфа за спиной у венгра? Сомневаюсь. Тень на стене росла, колыхалась, а Вралок все не оборачивался. Он глядел на Кирована, выпучив глаза; волосы у

него на голове стояли дыбом, а по мертвенно-бледной коже струился пот. Меня бросило в дрожь от слов Кирована:

— Обернись, глупец! Я его вижу! Он пришел! Он здесь! Он стоит, разинув пасть в немом хохоте! Он тянет к тебе уродливые лапы!

Вралок круто повернулся, взвизгнул и закрыл голову руками. И тут же его затмила огромная черная тень, а Кирован схватил меня за руку и потащил прочь из богомерзкой комнаты.

В той же газете, что сообщила о несчастном случае в доме семьи Эш, хозяин которого, неосторожно обращаясь с заряженным револьвером, нанес себе поверхностное ранение в голову, говорилось о скоропостижной кончине Джозефа Рюлока, состоятельного и эксцентричного члена клуба «Скиталец». По мнению врачей, Рюлок умер от разрыва сердца.

Эти заметки я прочитал за завтраком, чашку за чашкой глотая черный кофе, который ставили передо мной все еще дрожащие руки хозяйки дома. Напротив меня сидел Кирован. Как всегда, у него отсутствовал аппетит. Мой друг был погружен в раздумья, заново переживая события давно минувших лет.

— Гипотеза о переселении душ, выдвинутая Гордоном, выглядела фантастично, — произнес я наконец. — Но то, что мы с вами увидели, еще более невероятно. Скажите, Кирован, вы меня тогда не загипнотизировали? Может быть, это ваши слова заставили меня увидеть черное чудище, которое возникло неведь откуда и вырвало душу Йозефа Вралока из живого тела?

Кирован отрицательно покачал головой.

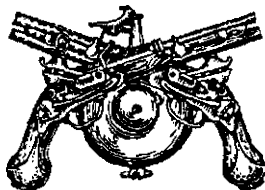
— Неужели вы думаете, что такого негодяя можно убить гипнозом? Нет, О'Доннел. За пределами нашего восприятия обитают жуткие уродливые создания, воплощения космического зла. Вралока прикончила одна из этих тварей.

— Но почему? — допытывался я. — Если они и впрямь заключили сделку, тварь поступила нечестно. Ведь Джеймс Гордон не погиб, а только лишился чувств.

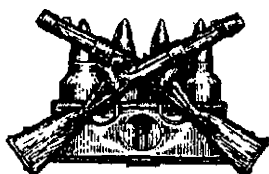
— Вралока об этом не знал, — ответил Кирован. — А я убедил его в том, что он попал в собственную ловушку и теперь обречен. Упав духом, он стал легкой добычей для твари. Демоны всегда ищут слабину в партнере. В отношениях с людьми обитатели Тьмы никогда не были особо щепетильны. Тот, кто заключит с ними сделку, обязательно останется внакладе.

— Какой безумный кошмар! — пробормотал я. — И все же, мне кажется, вы тоже приложили руку к кончине Йозефа Вралока.

— Не знаю, — задумчиво произнес Кирован. — Но, откровенно говоря, мне самому хочется верить, что Эвелин Гордон спасена не без моего участия... и что я в конце концов отомстил за девушку, погибшую много лет назад в далекой стране.

ДОМ, ОКРУЖЕННЫЙ ДУБАМИ

В

1

ы поймете, почему я изучаю случай Джастина Геоффрея, — сказал мой друг Джеймс Конрад. — Я выясняю все факты его жизни, составляю его семейное древо и узнаю, почему он отличается от остальных членов семьи. Я пытаюсь понять, что сделало Джастина именно тем, кем он является.

— Ну и как успехи? — спросил я. — Вижу, вы изучили не только его биографию, но и

фамильное древо. Быть может, с вашими глубокими знаниями в биологии и психологии вам, Джеймс, и удастся объяснить характер этого странного поэта.

Конрад, печально взглянув на меня, покачал головой:

— Вполне возможно, мне этого не удастся. Обычный человек не найдет тут никакой тайны... Джастин Геоффрей — просто урод, полугений, полуманьяк. Рядовой человек скажет, что Джастин «таким уж уродился». Попробуйте объяснить, почему дерево выросло кривым! Но искажение разума имеет свою причину, точно так же как искривление дерева. Все имеет свою причину... и, если исключить один, казалось бы тривиальный, случай, я не могу найти причину, по которой Джастин вел такую жизнь... Он был поэтом. Задумайте любую рифму, какую хотите, и вы найдете ее среди стихотворений и музыкальных произведений его литературного наследства... Я изучил его фамильное древо на пять сотен лет назад и не нашел ни одного поэта, ни одного певца, ничего, что могло бы связать Джастина с кем-то из семьи Геоффреев. Они — люди добропорядочные, но более степенного и прозаического типа. Обычная старинная английская семья помещиков среднего класса, которые обеднели и приехали в Америку в поисках удачи. Они обосновались в Нью-Йорке в 1860 году, и хотя их потомки рассеялись по стране, все они (кроме Джастина) остались точно такими же — здравомыслящими, трудолюбивыми торговцами. И мать, и отец Джастина из этого класса людей. И такими же стали его братья и сестры. Его брат Джон — преуспевающий банкир в Цинциннати. Старший брат Юстас — партнер адвокатской фирмы в Нью-Йорке, а Вильям,

самый младший брат, пока учится в Гарварде, уже выказывая задатки хорошего торговца. Из трех сестер Джастина одна вышла замуж за бизнесмена, наименее скучнейшего типа, другая — учительница в начальной школе, а третья, самая младшая, еще обучается в пансионе. Ни в одной из них нет даже самого легкого намека на характерные черты Джастина. Он среди своих родных чужой. Все они известны как милые, честные люди, но я нашел их нестерпимо скучными и начисто лишенными воображения. Однако Джастин, человек одной с ними крови и плоти, жил в собственном мире, столь фантастическом и эксцентричном, что он лежит за пределами моего понимания... И я никак не могу обвинить Джастина в недостатке воображения... Джастин Геоффрей умер в сумасшедшем доме. Перед смертью он бредил. Все точно так, как он сам же предсказывал. Этого уже достаточно для того, чтобы отличать его от среднего человека. Для меня это только начало удивительного. Что же сделало Джастина Геоффрея безумным? Можно стать помешанным, а можно быть таким от рождения. В случае Джастина это не унаследованная черта характера. Я удостоверился в этом, к полному своему удовлетворению. Насколько я смог проследить записи, не было ни мужчины, ни женщины, ни ребенка в семье Геоффрей, у которых были бы замечены хоть самые легкие следы умопомешательства. Значит, Джастин что-то свело с ума. Но что? И дело здесь не в какой-то болезни. Он был необычайно здоров, как и все в его семье. Его родные говорят, что он никогда не болел. И в детстве с ним не случилось ничего необычного. И вот самое странное. В возрасте десяти лет он ничем не отличался от своих братьев. Когда же ему исполнилось десять лет, с

ним произошла перемена... Он начал мучиться от диких, ужасных снов, которые преследовали его каждую ночь до самой смерти. Вместо того чтобы поблекнуть, как происходит с большинством детских снов, эти сны становились все более яркими и ужасными, пока не заслонили от Джастина реальную жизнь.

Наконец Джастин решил, что они — реальность. Предсмертные крики и богохульства Джастина потрясли даже выдавших виды санитаров сумасшедшего дома... Из человека, интересующегося только своими личными делами, деградировавшего маленького животного, он превратился почти в отшельника. Он бормотал про себя, как это обычно делают дети, и предпочитал бродить по ночам. Миссис Геоффрей рассказала, как не раз и не два после того, как дети ложились спать, заходила она в комнату, где спали Джастин и Юстас, и находила лишь мирно спящего Юстаса. Открытое окно говорило, каким образом Джастин выбрался из дома. Парень любил бродить при свете звезд, пробираясь среди молчаливых ив вдоль спящей реки, любил ступать по влажной от росы траве и будить коров, дремлющих на какой-нибудь тихой лужайке... Вот строки стихотворения, которое написал Джастин, когда ему было одиннадцать. — Конрад взял огромную книгу в очень дорогом переплете и прочел:

Лежат ли, вуалью сокрыты, пучины
Пространства и Времени?
И что за блестящих скривившихся тварей
я видел мельком?
Дрожу перед Ликом огромным неясного
племени,
Рожденным в безумии Ночи однажды тайком.

— Что? — воскликнул я. — Вы хотите сказать, что эти строки написал ребенок одиннадцати лет?

— Совершенно верно! Его поэзия в этом возрасте была незрелой и неопределенной, но даже тогда она казалась многообещающей. Позже она сделала из Джастина безумного гения. В другой семье его определенно стали бы поощрять и помогли бы расцвести его безумному чуду. Но неразговорчивая, прозаическая семья Джастина видела в его мазне лишь трату времени и ненормальность, которую, как они думали, надо задавить в зародыше... Бах!.. Пусть повернут вспять все реки с отвратительной черной водой, что текут под покровом африканских джунглей!.. Но родственники мешали Джастину полностью развить свои необычные таланты, и поэтому его стихи увидели свет, только когда ему исполнилось семнадцать, да и то при помощи друга, который нашел Джастина, истощенного и несдавшегося, в деревне Гринвич, после того как тот бежал из удушающего окружения своего дома... Но семья Джастина считала его поэзию ненормальной лишь потому, что никто из них стихи не писал. Они не вдумывались в то, о чем писал Джастин. Для них каждый, кто не посвятил свою жизнь продаже картофеля, — ненормальный. Они пытались дисциплинарными методами отучить Джастина от поэзии. А его братец Джон с тех дней носит шрам — напоминание о дне, когда Джастин попробовал наказать своего младшего брата за пренебрежительное отношение к его мазне. Характер Джастина был ужасным и непредсказуемым, совершенно иным, чем у его флегматичных, добрых по своей природе родственников. Он отличался от них, как тигр от волков, ничем не походил на них — даже чертами лица. Все Геоффреи были круглолицыми, коренастыми,

склонными к полноте. Джастин — тонким, почти истощенным, с узким носом и ликом, напоминавшим ястреба. Его глаза сверкали от внутренней страсти, а его нависающие над бровями взъерошенные волосы были странно жидкими. Лоб — одна из самых неприятных деталей его внешности. Не могу сказать почему, но всякий раз, как я смотрю на его бледный, высокий, узкий лоб, я бессознательно вздрагиваю!.. Как я и говорил, все эти изменения произошли, когда ему исполнилось десять лет. Я видел картинки, которые рисовал он и его братья в возрасте девяти лет, и очень трудно отличить его рисунки от других. Он был таким же, как его братья, — коренастым, кругленьким, приземленным, с приятными чертами лица. Такое впечатление, что в возрасте десяти лет Джастина Геоффрея подменили!

Я лишь покачал головой от удивления, и Конрад продолжал:

— Все дети Геоффреев, кроме Джастина, закончили школу и поступили в колледж. Джастин же учился против своей воли. Он отличался от своих братьев и сестер и во всем остальном. Они усердно занимались в школе, но вне ее стен редко открывали книгу. Джастин без усталости искал знаний, руководствуясь собственным выбором. Он презирал и ненавидел образование, что давала школа, много говорил о его тривиальности и бесполезности... Он отказался подать документы в колледж. Когда же он умер — в возрасте двадцати одного года, — он был образован весьма однобоко. Многие из того, чему его учили, он игнорировал. Например, он не знал ничего из высшей математики и клялся, что все эти знания для него совершенно бесполезны, потому что все это далеко от реально-

го положения дел во вселенной. Джастин утверждал, что математика очень изменчива и неопределенна. Он ничего не знал о социологии, экономике, философии. Он всегда держался в стороне от текущих политических событий и знал из современной истории не больше того, о чем рассказывали в школе. Но он знал древнюю историю и был великим знатоком древней магии, Кирован... Он интересовался древними языками и упрямо вставлял в свою речь устаревшие слова и архаичные фразы. А теперь, Кирован, скажите, каким образом этот сравнительно некультурный юноша, без знания литературного наследства, ухитрялся создавать такие ужасные образы?

— Тут дело скорее в интуиции, чем в знании, — ответил я. — Великий поэт может пойти по иному пути, чем обычные люди, на самом деле полностью не осознавая того, о чем пишет. Поэзия соткана из теней — впечатлений от неосознанного, которое нельзя описать другим способом.

— Точно! — подхватил Конрад. — А откуда пришли эти впечатления к Джастину Геоффрею? Ладно, продолжим. Изменения в Джастине начались, когда ему исполнилось десять лет. Его сны, как мне кажется, появились после того, как он провел ночь поблизости от одного старого заброшенного фермерского дома. Его семья навещала друзей, которые жили в маленькой деревеньке в штате Нью-Йорк... неподалеку от подножия Кетскилла. Джастин, я так думаю, отправился на рыбалку с другими детьми, отбился от них, потерялся. Его нашли на следующее утро мирно дремлющим в роще, окружающей тот дом. С характерным для Геоффреев флегматизмом, он ничуть не был потрясен приключением, от которого у других маленьких мальчиков случилась

бы истерика. Джастин только сказал, что он бродил вокруг, пока не вышел к дому, но не сумел войти и уснул среди деревьев. Был конец лета, с мальчиком не случилось ничего страшного, но, по его словам, с тех пор он стал видеть странные и необычные сны, которые не мог рассказать и которые со временем становились все ярче. Тут только одно непонятно — никому из Геоффреев никогда не снились кошмары... А Джастину продолжали сниться дикие и странные сны, и, как я уже говорил, стали происходить перемены в его мышлении и поведении.

Очевидно, это и был тот случай, после которого Джастин изменился. Я написал мэру той деревни, спросив, есть ли какие-нибудь легенды, связанные с тем домом. Его ответ лишь разжег мой интерес, хотя в письме не было сказано ничего определенного. Мэр написал, что дом этот стоял на холме, сколько он помнит, но пустует по крайней мере лет пятьдесят. Еще он написал, что это — спорная собственность и, насколько он знает, нет никаких историй, связанных с этим местом. И еще он прислал мне снимок.

Тут Конрад показал мне маленькую фотографию. Я подпрыгнул от удивления:

— Что? Джим, я видел этот пейзаж и раньше... Эти высокие мрачные дубы, похожий на замок дом, который почти спрятался среди них... Я знаю его! Это картина Хэмфри Сквилера, висящая в галерее искусства Харлекуинского клуба.

— В самом деле! — В глазах Конрада зажглись огоньки. — Мы оба очень хорошо знаем Сквилера. Давай отправимся к нему в студию и спросим, что он знает об этом доме, если, конечно, он что-то о нем знает.

Мы нашли художника, как обычно, за работой над причудливым полотном. Он был выходцем из очень богатой семьи, поэтому мог позволить себе рисовать ради своего удовольствия... И картины у него порой выходили сверхъестественными и эксцентричными. Он был не из тех людей, что поражают необычными одеждами и манерами, но выглядел темпераментным художником. Примерно моего роста — около пяти футов десяти дюймов, — он был стройным, как девушка, с длинными, белыми, нервными пальцами, острым личиком. Потрясающе спутанные волосы закрывали его высокий бледный лоб.

— А, дом, — сказал он в своей быстрой, подвижной манере. — Я нарисовал его. Однажды я взглянул на карту, и название Старый Датчтаун заинтриговало меня. Я отправился туда, надеясь найти пейзаж, достойный кисти, но в этом городе ничего подходящего не оказалось. А в несколько милях от городка я обнаружил этот дом.

— Я удивился, когда увидел эту картину, — заговорил я. — Вы ведь нарисовали просто пустой дом, без обычного сопровождения в виде призрачных лиц, выглядывающих из окон верхнего этажа, и едва различимых теней, устраивающихся на фронтонах.

— Нет? — воскликнул он. — А разве в этой картине нет чего-то большего, производящего впечатление?

— Да, пожалуй, — согласился я. — От нее у меня мурашки бегут по коже.

— Точно! — воскликнул художник. — Но фигуры, добавленные моим собственным убогим разумом, испортили бы эффект. Ужасное получается лучше, если ощущение более утонченное. Облечь

страх в видимую форму, неважно, реальную или призрачную, значит уменьшить силу воздействия. Я нарисовал обычный полуразрушенный фермерский дом без намеков на призрачные лица в окнах. Но этот дом... этот дом... не нуждается в таком шарлатанском добавлении. Он сильно выделяется своей аурой ненормальности... В фантазии человека нет такой экспрессии.

Конрад кивнул:

— Я чувствую это, даже глядя на фотографию. Деревья закрывают большую часть здания, но его архитектура кажется мне необычной.

— Я бы тоже так сказал. Хотя я и достаточно знаком с историей архитектуры, я не могу классифицировать стиль этой постройки. Местные говорят, что дом построил датчанин, который первым поселился в этой части местности, но стиль не больше датский, чем, скажем, греческий. В этом строении есть что-то восточное, однако к Востоку отношения оно не имеет. В любом случае дом старый... этого отрицать нельзя.

— Вы заходили в дом?

— Нет. Двери и окна были заперты, а я не хотел совершать ограбление. Тогда не так уж много времени прошло с тех пор, как меня преследовали по закону за то, что я пробрался на старую ферму в Вермонте. Я не стал вламываться в старый пустой дом, для того чтобы зарисовать его интерьер.

— Вы поедете со мной в Старый Датчтаун? — неожиданно спросил Конрад.

Сквилер улыбнулся:

— Вижу, ваш интерес возрос... Да, если вы считаете, что сможете пробраться в дом так, чтобы мы потом все вместе не оказались в суде. У меня и так достаточно сомнительная репутация. Еще одна тяж-

ба вроде той, о которой я упоминал,— и за мной установят надзор, как за сумасшедшим. А как вы, Кирован?

— Конечно поеду,— ответил я.

— Я так и думал,— сказал Конрад.

Вот так мы и очутились в Старом Датчтауне поздним теплым летним утром.

Дремлющий, пыльный от старости дом.

Пусто на улицах. Юность забытая...

Кто же крадется, скользит за окном,

Там, где аллея, тенями увитая?

Конрад процитировал фантазии Джастина Геоффрея, когда мы взглянули с холма на дремлющий Старый Датчтаун. Спускаясь с холма, дорога нырала в лабиринт пыльных улиц.

— Вы уверены, что поэт имел в виду именно этот городок, когда написал эти строки?

— Он подходит под описание, ведь так?.. Высокие двускатные крыши старинных особняков... Эти дома в старинном датском и колониальном стилях... Теперь я понимаю, почему этот город привлек вас, Сквилер. Он весь пропитан древностью. Некоторым из этих домов три сотни лет. А что за атмосфера разложения царит в этом городе!

Мы встретили мэра. Неряшливая одежда и манеры этого человека являли странный контраст со спящим городом и медленным, непринужденным течением городской жизни. Мэр вспомнил, что Сквилер уже бывал здесь... В самом деле, появление любого чужого в таком маленьком уединенном городке было событием, о котором жители долго помнили.казалось странным, что всего в сотне миль грохочет и пульсирует величайший мегаполис мира.

Конрад не мог ждать ни минуты, так что мэр отправился проводить нас к дому. При первом же взгляде на это здание дрожь отвращения прошла через мое тело. Дом стоял на небольшой возвышенности, между двумя богатыми фермами. От них его отделяли каменные изгороди, протянувшиеся по обе стороны в сотне ярдов от дома. Искривленные дубы тесным кольцом окружали здание, неясно проступающее сквозь ветви, словно голый, обглоданный временем череп.

— Кто хозяин этой земли? — спросил художник.

— Она — предмет споров, — ответил мэр. — Джедах Алдерс — хозяин вот этой фермы, а Скир Абнер — той. Абнер утверждает, что дом — часть фермы Алдерса, а Джедах столь же громко заявляет, что дед Абнера купил ее у семьи датчан, которые тут первоначально поселились.

— Звучит безнадежно, — заметил Конрад. — Каждый отказывается от этой собственности.

— Это не так уж странно, — сказал Сквилер. — Хотели бы вы, чтобы вот такое местечко стало частью вашего поместья?

— Нет, — ответил Конрад, секунду подумав. — Я бы не хотел.

— Между нами, никто из фермеров не хочет платить налоги на собственность за эту землю, так как она абсолютно бесполезна, — встрял мэр. — Пустоши вытянулись во все стороны от дома, а границы полей, на которых можно сеять, четко проходят вдоль линии изгородей. Такое впечатление, что дубы выпивают жизненную силу из любого растения, появившегося на их земле.

— Почему бы тогда не срубить эти деревья? — спросил Конрад. — Я никогда не сталки-

вался с подобными сантиментами у фермеров этого штата.

— Потому что этот вопрос, так же как право владения этой землей, последние пятьдесят лет — предмет спора. Никто не хочет отпираться и срубить эти деревья. И потом эти дубы такие старые и имеют такие корни, что выкорчевывать их будет непосильной работой. К тому же относительно этой рощи существует грубое суеверие. Давным-давно человек сильно поранился о собственный топор, когда хотел срубить одно из этих деревьев. Такое может случиться где угодно. Но местные придают этому слишком большое значение.

— Ладно, — сказал Конрад. — Если земля вокруг дома ни на что не годится, почему никто не воспользуется самым зданием или не продаст его?

В первый раз мэр выглядел смущенным.

— Никто из местных не станет жить и не купит его. Нехорошая это земля, и, сказать по правде, невозможно войти в этот дом!

— Невозможно?

— Все дело в том, что двери и окна дома крепко заперты или заколочены, — прибавил мэр. — И у кого-то, кто, видимо, не желает поделиться секретом, есть ключи. А может, они уже давно потеряны. Думаю, кто-то использовал дом как прибежище для бутлегеров¹ и имел причины держаться подальше от любопытных взглядов, но внутри никогда не видели ни огонька, и поблизости никто подозрительный не бродил.

Мы миновали круг утрюмых дубов и остановились перед зданием. У нас возникло странное ощу-

¹ Торговцы спиртным во время сухого закона в США.

щение отдаленности, так, словно, даже когда мы подходили и касались дома, он находился далеко от нас, в каком-то ином месте, в другом веке, другом времени.

— Я хотел бы войти в дом,— сказал Сквилер.

— Попробуйте,— предложил мэр.

— Что вы имеете в виду?

— Не вижу, почему бы вам не попробовать. На моей памяти никто не входил в этот дом. Никто не платил налоги за владение им так долго, что я предполагаю, дом давно уже принадлежит штату. Его можно было бы выставить на продажу, только вот никто не купит.

Сквилер небрежно потянул дверь. Мэр наблюдал за ним, и улыбка играла на его губах. Потом Сквилер навалился плечом на дверь. Она лишь едва дрогнула.

— Я же говорил вам. Она или заперта, или заколочена. Точно так же, как остальные окна и двери. Можно выбить косяк, но вы ведь не станете делать этого.

— Могу и выбить,— возразил Сквилер.

— Попробуйте,— сказал мэр.

Сквилер подобрал упавшую ветвь дуба впечатляющих размеров.

— Нет,— неожиданно вмешался Конрад.

Но Сквилер уже приступил к делу. Он не стал тратить время на дверь и ударил в ближайшее окно. Промажнувшись по раме, он попал по стеклу и разбил его. Дубовая ветвь уперлась в ставни внутри дома.

— Не делайте этого,— снова сказал Конрад намного серьезнее.

Лицо у него было расстроенным.

Сквилер уронил ветвь на землю.

— Ничего не чувствуете? — спросил Конрад.

Порыв холодного воздуха ударил из разбитого окна. Запахло пылью и стариной.

— Лучше нам оставить все как есть, — заметил мэр.

Сквилер отступил.

— Больше тут нечего делать, — продолжал мэр неубедительно.

Конрад стоял словно в трансе. Потом он шагнул вперед и стал вглядываться сквозь ставни разбитого окна. Он прислушивался. Глаза его были полузакрыты. Он пытался понять, что скрыто в доме. Я видел, как дрожит его рука.

— Великие ветры! — процептал он. — Мальстрим ветров!

— Джеймс! — резко позвал я.

Он отодвинулся от окна. Выражение лица его было странным, губы чуть разошлись, словно в экстазе. Глаза сверкали.

— Я что-то слышал, — сказал он.

— Вы не могли слышать ничего, кроме пороха крысы, — ответил мэр. — Они часто селятся в таких местах...

— Великие ветры, — снова повторил Конрад, покачивая головой.

— Пойдем, — предложил Сквилер, словно забыв о том, зачем мы сюда пришли.

Никто из нас не стал задерживаться. Дом производил на нас такое впечатление, что все поиски были забыты. Но Конрад не забыл о доме. Когда мы вернулись назад, завезли Сквилера в его студию, Конрад сказал мне:

— Кирован... Когда-нибудь я вернусь в тот дом.

Я не возражал, но и одобрения не высказывал, просто на несколько дней выбросил все это из

головы. А Конрад больше не говорил со мной ни о Джастине Геоффрее, ни о его странной жизни поэта.

2

Прошла неделя, прежде чем я снова увидел Конрада. К тому времени я забыл о доме среди дубов, так же как о Джастине Геоффрее. Но вид искаженного, изможденного лица Конрада и выражение его глаз заставили быстро вспомнить и о Геоффрее, и о доме, потому что я интуитивно понял, что Конрад возвращался туда. —

— Да, — согласился он, когда я высказал свое предположение. — Я хотел повторить опыт Геоффрея... провести ночь возле дома в кругу деревьев. Я так и сделал. И с тех пор... мне снятся сны! Ни одной спокойной ночи. Я мало сплю. И я собираюсь еще раз посетить дом.

— Если исследование жизни Джастина Геоффрея привело вас к этому, Джеймс... Забудьте об этом.

Он наградил меня взглядом, исполненным жалости, так что мне стало ясно: он считал, что я ничего не понимаю.

— Слишком поздно, — резко сказал он. — Я пришел попросить вас присмотреть за моими делами... если со мной что-нибудь случится.

— Не говорите так, — воскликнул я, встревожившись.

— Кирован, не надо читать мне лекцию, — сказал он. — В общем-то, мои дела в порядке.

— Вы заходили к доктору? — спросил я.

Мой друг покачал головой:

— Доктор тут ничего не сделает, поверьте мне. Так вы присмотрите за моими делами?

— О, конечно... Но надеюсь, мне этого делать не придется.

Он вынул конверт из внутреннего кармана пальто:

— Я принес это вам, Кирован. Прочитайте, когда будет время.

Я взял конверт.

— Вы хотите, чтобы я потом это вернул?

— Нет. Оставьте у себя. Сожгите, когда прочтете. Или сделайте с записками что захотите. Это неважно.

Так же неожиданно, как и появился, он покинул мои апартаменты. Он явно изменился и был глубоко обеспокоен. Казалось, он не был больше тем Джеймсом Конрадом, которого я знал так много лет. С дурными предчувствиями смотрел я ему вслед, но знал, что его не остановить. Этот необычный заброшенный дом удивительным образом изменил его личность. Если действительно дело тут было в доме. Глубокая депрессия в сочетании с черным отчаянием овладела им.

Я разорвал конверт. Внутри оказалась рукопись, судя по всему, написанная в страшной спешке.

«Я хочу, чтобы вы, Кирован, узнали о событиях последней недели. Я уверен в том, что должен рассказать старому другу, столько лет знакомому со мной, что я не потратил зря время, вернувшись к дому среди дубов. (Приходило ли вам в голову, что дубы и друиды часто упоминаются вместе в народных сказаниях?) Я вернулся с молотом, кувалдой и всем необходимым инструментом, для того чтобы выломать дверь или ставни на окне и войти в дом. Я хотел увидеть, что там внутри... Я

понял это, когда в первый раз почувствовал холодный воздух, которым потянуло из дома. День-то был теплым, вы же помните... Воздух внутри закрытого дома мог и в самом деле быть холодным, но не могло же от него веять арктическим холодом!

Не стоит пересказывать все детали моих тщетных попыток вломиться в дом. Скажу только, что здание словно сражалось со мной каждым гвоздем и лучинкой! Но я преуспел. Я открыл окно. Как раз то, которое не смог открыть Сквилер. (Он ведь что-то знал... что-то чувствовал... раз отступил так легко.)

Интерьер дома совершенно не соответствовал его атмосфере. Дом был обставлен, и я решил, что эта мебель по крайней мере начала девятнадцатого века. А скорее всего, восемнадцатого. Во всем остальном внутри дома не было ничего примечательного... никаких украшений. Но воздух оказался холодным, очень холодным. Я был готов к этому. Вступив в дом, я словно попал на другую широту. Пыль, конечно, паутина по углам и на потолке.

Но даже если оставить в стороне холод и некую таинственность, там было еще кое-что — скелет, сидящий в кресле в комнате, которая, очевидно, использовалась как кабинет, потому что на полках стояло множество книг. Одежды мертвеца истлели, но по их остаткам можно было определить, что скелет принадлежал мужчине. Не могу сказать, как он умер, но, видимо, перед смертью хорошенько запер дом, забаррикадировался в нем. Я считаю, что он сам покончил с жизнью и все приготовил прежде, чем смерть забрала его.

Но это неважно. Присутствие скелета не удивило меня... не так, как атмосфера дома. Я имею в

виду сверхъестественный холод. Дом внутри был таким же таинственным, как снаружи, Один раз мне даже почудилось, что я попал в другой мир, другое измерение, отделенное от нашего времени и пространства, однако находящееся совсем рядом. Как двусмысленно, должно быть, это звучит для вас!

Должен сказать, что сначала меня ничто не волновало, кроме холода и чувства отчуждения. Но когда спустилась ночь, это чувство усилилось. Я стал готовиться ко сну. Я принес с собой ручной электрический фонарь, спальный мешок — все, что нужно. Даже захватил поесть и выпить. Я не чувствовал усталости, поэтому первое, что сделал, — осмотрел весь дом. Как привычно было подниматься и спускаться по лестницам... словно вы в каком-то старинном доме где-нибудь в Новой Англии. Однако... однако было одно незначительное отличие... Оно скрывалось не в мебели, не в архитектуре. Нельзя было выявить его и прикоснуться к нему.

И у меня возникло ощущение, что это отличие становится все сильнее...

Я чувствовал, как оно усилилось, когда я остановился взглянуть на книги на полках в кабинете. Старые книги. Некоторые на датском... И имя, от руки написанное на титульном листе (ван Гутстратен), говорило о том, что хозяином их был датчанин. Некоторые книги были на латыни... и на английском. Все книги были старыми, некоторые датированы четырнадцатым веком. Книги по алхимии, металлургии, волшебству... Книги по оккультизму, различным религиям, сверхъестественным явлениям, колдовству... Книги о странных случаях, об иных мирах... Книги с названиями: «Некрономикон», «De Vermis Mysteriis», «Liber Ivonie», «Королевство теней», «Миры внутри миров», «Непостижимые культы», «De

Lapide Philosophico», «Monas Hieroglyphica», «Кто обитает в потустороннем мире?»... и другие в том же роде. Но мое внимание отвлекло от них сильное неприятное ощущение, чувство, что за мной наблюдают, словно в доме я не один.

Я стоял и прислушивался. Ничего не было слышно, только ветер дул снаружи... Я сначала считал, что это звук ветра. Но, конечно, это был тот же самый звук, что мы слышали, когда все вместе побывали возле дома. Я понял это, выглянув наружу. Я взглянул на дубы, хорошо различимые в ярком свете полной луны, и обнаружил, что ни одна веточка на них не шевельнулась. Снаружи воздух был совершенно неподвижен. Итак, этот звук рождался где-то в доме. Вы можете понять, каково это: стоять в совершенно безлюдном месте и прислушиваться к тишине. Такое случалось со мной и раньше, как и с другими людьми. В доме то и дело раздавались различные звуки, и, бесспорно, это был шорох ветра или ветров, похожих на первые порывы далекой бури, постепенно приближающейся и рокочущей все громче и громче. А других звуков не было... ни треска и поскрипывания досок, столь часто раздающихся в домах при смене температуры... ни попискивания мыши или щелканья сверчка... Ничего.

Я вернулся к книгам, освещая себе дорогу электрическим фонарем. И тут, проходя мимо сидящего у камина скелета, я увидел, что покойный перед смертью сжег что-то... видимо, бумаги... но кусочки их лежали на краю очага, так и не превратившись в пепел. Заинтересовавшись, я подобрал их и просмотрел. Это были фрагменты рукописи на датском, и я с сожалением подумал о том, что знаю этот язык более чем скромно. Вопреки определен-

но архаическому письму я сумел разобрать несколько строк, которые звучали более чем многозначительно. И конечно же, большую их часть я не смог разобрать. «...Что я сделал... ..Вначале была песнь... ..в этот час ветры возвестили о приходе... ..дом — дверь в то место... ..Он, Который Придет... ..брешь в стене... злосчастный мир... ..железные засовы и произнес формулу...»

Я решил, что человек, который тут умер, кем бы он ни был, если судить по фрагментам рукописи или тем остаткам одежды, что до сих пор можно идентифицировать (вероятно, хозяин дома), боялся смерти (или намеревался совершить самоубийство) и сжег свою рукопись. Внимательно изучил я камин. Без сомнения, там сожгли еще много бумаг, но ничего не осталось, кроме того кусочка. У меня не было оборудования, чтобы узнать что-то большее, а не просто удовлетворить любопытство. Значит, хозяин дома умер, предварительно приготовившись к смерти. Я могу только предполагать, что он по природе своей был затворником, так что никто не побеспокоился навестить его. А когда кто-то и решил зайти в дом, очевидно, запертые и забаррикадированные окна и двери не дали ему проникнуть внутрь. Более того, если скелет так стар, как я считаю, в те времена в этих краях соседи жили далеко друг от друга.

Закончив изучать обрывок рукописи, я обнаружил, что шорох ветра стал много громче и сильнее... мне показалось, что у меня слуховая галлюцинация, ведь в воздухе не чувствовалось никакого движения, кроме легкого сквозняка от взлупанного мною окна. Иллюзия или нет — я безошибочно слышал звук ревающего ветра... Казалось, он несется над бескрайними равнинами, где нет ни

кустов, ни деревьев... Грохот и завывания ветра на бескрайних равнинах, рев ветра, несущегося над огромными пустошами... И одновременно в доме становилось все холоднее. Снова у меня возникло ощущение, что за мной наблюдают, словно сами стены дома затаились, ожидая, что же я сделаю дальше.

Неудивительно, что тревога моя стала перерастать в страх. Я поймал себя на том, что посматриваю через плечо. Время от времени я подходил к окнам и сквозь щели смотрел наружу. Не мог я в этот миг не вспомнить несколько строк из Джастина Геоффрея:

Твари Старых Времен затаились.
Никуда они не ушли.
И Врата до сих пор открыты,
Чтобы тени ада вошли...

Я попытался собраться с мыслями. Сел и сосредоточился, отогнав окружившие меня безымянные страхи. Но успокоиться я не смог. Что-то заставляло меня двигаться. То и дело я подходил к окнам. К тому времени ветер уже ревел, хотя я не чувствовал ничего, кроме холода. Вокруг меня происходили легкие изменения. Весь дом, его стены, комната, скелет на стуле, полки книг — были прочными... но теперь, когда я выглядывал наружу, я видел, как поднимается туман, тускнеет свет луны и звезд. Скоро они, заморгав, потухли, и дом вместе со мной погрузился под вуаль полной тьмы.

Но на этом все не кончилось. Постепенно стало светлеть. Однако ни луны, ни звезд в небе не появилось. Скорее всего, у меня случилось что-то вроде галлюцинации. Не могу сказать, что запомнил пейзаж, появившийся снаружи. Я достаточно хорошо

знал Старый Датчтаун и окрестности, чтобы понять, что странный пейзаж, увиденный мной в тусклом радужном мерцании, неестествен для Новой Англии. В самом деле, в Новой Англии нет ничего похожего. Как однажды написал Геоффри:

В пустыни ступить, где сокрыты
Тайны иных земель,
И где, пугая, стоят, забыты,
Башни Минувших Дней.

Я увидел огромные башни. Я разглядел высокие сверкающие шпили, меняющиеся и исчезающие прямо у меня на глазах. Словно какой-то вихрь времени пронес меня сквозь эпохи. Башни вздымались и исчезали в облаках взбаламученного песка... А потом началось самое ужасное. Как могу я изложить это более образно, чем написал Джастин Геоффри много лет назад, испуганный тем, что, без сомнения, часто приходило к нему во снах и дало ему нечто вроде другой жизни во сне? Ребенком десяти лет он провел ночь возле дома, внутри круга дубов...

И для ребенка все эти видения стали частью реального мира, частью его натуры. Став старше, он понял: являющееся к нему во снах не часть реального мира. Это открытие глубоко взволновало его, так как видения преследовали его все эти годы. Что заставило его отправиться в ужасное путешествие в Венгрию в поисках Черного Камня... если не узы, сковавшие его с десятилетнего возраста? Почему еще он писал свои стихи? И разве не пейзажи из снов породили эти странные строки:

Лежат ли, вуалью сокрыты, пучины Пространства и
Времени?

И что за блестящих скривившихся тварей я видел
мельком?

Дрожу перед Ликом огромным неясного племени,
Рожденным в безумии Ночи однажды тайком.

Это он написал после своих видений. Он видел иной мир, иное измерение. Дом среди дубов — ключ. Сам дом — дверь в другое время и пространство, и, сделано ли это с помощью алхимии или колдовства, теперь никто уже не скажет. Джастин Геоффрий прикоснулся к Иному еще ребенком и принял видения, пока понимание окружающего мира и знания не подсказали ему, что мир его снов — совершенно чужой и враждебный.

И он всю жизнь стоял как бы в двери, ведущей в мир иной, соединенный с его собственным миром, и через которую в мир людей могли войти ужасные существа. Были ли видения иного мира столь невероятными, что свели его с ума? На самом деле удивительно то, что он так долго продержался и смог отразить свои видения в стихах, чьи вызывающие беспокойство строки — всего лишь отражение его мук, которые и привели его к смерти.

Поэтому, Кирован, я и расскажу о том, что видел. В том сверхъестественном мире за окнами проклятого дома, окруженного дубами, я видел «блестящих скривившихся тварей» — огромные неясные тени, смутно различимые сквозь песчаную поземку. Я слышал их пронзительные крики и вопли, заглушающие вой ветра. И что ужаснее всего, я видел этот колоссальный Лик и его глаза — глаза живого огня. Их взгляд на мгновение замер на мне, пока я смотрел сквозь прутья окна. Я видел его совершенно четко и понял: именно его видел Геоффрий. Как только настало утро, я бежал из дома.

С тех пор каждый раз во сне я вижу это огромное лицо. Взгляд его глаз обжигает меня. Я знаю, что паду его жертвой точно так же, как Джастин Геоффрей. Но я-то не вырос с этим знанием, как он. Я понимаю, какая ужасная катастрофа случится, если тот, чужой, мир соприкоснется с нашим, и знаю, что не смогу долго сопротивляться ужасным снам, приходящим ко мне по ночам..."

Так вот резко обрывалась эта рукопись. Кроме того, прослеживалась болезненная перемена в почерке писавшего, если сравнить начало и конец рукописи.

3

К этому мало что можно добавить. Я потратил много усилий, чтобы обнаружить Джеймса Конрада, но его не было ни в одном из мест, которые ранее он часто посещал.

Через два дня я снова услышал о нем. В газетах напечатали о его самоубийстве. Перед тем как покончить с собой, он снова побывал в Старом Датч-тауне и, подпалив дом среди дубов, сжег его дотла.

После того как мы похоронили Конрада, я побывал в тех местах. Ничего там не осталось. На месте дома — странное пепелище. Даже дубы почернели и обгорели. Но, встав на периметр фундамента, я почувствовал сильный, ничуть не изменившийся неземной холод, навсегда оставшийся на том месте, где раньше стоял проклятый дом.

ТВАРЬ НА КРЫШЕ

В

изит Тасмана весьма удивил меня. Я его даже за приятеля не считал — не люблю выскочек. Вдобавок ко всему три года назад он разнес в пух и прах мою статью о культуре Юкатана. Сами понимаете, о взаимной симпатии тут не могло быть и речи. И все же я его принял.

Тасман вел себя как-то странно, был крайне несобран, казалось, он все время думает

о чем-то своем, никак не может отключиться от какой-то навязчивой идеи.

Через пару минут я уже знал, что не дает ему покоя. Оказывается, ему понадобилось первое издание «Малоизвестных культов» Юнтца, так называемой Черной Книги. Книга эта обрела такое название из-за жуткого содержания, цвет обложки тут совсем ни при чем.

Вернувшись с Юкатана, я только тем и занимался, что собирал редкие книги, но сведений о том, что дроссельдорфское издание Юнтца где-то сохранилось, до меня не доходило.

Надо сказать, что книга эта и впрямь не похожа ни на одну другую. Сомнительная тематика и злоеющее содержание снискали ее автору славу безумца. В течение сорока пяти лет Юнтц бродил по экзотическим странам, проникал в сокровенные и подчас весьма мрачные тайны и, к слову сказать, сделал немало важных открытий. Летней ночью 1840 года ученого задушили в собственной постели. Как это случилось, до сих пор остается загадкой. Доподлинно известно лишь то, что все двери и окна были заперты наглухо. Убийство произошло спустя полгода после экспедиции Юнтца в Монголию, вокруг которой ходили самые противоречивые слухи.

Тираж первого издания «Малоизвестных культов» был ничтожно мал, к тому же после гибели автора большую часть экземпляров уничтожили обуреваемые мистическими страхами читатели.

По прошествии пяти лет лондонский издатель Брандуолл решил опубликовать перевод этой книги в надежде произвести фурор в читательской среде. Но дорогое издание ему было не потянуть, и он решил ограничиться наименьшими затратами и сделал дешевую книжицу со всеми вытекающими отсю-

да последствиями, как-то: опечатки, ошибки перевода, искажение смысла и отсутствие научного аппарата. А потому случилось то, чему и следовало быть: читающая публика решила, что книга Юнтца — полнейший бред, и попросту забыла о ее существовании вплоть до 1909 года, когда владельцы нью-йоркского «Голден Гоблин Пресс» задумали переиздать ее в третий раз.

Книга была сокращена почти на четверть — поэтому от первоначального варианта мало что осталось — и иллюстрирована слегка жутковатыми, но изысканными рисунками Васкеса. Издатели намеревались выпустить ее внушительным тиражом, но выходило уж чересчур дорого. Поэтому решили остановиться на мизерном количестве экземпляров и сделать дорогое издание для избранной публики.

Я начал было рассказывать об этом Тасману, но он раздраженно прервал меня на полуслове. Оказывается, все это он знал не хуже меня, а издание «Голден Гоблин» — его настольная книга. В ней-то он и нашел намек на то, что, по-видимому, более полно отражено в издании 1839 года.

Так вот, ради того, чтобы заполучить Черную Книгу, Тасман был готов опровергнуть все свои критические замечания в мой адрес и извиниться на страницах любого, разумеется на мой выбор, научного журнала.

По правде сказать, к такому повороту событий я готов не был. Раз Тасман идет на попятную — значит, дело и впрямь нешуточное. «Что ж, — сказал я, — полагаю, я уже посчитался с вами за критику в ответных статьях. Мы квиты. К тому же я не люблю ставить людей в унижительное положение...» В завершение моей благородной тирады я заверил Тасмана, что сделаю все, что в моих силах.

Смутившись, он поблагодарил меня и уже в дверях пробормотал себе под нос, что в первоначальном варианте Черной Книги он сможет найти разгадку.

Я развел бурную деятельность, разослал письма по всему свету — в первую очередь друзьям, а потом уж букинистам и антикварам. Ждать пришлось порядочно. Только через три месяца мои хлопоты увенчались успехом. Профессору Стиву Донегану из Балтимора удалось отыскать и переслать мне эту книгу.

Тасман примчался из Лондона по первому зову. Горя от нетерпения, дрожащими руками он схватил толстенный фолиант и начал перелистывать пожелтевшие страницы. Он просмотрел уже добрую половину книги, как вдруг вскрикнул, точно от испуга, и прошептал:

— Вот оно! Вы только послушайте!

Юнтц писал о древнем святилище, которое он обнаружил в джунглях Гондураса, и о племени, которое жило там еще до появления испанцев. Храм этот был возведен около скалы, в которой были вырублены три ниши. Так вот, в одну из этих ниш туземцы поместили мумию своего верховного жреца. На шее мумии висела тяжелая медная цепь с подвеской — жабой из драгоценного пурпурного камня. По словам Юнтца, этот камень был не чем иным, как ключом к сокровищам храма, таящимся в подземном склепе. Юнтц назвал это святилище — Храм Жаб.

— Я был там! — взволнованно проговорил Тасман. — Я видел замурованный вход в склеп, в котором хранятся сокровища храма. Кстати, индейцы, которые живут сейчас на этой территории, отказываются признавать это сооружение святилищем своих

предков. Да оно вовсе и не похоже на архитектуру древних индейцев. Оно вообще ни на что не похоже. По-моему, эти стены достались нам в наследство от исчезнувшей цивилизации, которая начала затухать за сотни лет до прихода испанцев... Тогда у меня не было ни времени, ни инструментов, чтобы проникнуть в склеп. К тому же шальная пуля задела мне ногу, и я должен был выбраться на побережье, пока не истек кровью. Теперь мне ничто не помешает! Какая удача, что в свое время я приобрел издание «Голден Гоблин»! С него-то все и началось.

В этой книге я нашел описание храма, но я понял, что оно изрядно сокращено. Рассказ о мумии ограничился лишь упоминанием о том, что она там есть. Заинтересовавшись, я отыскал издание Брандуолла, но оно лишь разозлило меня — в переводе перевернуто все, что только можно. Они умудрились даже перепутать Гондурас с Гватемалой. Я уж не говорю о десяти опечатках на страницу. Впрочем, я простил Брандуоллу все неточности за одну фразу: «Рубин — это ключ...» Правда, о том, что открывает этот ключ, брандуолловское издание умалчивает. Интуиция подсказывала мне, что я близок к открытию тайны, дошедшей до нас из глубины веков, если конечно Черная Книга не плод большой фантазии Юнтца. Однако всем доподлинно известно, что в Гондурасе Юнтц был. Иначе как бы ему удалось дать такое детальное описание в Черной Книге. Но вот как он узнал о рубине — и впрямь загадка. Даже индейцы о нем слыхом не слыхивали. Остается лишь предположить, что Юнтц каким-то образом проник в замурованный склеп. О сверхъестественных способностях этого человека ходили легенды.

Я выяснил, что кроме меня и Юнтца Храм Жабы видел испанский путешественник Хуан Гонзалес. Это произошло в 1793 году. В его дневниках сохранилась запись о необычном строении, ничуть не похожем на остатки древних индейских поселений. Есть в его заметках и упоминание о подземельях, в которых, согласно древней легенде, таится нечто невиданное. Не сомневаюсь, что Гонзалес писал о Храме Жабы.

Оставьте эту книгу у себя, она мне больше не понадобится — я нашел, что искал, — помолчав, проговорил Тасман. — Завтра я отправляюсь в Центральную Америку. Теперь я во всеоружии. Я добуду сокровища храма любой ценой. Меня ничто не остановит, вот увидите. Пусть даже мне придется взорвать Храм Жабы. Там нечему быть, кроме золота. Если уж оно не досталось испанцам, так пусть достанется мне. А испанцам, вместо того чтобы пытаться индейцев, надо было заняться мумией. Как выясняется, мертвецы знают о кладях больше, чем живые.

Он ушел, а я подсел к раскрытой книге и до глубокой ночи не мог оторваться от завораживающего мистического повествования «безумца» Юнтца. Рассказ о Храме Жабы так встревожил меня, что наутро я позвонил Тасману, но тот уже уехал.

Спустя три месяца я получил от Тасмана приглашение погостить у него в поместье в Сассексе. Он просил меня захватить с собой Черную Книгу.

На следующий вечер я уже стоял перед высокой кирпичной стеной, что отделяла владения Тасмана — обширный парк и увитый плющом особняк — от остального мира. В парке царил запустение — похоже, хозяин уже забыл, когда сюда последний раз наведывался садовник. Меж высокой травы кое-

где проглядывали самые живучие и неприхотливые мелкие белые цветочки. В густых зарослях кустарника на подходе к дому копошилось какое-то животное, то ли конь, то ли вол — могу сказать лишь, что я ясно слышал стук копыт по камням.

Смерив меня подозрительным взглядом, слуга отворил дверь и проводил меня к хозяину. Тот кругами ходил по кабинету, как тигр в клетке. Тасман заметно похудел. Жгучее солнце закоптило его кожу, волосы выгорели, а глаза дико поблескивали.

— Как дела, Тасман? — спросил я. — Отыскивали золото?

— Ни крупницы, — пробурчал он. — Все это выдумки... Все, кроме скелета и мумии. В подземелье я пробрался, и мумию видел...

— А камень? — поинтересовался я.

Он порылся в кармане и протянул мне прозрачный камень — жабу зловещего пурпурного цвета. Я брезгливо передернулся: уж больно мерзкая вещь. Камень висел на медной цепи, на звеньях которой была выбита весьма странная гравировка.

— Что это за знаки? — любопытствовал я.

— Не знаю, — ответил Тасман. — Я надеялся, что вы сможете в них разобраться. По-моему, они в чем-то схожи с иероглифами, нанесенными на Черный камень, что обнаружили в горах Венгрии. Но мне не удалось их прочесть.

— Как прошла ваша поездка? — любопытствовал я.

Прихватив с собой бокалы с виски, мы устроились в мягких креслах, и Тасман начал свой рассказ.

— Храм возвышается неподалеку от скалистого утеса посреди необитаемой долины, которой даже нет на карте. Но мне не составило труда отыскать

его. Построен Храм Жабы из на редкость твердого базальта — такого я больше нигде не видел, — но, вероятно, сделано это было так давно, что почти все колонны уже обрушились под многовековым натиском дождя и ветра. Обломки их кое-где торчат из фундамента, словно кривые клыки старой колдуньи. Снаружи стены уже начали осыпаться, но внутри все в целости и сохранности и, должно быть, простоит так еще добрую тысячу лет.

Посреди главного зала святилища возвышается алтарь — круглый черный камень. Скала, в которой вырублен склеп для верховного жреца, образует стену храма как раз за алтарем. Я вошел туда без особых хлопот и обнаружил там все, о чем Юнтц написал в Черной Книге. Мумия сохранилась в идеальном состоянии, и все же расу, к которой принадлежал жрец, я определить не смог. Черты лица и форма черепа вроде бы указывали на родство с исчезнувшими расами Нижнего Египта. По крайней мере, в одном я не сомневался: жрец ближе к кавказцам, чем к индейцам... Впрочем, все это не важно, главное — камень был на месте.

Внезапно рассказ Тасмана стал сумбурным, он начинал новую мысль, не закончив предыдущей, и мне уже стало казаться, что солнце Гондураса неблагоприятно повлияло на его психику. Каким-то ему самому неведомым образом Тасман отпер двери за алтарем — якобы стоило ему коснуться двери, как разверзлась черная пасть входа. Эта темная дыра в никуда настолько испугала двух компаньонов Тасмана, что они поспешно откланялись, не вняв уговорам полюбопытствовать, что же там внутри.

Тасману ничего не оставалось, как идти туда одному. Держа в одной руке пистолет, а в дру-

гой — электрический фонарик, он спускался по крутой каменной лестнице к узкому коридору, столь темному, что даже лучу фонаря не удавалось пробить этот крошечный мрак. Тасман, как бы между прочим, вспомнил, что все время, пока он был в подземелье, в нескольких шагах впереди от него скакала огромная жаба.

Он плутал по жутким туннелям, пока наконец не вышел к маленькой резной дверце. Он коснулся ее рубином в нескольких местах — и дверца отворилась.

— Ну и что, было там золото? — в нетерпении перебил я.

Тасман криво усмехнулся.

— Да не было там ни золота, ни драгоценностей — вообще ничего.

Затем он вновь заговорил намеками: Мне удалось понять, что храм ему пришлось покинуть раньше, чем он предполагал, и что сокровища он решил не искать. Единственное, что он собрался прихватить с собой, — мумия. Он хотел преподнести ее в подарок какому-нибудь музею. Однако, когда он вышел из подземелья, мумии и след простыл. Тасман решил, что на обратном пути пугливые компаньоны закинули останки верховного жреца в ближайшее ущелье.

— И вот я опять в Англии и стал ничуть не богаче, чем прежде.

— Но ведь рубин, должно быть, стоит целое состояние, — возразил я.

— Вы уверены, что это рубин?

— Нет.

— Я тоже. Знаете, дайте-ка мне книгу.

Насупив брови, он медленно переворачивал страницу за страницей, то охая, то качая головой, то

проговаривая вслух целые предложения. Наконец он добрался до места, которое полностью захватило его внимание.

— Удивительно, как глубоко Юнтц проник в тайны древности. Вполне закономерно, что ему досталась такая жуткая смерть. Похоже, он знал, что его ждет... Недаром в Черной Книге он предупреждает — не будите спящих... На первый взгляд мертвецы, а на самом деле оказывается, что они только и ждут, когда какой-нибудь бедолага пробудит их ото сна. Надо было мне внимательней читать Черную Книгу и, уходя, закрыть дверь склепа... Впрочем, ключ у меня, и я не отдам его, даже если вся преисподняя за ним пожелает.

Тасман хотел сказать что-то еще, как вдруг сверху донесся весьма необычный звук.

— Вы слышали?

Я кивнул.

Тасман бросился к двери и позвал слугу. Через минуту тот вошел в кабинет, бледный как смерть.

— Ты что-нибудь слышал? — грозно спросил Тасман.

— Да, сэр, — неуверенно проговорил слуга.

— И что это было?

— Видите ли, сэр, боюсь, вы решите, что я сошел с ума, — слуга смущенно улыбнулся, — но мне показалось, что по крыше ходила лошадь.

— Идиот! Проваливай! — заорал Тасман.

Слуга опрометью выбежал из комнаты. Тасман схватил камень-ключ.

— Что я натворил! — в отчаянии воскликнул он. — Куда я торопился! Надо было дочитать до конца... И двери надо было забаррикадировать... Но теперь уже ничего не поделаешь — поздно! Главное — ключ у меня, и так просто я его не отдам...

Сказав это, Тасман выскочил в коридор и помчался наверх. Спустя полминуты на втором этаже громко хлопнула дверь. Я слышал, как слуга постучал в нее, но в ответ Тасман приказал ему проваливать от греха подальше. Вдобавок ко всему он угрозил, что будет стрелять в каждого, кто осмелится войти к нему.

Стояла глубокая ночь, иначе я бы не задумываясь бежал из этого дома — я не сомневался, что у Тасмана помутился рассудок. Однако вместо этого я покорно отправился вслед за насмерть перепуганным слугой в отведенную мне комнату. О том, чтоб уснуть, не могло быть и речи, а потому я открыл Черную Книгу и принялся читать с того места, на котором остановился Тасман.

В который уже раз я перечитывал отрывок о Храме Жабы и о никому не ведомой расе, что поклонялась жуткой твари с щупальцами и копытами.

Тасман огорчался, что упустил в тексте самое главное. «Что бы это могло быть?» — недоумевал я, пока не наткнулся на слова, от которых мороз пробежал у меня по коже. Юнтц утверждал, что священное сокровище храма это не что иное, как его бог.

Если пурпурная жаба — ключ к сокровищу, а сокровище храма — его бог, читай мумия — верховного жреца, а спящие пробуждаются, стоит отпереть дверь в подzemелье... Ошеломленный страшной догадкой, я бросился к двери, и тут сверху донесся оглушительный грохот, а вслед за ним дикий, леденящий душу вопль.

Я бросился вверх по лестнице. То, что я слышал, наводило меня на мысль, что с моим разумом тоже отнюдь не все в порядке. Я подошел к двери Тасмана. Влажной дрожащей рукой схватился за ручку и

повернул ее — дверь не поддавалась. Я долго стучал, колотил в дверь ногами — но тщетно. Я растерялся, хотел было позвать на помощь слугу, но тут из комнаты донеслось ржание, отдаленно напоминавшее зловеющий старческий смех, затем послышался мерзкий чавкающий звук, и под конец в воцарившейся мертвой тишине раздался шум мощных крыльев.

Поборов страх, я приналег на дверь и сорвал ее с петель.

Комнату заволокло желтым смрадным дымом. Когда пелена рассеялась, я увидел настоящее поле боя.

Бедняга Тасман лежал на своей кровати, череп его был разможжен, а на том месте, где раньше было лицо, отпечатался след гигантского копыта.

Позднее выяснилось, что в комнате ничего не пропало, кроме ключа от сокровищ — пурпурной жабы. Его так и не нашли.

ДЕ МОИ ТУР

В ЛЕСУ ВИЛЛЕФЭР

С

олнце садилось. В лесу выросли огромные тени. В таинственном, призрачном свете угасающего летнего дня я увидел, как тропинка, скользившая между деревьев, исчезла в полумраке.

Вздвогнув, я испуганно посмотрел назад через плечо. В нескольких милях от меня за спиной была одна деревня, в нескольких милях впереди — другая.

Не останавливаясь, я глянул налево и направо, а потом резко обернулся. И тут я остановился, сжав рукоять рапиры, так как треск сломанного сучка явственно говорил: следом за мной крадется небольшой зверек. Или зверь?

Но тропинка вела дальше, и я пошел по ней, потому что поистине не знал, что мне делать?

Шагая вперед, я задумался. Пусть ноги сами несут меня. Бояться мне нечего. Кто может прятаться в этом лесу, кроме разве что зверей, оленей там всяких? Тьфу на все эти глупые крестьянские легенды!

Так я и шел, пока затухали последние солнечные лучи, уступая место сумеркам. Замерцали звезды, и листва деревьев зашептала о чем-то на слабом ветерке. А потом я резко остановился, и рапира сама оказалась в моей руке, потому что за поворотом тропинки кто-то запел. Слов было не разобрать, но акцент певшего звучал странно, почти варварски.

Я шагнул за огромное дерево, и холодный пот выступил у меня на лбу. Потом я увидел певца — высокого, тощего мужчину, неясно различимого в тусклом свете. Я пожал плечами. Мужчина явно меня не боялся.

Отступив, я выставил вперед острие рапиры:

— Стой!

Удивившись, он остановился.

— Прощу, друг, поосторожнее с клинком, — сказал незнакомец.

— Раньше я не бывал в этом лесу, — извиняясь, объяснил я. — Я слышал разговоры о бандитах. Извините. Где дорога в Виллефэр?

— Corbleu¹, вы пропустили ее, — ответил незнакомец. — Вы пропустили поворот направо. Я и

¹ Черт возьми (фр.).

сам иду туда. Если хотите, составьте мне компанию.

Я заколебался. Однако почему я заколебался?

— Почему же нет, в самом деле? Меня зовут Монтур из Нормандии.

— А я — Карлос ле Лу¹.

— Нет! — отшатнулся я.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Извините, — сказал я. — У вас странное имя. Разве Лу не означает «волк»?

— В моей семье было много великих охотников, — ответил он, но так и не протянул мне руку.

— Извините, что так уставился на вас, — продолжал я, когда мы отправились назад по тропинке. — Но в этих сумерках никак не могу рассмотреть ваше лицо.

Мне показалось, что мой спутник рассмеялся, хотя ничего не было слышно.

— Вы его не увидите, — ответил он.

Я шагнул ближе, а потом отпрянул. Волосы мои встали дыбом.

— Маска! — воскликнул я. — Почему вы носите маску, m'sieu?²

— Обет, — объяснил он. — Спасаясь от стаи гончих, я дал обет, что, если останусь жив, стану носить маску.

— Гончих, m'sieu?

— Волков, — быстро поправился он. — Я сказал «волков».

Некоторое время мы шли молча, а потом мой спутник снова заговорил:

¹ Лу (loup) — волк (фр.).

² Господин (фр.).

— Я удивлен, что вы пошли ночью в этот лес. Некоторых даже днем сюда не затянешь.

— Мне нужно быстрее пересечь границу, — ответил я. — Подписан договор с Англией, и герцог Бургундский должен об этом знать. Крестьяне в деревне пытались отговорить меня, болтали, что в этом лесу бродит... волк.

— Вот тропинка, ведущая в Виллефэр, — сказал ле Лу, и я увидел узкую извилистую дорожку, которую не заметил, когда проходил мимо. Она исчезала в темноте среди деревьев. Я содрогнулся.

— Хотите вернуться в деревню?

— Нет! — воскликнул я. — Нет, нет! Ведите.

Тропинка оказалась такой узкой, что нам пришлось идти друг за другом. Мой спутник шел впереди. Вот тогда-то я и рассмотрел его хорошенько. Он был высоким, намного выше, чем я, и более тощим, жилистым. Носил он костюм, смахивавший на испанский. Длинная шпага покачивалась у него на бедре. Шел он широкими легкими шагами.

Потом он начал разговор о путешествиях и приключениях. Он рассказывал о землях и морях, которые видел, и о многих странных вещах. Беседуя, мы уходили все дальше и дальше в лес.

Я решил, что ле Лу француз. Однако у него был странный акцент, не французский, не испанский и не английский. Этот акцент не походил ни на один из известных мне. Некоторые слова он произносил на одном дыхании, другие и вовсе пропускал.

— Люди часто ходят по этой тропинке? — спросил я.

— Но немногие, — ответил он и беззвучно рассмеялся.

Я вздрогнул. Было очень темно, и только листья шептались среди ветвей.

— В этом лесу охотится дьявол,— сказал я.

— Так говорят крестьяне,— согласился он.— Но я часто бродил здесь и никого не видел.

Потом он заговорил о созданиях тьмы. Встала луна. Тени протянулись среди деревьев. Ле Лу посмотрел на луну.

— Быстрее! — воскликнул он.— Мы должны добраться до цели раньше, чем луна достигнет зенита!

Мы прибавили шаг.

— Говорят, что в этой местности охотится волк-оборотень,— снова заговорил я.

— Может быть,— ответил он, и мы долго спорили об этом.

— Старухи утверждают, что если убить оборотня, когда он в образе волка, то можно убить его наверняка, а если убить его, когда он человек, то половина его души станет вечно преследовать убийцу,— объяснил мне мой спутник.— Но поспешим. Луна почти в зените.

Мы вышли на маленькую полянку, залитую лунным светом, и ле Лу остановился.

— Отдохнем тут немного,— предложил он.

— Нет, давайте пойдем дальше,— настаивал я.— Мне это место не нравится.

Он беззвучно засмеялся.

— Почему? — спросил он.— Это замечательная поляна. Она прекрасна, как банкетный зал, и я много раз пировал на ней. Ха, ха, ха! Хотите, я покажу вам танец? — И он начал скакать по поляне, запрокинув голову и беззвучно хохоча. Тогда я подумал, что он безумен.

Пока он скакал в сверхъестественном танце, я осмотрелся. Дальше тропинки не было. Она оканчивалась на этой поляне.

— Пойдем,— сказал я.— Мы должны идти. Разве вы не чувствуете запах сырой шерсти? Здесь логово волков. Может, они уже учуяли нас исейчас сжимают кольцо вокруг поляны.

Ле Лу упал на четвереньки, высоко подпрыгнул и, плавно двигаясь, направился прямо ко мне.

— Этот танец называется «танцем волка»,— сказал он, и у меня волосы встали дыбом.

— Не приближайтесь!

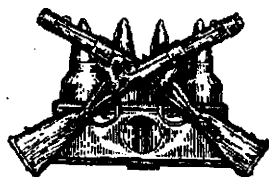
Я отступил. С пронзительным криком, подхваченным лесным эхом, мой спутник прыгнул на меня. Хотя шпага по-прежнему висела у него на поясе, он не прикоснулся к ней. Моя рапира лишь наполовину покинула ножны, когда он схватил меня за руку и рванул с бешеной силой. Я потащил его за собой, и мы вместе повалились на землю. Высвободив руку, я сорвал маску со своего противника. Крик ужаса сорвался с моих губ. Из-под маски на меня уставились глаза зверя. Белые клыки сверкнули в лунном свете. Передо мной оказалась морда волка.

Мгновение — и клыки твари едва не сжали мое горло. Когтистые пальцы вырвали рапиру из моих рук. Я ударил эту морду сцепленными руками, и челюсти чудовища впились в мое плечо. Его когти рвали мое горло. Потом я повалился на спину. Перед глазами у меня потемнело. Я пнул врага вслепую. Моя рука инстинктивно сомкнулась на рукояти кинжала, которым раньше воспользоваться я не мог. Выхватив его, я ударил. Ужасный зверь пронзительно взвыл. Страхнув врага, я встал на ноги. Оборотень лежал у моих ног.

Встав над ним, я вытащил кинжал, затем помедлил, посмотрев вверх. Луна была почти в зените. «Если я убью его, пока он сохраняет облик человека, ужасная тварь вечно будет охотиться за мной».

Я присел в ожидании. Тварь уставилась на меня горящими глазами. Длинные жилистые руки сжались, скривились. Казалось, волосы на них теперь растут гуще. Боясь сойти с ума, я взял шпагу твари и изрубил чудовище на куски. Потом я бросил клинок и убежал.

КОГДА ВОСХОДИТ ПОЛНАЯ ЛУНА

В

ы говорите о страхе? Страх?.. Господа, простите, но вряд ли вы можете знать, что это такое. Нет-нет, не возражайте. Возможно, вы побывали в лапах у смерти, заглянув в разверзшуюся пасть океанской пучины, или находились на волосок от гибели в безумствах битв,— но страх, тот всепоглощающий, леденящий душу страх, от которого кровь стынет в жилах и цепенеют все

члены, никогда не протягивал свои липкие лапы к вашему сердцу. Я знаю, о чем говорю, я... уже испытал это. Позвольте мне рассказать вам.

Произошло это давным-давно в одной далекой стране, и человека, о ком я буду говорить, вы не можете знать.

А началась эта история с того, что меня пригласил к себе погостить давнишний приятель, Дон Винченце де Ласто. Происходил он из знатного семейства, обладал железной волей и всегда добивался того, чего хотел, — в общем, человеком он был необычным, и некоторые считали его баловнем судьбы.

Занимаясь торговлей рабами, слоновой костью, ценными породами дерева, он быстро сколотил огромное состояние. Его корабли плавали в Португалию, Испанию, Францию, иногда даже в Англию. У Дона Винченце были грандиозные планы, и дела его неуклонно шли в гору, когда Карлос... Но обо всем по порядку.

Владения его, куда я направлялся, находились на западе Африки. Господа, обратите внимание, я рисую — дайте-ка мне мою кружку — вам план. Смотрите, это верфи, а это залив, здесь — скалы и холмы, а здесь — глубокий ров. Видите, он окружает всю усадьбу, его переходили по подъемному мосту. Сам дом, выложенный из больших камней, был не очень изящным сооружением, зато надежным и неприступным, как крепость. Кроме рва его окружал еще частокол из огромных бревен, а весь лес в радиусе полумили был вырублен (труд этот тяжелый и долгий, но бесплатной рабочей силы там хоть пруд пруди). Все эти предосторожности не были излишни, так как места там дикие, да и разбойников всяких хватало.

Да, еще была река, очень глубокая, кипящая крокодилами, она впадала в залив недалеко от усадьбы. Как же она называлась?.. Какое-то заковыристое местное словечко, не могу его вспомнить.

Ну так вот, в один прекрасный день, точнее вечер, я, весьма сумасбродный в то время молодой человек, прибыл из Европы. С корабля до берега меня доставили на шлюпке, и я очутился на грязной дощатой пристани, откуда к усадьбе Дона Винченце вела широкая дорога. К тому времени, когда я добрался до места, уже стусились сумерки.

Из дома моего друга доносились смех, музыка, песни, обрывки разговоров,— словом, пиршество было в полном разгаре. Выяснилось, что Дон Винченце пригласил еще и других своих приятелей некоторое время погостить у него. После недолгого обмена приветствиями и любезностями меня усадили за стол, уставленный разнообразными экзотическими яствами.

Да, забыл сказать, что я с такой радостью принял приглашение посетить столь дальние края из-за племянницы Дона Винченце, очаровательной Исабель. А вот другой его племянник, Карлос, нагловатый пронырливый тип с заостренным, похожим на крысину морду лицом, вызывал во мне неприязнь. Итальянец Луиджи Веренца (тоже мой старый приятель) прибыл вместе со своей сестрой, красоткой Марцитой, вертихвосткой, заигрывавшей со всеми подряд мужчинами.

Мне представили Дона Флоренцо де Севилью, худого неразговорчивого испанца, на боку у которого висела длинная шпага, гасконского дворянина Жана Десмарта, барона фон Шиллера, маленького флегматичного немца. Имена и лица остальных, за

давностью лет, уже стерлись из моей памяти. Кроме одного...

Я потягивал вино, вел непринужденный разговор и разглядывал гостей. И тут мой взгляд остановился на высоком, хорошо сложенном мужчине. Одет он был невзыскательно и ничем особенным не выделялся. Но лицо его меня поразило: с тонкими, аристократичными чертами, оно все было изуродовано небольшими рубцами, будто оставленными когтями дикого животного, и на нем лежала печать какой-то странной усталости.

— Кто это? — спросил я у сидевшей рядом Марциты.

— Это де Монтур, нормандец. Не очень-то он приятный человек, — ответила она.

— Не потому ли, что не поддается вашему очарованию, прелестница? — пошутил я.

От темпераментной итальянки можно было ожидать вспышки негодования, но Марцита ничего не ответила, только бросила на меня манящий взгляд, и я продолжал с интересом следить за нормандцем.

Де Монтур немногосложно отвечал на вопросы, почти ничего не ел, больше пил. И тут настала его очередь говорить тост (гости произносили их по кругу). Он долго отнекивался, но наконец все же нехотя поднялся и замер, уставившись на поблескивавшее в бокале вино. От него повеяло какой-то непонятной жутью; разговоры стихли, все взоры обратились к нему. И тут он резко расхохотался и проговорил:

— Выпьем за Соломона, запечатавшего исчадий ада! Да будет он проклят во веки веков, ведь многие демоны все же остались на свободе!

Ничего себе тост! В молчании осушили мы бокалы. Но, по-моему, выпить решились не все.

От выпитого вина и обильной еды я, уставший с дороги, едва держался на ногах, и потому поспешил подняться в свою комнату, чтобы в тишине и покое отдохнуть после трудного дня.

Комната находилась на последнем этаже дома, и я подошел к окну полюбоваться открывающимся видом. Внизу, во дворе, прогуливались часовые, чуть дальше, за оградой, залитый лунным светом, тянулся пустырь, за пустырем поблескивала река, а над ней чернел таинственный лес. Откуда-то, переключаясь с щебетанием птиц, долетали обрывки неизвестной мелодии и еще какие-то неведомые звуки джунглей. Внезапно раздался протяжный вой. Я тут же вспомнил о демонах, которых упомянул де Монтур. Кто знает, что скрывается там, во мраке... Я вздрогнул от неожиданно громко прозвучавшего стука в дверь.

Я пересек комнату и распахнул дверь. На пороге стоял де Монтур. Он молча вошел и направился прямо к окну. На небе светила яркая луна, и он впился в нее долгим пристальным взглядом. Наконец я услышал его голос:

— Вы заметили, месье? Луна уже почти полная. Я согласно кивнул, и он продолжил:

— У меня к вам небольшая просьба. Возможно, она покажется вам несколько странной, но прошу вас, месье, прислушайтесь к моему совету: в эту ночь закройте покрепче свою дверь.

Он повернулся и быстро вышел из комнаты, оставив меня в полном недоумении.

Я закрыл за ним дверь, забрался в постель и тотчас погрузился в сладкие объятия Морфея. Всю ночь я спал как убитый и проснулся, когда уже вовсю светило солнце, смутно припоминая, что мне снилось, будто кто-то стучался в мою дверь.

Из мужчин в то утро к завтраку спустились только я, де Севилья, который вообще не притрагивался к вину, и де Монтур. Последний, хоть и много пил накануне, выглядел неплохо. Остальные, сославшись на плохое самочувствие, что было вполне естественно, оставались в своих комнатах.

Ко мне подошла Марцита.

— Боже мой, Пьер! Как я рада! Всем мужчинам этим утром нездоровится, и так приятно, что хоть вы предпочитаете вино женское общество.— Она бросила на меня кокетливый взгляд.— По-моему, кое-кто вчера переусердствовал. Мне даже показалось, что в мою дверь стучали!

— Неужели? И кто же?

Она взяла меня за руку и потянула в сторону, подальше от остальных.

— Пьер, это так странно,— заговорила она понизив голос,— но вчера, когда я уже собиралась ложиться, ко мне зашел месье де Монтур и сказал, что я должна хорошенько запереть дверь. И, Пьер, он был абсолютно трезв, хотя я сама видела, сколько он выпил.— И, поскольку я не ответил, она, сверкнув глазами, закончила: — Этой ночью я не стану закрывать дверь. Я хочу знать, кто это!

— На вашем месте я не стал бы этого делать.

Она одарила меня самодовольной улыбкой и продемонстрировала маленький кинжал.

— Марцита, послушайте, что я вам скажу. Де Монтур, похоже, знал, что ночью кто-то будет разгуливать по дому, потому что и мне тоже он посоветовал запереть дверь на замок. И мне кажется, что этот кто-то ходит по спящему дому не для того, чтобы найти утешение в объятиях любви. Так что вам не стоит подвергать себя опасности. К тому же, насколько я знаю, Исабель ночует в вашей комнате.

— Нет, я одна,— сердито возразила она.

— Я знаю, что храбрости вам не занимать. Но прошу вас, будьте осторожны. А я поговорю с Луиджи.

Я поцеловал ей ручку и направился к Исабель. Племянница Дона Винченце была изящной молодой девушкой, она не обладала такой яркой внешностью, как Марцита, но меня в то время пленила именно ее утонченная красота. Я считал, что... Впрочем, это уже другая история.

Простите, господа, я отвлекся, трудно удерживать воспоминания в узде. На чем же я остановился? Ах да...

Я спустился по лестнице и вышел из дома. Во дворе шла торговля. К воротам жалась кучка обнаженных туземцев в ошейниках, привязанных к цепи. Дон Винченце придирчиво осматривал рабов и торговался с продавцами, снижая цену. Я некоторое время наблюдал за этой процедурой, но довольно скоро мне это наскучило, и я повернулся, чтобы уйти. В это время к Дону Винченце приблизился какой-то туземец, как выяснилось, гонец из соседней деревни, и обратился к нему с длинной речью на своем языке, а ко мне присоединился де Монтур.

Закончив разговор, Дон Винченце повернулся к нам и перевел:

— Он из соседней деревни. Говорит, что прошлой ночью какой-то зверь, вроде леопард, задрал одного из них, молодого здоровяка.

— Леопард? Они видели его? — резко спросил де Монтур.

— Нет. Он молнией налетел из мрака, а после так же внезапно исчез.

Я взглянул на де Монтура и заметил капельки пота, выступившие у него на лбу.

— А для вас, Пьер, у меня есть небольшой подарок,— продолжал Дон Винченце.— Один из рабов горит желанием служить вам. Черт его знает, почему именно вам. Ему требуется только набедренная повязка, пища и кнут. Но он превосходно выдрессирован и будет хорошим слугой.

С этими словами он подтолкнул ко мне молодого улыбающегося негра.

Я довольно быстро выяснил, почему Джола отдал мне предпочтение среди других гостей. Оказывается, он обожал длинные волосы. Да-да, в то время это было модно, и волосы мои локонами ниспадали до самых плеч. А в тот раз я оказался единственным обладателем таких волос, кроме женщин, конечно. Джола часто подолгу сидел, замороженно уставившись на меня, пока я, озверев, не давал ему хорошего пинка.

Но я опять отвлекся. В тот вечер произошла стычка между Жаном Десмартом и бароном фон Шиллером.

Причиной послужила, естественно, Марцита. Как и обычно, она поступала весьма опрометчиво, заигрывая с обоими мужчинами, потому как фон Шиллер был известным сластолюбцем, а Десмарт обладал горячим, необузданным нравом. Но, господа, разве когда-нибудь женщины вели себя разумно?

Так вот, когда фон Шиллер поцеловал Марциту, Десмарт тут же вытащил свой клинок. Но не успели они скрестить шпаги, как между ними встал Луиджи, ее брат.

— Господа,— едва сдерживая клокотавшую в нем ярость, начал он,— клянусь дьяволом, моя сестра не стоит того, чтобы из-за нее сражались. Это заия-

тие не для благородных господ! А ты,— обратился он к Марциту,— отправляйся в свою комнату!

Под гневным взглядом брата Марцита послушно удалилась. Десмарт и фон Шиллер принесли друг другу извинения, но взгляды, которыми они обменялись, не оставляли сомнений в их намерениях.

А ночью меня охватило какое-то необъяснимое чувство страха. Я проснулся и встал с постели. Все было спокойно: дверь заперта, возле нее мирно спал Джола. Я, разозленный, сильно пнул его ногой; тот, спросонья ничего не соображая, сразу же вскочил на ноги.

И тут тишину пререзал истошный женский вопль. Джола в мгновение ока пересек комнату и притаился за шкафом. Крик повторился.

Я распахнул дверь и шагнул в коридор. В кромешной тьме добравшись до лестницы, я начал спускаться и тут неожиданно с кем-то столкнулся, отчего мы оба оказались на полу. Человек вскрикнул и выругался, и я узнал его голос. Это был Жан Десмарт. Я помог ему подняться, и вместе мы отправились дальше.

К тому времени как мы спустились, крики прекратились, но в доме уже царила невообразимая суета. Повсюду сверкали огни и раздавался звон металла, Дон Винченце выкрикивал какие-то приказания. Его солдаты, бряцая оружием и наталкиваясь друг на друга, сновали туда-сюда, осматривая комнаты.

Я, Десмарт и де Севилья достигли комнаты Марцита как раз в тот момент, когда Луиджи выносил свою сестру. Почти сразу около нас, со свечами и оружием, собрались и другие гости, наперебой спрашивая друг у друга, что произошло.

Потерявшая сознание Марцита покоилась в объятиях брата. Темные волосы волнами ниспадали ей на плечи; тонкая ночная сорочка была разодрана, и сквозь прорехи проглядывало обнаженное тело. Ее грудь, руки и плечи были исполосованы длинными кровоточащими царапинами.

Наконец Марцита пришла в себя. Она открыла глаза и, издав жуткий вопль, изо всех сил обхватила брата, а потсм прошептала:

— Это двери! Я оставила ее незапертой, и под покровом тьмы ко мне в комнату пробралось какое-то ужасное создание. Я схватила кинжал и попыталась убить его. Но это существо вцепилось в меня и бросило на пол... И я... Больше я ничего не помню.

— Кто-нибудь видел фон Шиллера? — гневно сверкая глазами, спросил де Севилья.

Среди тех, кто толпился вокруг, немца не оказалось. И тут мой взгляд упал на де Монтюра, чье лицо казалось еще более усталым и осунувшимся. Он не отрывая глаз смотрел на перепуганную до смерти девушку. Де Монтюр, единственный из присутствующих, не был вооружен, и я мысленно отметил сей странный факт.

— Ну разумеется! Это дело рук фон Шиллера! — В голосе Десмарта отчетливо прозвучала ненависть к сопернику.

Дон Винченце в сопровождении добровольцев отправился на поиски немца. И мы нашли его. Он ничком лежал на полу в одном из залов, из-под него растекалась огромная лужа крови.

— Это дикари! Это сделали дикари! — закричал Десмарт. От ярости его голос срывался.

— Судая ерунда! — заявил Дон Винченце. — Ни один из рабов фон Шиллера, не говоря уже о ди-

карях, не смог бы незамеченным пробраться мимо часовых. Чернокожие рабы закрыты в бараках — все, за исключением служанки Исабель и Джола, а тот находился в одной комнате с Пьером.

— Тогда кто же это сделал? — спросил Десмарт.

— Наверное, ты! — выкрикнул я.

— Проклятие! Ты бесстыдно лжешь!

Француз в ярости выхватил свою шпагу, и ее острое едва не пронзило мою грудь. Но де Севилья все-таки опередил его и парировал удар. Раздался звон. Клинок Десмарта чиркнул по стене, и француз замер на месте, так как острое шпаги испанца грозило пронзить ему горло.

— А ну, вяжите его, — произнес испанец.

Но тут раздался властный голос Дона Винченце:

— Не стоит, Дон Флоренцо. Он — один из моих лучших друзей. Здесь распоряжаюсь я, и мое слово закон в этом доме. Месье Десмарт! Дайте мне слово, что не предпримете попыток бежать.

— Даю, — хладнокровно заявил француз. — Должен признаться, я погорячился. Приношу свои извинения, господа... У меня не возникало и мысли о побеге. Но... У меня такое чувство, что в этом доме таится нечто зловещее.

У всех, кто стоял рядом, возникло точно такое же ощущение.

И тут подал голос де Монтур:

— Господа! У меня есть сильные сомнения, что этот человек покушался на Марициту! Давайте осмотрим труп!

Два солдата подошли и перевернули тело немца. И, приглядевшись, мы поняли, что хотел показать де Монтур. От ужаса у нас едва не встали волосы дыбом:

— Да человек разве способен на это?

— Может, ножом,— пробормотал кто-то.

— Ножом? Нет, такого никаким ножом сделать нельзя,— покачал головой испанец.— Только крупный зверь способен на это.

Все стали оглядываться по сторонам: будто холодком откуда-то повеяло. Казалось, во тьме нас подстерегают внушающие ужас твари.

Усадьбу обыскали. Осмотрели все, где могло затаиться чудовище, обследовали каждый фут.

И ничего нигде не нашли. Никаких признаков пребывания зверя.

Когда наступил рассвет, я вернулся к себе в комнату. Страх Джолы был так велик, что после моего ухода он запер все окна и дверь, и мне некоторое время пришлось потратить на уговоры.

В конце концов он открыл мне. Я хорошенько поучил его, назвал трусом и поставил у дверей — сторожить. Вся трудность общения с ним заключалась в том, что он говорил, употребляя слова из самых разных европейских языков, и плохо понимал французский.

Встав у двери, Джола возвел глаза к потолку и стал испуганно шептать:

— Джи-джи! Человек-зверь!

Тут мне на память пришли кое-какие рассказы, которые я не раз слышал во время своих путешествий по Африканскому континенту.

Когда-то на его западном побережье, как утверждали некоторые, обитали последователи Культа Леопарда. Но никто из европейцев с ними не встречался — они скрывались в джунглях, а по ночам выходили на охоту за людьми. Сам Дон Винченце не раз рассказывал легенды о людях-оборотнях и их способности превращаться в леопардов.

Сообразив, что приводит в ужас моего раба, я ощутил внезапный озноб и схватил Джолу за плечи. Тот едва не закричал.

— Ты думаешь, здесь где-то прячется человек-леопард? — спросил я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

— Господин, господин! — трясаясь от страха, шептал он. — Я ничего не сделал! Это человек Джи-джи! Нельзя говорить об этом много!

— Нет! Я требую... Ты расскажешь все, что тебе известно!

Я вдруг ощутил приступ бешеной ярости и начал трясти раба с такой силой, что он, перепуганный насмерть, пообещал мне все рассказать.

— Они существуют!.. — начал он говорить с круглыми от ужаса глазами. — Время человеков-леопардов наступает, когда на небе полная луна... Однажды негр вышел ночью из хижины. Его не нашли. Никаких следов. Большой господин, Дон Винченце, сказал про это: леопард. Но из черных ему никто не поверил. Не было леопардов! Это человек-леопард! Он появляется, чтобы убивать! У него когти! А-а-а! И когда опять луна стала полной, он забрался в одну из хижин на окраине. Разодрал когтями женщину и младенца. И все видели следы когтей... И опять Большой господин им сказал: леопард... И потом еще раз луна была полной... И опять... И еще... И никто не видел следов леопарда. Никто. Только человеческие следы. А теперь он оказался здесь, в усадьбе.

Рассказ Джолы показался мне правдивым. Все, кто ни говорил о Культе Леопарда, упоминали о том, что эти существа оставляют только человеческие следы. Почему же, почему туземцы не указали на чудовище тому, кого они называют «Большой

господин? Уж Дон Винченце наверняка сумел бы выследить и уничтожить оборотня.

Я решил спросить об этом у Джолы, а тот с таинственным видом наклонился ко мне и прошептал:

— Следы, которые видели, не мог оставить чернокожий. Это были следы сапогов!

Это меня убедило в том, что Джола соврал. Но все-таки я почувствовал подступающую волну ужаса и спросил, кого же его соплеменники подозревают в совершенных злодеяниях.

Раб ответил:

— Дона Винченце!

Я был ошеломлен и не знал, что и думать.

Что же все-таки происходит? Кто виновен в смерти немца и в покушении на Марциту? Здравомысленно рассудив, я все же остался в убеждении, что злодей хотел насладиться прелестями ее тела, а не убить.

Но что означали поступки де Монтура? Почему он предупреждал нас? Будто был осведомлен о том, что произойдет... И о том, как именно убили немца, он тоже догадался. Или знал.

Я не мог понять, кто его предупредил.

Весть об убийстве разнеслась среди чернокожих мгновенно, как ни старались их хозяева скрыть случившееся. Туземцы разволновались не на шутку. Было похоже, что зреет бунт. Несколько раз Дон Винченце требовал пустить в ход плети, чтобы наказать непокорных.

Первой моей мыслью было рассказать Дону Винченце о том, что поведал мне чернокожий раб, но почему-то я решил не спешить с этим.

Весь день женщины не выходили из своих комнат. Мужчины пребывали в мрачном расположении духа и почти не разговаривали. Охрану усадьбы по приказу Дона Винченце удвоили, а также выставили караулы внутри особняка.

Я же поймал себя на том, что смотрю на происходящее глазами Джолы. Ведь если верить подозрениям чернокожих, то вся затея с караулами ничего не даст.

Могу вам откровенно заявить, господа, я был в то время не только молод, но и горяч. И не мог вытерпеть вынужденного безделья. Когда мы сидели за вечерней трапезой, я отставил в сторону пустой бокал и гордо всем объявил, что не испытываю страха ни перед кем, даже будь он не человек, а дикий зверь или сам сатана. И посему этой ночью буду спать с раскрытой настежь дверью. И произнеся это, я демонстративно удалился в свою комнату.

Де Монтур вошел ко мне через некоторое время. Его лицо очень походило на лицо человека, только что побывавшего в преисподней.

— У меня к вам просьба... — проговорил он. — Нет, местье, я вас вынужден умолять... Откажитесь от того, что вы задумали.

В ответ я упрямо покачал головой.

— Тогда скажите мне: вы человек слова? На вас можно положиться? Да? Что ж, у меня к вам будет одна просьба. Проводите меня до моей комнаты и, будьте добры, закройте мою дверь снаружи.

Выполнив то, о чем просил этот странный человек, я отправился в свою спальню. Джолу я попросил переночевать в бараках с остальными рабами, и поэтому не стал ложиться в постель, а уселся в кресло и положил шпагу и кинжал рядом на стол —

так, чтобы в любой момент до них можно было дотянуться.

Естественно, в эту ночь заснуть я не мог. Мысленно я снова и снова возвращался к де Монтуру, его предупреждениям и очень странной просьбе. Я пришел к выводу, что его окружает ореол какой-то страшной тайны. Однако я бы не смог назвать его злодеем. В его глазах можно было прочесть затаенную боль.

Вдруг мне пришла в голову мысль сходить к нему и выяснить, что он знает.

Я не мог сдержаться дрожи, когда отправился по темным коридорам, но превозмог себя и вскоре уже подходил к двери де Монтура.

Оказавшись там, я позвал его, но никто не откликнулся. Моя протянутая рука нащупала какие-то торчащие куски дерева. Я сразу достал камень и высек искру. Трут, который начал тлеть, помог мне разглядеть очертания двери, которая оказалась полуоткрытой. Засов был сорван, а значит, ее пытались выломать изнутри!

Изнутри!

И в комнате никого не оказалось.

Не раздумывая ни секунды, я повернулся и бросился в свою комнату. Быстро и неслышно ступая по полу, я бежал по темным коридорам.

Уже находясь у самой своей двери, я заметил чью-то фигуру, которая крадась вдоль стены в противоположном направлении.

Далее моими действиями руководил панический страх. Я сделал рывок вперед, подпрыгнул и нанес удар. Мой кулак обрушился на голову неизвестного. У меня хрустнули пальцы. Второй раз с прежней силой мне ударить не удалось. Человек покачнулся и осел на пол.

В нише стены напласть свеча. Когда мне удалось наконец ее зажечь, упавший уже пришел в себя и попытался встать.

Нагнувшись, я увидел, что это де Монтур.

— Это вы!..— воскликнул я, даже не понимая, что именно хочу сказать.— Вы... вы...

Он обреченно склонил голову. И ничего не ответил.

— Вы — убийца фон Шиллера?!

— Да.

Я вздрогнул, глядя на него с ужасом.

— Знаете что,— он встал и протянул мне руку, будто за милостыней,— возьмите свое оружие и убейте меня. И не думайте, что кто-нибудь осудит вас после этого. Ни человек, ни Бог.

И тогда я ответил:

— Этого сделать я не в силах.

— Если вы отказываетесь,— быстро проговорил он,— то немедленно уходите к себе в спальню и закройте дверь! Только быстрее! Оно уже близко!

— Близко? — Дрожа от страха, я протянул ему руку.— Если оно опасно, то и вам необходимо пойти со мной. Я не могу подвергать вас...

— Ни в коем случае! — Он находился в полном отчаянии, а мою руку оттолкнул.— Торопитесь! Торопитесь! Мне удалось на время уйти, но тварь сейчас будет здесь.— И шепотом, в котором сквозил неподдельный, всепоглощающий ужас, он произнес: — Оно вот-вот будет здесь! Прямо сейчас!

И тут же на меня нахлынуло предчувствие чего-то потустороннего, чуждого человеческой природе. Совершенно непостижимого и поэтому внушающего жуткий, панический страх.

Де Монтур выпрямился, растопырил руки, мускулы которых будто напряглись. Крепко сжал кула-

ки. Его глаза расширились, и во взгляде вдруг появилось что-то звериное. Он будто бы раздался в плечах, стал больше, а вены на его висках вздулись, как если бы он пытался поднять титаническую тяжесть.

Разглядывая нормандца, я заметил, что неведомое, неописуемое создание воплощается в его тело. Оно будто бы проникает во все члены де Монтюра.

Спустя доли секунды оно уже входит в его голову! Господи, что оно делает с человеческим лицом!

Де Монтур глубоко вздохнул и отвернулся, лишив меня на мгновение возможности видеть процесс его превращения. Когда он вновь обернулся... Боже мой! Я никогда в жизни не согласился бы наблюдать подобное!

Тварь наконец явила свой облик в полной мере. Глаза ее исторгали адскую ярость. Зубы сверкали, но это уже были настоящие клыки дикого зверя.

Чудовище, которое еще недавно было де Монтуром, не издав ни звука, устремилось ко мне. Я тут же отпрыгнул назад, в проем двери, ведущей в мою комнату, и молниеносно захлопнул ее за собой. Оборотень прыгнул следом, но я вовремя успел закрыть засов.

Кошмарное создание стало биться о дверь, но в конце концов успокоилось. Потом я услышал шаги, удаляющиеся по коридору.

Я опустился в кресло абсолютно без сил и перевел дух. А потом еще долго сидел, не решаясь пошевелиться, прислушивался и ждал.

Откуда-то из деревни дикарей долетали звуки барабанов, по комнате гулял легкий сквозняк, доносивший запахи Африки. Внезапно издалека донесся громкий, устрашающий рев дикого зверя.

Меня била нервная дрожь.

Наутро в усадьбу пришли негры из туземной деревни. Они принесли известие о том, что какое-то животное ночью разорвало на куски женщину. Этого зверя никто не видел, и выследить его не удалось.

Я решил сходить к де Монтуру, но по пути столкнулся с Доном Винченце, который показался мне мрачным и растерянным. Он сказал без обвиняков:

— В моем поместье появилась отвратительная тварь. Поначалу я попытался это скрыть... Но вряд ли это теперь возможно... Сегодня ночью какое-то животное набросилось на одного из моих солдат, сорвало доспехи, и тому пришлось скрыться в башне. А еще кто-то запер ночью комнату де Монтура, но тот сумел сломать внешний засов и освободился.

Сказав это, Дон Винченце отправился куда-то, произнося вполголоса ругательства, а я прошел к де Монтуру.

Тот сидел в кресле, бледный как смерть, и не отрывал взгляда от окна. Силы, казалось, совершенно оставили его. Волосы нормандца были всклокочены, одежда порвана, а руки — в синяках и ссадинах.

Едва я появился перед ним, он кивнул и сделал жест рукой, приглашая сесть.

Я взгляделся в его изможденное лицо, но никаких признаков того существа, которое явилось мне ночью, не заметил.

Он молчал некоторое время, потом произнес:

— Могу вам рассказать ту ужасную историю, которая со мной приключилась. Вы — первый, кто услышит ее. Конечно же, не приходится надеяться, что вы поверите, но все же... Мне хочется поведать вам обо всем.

И тогда я услышал самый невероятный рассказ из тех, которые когда-либо мне довелось услышать.

— Много лет назад, — начал де Монтур, — мне пришлось выполнять поручение своего друга, и я оказался на севере Франции. Так случилось, что ночь застала меня в лесу Виллефер, о котором ходило множество нехороших слухов. И вот в этом дьявольском месте в полнолуние я повстречался с ужасной, противоестественной тварью. Это был оборотень. Мне пришлось сразиться с ним, и из этой схватки мне удалось выйти живым.

Да, я убил его! Но радость победы вскоре была омрачена. Тень убитой мною твари начала охотиться за мной. Если бы она испустила дух до перевоплощения в свое истинное обличье, то беда меня миновала бы. Почему-то все считают, что оборотень — это человек, оборачивающийся волком. Нет! Это волк, превращающийся в человека!

А теперь, друг мой, я открою вам тайну... Мне пришлось многое отдать, чтобы постигнуть ее. Сколько бессонных ночей я провел в чащобах, среди призраков, неведомых человеку чудовищ и диких зверей. Выходцы из потустороннего мира, демоны и древние существа обитают именно там, в недоступных людям местах. Сколько всего странного я увидел и узнал! И сколь многим испытаниям было подвергнуто мое человеческое сознание! Слушайте же внимательно...

Силы Добра и Зла постоянно враждуют между собой. Так было и будет. Когда-то давно, в глубокой древности, среди прочих тварей по Земле бродило существо, имя которому — Человек. Он ничем не отличался от остальных созданий, и силы Добра в его душе соседствовали с силами Зла. И продолжалось так до тех пор, пока Добро не одер-

жало победу. Тогда демоны, посланцы Зла, вселились в тела других животных, рептилий и птиц. И началась грандиозная, длившаяся тысячелетиями, война.

И однажды один из людей, Соломон, который славился своей мудростью, объединил всех людей и возглавил великий поход против сил Зла. Последовало множество схваток, и победителем становился Человек. Исполинские драконы и другие чудовища погибли, и демоны, обитавшие в них, покинули наш мир навсегда.

Но дело в том, что Соломон не смог очистить наш мир от демонов полностью... Некоторая часть из них отступила и затаилась. Они поселились в телах разных зверей, в том числе и волков. С тех пор прошло очень много времени. Демоны не могли покинуть вместивших их животных. Во многих случаях одерживала верх сама природа зверя, и демон исчезал. Такой волк становился обычным хищником и никакими сверхъестественными способностями не обладал. Но некоторые твари становились оборотнями... И когда наступает полнолуние, подобное создание может превратиться в человека. Когда луна идет на убыль, природа животного начинает преобладать над силой Зла, и оборотень вновь превращается в обычного волка. Но если эту тварь убить, когда она в облике человека, то демон получит свободу и начинает творить зло. Все именно так... Да...

А я думал, что покончил с оборотнем, когда он находился в своем первоизданном облике. Я был самонадеян. И в следующее полнолуние меня посетило странное видение. Тогда я заночевал в маленькой французской деревне, со всех сторон окруженной дремучим лесом. Мне не спалось, и я

вышел полюбоваться полной луной, которая висела в небе. Призрачным, мертвенным светом она залила крыши окрестных домов и верхушки гигантских деревьев, обступивших со всех сторон деревушку. И я увидел нечто странное. Ко мне направлялось призрачное, чуть светящееся облако, своими очертаниями повторяющее силуэт волка. Оно явилось словно из ниоткуда, возникло прямо в кристально прозрачном воздухе...

Воспоминания о том, что случилось после, у меня довольно смутные. Будто я бегу по пустынной улице... Кого-то вижу, бросаюсь вперед... Мы бормемся... Потом я отдыхаю где-то в укромном месте. Но это — лишь неясные обрывки, остальное заволакивает пеленой забытья.

Проснувшись на следующее утро, я долго не мог прийти в себя, а потом, к своему ужасу, увидел, что мои руки и одежда выпачканы в крови. Из окна доносились крики разъяренных крестьян. Прислушавшись к ним, я понял, что двое — мужчина и женщина, прогуливавшиеся ночью в поле, за домами, найдены мертвыми. И, судя по всему, смерть их была жуткой. Крестьяне в один голос утверждали, что на них напала стая волков. Я тут же соотнес свои воспоминания с услышанным и все понял. Трясаясь от ужаса, я тайком покинул эту деревню. Ах, если бы я мог оставить там свое второе обличье! Но увы... Теперь я — проклятое Богом и людьми чудовище. Но днем меня никто не может заподозрить в этом. Я знаю, что проклятие довлеет надо мной, но не ощущаю его. Ночью же, когда наступает полнолуние, я становлюсь кровожадным зверем из древнего леса. И совершаю противоестественные деяния. Я приношу демону, который вселяется в меня, все новые и новые жертвы. А наутро, когда

луна покидает небосклон, я становлюсь человеком. Демон всегда появляется за день до полнолуния.

Я решил бежать. Я путешествовал по миру, надеясь хоть где-нибудь спрятаться от ужасного существа. Но тщетно. Господи! Деяниям моим кровавым несть числа! И конечно же, я обязан был сделать все, чтобы погибнуть. Наложить на себя руки. Но я не могу. Ведь я же проклят, и меня ждут вечные адские муки. И еще... Мою плоть никогда не примет земля — в ней ведь обитает демон! Вы понимаете, что это значит? Нет?

Против меня бессильно любое оружие людей. Меня насквозь протыкали шпагами, кинжалами не раз наносили смертельные раны. На моем теле бесчисленное количество шрамов. И никаким оружием меня убить не удалось. В Германии меня однажды арестовали и заточили в тюрьму. Мне должны были отрубить голову. Я долго пробыл там, долго — пока не настало полнолуние. Демон вновь вселился в меня. Ему ничего не стоило порвать железные цепи, взломать засовы и вырваться на волю... Да, я скитался повсюду, сея ужас и оставляя там, где меня застигало полнолуние, обезображенные тела. Со мной ничего нельзя сделать — ни оковы, ни темницы не помогут. Демон сумеет меня освободить...

Я принял приглашение Дона Винченце, находясь уже в полном отчаянии. Здесь никто не слышал обо мне, ни один из этих людей даже не подозревает о том, кто с ним рядом. Тех, кому известен мой секрет, давно нет в живых... Руки мои обгажены кровью, а в сердце полыхает адский огонь. Когда я вспоминаю о собственных преступлениях, то едва не схожу с ума. Ничто не сможет мне помочь...

Пьер! Вы должны меня понять. Никто из людей не ощущал того ужаса, с которым мне приходится

жить каждый день, каждый час, каждое мгновение... Это я убил фон Шиллера... Я напал на Марциту, и она чудом осталась в живых. Демон не делает различия между людьми, его жертвой может стать любой. Не знаю почему...

Я все сказал. Вы можете сейчас взять свою шпагу и убить меня. И да поможет вам Бог! Нет?.. Почему? Теперь вы знаете все, представляете, кто находится перед вами... Я же настоящее чудовище...

Выходя из комнаты де Монтюра, я был потрясен до самого дна души. Я понятия не имел, как поступить. Было ясно, что он убьет всех, кто здесь находится, но я не могу набраться решимости и раскрыть глаза на происходящее Дону Винченце. Мне было жаль де Монтюра. И я испытывал к нему искреннюю симпатию.

* * *

Через некоторое время я обрел присутствие духа. Теперь я все время находился возле де Монтюра. Мы часто беседовали на разные темы, и постепенно между нами стала крепнуть дружба.

Но иногда я замечал, что мой раб Джола странно себя ведет. Возможно, он начал догадываться о том, кто такой де Монтюр. Временами казалось, он хочет что-то мне сообщить, но каждый раз сдерживает себя.

Гости Дона Винченце проводили дни как обычно — развлекались, ездили на охоту и пировали. О таинственных убийствах быстро забыли. Но как-то раз ночью ко мне пришел де Монтюр и показал в черное бархатное небо, где светила луна, которая вскоре обещала быть полной.

— Послушайте, — начал он. — Я тут придумал кое-что. Демон опять обретет власть надо мною. И

очень скоро. Это будет происходить в течение нескольких дней. Мы всем объявим, что я решил поохотиться в джунглях один. А вы запрете меня в подвале — там, где сейчас кладовая Дона Винченце.

Я согласился. Пока де Монтур «охотился», я дважды в день тайком пробирался в подвал и относил своему товарищу пищу и вино. Естественно, он не мог выйти из своего убежища даже днем, чтобы не попасться на глаза кому-нибудь из обитателей поместья или гостям.

Наблюдая за жизнью гостей в усадьбе, я видел, что племянник Дона Винченце, Карлос, весьма равнодушен к своей кузине Исабель. И она вроде бы вполне расположена к нему.

Я испытывал к Карлосу чувство брезгливости, и сама мысль о том, что такая девушка может стать его жертвой, вызвала во мне искреннее негодование. Я даже подумывал о том, чтобы вызвать его на дуэль. Правда, порой мне казалось, что она просто боится своего брата.

Мой старый друг Луиджи тоже страдал от любви к этой стройной миловидной девушке, но Исабель делала вид, что не обращает на него внимания. Поэтому с каждым днем он мрачнел все больше и больше.

Де Монтур, заточенный по собственной воле в кладовой, ночами пытался взломать крепчайшие засовы на своей двери, и днем отсыпался.

Дон Винченце частенько гулял вокруг собственного дома, всем своим видом являя печаль и растерянность. Зато гости не брезговали всевозможными увеселениями, развлекались вовсю, пировали и ссорились.

Джола всячески старался угодить мне, рассказывал различные случаи из жизни туземцев. Однако

рабы Дона Винченце, которых мне доводилось видеть, становились все более непочтительными и хмурыми.

Однажды вечером, перед восходом луны, я отправился навестить де Монтура.

— Друг, вы подвергаете себя большой опасности, приходя ко мне в столь позднее время,— сказал он, едва я открыл засовы на дверях и вошел.

Я ничего не ответил и присел возле него.

В его темнице было одно-единственное оконце, через которое не смог бы пролезть человек, к тому же оно было забрано толстыми железными прутьями. Мы могли слушать то, что происходит снаружи.

— Барабаны туземцев,— сказал я.— Последние несколько дней они звучат гораздо громче, чем обычно.

— Чернокожие ведут себя странно,— кивнул де Монтур.— Я думаю, они что-то замысливают. Вы обратили внимание, что Карлос постоянно встречается с ними? Что ему делать в туземной деревне?

— Нет,— признался я.— Единственное, что я знаю точно: ему не миновать ссоры с Луиджи. Тот не оставил своих попыток добиться благосклонности Исабель.

Мы еще перебросились парой-тройкой фраз, как вдруг де Монтур замолчал и сделался каким-то задумчивым. Казалось, он не прислушивается к моим словам, а лишь машинально кивает.

Мертвенно-бледный свет стал сочиться через зарешеченное окно и осветил лицо нормандца: поднялась луна.

И вдруг мой разум помутился от страха. Я увидел тень, которую отбрасывала фигура несчастного узника, и ее контуры явно свидетельствовали, что у него волчья голова!

Де Монтур ощутил ее приближение тоже. Дико закричав, он вскочил на ноги и замахал мне руками.

Ни медля ни мгновения, я бросился из кладовой и, захлопнув дверь, налег на нее плечом. Потом задвинул засовы. С той стороны толстые доски уже тряслись под ударами чудовища. Я перевел дух, прислушиваясь к тому, что творится внутри: оборотень колотил по двери изо всех сил и пытался отдрать когтями железные листы, которыми та была обшита. Оставалось только надеяться, что всех сил страшного демона не хватит, чтобы совладать с этой массивной дверью...

Когда я наконец пришел к себе, Джола начал что-то возбужденно говорить на своем диком наречии, вобравшем в себя несколько языков. Я выслушал его. Оказалось, он уже несколько дней не решался мне рассказать об этом.

И тогда я бросился на поиски Дона Винченце.

Тут выяснилось, что Карлос пригласил его с собой, в деревню к туземцам. Они решили купить очередную партию рабов.

Об этом мне сказал Дон Флоренца де Севилья. Когда же я выложил ему то, что узнал от своего раба, этот благородный сеньор предложил мне свою помощь, которую я с благодарностью принял.

Мы поспешно направились к воротам и объяснили часовым, куда и зачем идем. А затем побежали по дороге, ведущей в деревню.

Как нам сообщили солдаты, в этот раз Дон Винченце был настолько беззаботен, что даже не взял с собой шпагу! Да, он ушел поздним вечером без оружия и вместе с предателем!

Нам удалось догнать обоих, когда те уже подходили к деревне.

— Остановитесь, Дон Винченце! — крикнул я, задыхаясь. — Вы должны не медля ни минуты повернуть обратно. Карлос предал вас! Он стоворился с дикарями. Мой раб сообщил мне, что этот злодей надеется завладеть вашим состоянием и жениться на Исабель! Туземцы видели следы от сапог вблизи тех мест, где совершались убийства. Карлос убедил невежественных дикарей в том, что зверства творили вы. Что вы — оборотень. Они задумали для вас жуткую казнь. А ночью поднимут восстание и перебьют всех белых в усадьбе. Всех, оставят в живых только Карлоса! Вы должны верить мне, Дон Винченце!

— Карлос? — Дон Винченце повернулся в сторону своего племянника. — Неужели это так?

Тот скривил губы в усмешке.

— Этот глупец совершенно прав. Но он опоздал. Изменить уже ничего нельзя.

Тут он зловеще рассмеялся и бросился на своего дядю. Но Дон Флоренцо опередил его. Сверкнула его шпага, и Карлос, пронзенный насквозь, замер, покачнувшись и повалившись на землю.

Тьма вокруг сгущалась, и мы вдруг заметили, что нас окружают чернокожие воины.

Мы оказались втроем против сотни дикарей! Единственное оружие, которое у нас было, — это шпага и кинжал. В воздухе замелькали копья, крики чернокожих обрушились на нас самым настоящим шквалом.

Пока меня не оглушили дубиной, я успел своим кинжалом уложить трех дикарей. Следом за мной упал Дон Винченце. Он так и не выпустил из руки копья, которым защищался от подступающих дикарей. Другое копьё поразило его в бедро. Над нами возвышался Дон Флоренцо, шпага которого мель-

кала так, что уследить за нею взглядом было невозможно. Но что он мог сделать в одиночку? Я уже решил, что нас ожидает неминуемая смерть, когда раздались выстрелы и туземцев как ветром сдуло...

И спустя некоторое время мы все-таки добрались до поместья.

* * *

Но окрестные племена взбунтовались. Они окружили нас, а над этим морем чернокожих воинов возвышался лес копий. Их крики представляли для наших ушей ужасающую, ни с чем не сравнимую какофонию.

Волнами туземцы накатывали на усадьбу, отступали и снова бросались вперед. Всех тех, кто защищал стены, едва ли было больше сотни, но наши меткие выстрелы отбрасывали разъяренных чернокожих назад.

К свету полной луны, висящей в небе, добавился еще и огонь пожарищ: чернокожие разграбили и подожгли склады, расположенные между усадьбой и рекой. На другом ее берегу стоял основной склад Дона Винченце. Вокруг него собралось множество дикарей. Они выносили оттуда товары. Там же происходил и дележ награбленного.

— Вот бы сейчас поджечь это здание, — мечтательно произнес Дон Винченце. — Мы бы им задали такого жару, что черти в преисподней позавидовали бы. Там в подвале сотня бочонков с порохом... Стоило бы проучить их. Здесь ведь племена и с реки, и с побережья. А корабли мои придут еще не скоро. Мы, конечно, продержимся некоторое время, но как только эти дьяволы переберутся через частокол, нас ждет неминуемая смерть.

Услышав эти слова, я оставил своих товарищей и спустился в подвал, где находился де Монтур. Я громко произнес его имя, и он отозвался своим обычным голосом. Мне стало понятно, что демон сейчас не властен над ним.

— Дикари напали на нас, — выложил я ему последнюю новость.

— Я догадался, — сказал де Монтур. — Как идет сражение?

Я вкратце рассказал ему о предателе Карлосе, атаках дикарей и складе, где хранится порох.

— Вот это тот случай, которого я так жду! — восторженно заявил он. — Это как раз та пища, которой так жаждет демон внутри меня! Только бы мне удалось выбраться за ворота поместья до того, как он вернется! Я наверняка сумею прорваться к складу и поджечь порох!

— Но это просто невозможно! — воскликнул я. — Не одна сотня воинов преградит вам дорогу. А вокруг склада их просто не счесть! И не забывайте, сколько крокодилов в реке.

— Я должен пойти на это. — В его словах слышалась глубокая убежденность. — Если мне посчастливится, то тысячи чернокожих отправятся прямым ходом к своим праотцам. А если погибну я... что ж, возможно, душа моя наконец обретет свободу, и тем самым я искуплю хоть малую толику своих человеческих грехов.

Я согласился с ним и сказал:

— Вам надо торопиться. Вот-вот должна начаться новая атака чернокожих дьяволов. Уже доносятся их крики! Нельзя терять ни минуты.

Мы бросились бежать к воротам цитадели Дона Винченце. Мне удалось чуть приоткрыть их — так, чтобы де Монтур смог протиснуться наружу. Меж-

ду тем с другой стороны поместья уже разгоралась очередная схватка.

Едва завидев нормандца, который оказался на виду у дикарей, те восторженно взвыли, уверенные, что он станет для них легкой добычей. Защитники, стоявшие на стенах, стали звать его обратно.

Взобравшись на стену, я стал следить за действиями де Монтюра. Тот бросился в сторону реки. С десяток чернокожих побежало ему наперерез, размахивая копьями.

Вдруг окрестности огласил жуткий, леденящий кровь волчий вой. Де Монтур повернулся и бросился навстречу дикарям. Чудовище, в которое он превратился, неестественно быстро разделалось с ними, будто они были детскими куклами. Увидев это, туземные воины разразились криками. Но в них прозвучала не ярость, а страх.

Со стены раздалось несколько выстрелов. А де Монтур продолжал расчищать себе дорогу в гуще дикарей. Он расправлялся с каждым, кто оказывался перед ним.

Побойще было недолгим. Наконец де Монтур остановился, обводя взглядом трупы, усеявшие землю вокруг него. Он на какое-то время остановился, будто набираясь сил, а затем побежал к берегу реки.

У него на пути оказалась еще одна толпа дикарей. Горящие склады позволяли мне со стены видеть все происходившее там в мельчайших подробностях. Одно из копий вонзилось де Монтуру в плечо. Тот прямо на бегу вытащил его и метнул в дикарей, а потом как ястреб набросился на них.

Туземцы падали как подкошенные. Никто не смог справиться с демоном, вселившимся в тело белого человека. Осознав это, все, кто еще окружал де

Монтура, побежали в разные стороны, истошно вопя. Оборотень догнал одного из них, прыгнул на него сзади, и оба покатались по земле.

Но спустя мгновение де Монтур уже мчался к реке и исчез в тени прибрежных кустарников.

Больше я ничего разглядеть не смог. Нормандец будто растаял.

— Ну и чертовщина! — Дон Винченце, подошедший ко мне, выглядел до крайности изумленным. — Что творится с тем человеком? Если я не ошибаюсь, это де Монтур?

Мой кивок был ему ответом. Трещали горящие склады на берегу, гремели выстрелы, отовсюду доносились крики дикарей...

Я опять повернулся и стал смотреть в сторону склада, где колыхалось целое море черных голов...

— Они готовятся атаковать поместье все вместе, сплошной толпой, — сказал Дон Винченце. — Подступают уже вплотную к стенам. Вряд ли удастся выстоять...

И тут загрохотало так, что дрогнула земля, и всем почудилось, будто разверзлись ворота в ад. Столб пламени поднялся до самых звезд! Даже между камней, из которых был сложен дом Дона Винченце, образовались трещины.

И сразу наступила гробовая тишина.

Едва рассеялись клубы дыма, которые заволокли оба берега реки, я начал всматриваться в то место, где был расположен склад. Там зияла огромная черная воронка, более всего походившая на жерло вулкана.

Вряд ли стоит подробно описывать, как люди Дона Винченце сделали вылазку и погнали чернокожих вниз по склону. Как в страхе бежали оставшиеся в живых дикари. О том, как униженно

они просили пощады и каким строгим наказанием их подверг Дон Винченце.

Пожалуй, не стоит особенно распространяться и о том, господа, как я отправился с одним из отрядов и, решив побродить один в джунглях, отстал от него, как заблудился и никак не мог выйти обратно, к берегу реки. Как меня схватили работорговцы, а я смог сбежать от них. Пожалуй, как-нибудь в другой раз я поведаю и эту занимательную историю. Потом, не теперь. Мне хочется рассказать вам, что сталося с де Монтуром.

Тогда я удивлялся, как ему удалось совершить невозможное и добраться до склада вплавь. Правда, человек не способен на это, но вот дьявольская тварь, в обличье которой он находился?..

Но если демон и способен на такое, то неужели это сверхъестественное существо взорвало склад? Ведь оно способно только крушить и убивать, человеческий разум ему чужд...

После того как я бежал от работорговцев, мне пришлось долго блуждать по джунглям. Я искал дорогу к побережью и неожиданно обнаружил небольшую, сделанную наспех хижину, притаившуюся в самой чаще.

Я обрадовался, потому что мне совершенно не хотелось подвергать себя опасности, которую ночью представляют для человека ядовитые змеи и насекомые.

Но, едва ступив на порог этого жалкого строения, я замер, не в силах произнести ни слова. На некоем подобии стула сидел человек, который поднял в этот момент голову, и свет луны упал на его лицо.

Я едва не бросился бежать со всех ног, но страх буквально парализовал меня. Передо мной сидел де Монтур.

Де Монтур!

А в это время как раз случилось полнолуние.

Оборотень поднялся навстречу мне. Да, то же самое лицо — как у человека, побывавшего в самом аду! Бледное как мел, горящие глаза...

— Не бойтесь, мой друг, — проговорил он тихо и спокойно. — Входите же и располагайтесь. Демон больше не властен надо мной.

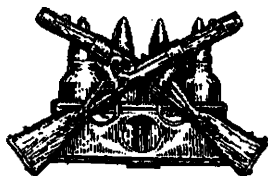
— Но как вам удалось избавиться от него? Расскажите же скорей, — попросил я, протягивая своему другу руку.

— Та ночь обернулась крошечным адом. К реке я добрался, убивая всех дикарей без разбора... — принялся рассказывать де Монтур. — Моя душа и разум не сопротивлялись демону. Каждую пядь земли я усеивал трупами чернокожих. Потом я оказался на берегу и ринулся в воду. Крокодилы будто только и ждали этого. Они поплыли ко мне со всех сторон, но демон, вселившийся в меня, помог и тут. Я расправился с ними так же быстро, как до этого с туземцами. Если бы вы видели, что творилось! Но, уже выходя на берег, я понял, что демон оставил меня. Однако я не мог отступить... Я должен был довести начатое до конца. Мне чудом удалось подкрасться к складу и поджечь его... И более того — я успел отойти, прежде чем взорвался порох. Оглушенный, я долго бродил в джунглях и, похоже, заблудился. Вновь взопла полная луна. И еще раз... И еще... Со мной больше ничего не случилось. Да, я наконец освободился. Я свободен! — В тоне его голоса сквозила неподдельная радость, видимо переполнявшая этого человека. — Я теперь снова че-

ловек, а демон?.. Кто знает? Возможно, он покинул этот мир, пресытившись последним побоищем. Или он переселился в одного из крокодилов и теперь нападает на чернокожих в полнолуние, но уже без моего участия...

Ну вот, господа, так все и было.

ТЕНЬ ЗВЕРЯ

ЧЕРНЫЙ КАНААН

-Б

1

еда на ручье Туларуса!
От такого предупреждения
любого человека, выросшего в
затерянной стране черноко-
жих — Канаане, лежащей меж-
ду Туларусом и Черной рекой,
прошиб бы от страха холодный
пот... И этот человек, где бы
он ни был, со всех ног помчал-
ся бы назад, в окруженный
болотами Канаан. Предупреж-
дение — всего лишь шепот об-
ветренных губ едва волочащей

ноги старой карги, которая исчезла в толпе раньше, чем я мог бы схватить ее. Но и его было достаточно.

Не нужно подтверждений. Не нужно искать, каким таинственным путем темного народа весть с берегов Туларуса дошла до негритянки. Не нужно спрашивать, какие неведомые силы Черной реки распечатали морщинистые губы старухи. Достаточно того, что предупреждение прозвучало... и я понял его. Понял? Как же человек с Черной реки мог истолковать такое предупреждение? Только так: старая ненависть снова вскипела в глубинах джунглей, среди болот, темные тени заскользили среди кипарисов, и смерть начала свое гордое шествие по таинственным деревьям нигтеров на заросших мхом берегах унылого Туларуса.

Через час Новый Орлеан остался у меня за спиной, продолжая удаляться с каждым поворотом хорошо смазанного колеса парохода. Любой человек, рожденный в Канаане, был привязан к тем местам невидимой нитью, которая тянула назад, когда его родине угрожали темные тени, затаившиеся в заросших джунглями тайных уголках более чем полстолетия назад.

Самые быстрые суда, на которых я плыл, казались безумно медленными для путешествия вверх по большой реке и по маленькой быстрой речушке. Перегорев, я равнодушным ступил на Шарпсвилльскую землю, чтобы проделать последние пятнадцать миль. Была полночь, но я поторопился к платной конюшне, где по традициям, заведенным полстолетия назад, всегда, днем и ночью, стоял под седлом конь Бакнера.

Когда сонный чернокожий мальчик подтягивал подпруги, я повернулся к хозяину стойла, Джо Ла-

ферти, зевавшему и державшему лампу высоко над головой.

— Идут слухи о неприятностях на берегах Туларуса?

Даже в тусклом свете лампы было видно, как он побледнел.

— Не знаю. Я слышал разговоры... Но ваши в Канаане всегда держат рты на замке. У нас никто не знает, что там творится...

Ночь поглотила и его фонарь, и дрожащий голос, когда я поскакал на запад.

Красная луна стояла над темными соснами. В лесу ухали совы, и где-то выла собака, рассказывая ночи о своей грусти. В темноте перед самой зарей я пересек Голову Ниггера — черный сверкающий ручей, окаймленный стенами непроницаемых теней. Копыта моего коня прошлепали по мелководью и — слишком громко в ночной тишине — зазвенели о мокрые камни. За Головой Ниггера начиналась местность, которую называли Канаан.

Беря начало на севере среди тех же болот, что и Туларус, ручей Голова Ниггера тек на юг, впадая в Черную реку в нескольких милях к западу от Шарпсвилля, в то время как Туларус протекал западнее и встречался с той же рекой много выше по течению. Сама же Черная река протянулась с северо-запада на юго-восток. Эта река и два ручья образовывали огромный треугольник, известный как Канаан.

В Канаане жили сыны и дочери белых переселенцев, которые первыми поселились в этой местности, а также сыны и дочери их рабов. Джо Лаферти был прав: мы — изолированы, держим рты на замке, не ищем ни с кем общения, ревниво относимся к неприкосновенности своих владений и независимости.

За Головой Нигтера лес стал гуще, дорога сузилась, петляя среди земель, заросших соснами, кое-где перемежающимися дубами и кипарисами. Вокруг не было слышно никаких звуков, кроме мягкого цоканья копыт моего коня по пыльной дороге и скрипа моего седла. И вдруг кто-то хрипло засмеялся.

Я остановился и стал вглядываться в заросли. Луна села, заря еще не разгорелась, но слабое мерцание уже дрожало над деревьями, и в его свете я разглядел неясную фигуру под обросшими мхом ветвями. Моя рука инстинктивно легла на рукоять одного из дуэльных пистолетов, которые я прихватил с собой. Это вызвало низкий соблазнительно насмешливый, музыкальный смешок. Наконец я разглядел коричневое лицо, пару сверкающих глаз, белые зубы, обнажившиеся в наглой улыбке.

— Кто ты, черт тебя побери? — спросил я.

— Почему, Кирби Бакнер, ты приехал так поздно? — насмешливый смех звучал в этом голосе. Акцент казался забытым и непривычным — едва различимая гнусавость негров, — но голос был густым и чувственным, как и округлое тело его обладательницы. В тусклом свете ее темные волосы огромным цветком едва различимо мерцали во тьме.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я. — Откуда далеко до деревни твоего народа. К тому же я тебя не знаю.

— Я пришла в Канаан вскоре после того, как ты уехал, — ответила она. — Моя хижина на берегу Тупларуса. Но сейчас я сбилась с пути, а мой бедный брат повредил ногу и не может идти.

— Где твой брат? — встревожившись, спросил я. Ее превосходный английский беспокоил меня, привыкшего к диалекту черного народа.

— Там, в лесу... далеко! — Она показала в черные глубины леса, не просто махнув рукой, а изогнувшись всем телом и по-прежнему дерзко улыбаясь.

Я понял, что в чаще нет никакого повредившего ногу брата. И девушка знала, что я понимаю это, и смеялась надо мной. Но странная смесь противоречивых эмоций подтолкнула меня. Никогда раньше я не обращал внимания на черных или коричневых женщин. Но эта квартиронка отличалась от всех, кого я видел раньше. У нее были правильные, как у белой женщины, черты лица. Однако выглядела она варваркой — открыто соблазнительная улыбка, блеск глаз, бесстыдные движения всем телом. Каждый жест, каждое движение отличали ее от обычных женщин. Ее красота казалась дикой и непокорной, скорее сводящей с ума, чем успокаивающей. Такая красота ослепляет мужчину, от нее кружится голова, пробуждая неудержимые чувства, которые достались людям в наследство от предков-обезьян.

Я отлично помню, как спешился и привязал своего коня. Кровь оглушающе пульсировала у меня в висках, и я, нахмурившись, посмотрел на девушку, совершенно очарованный:

— Откуда ты знаешь мое имя? Кто ты?

Со смехом она схватила меня за руку и потянула в глубь теней. Околдованный огоньками, мерцавшими в глубине ее темных глаз, я пошел следом за ней.

— Кто не знает Кирби Бакнера? — засмеялась она. — Все люди в Канаане только и говорят о вас — и белые, и черные. Пойдем! Мой бедный брат давно хотел взглянуть на тебя! — И она засмеялась со злобным триумфом.

Такое открытое бесстыдство привело меня в чувство. Циничная насмешка разрушила почти гипнотические чары, жертвой которых я пал.

Я остановился, отбросил ее руку и зарычал:

— В какую дьявольскую игру ты играешь, тварь!

Неожиданно улыбающаяся сирена превратилась в дикую кошку джунглей. Ее глаза вспыхнули со смертоносной яростью. Ее красные губы скривились, когда она отпрыгнула назад, что-то громко крикнув.

В ответ раздался топот голых ног. Первый бледный луч зари пробился сквозь покров ветвей, открыв нападавших — трех огромных черномазых. Я увидел блеск белков их глаз, белых зубов и широких стальных клинков в их руках.

Моя первая пуля пробила голову самому высокому, отбросив его мертвое тело. Мой второй пистолет бессильно щелкнул — капсюль соскользнул с бойка. Я метнул его в черное лицо, и, когда негр упал, наполовину оглушенный, я выхватил свой охотничий нож и схватился с третьим. Парировав удар кинжала, я прочертил острием своего клинка по мускулам его живота.

Он закричал, словно болотная пантера, и схватил мою руку с ножом, но я ударил его в челюсть кулаком левой, почувствовав, как плющатся его губы и крошатся зубы. Негр отшатнулся, и его кинжал описал широкую дугу. Прежде чем он восстановил равновесие, я метнулся за ним и нанес удар ему под ребра. Застонав, он соскользнул на землю в лужу собственной крови.

Я обернулся, высматривая того, кто еще остался в живых. Он только поднимался. Кровь стекала у него по лицу и шее. Когда я посмотрел на него, он неожиданно испуганно закричал и нырнул в

подлесок. Отзвуки его бегства донеслись до меня, постепенно затихая. Девушки тоже нигде не было видно.

2

Немного придя в себя, я обнаружил, что девушка исчезла. Во время схватки я забыл о ней. Но я не тратил время на тщетные предположения, откуда она взялась, пока ощутую пробирался назад к дороге. Тайна пришла в леса.

Мой конь фыркал и дергал привязанные поводья, испуганный запахом крови, пропитавшим тяжелый, сырой воздух. По дороге заклацали копыта, кто-то приближался в разгорающемся свете зари. Зазвучали голоса.

— Кто это? Выйди и назови себя, иначе мы будем стрелять.

— Остынь, Есаи! — воскликнул я. — Это — Кирби Бакнер!

— Кирби Бакнер, да поразит меня гром! — воскликнул Есаи Макбрайд, опуская пистолет. Несколько всадников маячило у него за спиной.

— Мы услышали выстрел, — объяснил Макбрайд. — Мы патрулируем дороги вокруг Гримсвилля, как делаем каждую ночь уже с неделю... С тех пор, как они убили Ридли Джексона.

— Кто убил Ридли Джексона?

— Нигтеры с болот. Это все, что мы знаем. Както, с месяц назад, утром, Ридли вышел из леса и постучал в дверь капитана Сорлея. Кэп сказал, что у Ридли лицо было серое, как пепел. Он выл, умоляя Кэпа дать ему, ради Бога, войти. Видно, он хотел рассказать что-то ужасное. Так вот, Кэп от-

правился открывать дверь, но раньше, чем он спустился вниз, он услышал, как ужасно взвыли его собаки, и еще он услышал дикий человеческий крик. Вопил Ридли. А когда Кэп открыл дверь, там уже никого не было, только мертвая собака с разбитой головой лежала во дворе, а все другие псы словно с ума посходили. Они-то и нашли Ридли среди сосен в нескольких сотнях ярдов за домом Кэпа. От дверей Кэпа до того места вся земля была взрыта и кусты переломаны, словно Ридли тащили четыре или пять человек. Может, они даже связали и протащили его волоком. Так или иначе, они всмятку разбили Ридли голову и оставили его там лежать.

— Будь я проклят! — пробормотал я. — Вон там, у дороги, лежат трупы еще двух ниггеров. Мне интересно, знаете ли вы их? Я не знаю.

Через мгновение мы стояли на прогалине. Уже достаточно рассвело. Лишь одно темное тело лежало на ковре из сосновых иголок. Голова мертвеца покоилась в луже крови. Большое пятно на земле и кровь на переломанных кустах была и по другую сторону маленькой полянки, но второй черномазый, видимо, был всего лишь ранен и сбежал.

Макбрайд перевернул тело носком сапога.

— Один из ниггеров, что прибыл с Саулом Старком, — прошептал он.

— Кто это, черт возьми? — потребовал я объяснений.

— Странный ниггер, который переехал в эти края, после того как ты отправился вниз по реке. Прибыл он, по его словам, из Южной Каролины. Живет в старой хижине Нека... Ты знаешь, лачуга, где ютились ниггеры полковника Рейнольдса.

— А ты, Есаи, не прокатишься со мной до Гримсвилля? По дороге ты бы рассказал мне о том, что

здесь творится,— предложил я.— Остальные пусть пошарят вокруг, может, и найдут раненого ниггера где-нибудь неподалеку в кустах.

Есаи согласился проводить меня. Бакнеры всегда по молчаливому согласию считались в Канаане предводителями, и для меня было естественным, что остальные согласились с моим предложением. Никто не может приказывать белому человеку в Канаане.

— Полагаю, ты и сам скоро все увидишь,— заметил Макбрайд, когда мы поскакали по белеющей среди деревьев дороге.— Надеюсь, тебе удастся разобратся в том, что происходит в Канаане.

— Так что же случилось? — спросил я.— Я ничего не знаю. Я был в Новом Орлеане, когда старая негритянка прошептала мне, что тут у вас неприятности. Естественно, я со всех ног помчался домой. Три странных ниггера поджидали меня...— Любопытно, но мне почему-то не захотелось упоминать женщину, заманившую меня в ловушку.— Потом ты мне сказал, что кто-то убил Ридли Джексона. Что все это значит?

— Ниггеры с болот убили Ридли, чтобы заткнуть ему рот,— объяснил Макбрайд.— Это был единственный способ сделать так, чтобы он замолчал. Должно быть, они были рядом, когда он постучал в дверь капитана Сорлея. Ридли ведь проработал на Кэпа большую часть жизни. Кэп заботился о старике. Какая-то дьявольщина творится на болотах, и Ридли хотел предупредить об этом белых. Я это так понимаю.

— Предупредить о чем?

— Мы не знаем,— признался Макбрайд.— Вот почему мы настороже. Должно быть, ниггеры собираются подняться.

Этого слова было достаточно, чтобы вызвать дрожь в сердце любого жителя Канаана. Черные поднялись в 1845-м, и кровавый ужас этого восстания не был забыт.

Рабы взбунтовались, жгли все подряд и убивали всех белых вдоль Черной реки, от Туларуса до Головы Нигтера. Страх перед восстанием черных застал в Канаане, каждый ребенок здесь впитал его с молоком матери.

— С чего это ты решил, что черные поднимутся? — спросил я.

— Все нигтеры ушли с полей это раз. У них всех появились дела в Гошене. В Гримсвилле уже с неделю ни одного нигтера не видать. Их городок тоже заброшен.

В Канаане мы до сих пор придерживаемся порядков, существовавших еще до гражданской войны. «Городок нигтеров» — перестроенные дома на окраине Гримсвилля, в старые дни служившие неграм-слугам. Многие черномазые и до сих пор живут там или поблизости от Гримсвилля. Но их было немного по сравнению с «болотными нигтерами», живущими на крошечных фермах, расположившихся вдоль ручейков по краю болот, или в деревне черных — Гошене, что на берегу Туларуса. Они берут свои корни от тех, кто раньше работал на полях, и не тронуты цивилизацией, очистившей души слуг в доме. Эти чернокожие примитивны, как их африканские предки.

— Куда же подевались жители города нигтеров? — спросил я.

— Никто не знает. Они испарились неделю назад. Может, попрятались вдоль берега Черной реки. Если мы выиграем, они вернутся. Если нет, то станут искать убежища в Шарпсвилле.

Я решил, что Есаи немного ступает краски, словно восстание нигтеров уже было непреложным фактом.

— И что вы сделали? — требовательно спросил я.

— Да немного, — признался он. — Нигтеры открыто не выступили. Убит лишь Ридли Джексон, а мы точно и не знаем, кто это сделал и почему... Они ведь пока только исчезли. Но это очень подозрительно. И мы не можем забыть о Сауле Старке.

— Кто этот парень? — спросил я.

— Я уже рассказал тебе все, что знал. Он получил разрешение поселиться в старой пустующей хижине Нека. Большой такой черный дьявол. Никогда не слышал, чтобы хоть один нигтер говорил на английском так хорошо, как он. С ним были три или четыре здоровяка из Южной Каролины и коричневая сучка, которая ему то ли дочь, то ли жена, то ли сестра. В Гримсвилле он ни разу не был, но через несколько недель после того, как он прибыл в Канаан, нигтеры стали вести себя странно. Некоторые из парней хотели поехать тогда в Гошен и поговорить с черномазыми по душам, но решили повременить, чтобы не попасть впросак.

Я знал, что мой спутник имел в виду ужасную историю, которую рассказывали нам наши деды; историю о том, как карательная экспедиция из Гримсвилля однажды попала в засаду и была перерезана в густых зарослях кустов, окружавших Гошен, беглыми рабами, в то время как другая банда нигтеров опустошала Гримсвилль, оказавшийся беззащитным перед их вторжением.

— Может, всем нам стоит отправиться на поиски этого Саула Старка? — предложил Макбрайд. —

Но мы не смеем оставить город без защиты. Но скоро мы... Эй, а что это там?

Мы неожиданно выехали из лесу в деревню Гримсвилль — центр жизни белого населения Канаана. Она не была какой-то особенной. Но чистых и побеленных деревянных домов было тут достаточно. Маленькие домики лепились вокруг больших домов в старинном стиле, приютивших грубую аристократию лесной глуши. Все семьи «плантаторов» жили в «городе». «В сельской местности» жили их арендаторы и мелкие независимые фермеры, как белые, так и черные.

Маленький деревянный сруб стоял там, где дорога сворачивала в лес. Голоса, доносившиеся оттуда, звучали угрожающе, а на пороге замерла высокая тощая фигура — человек с ружьем в руках.

— Кто с тобой, Есаи? — окликнул нас этот человек. — Ей-богу, это Кирби Бакнер! Рад тебя видеть, Кирби.

— Что случилось, Дик? — спросил Макбрайд.

— Там, в хижине, ниггер. Пытаемся разговорить его. Бил Рейнольдс заметил, как он крался по окраине города на заре, и поймал его.

— Что за негр? — спросил я.

— Топ Сорлей. Джон Виллоуби отправился за болотной гадюкой.

Подавив проклятие, я спрыгнул с лошади и вошел в хижину следом за Макбрайдом. Полдюжины мужчин в сапогах и с пистолетными ремнями¹ сгруппировались над фигурой, съездившейся на старой сломанной койке. Топ Сорлей (его предки приняли фамилию семьи, которая владела ими в дни рабства) выглядел жалко. Кожа его была пепельного

¹ Ремни-патронташи, на которых «стрелки» на Западе носили кобуры с пистолетами.

цвета, зубы спазматически щелкали, а глаза закатились, сверкая белками.

— Здесь Кирби! — воскликнул один из мужчин, когда я стал протискиваться к негру. — Держу пари, он заставит эту скотину заговорить!

— Пришел Джон с гадюкой! — закричал кто-то — и дрожь прошла по телу Топа Сорлея.

Я легонько толкнул черномазого в бок рукоятью хлыста.

— Топ, — обратился я к нигтеру. — Ты много лет работал на ферме моего отца. Скажи, кто-нибудь из Бакнеров когда-нибудь угрожал тебе просто так?

— Не-е-ет, — едва слышно ответил он.

— Тогда чего ты боишься? Почему бы тебе не рассказать все как есть? Что-то происходит на болотах. Ты знаешь что, и я хочу, чтобы ты нам рассказал, почему все городские нигтеры разбежались. Почему убит Ридли Джексон? Что же такое таинственное затевают нигтеры с болот?

— И что за дьявольщину устроил Саул Старк на берегу Туларуса? — воскликнул один из собравшихся.

Когда произнесли имя Старка, Топ еще больше сжался.

— Я боюсь, — задрожал нигтер. — Он утопит меня в болоте!

— Кто? — требовательно спросил я. — Старк? Разве Старк теперь правит в этих краях?

Топ закрыл лицо руками и не ответил. Я положил руку ему на плечо.

— Топ, — сказал я. — Знаешь, если ты все расскажешь, мы защитим тебя. Если же не расскажешь, не думаю, чтобы Старк смог придумать тебе что-то похуже того, на что способны эти парни. Теперь говори... что все это значит?

Он, отчаявшись, посмотрел на меня.

— Тогда вы должны оставить меня здесь — дрожа, пробормотал он. — Охранять меня, дать мне денег, чтоб я мог уехать, когда начнутся неприятности.

— Мы все так и сделаем, — тотчас пообещал я. — Ты можешь оставаться в этой хижине, пока не решишь отправиться в Новый Орлеан или куда ты там захочешь.

Топ сдался, отступил, и слова полились с его мертвенно-серых губ:

— Саул Старк — всему виной. Он приехал сюда, потому что здесь страна черных. Он попытается убить всех белых в Канаане...

Мои приятели зарычали. Так рычат волки, учуяв дичь.

— Он хочет провозгласить себя королем Канаана. Он послал меня шпионить за вами этим утром, посмотреть, что станет делать мистер Кирби. Еще он послал людей на дорогу, зная, что мистер Кирби вернется в Канаан. Уже с неделю ниггеры на Туларусе занимаются вуду. Ридли Джексон хотел обо всем рассказать капитану Сорлею, но ниггеры Старка догнали и прикончили его. Это просто свело Старка с ума. Он-то не хотел убивать Ридли. Он хотел его бросить в болото вместе с Танком Биксби и остальными.

— О чем ты говоришь? — спросил я.

Далеко в лесу раздался странный пронзительный крик, словно птица какая-то закричала. Но такой птицы раньше никогда в Канаане не водилось. Топ тоже закричал, словно ей в ответ, и весь задрожал. Он вжался в койку, парализованный страхом.

— Это — сигнал! — воскликнул я. — Кто-нибудь должен выйти и посмотреть, что там такое.

Полдюжины мужчин двинулись выполнять мой приказ, а я вернулся, чтобы снова разговорить Топа. Но это оказалось бесполезным занятием. Сильный страх запечатал его уста. Он лежал, дрожа, словно побитое животное, и даже не слышал моих вопросов.

Никто и не предлагал напугать его гадюкой, потому что никто из нас раньше не видел негра, парализованного страхом. Но вот те, кто отправился на поиски, вернулись с пустыми руками.

Они никого не видели, и на толстом ковре сосновых игл не было никаких следов. Все смотрели на меня в ожидании.

— Так что, Кирби? — спросил Макбрайд. — Брекингидж и остальные только что вернулись. Они так и не нашли ниггера, которого ты подранил.

— Был еще третий ниггер, которого я лишь ударил пистолетом, — сказал я. — Может, он вернулся и помог раненому. — До сих пор я не мог прийти в себя, вспоминая ту коричневую девушку. — Оставьте Топа. Может, через какое-то время он отойдет. И пусть все время кто-нибудь охраняет эту хижину. Ниггеры с болот могут попытаться прикончить его, как прикончили Ридли Джексона. Есаи, пошли людей, пусть патрулируют на дорогах вокруг города. Кто-то из ниггеров может прятаться в лесу неподалеку.

— Хорошо. Я думаю, ты захочешь зайти к себе домой и встретиться со своими.

— Да. И я хочу поменять эти игрушки на парочку стволов сорок четвертого калибра. Потом я отправлюсь на прогулку — поговорить с белыми арендаторами, чтобы те ехали в Гримсвилль. Но если и будет восстание, мы пока не знаем, когда оно начнется.

— Ты не поедешь один! — запротестовал Макбрайд.

— Со мной будет все в порядке, — равнодушно ответил я. — Все это может так ничем и не кончиться, но лучше подготовиться. Вот поэтому-то я и хочу отправиться к арендаторам. Нет, я не хочу, чтобы кто-то ехал со мной. Если ниггеры сойдут с ума настолько, что попытаются атаковать город, у вас на счету будет каждый человек. Но если я смогу встретиться с кем-нибудь из болотных ниггеров, я поговорю с ними, и тогда, надеюсь, никто не станет нападать на город.

— Ты не сможешь увидеть черных даже мельком, — заявил мне Макбрайд.

3

Еще до полудня я выехал из деревни, направляясь на запад по старой дороге.

Густой лес сразу поглотил меня. Стены сосен встали слева и справа, изредка уступая место полям, окруженным шаткими изгородями. Возле таких полей частенько стояли бревенчатые срубы домов арендаторов или фермеров, вокруг которых носились растрепанные детишки и тощие псы.

Теперь же срубы оказались пусты. Их обитатели, если они были белыми, уже перебрались в Гримсвилль; если черными — ушли в болота или попрятались в тайные убежища городских ниггеров, как те того хотели. В любом случае пустующие срубы заставляли строить самые зловещие предположения.

Напряженная тишина царил в сосновых лесах. Ее нарушал только редкий завывающий крик пахаря. Я не спешил, время от времени сворачивал с

главной дороги, чтобы предупредить обитателей какой-нибудь одинокой хижины, спрятавшейся на берегу очередного ручья, густо заросшего кустами. Большая часть срубов находилась в стороне от дороги. Белые почти не селились так далеко на севере, потому что в той стороне находился ручей Туларус и заросшие джунглями болота, вытянувшиеся к югу бухточками, словно указующие пальцы.

Мое предупреждение было кратким. Не нужно было спорить или что-то объяснять. Не вылезая из седла, я кричал:

— Уходите в город. Неприятности на Туларусе.

Лица бледнели, и люди бросали свою работу, что бы ни делали. Мужчины брали ружья и стогнали мулов, чтобы запрячь их в фургоны. Женщины связывали в узлы самое необходимое и созывали детей. Пока я ехал, я слышал, как поселенцы трубили в бычьи рога, собирая тех, кто ушел вверх или вниз по ручьям, призывая людей с отдаленных полей... И я знал, так они предупреждали каждого белого в Канаане. Сельская местность у меня за спиной пустела. Тонкими, но непрекращающимися потоками стекались люди в Гримсвилль.

Солнце низко висело над верхушками ветвей сосен, когда я добрался до сруба Ричардсона — самого западного «белого» жилища в Канаане. Позади этого сруба лежал Нек — треугольный остров суши между Туларусом и Черной рекой, заросший джунглями участок, где были лишь негритянские хижины.

Миссис Ричардсон озабоченно позвала меня с крыльца своего жилища:

— Привет, Кирби. Рада видеть, что вы вернулись в Канаан. Мы весь вечер слышим, как трубят в рога. Что это значит? Это... это не...

— Вам и Джо лучше бы собрать ребятшек и до темноты перебраться в Гримсвилль,— ответил я.— Ничего пока не случилось, а может, и не случится, но лучше быть в безопасности. Все белые уже или на пути в Гримсвилль, или собираются туда отправиться.

— Мы поедем прямо сейчас! — воскликнула она, побледнев, и сорвала передник.— Боже! Мистер Кирби, вы считаете, что они могут прирезать нас раньше, чем мы доберемся до города?

Я покачал головой:

— Если черные вообще нападут, то сделают это ночью. Мы на всякий случай принимаем меры безопасности. Возможно, ничего и не случится.

— Могу поспорить, что тут-то вы ошибаетесь,— заметила она, торопливо собираясь.— Я слышала, как бьют в барабаны у хижины Саула Старка. Снова и снова бьют, вот уже неделю. Они призывают к Большому Восстанию. Мой отец много раз рассказывал мне о нем. Нигтеры тогда содрали кожу с его еще живого брата. Рога трубят вверх и вниз по ручью, а барабаны бьют еще громче... Вы поедете с нами, мистер Кирби?

— Нет. Я отправляюсь на разведку, проеду по тропинке чуть дальше.

— Не заезжайте слишком далеко.. Вы можете попасть прямо в лапы Саула Старка и его дьяволов. Боже! Где этот человек? Джо! Джо!

Когда я поехал дальше по дорожке, ее пронзительные крики еще долго раздавались у меня за спиной. За фермой Ричардсона сосны уступили место дубам. Подлесок стал гуще. Порывистый ветерок принес запах гниющих растений. Случайно заметил я негритянскую хижину, наполовину спрятавшуюся под деревьями. Но вокруг стояла тишина и было

пустынню. Брошенный негритянский сруб означал только одно: черные собрались в Гошене, в нескольких милях к востоку от Туларуса. И это тоже что-то да значило.

Моей целью была хижина Саула Старка. Я решил добраться туда, когда услышал бессвязный рассказ Топа Сорлея. Без сомнения, Саул Старк являлся ключевой фигурой в паутине тайны. С ним-то мне и нужно было иметь дело. Я рисковал жизнью, но какой-то человек все равно должен был взять на себя лидерство.

Солнце светило сквозь нижние ветви кипарисов, когда я добрался до жилища Старка — низкого сруба среди сумрачных тропических джунглей. В нескольких шагах позади него начинались необитаемые болота, среди которых темный поток Туларуса впадал в Черную реку. В воздухе повис тяжелый, гнилостный запах. Деревья здесь обросли серым мхом, а ядовитый плющ разросся буйными зарослями.

Я позвал:

— Старк! Саул Старк! Выходи!

Никто мне не ответил. Первобытная тишина застыла над крошечной полянкой. Я спешил, привязал коня и подошел к грубой, тяжелой двери. Возможно, в этом срубе был ключ к тайне Саула Старка. По меньшей мере, в ней, без сомнения, содержались орудия и принадлежности его вредоносного колдовского искусства. Слабый ветерок неожиданно стих. Тишина стала такой напряженной, словно вот-вот должно было что-то произойти. Я остановился.словно какой-то внутренний инстинкт предупредил меня о надвигающейся опасности.

Все мое тело задрожало, откликнувшись на предупреждение подсознания — мрачное, глубокое ощущение опасности. Точно так человек в темноте

чувствует присутствие гремучей змеи или болотной пантеры, спрятавшейся в кустах. Я вытащил пистолет, оглядел деревья и кусты, но не заметил ни тени, ни подозрительного движения засевших в засаде врагов. Но мои инстинкты были безошибочны. Опасность, которую я почувствовал, скрывалась не в лесу. Она таилась внутри хижины — поджидая. Пытаясь отогнать это чувство и неопределенные подозрения, которые спрятались в дальних уголках моего разума, я заставил себя идти вперед. И снова остановился, ступив на крошечное крылечко и вытянув руку, чтобы открыть дверь. Холодная дрожь прошла по всему моему телу — ощущение, какое охватывает человека, который во вспышках молний видит черную бездну, куда угодил бы, если бы сделал еще один шаг. Впервые в жизни я почувствовал, что боюсь. Я знал, что черный ужас затаился в этом угрюмом срубе, спрятавшемся под кипарисами, обросшими мхом. Этот ужас пробудил во мне примитивные инстинкты, доставшиеся в наследство от предков. Я едва ли не кричал в панике.

И тут неожиданно во мне проснулись полузабытые воспоминания. Я вспомнил историю про то, как люди, поклонявшиеся вуду, оставляли свои хижины под охраной могущественного духа джи-джи, который мог свести с ума или убить любого незваного гостя. Белый человек приписывал такие смерти суеверным страхам и гипнотическому внушению. Но в этот миг я понял, откуда взялось ощущение затаившейся опасности. Я понял, что ужас, которым я дышал, словно невидимым туманом, исходил из отвратительного сруба. Я почувствовал, насколько реален джи-джи — гротескный лесной образ, который поклонники вуду символически помещали в своих хижинах.

Саула Старка здесь не было. Но он оставил злого духа охранять хижину.

Я отступил. Мои руки покрылись бусинками пота. Но не шкатулку золота высматривал я через закрытые окна, и не прикоснулся я к запертой двери. Пистолет, который сжимал я в руке, был бесполезным против твари, которая скрывалась в хижине.

Что там на самом деле, я не знал, но был уверен: в срубе скрывалось что-то жестокое, бездушное, вызванное из черных болот магией вуду. Люди и животные — не единственные существа, обитающие на этой планете. Существуют и невидимые твари — черные духи из глубин болот и с топкого речного дна. Негры знают о них...

Мой конь дрожал, словно лист, и жался ко мне. Я вскочил в седло, отвязал поводья, борясь с паникой и желанием ударить шпорами и сломя голову помчаться по тропинке.

Непроизвольно я вздохнул с облегчением, когда утрюмая поляна осталась позади и исчезла из вида. Но только сруб исчез из поля зрения, я почувствовал себя круглым дураком. Однако воспоминания слишком ярко отпечатались в моей памяти. И дело не в страхе, который внушил мне пустой сруб. Я отступил из природного инстинкта самосохранения, такого же, как тот, что не даст белке забежать в логово гремучей змеи.

Мой конь зафыркал и резко метнулся в сторону. Пистолет оказался в моей руке прежде, чем я разглядел, что испугало моего скакуна. Снова я услышал низкий издевательский смешок.

Девушка прислонилась к наклоненному стволу дерева. Руки она заложила за голову, нагло выставив напоказ свою стройную фигуру. Дневной свет

ничуть не рассеял ее варварские чары. Наоборот, свет заходящего солнца сделал их сильнее.

— Почему ты, Кирби Бакнер, не зашел в хижину джи-джи? — усмехнулась она, опустив руки и шагнув вперед.

Она была одета так, как никогда, насколько я знаю, не одевались женщины с болот. Сандалии из змеиной кожи были расшиты морскими ракушками, которых в этих краях никто не собирал. Короткая темно-красная шелковая юбка, закрывавшая полные бедра, держалась на широком поясе из бусинок. Варварские браслеты на запястьях и лодыжках позвякивали при каждом движении — тяжелые украшения из грубо выкованного золота выглядели такими же африканскими, как ее надменно возвышающаяся прическа. Больше на ней ничего не было. На животе и на груди я разглядел слабые штрихи татуировки.

Квартеронка, рисуясь, извивалась передо мной, словно насмехаясь. Ее глаза торжествующе и злобно сверкали. Красные губы кривились в жестоком веселье. Глядя на нее, я понял, что легко поверить во все эти истории, которые я слышал о пытках и увечьях, наносимых дикарками раненым врагам. Эта женщина была чужой даже в нынешнем примитивном окружении. Она бы хорошо смотрелась на фоне диких, клубящихся испарениями джунглей или поросших тростниками черных болот, у костров каннибалов возле кровавых алтарей языческих богов.

— Кирби Бакнер! — Она, казалось, ласкала язычком каждый слог моего имени, однако интонация ее голоса была непристойно оскорбительной. — Почему ты не вошел в дом Саула Старка? Дверь же не заперта! Ты испугался того, что мог бы увидеть

внутри? Ты испугался, что можешь выйти оттуда слабоумно бормочущим и седым, как старик?

— Что спрятано в том доме? — спросил я.

Она засмеялась мне в лицо и щелкнула пальцами на странный манер.

— Один из тех, кто пришел, словно черный туман из ночи, когда Саул Старк сыграл на барабанах джи-джи и прокричал черные заклятия, вызывая богов, ползающих в глубине болот.

— Что нужно твоему Саулу Старку? До того, как он появился, черный народ в Канаане жил спокойно.

Ее красные губы презрительно изогнулись.

— Эти черные псы? Они — его рабы. Если они послушаются, он убьет или бросит их в болото. Долго мы высматривали местечко, где можно устроить свое королевство. Мы выбрали Канаан. Теперь белые должны уйти. Но, как мы знаем, они никогда не уйдут со своих земель. Нам придется убить их.

Такое заявление заставило меня рассмеяться.

— Ниггеры уже пытались сделать это в сорок пятом.

— Но у них не было такого предводителя, как Саул Старк, — печально ответила она.

— Ладно, предположим, они выиграют? Вы думаете, этим все и кончится? После этого в Канаан придут другие белые и убьют всех ниггеров.

— Они не пересекут границы Канаана, — ответила девушка. — Мы сможем защитить берега реки и ручьев. У Саула Старка в болотах много слуг. Он — король черного Канаана. Никто не сможет пересечь Водной границы Канаана против его воли. Он станет править своим племенем, так же как его отцы правили Древней землей.

— Безумие какое-то! — пробормотал я. Потом любопытство вынудило меня спросить. — Так кто же этот дурак — Саул Старк? Кем ты ему приходишься?

— Он сын колдуна из Конго и великий священник вуду из Древней земли, — ответила она, снова рассмеявшись. — А я? Ты сможешь узнать, кто я, если придешь в полночь на болото, в Дом Дамбалаха.

— Да? — усмехнулся я — А что помешает мне прямо сейчас забрать тебя с собой в Гримсвилль? Ты ведь знаешь ответы на накопившиеся у меня вопросы.

Она хохотнула — словно ударил бархатистый хлыст.

— Ты потащишь меня в деревню белых? Но в ночь, когда черные восстанут, все белые умрут. И что бы ни случилось, Ад сохранит меня для Танца Черепа, который мне предстоит исполнить в полночь в Доме Дамбалаха. Это ты — мой пленник — Она насмешливо рассмеялась, когда я стал озираться, вглядываясь в тени вдоль дороги. — Никого там нет. Я — одна, а ты — самый сильный мужчина в Канаане. Даже Саул Старк боится тебя. Поэтому он и послал меня с тремя мужчинами убить тебя до того, как ты доберешься до деревни белых. Однако ты — мой пленник. Если я позову вот так, — она поманила меня, сгибая указательный палец, — то ты последуешь за мной к кострам Дамбалаха и к его ножам для пыток.

Я рассмеялся над ее словами, но мое веселье было неискренним. Я не мог отрицать невероятного магнетизма этой темнокожей волшебницы. Очаровывая и принуждая, она манила меня к себе гораздо сильнее, чем я предполагал. Я ощущал это

точно так же, как опасность, скрывавшуюся в хижине, где прятался джи-джи. То, что я заморожен, было для нее очевидно. Ее глаза вспыхнули.

— Черные люди глупы — засмеялась она. — Да и белые глупы тоже. Я — дочь белого человека, который жил в хижине черного короля и был женат на его дочери. Я знаю силу и слабости белых людей. Ночью, встретив тебя в лесу, я просчиталась. — Дикое ликование звучало в ее голосе. — Но с помощью крови из твоих жил я поймала тебя в ловушку. Нож человека, которого ты убил, поцарапал твою руку — семь капель крови упало на сосновые иглы. А мне, чтобы забрать твою душу, большего и не надо! Когда белые стрелки уехали, я собрала твою кровь, а Саул Старк отдал мне человека, который убежал. Саул Старк ненавидит трусов. С горячим, трепещущим сердцем труса и семью каплями твоей крови, Кирби Бакнер, там, в глубине болот, я сотворила заклятие, на которое никто не способен, кроме Невесты Дамбалаха. Ты уже чувствуешь его действие! Да, ты сильный! Человек, которого ты ранил ножом, умер меньше получаса назад. Но теперь ты не сможешь сражаться со мной. Твоя же кровь сделала тебя моим рабом. Я наложила на тебя заклятие.

Небеса! То, что она говорила, было безумием! Гипнотизмом, магией — называйте, как хотите, — я чувствовал, что она пытается заморозить мой разум и волю. От нее исходили слепые, бесчувственные импульсы, которые пытались сбросить меня в безымянную бездну.

— Я сотворила чары, которым ты не сможешь сопротивляться! — воскликнула она. — Когда я позову тебя, ты придешь! Ты последуешь за мной в самые глубины болот. Ты увидишь Танец Черепа и

узнаешь, какая судьба уготована дураку, попытавшемуся встать на пути у Саула Старка... Дураку, возомнившему, что сможет сопротивляться Зову Дамбалаха. В полночь он отправится на болото вместе с Танком Биксби и четырьмя другими дураками, которые попытались противостоять Саулу Старку. Ты увидишь это представление. Ты узнаешь и поймешь, какая судьба уготована тебе. И потом ты сам отправишься вглубь болот, в темные и безмолвные глубины, такие же темные, как африканская ночь! Но прежде чем тьма поглотит тебя, будут острые ножи и угли костра... Ты будешь кричать, призывая смерть даже после того, как умрешь.

С криком я выхватил пистолет и нацелил его в грудь квартеронки. Боек был взведен, и палец лежал на курке. В этот раз я не должен был промахнуться. Но она смотрела в черное дуло пистолета и смеялась... смеялась... смеялась так дико, что кровь стыла в моих венах.

Я сидел в седле, нацелив на нее пистолет, и не мог выстрелить! Ужасный паралич охватил меня. Совершенно точно я знал, что моя жизнь зависит от того, нажму ли я на курок, но я не мог согнуть палец — не мог, хотя каждый мускул моего тела дрожал от напряжения и пот холодными каплями катился по лицу. Потом девушка перестала смеяться и встала, невероятно зловеще глядя на меня.

— Ты никогда не сможешь выстрелить в меня, Кирби Бакнер,— спокойно сказала она.— Я поработила твою душу. Ты не сможешь понять моей силы, но ты попался. Это — Соблазнение Невесты Дамбалаха. Кровь, которую я смешала с таинственными водами Африки, раньше текла в твоих венах. В полночь ты придешь ко мне в Дом Дамбалаха.

— Ты лжешь! — Слова, сорвавшиеся с моих губ, прозвучали неестественно хрипло. — Ты загнипотизировала меня. Ты — дьяволица. Поэтому я не могу нажать на курок. Но ты не сможешь заставить меня отправиться ночью на болота.

— Ты лжешь сам себе, — печально ответила она. — Ты и сам знаешь, что лжешь. Можешь возвращаться в Гримсвилль или отправиться, куда пожелаешь, Кирби Бакнер. Но когда солнце сядет и черные тени выползут из болот, я призову тебя, и ты явишься. Я давно решила твою судьбу, Кирби Бакнер, еще когда впервые услышала, как говорили о тебе белые люди Канаана.

Это я послала вниз по реке слово, что привело тебя сюда. Даже Саул Старк не знает, что я придумала для тебя... На заре Гримсвилль погибнет в огне, головы белых людей покатаются по залитым кровью улицам. Эта ночь станет Ночью Дамбалаха, и белые будут принесены в жертву черному богу. Спрятавшись среди деревьев, ты будешь наблюдать Танец Черепа... А потом тебя призовут... И ты умрешь! А теперь поезжай куда хочешь, дурак! Беги так быстро, как сумеешь. Когда сядет солнце, то, где бы ни был, ты повернешь коня и явишься в Дом Дамбалаха!

И, прыгнув, словно пантера, она исчезла в густых зарослях кустов. Когда она исчезла, странный паралич, охвативший меня, прошел. Я выдохнул проклятие и вслепую выстрелил ей вслед, но только насмешливый смех был мне ответом.

В панике я пришпорил коня и поскакал по тропинке. Рассудительность и логика испарились, оставив меня в объятиях слепого, примитивного страха. Я столкнулся с колдовством, сопротивляться которому у меня не хватило сил.

Я чувствовал, что меня подчинила сила взгляда темнокожей женщины. Теперь же быстрая скачка полностью захватила меня. У меня возникло дикое желание ускакать как можно дальше до того, как солнце утонет за горизонтом и черные тени выползут из болот.

Однако я знал, что не смогу удрать от страшного заклятия вуду. Я напоминал человека, бегущего в кошмарном сне, пытающегося спастись от чудовищного призрака, который неизменно оставался за спиной. Я не достиг дома Ричардсона, когда услышал топот копыт впереди, и мгновением позже, за поворотом тропинки, едва не сбил высокого, тощего человека на худой лошади.

Он закричал и подался назад, когда я, натянув поводья, нацелил пистолет ему в грудь.

— Посмотри, Кирби! Это я — Джим Бракстон! Боже мой, ты выглядишь так, словно увидел призрака! Кто гонится за тобой?

— Куда ты едешь? — поинтересовался я, опуская пистолет.

— Присмотреть за тобой. Ты не вернулся вместе с беженцами. Ребята беспокоились, что тебя нет так долго. Вот я и отправился присмотреть за тобой. Мистер Ричардсон сказал, что ты поехал дальше. Где ты был, черт возьми?

— У хижины Саула Старка.

— Ты сильно рисковал. Что ты делал там?

Вид белого человека успокоил меня. Я открыл рот, чтобы рассказать о приключении, и был поражен тем, что сказал вместо этого:

— Ничего. Его там не было.

— Не так давно я слышал пистолетный выстрел, — заметил он, оглядывая меня со всех сторон.

— Я выстрелил в медянку, — ответил я и содрогнулся.

Против своего желания я не стал рассказывать о встрече с квартеронкой. Я не мог рассказать о ней, как не мог нажать на курок наведенного на нее пистолета. Неописуемый ужас охватил меня, когда я все это понял. Заклятия, пугавшие черных людей, оказались правдой. Значит, существуют демоны в человеческом обликии, которые могут поработить мысли и желания обычного человека.

Бракстон странно посмотрел на меня.

— Нам повезло, что леса еще не кишат черными медянками, — сказал он. — Топ Сорлей бежал.

— Что ты имеешь в виду? — Мне стоило больших усилий взять себя в руки.

— Только то, что я сказал. Том Брекинридж был с ним в срубе. После того как ты поговорил с ним, Топ не сказал ни слова. Только лежал и дрожал. Потом из леса донеслись какие-то зазывания. Том подошел к двери, держа ружье наготове, но ничего не увидел. Так вот, стоя у двери, он не заметил того, что происходило у него за спиной. Только повалившись на пол, он понял, что на него сзади прыгнул этот безумный ниггер Топ. А потом ниггер удра! в лес. Том стрелял ему вслед, но промахнулся. Как ты думаешь, отчего Топ удра!?

— Он услышал Зов Дамбалаха! — прошептал я. Меня прошиб холодный пот. — Проклятье! Вот бедняга!

— Как? О чем ты говоришь?

— Ради Бога, не будем здесь оставаться! Солнце скоро зайдет! — В яростном нетерпении я стегнул коня, направив его дальше по тропинке. Бракстон последовал за мной в полном недоумении. Огромных усилий стоило мне сдерживать себя. Невозможно

поверить, но Кирби Бакнер дрожал в объятиях безумного ужаса! Страх казался слишком чуждым всей моей природе, и было неудивительно, что Джим Бракстон не мог понять, что беспокоит меня.

— Топ бежал не по собственной воле, — сказал я. — Он не мог сопротивляться этому зову. Гипноз, черная магия, вуду — называй как хочешь. Но Саул Старк обладает силой, которая поработывает волю людей. Черные собрались на болотах для какой-то дьявольской церемонии вуду, кульминацией которой, насколько я узнал, станет убийство Топа Сорлея. Если получится, мы должны добраться до Гримсвилля. Думаю, что на заре черные нападут на деревню.

Даже в полутьме было видно, как побледнел Бракстон. Он не спросил меня, откуда я все это знаю.

— Мы отыщем их. Неужели начнется резня?

На его вопрос я не ответил. Мой взгляд неотрывно следил за заходящим солнцем, и, когда оно окончательно скрылось за деревьями, я задрожал ледяной дрожью. Тщетно говорил я себе, что не существует сверхъестественных сил, которые смогут повести меня куда-то против моей воли. Если колдунья могла повелевать мной, почему же она не заставила меня последовать за собой от хижины джи-джи? Или квартеронка играет со мной, как кошка играет с мышью, позволяя той почти убежать, — только для того, чтобы снова схватить ее?

— Кирби, что с тобой? — услышал я встревоженный голос Бракстона. — Ты потеешь и трясешься, словно старик. Что... Почему ты остановился?

Я бессознательно натянул поводья, и мой конь встал. Он задрожал и стал фыркать, когда я направил его по узкой тропинке, уходившей от дороги,

по которой мы ехали... по тропинке, которая вела на север.

— Послушай! — с трудом выдавил я.

— Что это? — Бракстон потянулся за пистолетом. Короткие сумерки хвойного леса сменились глубокой тьмой.

— Разве ты не слышишь? — прошептал я. — Барабаны! Барабаны бьют в Гошене!

— Я ничего не слышу, — тяжело пробормотал он. — Если они бьют в Гошене, то здесь их не услышать.

— Посмотри туда! — Мой резкий крик заставил его повернуться. Я показал на тропинку, скрытую тенями. Там, меньше чем в сотне футах от нас, кто-то стоял. Я разглядел в темноте женщину. Ее странные глаза сверкали, насмешливая улыбка кривилась на красных губах. — Проклятая мерзавка Саула Старка, — пробормотал я, потянувшись к кобуре. — Мой бог, ты что, окаменел? Ты видишь ее?

— Я никого не вижу! — прошептал он, мертвенно побледнев. — О чем ты, Кирби?

Мой взгляд скользнул по тропинке, снова и снова я вглядывался в темноту. В этот раз ничто не сдерживало мою руку. Но улыбающееся лицо смотрело на меня из теней. Гибкая, округлая рука поднялась, палец властно поманил за собой, а потом девушка пошла прочь, и я, прищипорив коня, направил его по узкой тропинке, пустынной и заброшенной. Словно черный поток подхватил и понес меня вопреки моему желанию.

Смутно услышал я крики Бракстона, а потом он оказался рядом со мной, схватил мои поводья, заставил коня повернуть. Помню, совершенно не соображая, что делаю, я ударил его рукоятью писто-

лета. Все черные реки Африки вздымались и пенились в моей голове, с грохотом сливаясь в единый поток, который нес меня в океан гибели.

— Кирби, ты сошел с ума? Эта дорога ведет в Гошен!

Удивляясь сам себе, я покачал головой. Пена водяного потока бурлила в моей голове. Собственный голос показался мне очень далеким:

— Возвращайся! Скачи в Гримсвилль! Я еду в Гошен!

— Кирби, да ты с ума сошел!

— Безумный или нормальный, но сегодня ночью я еду в Гошен,— вяло ответил я. Я был полностью в сознании, понимал, что делаю, сознавал невероятную глупость своего поступка и знал, что ничто мне не поможет. Какие-то обрывки здравомыслия понуждали меня пытаться скрыть страшную правду от моего спутника, предполагавшего, что я просто обезумел.— Саул Старк в Гошене. Он виновен во всем происходящем. Я убью его. Это остановит восстание раньше, чем оно начнется.

Бракстон задрожал, словно человек, у которого началась лихорадка.

— Я поеду с тобой.

— Ты должен поехать в Гримсвилль и предупредить людей,— настаивал я, пытаясь говорить логично, но чувствуя, что меня все настойчивей, непреодолимо тянут куда-то... заставляют ехать дальше.

— Ребята и так выставят охрану,— упрямо возразил Бракстон.— Им не нужно мое предупреждение. Я пойду с тобой. Не знаю, что происходит, но я не должен дать тебе умереть в одиночестве в этих темных лесах.

Я был не согласен. Я не мог взять его с собой. Ослепляющие потоки снова и снова обрушивались

на меня. Чуть впереди на тропинке я видел стройную фигуру, различал блеск сверхъестественных глаз, манящий палец... Галопом я помчался по тропе и слышал, как копыта лошади Бракстона застучали у меня за спиной.

4

Наступила ночь. Сквозь ветви деревьев ярко сверкала красная луна. Стало тяжело править конями.

— Они чувствительнее нас, Кирби,— прошептал Бракстон.

— Возможно,— отсутствующим голосом ответил я. В сумрачном свете я с трудом мог отыскать тропинку.

— И я тоже что-то чувствую. Чем ближе мы к Канаану, тем они беспокойней. Каждый раз, как мы подъезжаем к ручьям, кони становятся робкими и фыркают.

Тропинка не раз уже выводила нас к узким грязным ручьям, которых в этом уголке Канаана было полным-полно. Несколько раз мы оказывались так близко к одному из них, что видели в тенях густой растительности черный, тускло мерцающий поток. И каждый раз, как я помню, кони выказывали признаки страха.

Я боролся со страшным принуждением, которое влекло меня. Но ощущение было не то, что в гипнотическом трансе. Я оставался полностью в сознании. Даже безумие, в котором слышался рев черных рек, отступило. Мои мысли прояснились. Я совершенно четко понимал собственную глупость и мучился, но был не способен побороть ее и повернуть коня. Отчетливо сознавал я, что еду при-

нять пытки и смерть и веду верного друга к такому же концу. Но скакал дальше и дальше. Все мои усилия разрушить чары, сковавшие меня, оказались тщетны. Я не мог объяснить, каким образом заклятие воздействует на меня, так же как не мог объяснить, почему серебристая сталь может превратиться в магнит. Надо мной властвовали черные силы, о которых не знал ни один белый. Такая простая, известная вещь, как гипноз, выглядела убогой частицей, лучинкой, отщепленной наугад от искусства вуду. Сила, которой я не мог сопротивляться, влекла меня в Гошен. Большого я не мог понять, как не может понять кролик, почему глаза раскачивающейся змеи заставляют его идти в разинутую пасть.

Мы были не так далеко от Гошена, когда лошадь Бракстона сбросила седока, а мой конь начал фыркать и брыкаться.

— Кони не пойдут дальше! — выдохнул Бракстон, сражаясь с поводьями.

Я спешился, перебросив поводья через луку седла.

— Ради Бога, Джим! Возвращайся! Я пойду дальше пешком.

Я слышал, как он шептал проклятия, когда его лошадь умчалась галопом следом за моим конем и ему пришлось последовать за мной пешком. Мысль о том, что он должен разделить мою судьбу, вызывала у меня тошноту, но я его не отговаривал. Впереди во мраке танцевал гибкий силуэт, влекущий меня дальше... дальше... и дальше...

Я не тратил больше пуль на эту насмешливую тень. Бракстон не видел ее, и я знал, что она — часть колдовства, не настоящая женщина из плоти и крови, а порожденное адом переплетение теней, насмехающееся надо мной и ведущее меня сквозь ночной лес к ужасной смерти. «Послание» черных

людей, которые были мудрее нас и могли призвать такую тень.

Бракстон, нервничая, взглядывался в темный лес, стоявший вокруг стеной, и я знал, что он дрожит от страха, боясь, что негры неожиданно выпадают по нам из темноты. Но вопреки моим опасениям мы не попали в засаду, когда вышли на залитую лунным светом поляну, застроенную хижинами, — вошли в Гошен.

Два ряда бревенчатых срубов, стоящих лицом друг к другу, разделяла пыльная улица. Дворы одного из рядов выходили на берег ручья Туларус. Заднее крыльцо многих домов нависало над черной водой. Ничто не двигалось в лунном свете. В Гошене не горело ни огонька. Из глиняных труб срубов не вился дым. Это был мертвый город, пустынный и заброшенный.

— Ловушка! — прошипел Бракстон. Его глаза превратились в сверкающие щелки. Он крался вперед, как пантера, и пистолеты были у него в руках. — Ниггеры поджидают нас в хижинах!

Ругаясь, он последовал за мной, когда я широким шагом зашагал по улице. Я не обращал внимания на безмолвные хижины. Я знал, что Гошен пуст. Я чувствовал это. Однако меня не покидала уверенность в том, что кто-то следит за нами. Я и не пытался убедить себя в обратном.

— Они ушли, — нервничая, прошептал Бракстон. — Я не чувствую их запаха. Я всегда чую запах ниггеров, если их много поблизости. Ты говорил, что они отправятся в рейд на Гримсвилль?

— Нет, — прошептал я. — Сейчас все они в Доме Дамбалаха.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Это кусочек земли на берегу Туларуса в трех милях к западу отсюда. Мой дед рассказывал мне об этом месте. В прошлом, во времена рабства, ниггеры держали там своих языческих шаманов. Ты не... Кирби... ты...

— Послушай! — Я стер ледяной пот со своего лица. — Послушай!

Через черный лес едва различимым шепотом на ветру, скользя вдоль затянутых тенями берегов Туларуса, доносился до нас бой барабанов. Бракстон задрожал.

— Все правильно, это они. Но ради Бога, Кирби... посмотри!

С проклятием метнулся он к дому на берегу ручья. Я был позади него и лишь мельком разглядел черную неуклюжую фигуру, спускающуюся по берегу к воде.

Бракстон нацелил длинный пистолет, потом опустил его и разразился проклятиями. Существо со слабым всплеском исчезло. По сверкающей черной поверхности пошла рябь.

— Что это было? — спросил я,

— Ниггер, ползающий на четвереньках! — выругался Бракстон. Его лицо в лунном свете было странно бледным. — Он прятался за хижинами, следил за нами!

— Это, должно быть, аллигатор. — Что за таинственная штука — человеческий разум! Я спорил со здравомыслием и логикой. Я — жертва лежащего за гранью реального и логики. — Ниггер вынырнул бы, чтобы глотнуть воздуха.

— Он проплыл под водой и вынырнет в тени у берега, там, где мы его не заметим, — возразил Бракстон. — Теперь он отправится предупредить Саула Старка.

— Не думаю! — Снова задрожала жилка у меня на виске. Рев пенящейся воды неодолимо захлестнул меня. — Я пойду... через болото. Последний раз говорю тебе, возвращайся!

— Нет! В своем ты уме или совсем спятил, но я пойду с тобой!

Ритм барабанов был неровным. Чем ближе мы подходили, тем отчетливей он становился. Мы боролись с густой растительностью джунглей. Запутанные лианы пытались остановить нас. Наши сапоги тонули в пенистой грязи. Мы вышли на окраины болот. Ноги проваливались все глубже, а заросли становились все гуще, пока мы пробирались по необитаемым болотам, в нескольких милях к западу от того места, где Туларус впадал в Черную реку.

Луна еще не села. Черные тени лежали под переплетением ветвей, с которых свисали пласты мха. Мы ступили в первый ручей, который должны были пересечь. Это был один из грязевых потоков, впадающих в Туларус. Вода в нем доходила лишь до бедер. Поросшее мхом дно казалось неестественно твердым. Сапогом нащупал я край подводной ямы и предупредил Бракстона:

— Осторожно, здесь глубокая яма. Держись прямо за мной.

Ответ его был неразборчивым. Дышал он тяжело, стараясь держаться прямо за мной. Добравшись до крутого берега, я вскарабкался вверх по грязи, цепляясь за корни. Вода позади меня взволновалась. Бракстон что-то неразборчиво закричал и поспешно вылез на берег, едва не опрокинув меня. Я обернулся. Пистолет сразу оказался у меня в руке.

— Черт возьми, что случилось, Джим?

— Кто-то схватил меня за ногу! — задыхаясь сказал он. — В той глубокой яме. Я вырвался и

помчался на берег. Я тебе скажу, Кирби, это — та тварь, что выслеживала нас. Чудовище, плавающее под водой.

— Значит, это ниггер. Они плавают, как рыбы. Может, он подплыл под водой и попытался утопить тебя?

Бракстон покачал головой, глядя в черную воду. В руке его тоже был пистолет.

— Он вонял, словно ниггер. Более того, я скажу, он и выглядел, словно ниггер. Но мне показалось, что это не человек.

— Ладно. Значит, это был аллигатор, — отсутствующим голосом пробормотал я, отворачиваясь. Как всегда, когда я останавливался, рев властных, не допускающих возражения рек становился столь нестерпимым, что я едва не терял сознание.

Бракстон зашлепал за мной, ничего не сказав. Пенистая грязь доходила нам до лодыжек. Мы перелезали через обросшие мхом поваленные стволы кипарисов. Впереди неясно замаячил другой ручей, еще шире, и Бракстон взял меня за руку.

— Не ходи дальше, Кирби! — задыхаясь, прошептал он. — Если мы снова войдем в воду, эта тварь наверняка нас утащит.

— Так кто же это?

— Я не знаю. Он нырнул с берега в Гошене. Та же тварь схватила меня в том ручье. Кирби, давай повернем назад.

— Повернем назад? — Я горько рассмеялся. — Хотел бы я, если б мог. Или Саул Старк, или я — кто-то должен умереть до рассвета.

Мой спутник облизал сухие губы и прошептал:

— Тогда пойдем. Я с тобой, и пусть мы попадем в рай или в ад. — Он засунул пистолет обратно в кобуру и вытащил из сапога длинный нож. — Пошли!

Я спустился по скользкому берегу и ступил в воду, которая дошла мне до лодыжек. Неясно вырисовывавшиеся ветви кипарисов образовывали над водой обросшие мхом арки. Вода была черной. Бракстон шел позади меня. С трудом выбрался я на мель на противоположном берегу и подождал, стоя по колено в воде, повернувшись и глядя на Джима Бракстона.

Все случилось в один миг. Я увидел, как Бракстон резко остановился, глядя куда-то назад, на берег. Он закричал, схватил пистолет и выстрелил, только когда я повернулся. Во вспышке выстрела я разглядел гибкую тень, метнувшуюся назад. Черное, дьявольски искаженное лицо. Потом, после ослепляющей вспышки выстрела, Джим Бракстон снова закричал.

Зрение и рассудок мой на мгновение прояснились, и я увидел, как вспенилась грязная вода. Что-то округлое, черное вынырнуло из воды рядом с Джимом... а потом Бракстон надрывно завопил и рухнул со всплеском, неистово молотя руками по воде. С бессвязными криками я прыгнул в ручей, споткнулся и упал на колени, едва не окунувшись с головой. Вынырнув, я увидел голову Бракстона, залитую кровью, на мгновение появившуюся над поверхностью. Я рванул к нему. Но голова Бракстона исчезла, а на ее месте появилась голова кого-то другого — черная голова. Я яростно ударил ее, но мой нож рассек лишь воду, потому что мгновением раньше тварь исчезла.

Я крутанул, так как удар пришелся на пустое место, а когда восстановил равновесие, никого уже не было. Я позвал Джима, но не получил ответа. Холодная рука страха сжала мою душу. Я выбрался на берег, мокрый и дрожащий. Оказавшись на мел-

ководье, где воды было не выше чем по колено, я подождал, хоть и не знал чего. Но потом, ниже по течению, неподалеку, я заметил какой-то большой предмет, лежащий на мелководье у берега.

Я прошел к нему по липкой грязи, цепляясь за лианы. Это был Джим Бракстон, и он был мертв. На голове у него не было ни одной раны, которая могла бы стать смертельной. Возможно, когда его утащили под воду, он ударился о камень. Но следы пальцев душителя черными пятнами проступили у него на шее. При виде этих следов ужас охватил меня. Ни одни человеческие руки не могли оставить таких следов.

Я видел голову, поднявшуюся над водой, голову, которая выглядела, как голова негра, хоть черты лица в темноте было не рассмотреть. Но ни один человек, будь он белым или черным, не смог бы вот так убить Джима Бракстона. Мне показалось, что в отдаленном бое барабанов слышится насмешка.

Я вытащил тело на берег и там оставил его. Больше я не мог здесь оставаться, потому что безумие снова вскипело в моей голове, подгоняя меня раскаленными шпорами. Но, выбравшись на берег, я обнаружил, что кусты испачканы кровью, и был потрясен, поняв, что это означает.

Я помнил фигуру, которая качнулась в свете выстрела пистолета Бракстона. Это она ждала меня на берегу, потом... да нет, никакая это не иллюзия,— девушка из плоти и крови! Бракстон выстрелил и ранил ее.. Но рана оказалась не смертельной, потому что в кустах я не нашел никакого трупа и мрачные силы гипноза, тащившие меня все дальше и дальше, ничуть не ослабли. У меня голова пошла кругом, когда я понял, что колдунью можно убить, как обычную смертную.

Луна скрылась за горизонтом. Слабый свет едва проникал сквозь тесно переплетенные ветви. Ни один широкий ручей больше не преграждал мне путь, только узкие ручейки, через которые я то-ропливо перебирался. Правда, я считал, что на меня не нападут. Дважды обитатель ручьев появлялся и, игнорируя меня, нападал на моего спутника. С ледяным отчаянием понял я, что избавлен от такой зловещей участи. В любом ручье, через который я перебирался, могло прятаться чудовище, убившее Джима Бракстона. Все эти ручьи соединялись в единую водяную сеть. Твари легко было бы последовать за мной. Но я боялся твари намного меньше, чем колдовства, рожденного в джунглях и затаившегося в глазах колдуны.

Пробираясь через заросли, я все время слышал впереди ритмичный демонически-насмешливый бой барабанов, который становился все громче и громче. Потом человеческий голос прибавился к его бормотанию. Долгий крик ужаса и агонии проник во все фибры моего тела и заставил меня содрогнуться.

Я почувствовал жалость к несчастному. Пот заструился по моей липкой коже. Вскоре я и сам буду так кричать, когда меня подвергнут неведомым пыткам. Но я по-прежнему шел вперед. Мои ноги двигались автоматически, отдельно от тела, управляемые не мною, а кем-то другим.

Бой барабанов стал громче, и впереди, среди черных деревьев, замерцал огонь. Теперь, согнувшись среди ветвей, я смог разглядеть кошмарную сцену, от которой отделял меня широкий черный ручей. Я остановился, повинувшись тому же принуждению, что привело меня сюда. Смутно я понимал, что это сделано для того, пока я вкусил ужас, но

время моего выхода не настало. Когда оно придет, меня позовут.

Низкий, поросший деревьями полуостров почти разделял черный ручей надвое и был соединен с противоположным берегом узкой полоской земли. На его нижнем конце ручей превращался в сеть протоков, выющихся среди мелких островков, гнилых бревен и поросших мхом, увитых лианами групп деревьев.

Прямо напротив моего убежища берег островка чуть отступал, обрываясь над глубокой, черной водой. Обросшие мхом деревья стеной стояли вокруг маленькой прогалины, отчасти скрывая хижину. Между хижинкой и берегом сверхъестественным зеленым пламенем горел костер. Языки огня извивались, словно змеиные языки. Несколько дюжин черных сидело на корточках в тени нависших деревьев. Зеленый свет, высвечивая их лица, делал их похожими на утопленников.

Посреди поляны, словно статуя из черного мрамора, стоял гигантский негр. На нем были оборванные штаны, на голове сверкала золотая лента с огромной красной драгоценностью. На ногах — сандалии варварского фасона. Черты лица казались не менее впечатляющими, чем его тело. Самый настоящий ниггер: вывернутые ноздри, толстые губы, черная, как эбонит, кожа. Я понял, что передо мной Саул Старк — колдун.

Саул Старк смотрел тело, лежавшее перед ним на песке. Потом, подняв голову, он отвернулся и звонким голосом закричал. От черных, жмущихся под деревьями, раздался ответ — словно ветер с воем пронесся среди ночных деревьев. И призыв, и ответ прозвучали на незнакомом языке — гортанном, примитивном.

Снова Старк позвал. В этот раз странный, высокий вой был ему ответом. Дрожащий вздох сорвался с уст черного народа. Глаза всех негров не отрываясь следили за черной водой. И вот что-то стало медленно подниматься из глубин. Неожиданно меня затрясло. Из воды высунулась голова негра. Потом одна за другой появились остальные — и вот уже пять голов торчало из черной воды в тени кипарисов. Это могли быть обычные негры, сидящие по горло в воде, но я знал, что тут что-то не так. У меня на глазах происходило что-то дьявольское. Молчание высунувшихся из воды черномазых, застывшие позы и все остальное выглядело слишком неестественно. В тени деревьев истерически заплакала женщина.

Тогда Саул Старк поднял руки, и пять голов безмолвно исчезли. словно шепот призрака, донесся до меня голос африканского колдуна:

— Он бросил их в болото!

Могучий голос Старка разнесся над узкой полосой воды.

— А теперь Танец Черепа усилит нашу молитву!

Ведьма мне говорила: «Спрятавшись среди деревьев, ты будешь смотреть Танец Черепа».

Барабаны ударили снова, рычащие и гроыхающие.

Сидя на коленях, черные раскачивались, распевая песню без слов. Саул Старк стал вышагивать в такт барабанному бою вокруг фигуры, лежащей на песке. Его руки выделяли загадочные пассы. Потом он повернулся и встал лицом к другому концу поляны. Выхватив из темноты усмехавшийся человеческий череп, он бросил его на влажный песок рядом с телом.

— Невеста Дамбалаха! — прогремел голос Саула Старка. — Жертва ждет!

Наступила пауза ожидания. Песнопение смолкло. Все уставились на дальний конец прогалины. Старк стоял, выжидая. Я видел, как он нахмурился, словно недоумевая. Когда же он повторил зов, квартеронка появилась среди теней.

При взгляде на нее меня охватила холодная дрожь. Мгновение девушка стояла не шевелясь. Отсветы пламени играли на золотых украшениях. Но голова ее свесилась на грудь. Стояла напряженная тишина. Я увидел, как Саул Старк внимательно осматривает девушку. Она казалась беспомощной, однако стояла в отдалении, странно склонив голову.

Потом, словно проснувшись, она принялась раскачиваться в дергающемся ритме, закрутилась в замысловатом танце, древнее океанов, утопивших черных королей Атлантиды. Я не могу его описать. Бесовскими были ее движения — крутящийся, вращающийся вихрь поз и жестов, которые исполняли танцовщицы фараонов. И брошенный Саулом череп танцевал вместе с ней — подпрыгивал и метался по песку. Он подскакивал и крутился, словно живая тварь, одновременно с каждым прыжком и кульбитом танцовщицы.

Но вдруг что-то пошло у них не так. Я это сразу почувствовал. Руки квартеронки вяло повисли, ее опущенная голова раскачивалась из стороны в сторону. Ноги подгибались и ступали неуверенно, заставляя тело крениться и выпадать из ритма. Черные люди стали перешептываться. Недоумение было написано на лице Саула Старка. Все, казалось, повисло на волоске. Любое мельчайшее изменение ритуала могло разорвать паутину заклятий.

Что до меня, то, пока я наблюдал страшный танец, по мне градом катился холодный пот. Невидимые кандалы, которыми сковала мое тело эта женщина-дьявол, душили меня. Я знал, что танец приближается к апогею. Потом колдунья вызовет меня из укрытия, заставит пройти через черную воду в Дом Дамбалаха, к своей смерти.

Потом она повернулась, плавно замедляя движения, и, когда остановилась, удерживая равновесие на носочках, ее лицо оказалось повернутым ко мне. Я понял, что она видит меня так же отчетливо, как если бы я стоял на открытом месте. Понял я также, что лишь она одна знает о моем присутствии. Я почувствовал себя словно на краю бездны.

Девушка подняла голову, и я даже на таком расстоянии увидел, как пылают ее глаза. Ее лицо превратилось в маску триумфа. Медленно подняла она руку, и я почувствовал, как, подчиняясь ее животному магнетизму, начали подергиваться мои ноги и руки. Она открыла рот...

Но изо рта вырвалось лишь сдавленное бульканье, и неожиданно ее губы окрасились красным. Колени женщины внезапно подогнулись, и она повалилась ничком на песок.

Когда она упала, я тоже упал, утонув в грязи. Что-то взорвалось у меня в голове, обдав пламенем...

А потом я сидел среди деревьев, слабый и дрожащий. Я не представлял, что человек может чувствовать такую легкость в конечностях. Черные заклятия, сковывавшие меня, были разорваны. Грязное чародейство отпустило мою душу. Точно молния разорвала тьму, которая была много чернее африканской ночи.

Когда девушка упала, нигтеры пронзительно закричали и вскочили на ноги, дрожа, словно в лихо-

радке. Я видел, как сверкали белки их глаз и зубы, оскаленные в улыбках страха. Саул Старк воздействовал на их примитивную природу, доведя людей до безумия, желая повернуть их бешенство против белых во время битвы. Как легко жажда крови превратилась в ужас! Старк резко закричал на своих рабов. Но девушка в последнем конвульсивном движении перевернулась на влажном песке, и между ее грудями открылось до сих пор сочащееся кровью отверстие от пушечной пули. Оказывается, пуля Джима Бракстона нашла-таки свою цель.

Вот тогда я впервые почувствовал, что эта колдунья не совсем человек. Дух черных джунглей владел ею, придавая невероятную, сверхъестественную живучесть, чтобы она смогла закончить свой танец. Она ведь говорила, что ни смерть, ни ад не помешают ей исполнить Танец Черепа. И после того, как пуля убила ее, пробив сердце, она пробиралась через болота от ручья, где ее смертельно ранили, в Дом Дамбалаха. И Танец Черепа она танцевала уже мертвой.

Ошеломленный, словно осужденный, получивший помилование, я пытался понять значение сцены, которая теперь разыгрывалась предо мной. Черные были в бешенстве. Во внезапной и необъяснимой для них смерти колдуньи они увидели ужасное предзнаменование. Они не знали, что колдунья уже была мертвой, когда вышла на поляну. Они считали, что их вещунья, свалившаяся мертвой у всех на глазах, была поражена невидимой смертью. Такая магия выглядела еще более зловещей, чем колдовство Саула Старка, и, очевидно, была направленной против черного народа.

Нигтеры стали метаться, словно насмерть испуганный скот. Завывая, крича, рыдая, один за другим

они продирались сквозь стену деревьев, к перешейку. Саул Старк стоял, пригвожденный к месту, не обращая внимания на своих подданных, внимательно рассматривая мертвую девушку. Неожиданно я пришел в себя, и вместе с пробуждением меня охватила холодная ярость и желание убивать. Я вытащил пистолет, прицелился в неровном свете костра и потянул курок. Раздался щелчок. Порох в моих пистолетах, заряжавшихся со ствола отсырел.

Саул Старк поднял голову и облизал губы. Звуки убегавшей толпы стихли вдалеке, и теперь он один стоял на поляне. Его взгляд шарил по черным деревьям, среди которых я прятался. Белки глаз колдуна сверкали. Он подхватил тело, лежавшее перед ним на песке, и потащил в хижину. Как только Старк исчез, я направился к острову, переходя вброд протоки в нижней его части. Я почти достиг берега, когда бревно плавуна выскользнуло из-под ноги и я рухнул в глубокий омут.

Немедленно вода вокруг меня забурилась, и рядом со мной из воды поднялась голова. Едва различимое лицо оказалось неподалеку от моего. Это было лицо негра — лицо Танка Биксби. Но теперь оно стало нечеловеческим — невыразительным и бездушным. Лицо существа, которое больше не было человеком и уже не помнило о своем человеческом происхождении.

Грязные уродливые пальцы сжали мое горло, и я вогнал нож в перекошенный рот. Кровь залила лицо ниггера. Тварь безмолвно исчезла под водой, а я выкарабкался на берег в густые заросли кустов.

Старк выбежал из хижины с пистолетом в руке. Он дико озирался, встревоженный шумом, но я знал, что он не видит меня. Его пепельная кожа сверкала от пота. Он правил при помощи страха,

но теперь сам стал его жертвой и боялся неведомой руки, которая сразила его госпожу; боялся негров, которые убежали от него; боялся бездонных болот, окружавших его со всех сторон, и чудовищ, которых сам же создал. Саул Старк издал нечеловеческий вопль. Голос его дрожал от страха. Он позвал снова, и только четыре головы высунулись из воды. Снова и снова звал он, но тщетно.

Четыре головы заскользили к нему, и четыре фигуры выбрались на берег. Саул Старк застрелил свои создания одного за другим. Чудовища даже не пытались увернуться от пуль. Они шли прямо на своего создателя и падали один за другим. Он выстрелил шесть раз, прежде чем упало последнее чудовище. Выстрелы скрыли треск кустов, через которые я продирался. Я был рядом, у него за спиной, когда Саул Старк повернулся.

Я понял — он узнал меня. Это было написано у него на лице. И вместе с осознанием того, что ему придется иметь дело с живым существом, исчез и его страх. С криком швырнул он в меня разряженный пистолет и ринулся вперед, поднимая нож.

Нырнув, я парировал удар и нанес контрудар ему под ребра. Он поймал и сжал мое запястье. Мы сцепились. Его глаза сверкали в звездном свете, как у безумного пса, мускулы натянулись, словно стальные канаты.

Я обрушил каблук сапога на его босую ногу, дробя кости. Он взвыл и потерял равновесие. Я, выхватив освободившейся рукой нож, вонзил его в живот нигтеру. Хлынула кровь, но Саул Старк потащил меня за собой на землю. Рванувшись, я освободился и поднялся, но мой противник, приподнявшись на локте, метнул нож. Стальной клинок просвистел у меня над ухом. И тогда я ударил ниг-

гера ногой в грудь. Опыяненный кровью, я опустился на колени и перерезал ему горло от уха до уха.

У нигтера за поясом я нашел мешочек с порохом. Прежде чем пойти дальше, я перезарядил свои пистолеты. Потом, вооружившись факелом, я зашел в хижину. И тогда я понял, какую судьбу готовила мне чернокожая колдунья. Постанывая, на койке лежал Топ Сорлей.

Колдовство, которое должно было превратить его в бездумное, бездушное существо, обитающее в воде, было не завершено, но бедный Топ уже сошел с ума. Произошли и некоторые физические изменения... Но каким образом это безбожное колдовство выбралось из черных африканских бездн, я и знать не хотел. Тело негра округлилось и вытянулось. Его ноги стали короче, ступни — более плоскими и широкими, пальцы — невероятно длинными. И между ними появились перепонки! Шея его была теперь на несколько дюймов длинней, чем раньше. Черты лица не изменились, но выражение его стало даже более нечеловеческим, чем у рыбы. И тогда, помня о Джиме Бракстоне, отдавшем за меня жизнь, я приложил дуло пистолета к голове Топа и нажал курок, оказав ему эту суровую милость.

Кошмар кончился. Белые люди Канаана не нашли на острове ничего, кроме тел Саула Старка и квартеронки. Они решили, что в тот день болотные нигтеры убили Джима Бракстона, после того как он покончил с ведьмой, а я разобрался с Саулом Старком. Я сделал все, чтобы все белые так думали. Они никогда не узнают о тенях, которые скрывали воды Туларуса. Этот секрет я разделил с испуганными черными обитателями Гошена, и мы никогда никому не расскажем об этом.

ЛУНА ЗАМБИБВЕ

T

1

ишина укутала лес, так же как широкий плащ — плечи Бристола Макграта. Черные тени казались замершими, неподвижными, словно придавленными весом сверхъестественного, обрушившегося на этот отдаленный уголок мира. Детские страхи зашевелились в дальних уголках памяти Макграта, потому что он родился среди этих сосновых лесов. И три года скитаний не развеяли его стра-

хов. Страшные истории, от которых он дрожал, когда был ребенком, снова всплыли из глубин памяти — истории о черных тенях, бродящих по полянам после полуночи...

Проклинаая воспоминания детства, Макграт ускорил шаг. Едва различимая тропинка извивалась меж плотных стен деревьев. Неудивительно, что в деревне у реки он не смог никого нанять в проводники до поместья Боллвилл. По такой тропинке повозка не проехала бы из-за гнилых пней и новой поросли. А впереди был поворот.

Макграт резко остановился, замер. Тишину леса нарушил звук, от которого у Макграта побежали мурашки по телу. Ведь звук-то этот был не чем иным, как стоном умирающего человека. Только одно мгновение медлил Макграт. Потом он бесшумно, пригнувшись, словно изготавившаяся к прыжку пантера, приблизился к повороту.

Словно по мановению волшебной палочки в руке его появился отливающий синевой курносый револьвер. Другой рукой он непроизвольно сжал в кармане клочок бумаги, по милости которого и очутился в этом сумрачном лесу. Это было таинственное послание — просьба о помощи. И на ней стояла подпись заклятого врага Макграта. А еще там говорилось о давным-давно мертвой женщине.

Макграт проскочил поворот тропинки. Каждый нерв его был натянут. Он держался настороже, ожидая чего угодно... кроме того, что увидел на самом деле. Его испуганный взгляд на мгновение замер на страшном зрелище, а потом метнулся вдоль стены леса. Ни одна ветка не шелохнулась. В дюжине футов впереди дорожка исчезала в призрачной полутьме. Там мог затаиться кто угодно. Но Мак-

рат все-таки опустился на колено возле человека, лежащего на тропе.

Человек был распят. Ноги и руки его оказались привязаны к четырем колышкам, глубоко вбитым в твердую землю. Распятый был чернобородым, смуглым человеком с крючковатым носом.

— Ахмед! — пробормотал Макграт. — Слуга-араб Боллвилла! Боже!

Глаза араба уже остекленели. Человека послабее Макграта могло бы вытопнить при виде ран на теле слуги. Макграт распознал работу мастера пыток. Однако искра жизни до сих пор трепетала в крепком теле араба. Взгляд серых глаз Макграта стал суровым, когда он понял, как уложили убийцы тело жертвы, и мысленно перенесся в загадочные джунгли, где вот так же на тропинке был привязан к колышкам полуосвежеванный чернокожий как предупреждение белым людям, которые посмели вторгнуться в запретные земли.

Макграт перерезал веревки, уложив умирающего поудобнее. Это было все, что он мог сделать. Макграт увидел, как на мгновение кровавая пелена спала с глаз слуги, понял, что араб узнал его. Ручейки кровавой пены поползли по спутанной бороде. Губы умирающего беззвучно задрожали и Макграт увидел обрубок вырванного языка.

Пальцы араба стали царапать пыль. Они тряслись, сжимались, но двигались с определенной целью. Макграт подошел ближе, заинтересовавшись, и разглядел неровные линии, которые чертили на земле дрожащие пальцы слуги. Последним усилием железной воли араб начертал послание на своем родном языке. Макграт разобрал имя «Ричард Боллвилл». За этим следовало «опасность», и тут умирающий махнул рукой вдоль тропинки. Потом штри-

хи сложились в слово (тут Макграт окаменел, потрясенный): «Констанция». Последним предсмертным усилием пальцы араба написали: «Джон де Ал...». Неожиданно окровавленное тело выгнулось в агонии. Тонкая жилистая рука слуги спазматически согнулась и безвольно упала. Ахмед ибн Сулейман отправился туда, где его не достанет месть и где ему не понадобится прощение.

Макграт поднялся и отряхнул руки, ощущая напряжение и тишину мрачного леса, зная, что даже слабого ветерка нет в чаще, откуда порой доносятся шорохи. С невольной жалостью Макграт посмотрел на искалеченного человека, хотя знал, каким бездушным был этот араб. Черное зло царило в сердце его, как и у Ричарда Боллвилла. Однако, кажется, этот человек и его хозяин в своих поисках наконец-то столкнулись с человеческой жестокостью им под стать. Но кто же это мог быть? Сотни лет Боллвиллы правили этой частью страны черных. Раньше они владели плантациями и сотнями рабов, потом рабов сменили их покорные потомки. Ричард — последний из Боллвиллов — имел над округой такую же власть, как его предок-рабовладелец. Однако из этой страны, где люди столетиями склонялись перед Боллвиллами, раздался леденящий кровь вопль — телеграмма, ныне лежащая в кармане пальто Макграта.

Безмолвие нарушил шелест листьев, более зловеющий, чем любой другой звук.

Макграт понял, что место, где лежало тело Ахмеда, было невидимой чертой, прочерченной специально для него. Он был не уверен в том, что ему позволят повернуть и возвратиться в мирную, ставшую теперь далекой деревню. Но он знал, что если отправится дальше, то невидимая смерть может

неожиданно настигнуть его. Повернувшись, Макграт быстро пошел обратно, той же дорогой, что и пришел.

Он продолжал идти, пока не миновал другой поворот тропинки. Там он остановился, прислушался. Все было тихо. Быстро вытащил он бумажку из кармана, разглядел ее и прочитал снова кривые каракули человека, которого ненавидел больше всего на свете:

«Бристол, если ты до сих пор любишь Констанцию Брэнд, то ради Бога забудь свою ненависть и приезжай в поместье Боллвилл как можно быстрее.
Ричард Боллвилл».

И это было все. Это послание пришло телеграммой в тот далекий западный город, где поселился Макграт, вернувшись из Африки. Он игнорировал бы это послание, если бы не упоминание Констанции Брэнд. Это имя вызвало у Макграта приступ удушья. Сердце его забилося, словно в агонии, заставив со всех ног помчаться в земли, где он родился и вырос. Вначале он ехал на поезде, потом летел на самолете. Он торопился так, словно сам дьявол гнался за ним. В телеграмме было имя женщины, которую он похоронил три года назад, — имя той единственной, которую он любил.

Спрятав телеграмму, Бристол сошел с дороги и направился на запад, пробираясь между деревьями. Его ноги бесшумно ступали по ковру сосновых игл. Тем не менее он шел быстро. Не зря ведь он провел свое детство в стране больших сосен.

Макграт отошел на три сотни ярдов от дороги, пока не обнаружил то, что искал, — старую дорогу, идущую параллельно новой. Задушенная молодой

поросль, она петляла среди густо растущих сосен и была чуть шире звериной тропы. Макграт знал, что она выходит на задний двор особняка Боллвилла, и не верил, что тайные наблюдатели станут здесь следить за ним. Откуда им знать, что он помнит о существовании старой дороги?

Макграт бесшумно пробирался по тропинке, вслушиваясь в любой звук. В таком лесу нельзя было полагаться лишь на зрение. Особняк, насколько знал Макграт, был теперь не так далеко. Макграт миновал поляны, что некогда (в дни дедушки Ричарда) были полями, перебежал обширные лужайки, которые опоясывали особняк. Правда, последние полсотни лет поля стояли заброшенными. Их отдали во власть наступающему лесу.

Но вот Макграт увидел особняк — солидное строение среди сосен. И вдруг его сердце ушло в пятки — крик, полный нечеловеческой боли, прорезал тишину. Макграт не мог сказать, мужчина кричал или женщина, но мысль о том, что это могла быть женщина, заставила его со всех ног броситься к зданию, вырисовывавшемуся за рощей.

Молодые сосны вторглись даже на некогда обширные лужайки вокруг дома. Особняк выглядел запущенным. Сарай и дворовые постройки на заднем дворе, где когда-то жили рабы, давно развалились.

Сам же особняк возвышался над прогнившими обломками — скрипучими, огромными, полными крыс, готовыми обрушиться при любом удобном случае. Ступая с осторожностью тигра, Бристол Макграт приблизился к окну особняка. Именно отсюда доносились крики, разорвавшие покой солнечного дня. Страх выполз из дальних уголков разума Макграта.

Страшась того, что он может там найти, Макграт заглянул в окно.

2

Макграт заглянул в огромную пыльную комнату, которая до гражданской войны могла бы служить танцевальной залой. Ныне ее высокие потолки затянула паутина. Толстые деревянные панели потемнели и покрылись пятнами. Но в огромном камине горел огонь — маленький, но достаточно жаркий, чтобы раскалить добела тонкие стальные прутья, воткнутые в угли.

Лишь мгновение Бристол Макграт смотрел на пламя и прутья, мерцавшие в очаге. Его глаза закрылись, словно он был околдован видом хозяина особняка. Потом он снова взглянул на умирающего человека. К отделанной панелями стене была приколочена тяжелая балка, а к ней — грубая крестовина. На импровизированном кресте, привязанный за запястья, был подвешен Ричард Боллвилл. Его босые ноги едва касались пола. Измученный, он вытянулся, стоя на носках и пытаясь хоть немного облегчить боль в руках. Веревки глубоко врезались в его запястья.

Кровавые ручейки протянулись по его рукам. А сами руки почернели и опухли от ожогов. Боллвилл был голым, если не считать штанов, и Макграт увидел, что раскаленное добела железо уже использовали. Это объясняло бледность Боллвилла, капли пота, выступившие на его коже. Только невероятная живучесть позволила ему так долго оставаться в сознании после столь дьявольских ожогов на теле и руках.

На груди Боллвилла был выжжен странный символ. От его вида холодок пробежал по спине Макграта. Он узнал этот знак, и снова память, пронеся через полмира, вернула его в черные, сумрачные джунгли Африки, где у костров били барабаны и обнаженные священники отвратительных культов вычерчивали ужасные символы на трепещущей человеческой плоти.

Между очагом и умирающим человеком сидел на корточках коренастый чернокожий, одетый лишь в изорванные, грязные штаны. Он сидел спиной к окну, и казалось, внимательно изучал лицо человека, распятого на кресте.

Налитые кровью глаза Ричарда Боллвилла напоминали глаза измученного животного, но взгляд их был осознанным. Они сверкали, полные жизни. Морщась от боли, Боллвилл поднял голову и обвел взглядом комнату. Макграт инстинктивно отпрянул от окна. Он не знал, увидел его Боллвилл или нет. Но хозяин поместья, даже если и заметил его, ничем не выдал присутствие наблюдателя черномазому чудовищу, которое тщательно изучало свою жертву. Потом черный палач повернул голову к огню, протянул длинную, как у обезьяны, лапу к мерцающему железу... Глаза Боллвилла яростно сверкнули. В том, что должно было случиться, невольный свидетель происходящего ничуть не сомневался. Прыжком, словно тигр, взлетел он на подоконник и оказался в комнате. Одновременно негр вскочил, повернувшись с проворством обезьяны.

Макграт не вытаскивал пистолет. Он не хотел рисковать, так как выстрелом мог привлечь внимание других врагов. В руке черномазого оказался нож для разделки мяса, раньше висевший на ремне

его изодранных, грязных штанов. Казалось, нож сам, словно живое существо, прыгнул в руку нигтера, когда тот повернулся. В руке Макграта сверкнул изогнутый афганский кинжал, не раз вырвавшийся его во многих битвах.

Зная о преимуществе молниеносной, безжалостной атаки, Макграт не останавливался. Его ноги едва коснулись пола, перед тем как он метнулся на остолбеневшего противника. Нечленораздельный крик сорвался с толстых красных губ. Зрачки глаз нигтера дико вращались. Нож взлетел, и со свистом разрезая воздух, метнулся вперед с быстротой жалящей кобры. Макграт не ожидал от могучего потрошителя такого проворства.

Но черномазый, нанося удар, непроизвольно отступил назад, и это инстинктивное движение замедлило удар, так что Макграт, изогнувшись, смог избежать его. Длинное лезвие пронеслось под его рукой, разрезав одежду и чуть задев кожу... И одновременно афганский кинжал рассек толстое, бычье горло нигтера.

Крика не последовало, только задыхающееся бульканье. Негр упал, обливаясь кровью. Макграт отпрыгнул, словно волк, нанеся врагу смертоносную рану. Равнодушно осмотрел он творение рук своих. Черномазый был мертв. Его голова оказалась наполовину отсечена от туловища. Смертоносный удар, перерезавший горло до позвоночника, был излюбленным приемом волосатых жителей холмов, которые охотились среди скал выше Хиберского ущелья. Меньше дюжины белых людей умело наносить такой удар. Бристол Макграт был одним из них.

Макграт повернулся к Ричарду Болливиллу. Пена капала на обожженную грудь старого недруга Бри-

стола, и кровь струилась с его губ. Макграт испугался, что Боллвилл страдает от того же самого увечья, что лишило речи Ахмеда. Но Боллвилл молчал, потому что был не в силах говорить. Макграт перерезал его путы, перенес его на изношенный старый диван. Мускулистое тело Боллвилла дрожало под руками Макграта, словно туго натянутый стальной канат. Освободившись от кляпа, Боллвилл заговорил:

— Я знал, что ты придешь! — Он задохнулся, коснувшись дивана обожженной рукой. — Я многие годы ненавидел тебя, но я знал...

Голос Макграта был грубым и резал слух.

— Что ты имел в виду, говоря о Констанции Брэнд? Она же мертва.

Губы Боллвилла скривились в слабой улыбке.

— Нет. Она не мертва! Но вскоре может умереть, если ты не поспешишь. Быстро! Дай мне бренди! Оно вон там, на столе... этот зверь вроде не все выпил.

Макграт приложил бутылку к его губам. Боллвилл пил жадно. Макграт удивился железным нервам этого человека. Очевидно, ему недолго оставалось жить. Он мог бы кричать от непереносимой боли, но держался и говорил ясно, хотя ему это стоило больших усилий.

— У меня осталось немного времени, — задыхаясь, начал он. — Не перебивай меня. Припаси свои проклятия на потом. Мы оба любили Констанцию Брэнд. Она любила тебя. Три года назад она исчезла. Ее одежду нашли на берегу реки. Тело так и не было найдено. Ты отправился в Африку, чтобы заглушить свою печаль. Я вернулся в поместье предков и стал вести жизнь затворника... Чего ты не знал... чего никто не знал... что Констанция Брэнд отпра-

вилась со мной! Нет, она не утонула... Это я придумал... Три года Констанция Брэнд прожила в этом доме! — Он загадочно усмехнулся. — Ах, ты выглядишь таким ошеломленным, Бристол. Констанция явилась сюда не по своей воле. Она слишком сильно любила тебя. Я украл ее... привез сюда силой, Бристол! — Он повысил голос и почти кричал. — Если ты убьешь меня, то никогда не узнаешь, где она!

Руки взбешенного Бристола Макграта, сжавшись на горле Боллвилла, ослабили хватку, во взгляде его налившихся кровью глаз появилось понимание.

— Продолжай, — прошептал он, сам не узнавая собственный голос.

— Тут я не в силах ничего поделать, — выдохнул умирающий. — Она была единственной женщиной, которую я любил... Не смейся, Бристол. Другие не в счет. Я привез ее сюда. Тут я был как король. Девушка не могла убежать, не могла послать весть во внешний мир.

В этих краях живут лишь негры-отщепенцы, потомки рабов моей семьи. Мое слово... было... единственным законом для них... Клянусь, я не причинил девушке никакого вреда, лишь держал ее в заключении, пытаюсь принудить выйти за меня замуж. Я не хотел получить ее ни силой, ни обманом. Я сходил с ума, но ничего с этим поделать не мог. Я ведь из аристократов, которые всегда брали то, что хотели, не признавая ни законов, ни желаний других людей. Ты знаешь. Ты понимаешь меня. Ты и сам такой же... Констанция ненавидела меня, если это как-то утешит тебя... Будь ты проклят! И она была достаточно сильной. Я думал, что в конце концов сломя ее дух. Но без хлыста

я это сделать не мог, а пороть ее не собирался.— Он широко улыбнулся, когда дикое рычание сорвалось с губ Макграта. Глаза гиганта превратились в пылающие угли.

Рассказ утомил Болтвилла. Кровь появилась на его губах. Его улыбка погасла, и он стал поспешно рассказывать дальше.

— Все шло хорошо, пока один дурак не уговорил меня послать за Джоном де Албором. Я познакомился с ним в Вене год назад. Он из Восточной Африки — дьявол в человеческом облики! Он увидел Констанцию... и возжелал ее, как только может возжелать женщину такой мужчина. Когда я наконец понял это, я попытался убить его. Потом я обнаружил, что он сильнее меня. Он подчинил себе моих негров... рабов, для которых мое слово всегда было законом! Он посвятил их в свой дьявольский культ...

— Вуду, — невольно пробормотал Макграт.

— Нет! Вуду — лепет младенца рядом с его черной дьявольщиной. Посмотри на символ на моей груди, который де Албор выжег раскаленным добела железом. Ты был в Африке, ты должен знать клеймо Замбибве... Де Албор повернул моих негров против меня. Вместе с Констанцией и Ахмедом я попытался спастись. Черномазые схватили меня. И тогда через человека, преданного мне, я отправил тебе телеграмму... Но нигтеры заподозрили его и пытали до тех пор, пока он не признался во всем. Джон де Албор принес мне его голову. Перед тем как меня схватили, я спрятал Констанцию там, где никто не сможет найти ее, кроме тебя. Де Албор пытал Ахмеда, пока он не сказал, что я послал за другом девушки, чтобы тот помог нам. Тогда де Албор отправил своих людей на дорогу, с

тем чтобы они оставили там Ахмеда как предупреждение тебе, если ты явишься. Я спрятал Констанцию ночью, как раз перед тем, как они схватили меня. Но даже Ахмед не знал где. Де Албор пытал меня, заставляя рассказать.

Рука умирающего сжалась, и глаза его засверкали от неукротимой страсти. Макграт знал, что все пытки ада не смогли бы вырвать секрет с запечатанных губ Болтвилла.

— Это было самое малое, что ты мог сделать, — заметил Макграт. Его голос прозвучал грубо из-за противоречивых чувств. — Из-за тебя я прожил три года в аду... и Констанция тоже. Ты заслуживаешь смерти. И если в этот раз ты не умрешь, то я убью тебя.

— Будь ты проклят! Неужели ты думаешь, что я прошу у тебя прощения? — задыхаясь, пробормотал умирающий. — Я был бы рад, если бы ты страдал. И если бы Констанция не нуждалась в твоей помощи, я бы с удовольствием посмотрел, как ты издохнешь... С удовольствием отправил бы тебя в ад. Но достаточно об этом. Де Албор оставил меня на некоторое время, чтобы прогуляться по дороге и убедиться, что Ахмед мертв. А зверь, которого ты убил, напился бренди и решил, что будет пытать меня сам... Теперь слушай... Констанция спрятана в Потерянной Пещере. Ни один человек на Земле не знает о ее существовании, кроме тебя и меня. Давным-давно я установил там железную дверь. Я убил человека, который выполнил эту работу, так что тайна сохранена. Там нет ключа. Ты откроешь ее, нажав определенные заклепки.

Хозяину поместья все труднее и труднее было говорить. Пот струился по его лицу, руки дрожали от напряжения.

— Пошарь пальцами по краю двери, пока не найдешь три заклепки, расположенные треугольником. Увидеть их ты не сможешь. Ты сможешь только нащупать их. Три раза нажми каждую из них, двигаясь по часовой стрелке, описывая круг за кругом. Тогда дверь откроется. Бери Констанцию и беги. Если ты увидишь, что нигтеры настигают вас, пристрели ее! Не дай ей попасть в руки этого черного зверя!..

Голос Боллвилла поднялся до крика. Пена брызнула с мертвенно-бледных искривленных губ. Ричард Боллвилл приподнялся, а потом повалился навзничь. Железная воля, заставлявшая жизнь теплиться в его изуродованном теле, наконец подалась, лопнула, словно туго натянутая струна.

Макграт посмотрел на неподвижное тело. В душе его бурлил водоворот эмоций. Потом, повернувшись, Макграт внимательно осмотрелся. Каждый нерв его был напряжен. Пистолет будто сам собой оказался в руке.

3

В дверях, ведущих в огромный зал, стоял человек — высокий мужчина в странной, восточной одежде. На нем был тюрбан и шелковый халат, подпоясанный пестрым кушаком. На ногах — турецкие шлепанцы. Кожа его казалась не темнее, чем у Макграта, но черты лица — отчетливо восточные, вопреки очкам, которые он носил.

— Кто ты, дьявол тебя поберет? — настороженно спросил Макграт, разглядывая незнакомца.

— Али ибн Сулейман, эффенди, — ответил тот на безупречном арабском. — Я явился в это дьяволь-

ское место по настоянию моего брата — Ахмеда ибн Сулеймана, чья душа отлетела к пророку. Я был в Новом Орлеане, когда получил письмо. Я поспешил сюда. И, пробираясь через лес, я увидел, как чернокожий тащит труп моего брата к реке. Я пришел сюда в поисках хозяина убийцы моего брата.

Макграт молча указал на мертвеца, как бы спрашивая, его ли имеет в виду араб. Али ибн Сулейман с почтением кивнул.

— Мой брат любил своего господина, — сказал он. — Я буду мстить за моего брата и его хозяина. Эффенди, я пойду с вами.

— Хорошо, — равнодушно согласился Макграт. Он знал фанатичную преданность арабов; знал, что одной из черт Ахмеда была преданность негодяю, которому он служил. — Следуй за мной!

Последний раз взглянув на хозяина особняка и тело черномазого, вытянувшееся перед ним — словно тело принесенного в жертву, — Макграт оставил зал пыток. «Вот так в таинственном прошлом веке мог умереть один из королей-плантаторов — предков Боллвилла, — подумал он. — И так же у его ног лежал бы убитый раб, чей дух станет служить своему господину и на том свете».

Макграт вернулся в заросли, опоясывающие дом. Сосны дремали в полуденной жаре. Араб следовал за ним по пятам. Прислушавшись, Макграт различил отдаленный пульсирующий звук, который неведомо откуда принес слабый ветерок. Словно где-то далеко-далеко били в барабан.

— Пошли! — Макграт широким шагом направился через лабиринт подсобных строений и нырнул в лес, который поднимался за домом.

Тут тоже когда-то были поля, приносившие богатство аристократам Боллвиллам. Но уже много

лет стояли они заброшенными. Тропинки бесцельно бежали через поднявшуюся на месте полей поросль густо разросшихся деревьев, по которым любому, зашедшему в эти места, сразу становилось ясно, что здешние леса давно забыли о топоре дровосека. Макграт высматривал дорогу. Он хорошо помнил свое детство. Эти воспоминания, хоть и заслоненные другими событиями, хорошо отпечатались в памяти Макграта. Наконец он нашел дорожку, которую искал, — едва различимую тропинку, вьющуюся между деревьев.

Они вынуждены были идти гуськом. Ветки рвали их одежды, ноги тонули в ковре опавшей хвои. Местность постепенно понижалась. Сосны сменили кипарисы, задушенные подлеском. Пенные лужи застоявшейся воды сверкали у подножия деревьев. Квакали лягушки. Над головами путников с безумной настойчивостью пели москиты. Снова отдаленный гул барабанов поплыл над хвойными лесами.

Макграт стер капли пота со лба. Эти удары барабанов пробуждали воспоминания, удачно подходящие к его нынешнему мрачному окружению. Мысли Макграта вернулись к ужасному знаку, выжженному на груди Ричарда Боллвилла. Хозяин поместья предполагал, что он, Макграт, знает значение этого символа. Но он не знал. Макграт знал лишь то, что такой знак возвещает о черном ужасе и безумии, но о точном смысле его даже не догадывался. Только один раз раньше видел он этот символ в ужасной стране Замбизве, куда рискнуло пробраться несколько белых людей, но откуда только один из них вернулся живым. Этим человеком и был Бристоу Макграт. Он стал единственным белым, проникнувшим в эти бескрайние джунгли и черные болота и вернувшимся обратно. Но даже и он не смог

пробраться в затерянное королевство черномазых, чтобы доказать или развеять ужасные истории, которые шепотом рассказывали местные жители, — истории о древнем культе, сохранившемся с доисторических времен, истории о поклонении чудовищам, чье существование нарушало Законы природы. Слишком мало увидел Макграт в тех джунглях, но и то, что он увидел, заставляло его дрожать от ужаса. До сих пор воспоминания о том путешествии кровавыми кошмарами возвращались в его сны.

Ни одним словом не обменялись мужчины с тех пор, как оставили особняк. Макграт пробирался по заросшей дорожке. Толстая, не слишком длинная болотная змея выскользнула из-под его ног и исчезла. Где-то неподалеку была вода. Еще несколько шагов — и путники оказались на берегу болота, от которого исходили запахи гниющих растений. Кипарисы затеняли его зеленую гладь. Тропинка заканчивалась на краю болота, которое вытянулось, насколько хватало глаз, теряясь в сумрачной дымке.

— Что дальше, эффенди? — спросил Али. — Мы пойдем через болото?

— Это — бездонная трясина, — ответил Макграт. — Попытаться перейти его — самоубийство. Даже нигтеры сосновых лесов никогда не пробовали перебраться через него. Но есть дорога, по которой можно добраться до холма, возвышающегося в сердце этих топей. Вон этот холм. Видишь, там, за кипарисами? Много лет назад, когда я и Боллвилл были мальчиками... и друзьями... мы нашли старую-старую индейскую тропу — тайную, затопленную болотом дорогу, которая вела на этот холм. В этом холме есть пещера, и там томится

женщина. Я пойду туда. Ты пойдешь со мной или останешься здесь? Это опасное путешествие.

— Я пойду, эффенди,— ответил араб.

Макграт с уважением кивнул и начал изучать деревья, стоявшие вокруг. Наконец он нашел то, что искал — слабую отметку на огромном кипарисе, едва различимую, почти заросшую зарубку. Он смело шагнул в болото рядом с этим деревом. Давным-давно Макграт сам оставил эту зарубку. Сапоги Макграта по щиколотку, но не глубже, погрузились в пенную воду. Он стоял на плоской скале или, скорее, на гряде огромных камней, спрятанной под застоявшейся водой. Направившись к искривленному кипарису, росшему далеко от берега, Макграт двинулся по болоту. Он осторожно шагал по камням, скрытым под темной водой. Али ибн Сулейман следовал за ним, повторяя каждое его движение.

Они прошли по болоту, следуя вдоль деревьев с зарубками, которые служили своего рода вехами. Макграт снова удивился древним строителям, проложившим дорогу из огромных валунов так далеко вглубь болота. Такая громадная работа требовала немало инженерного искусства. Почему индейцы построили дорогу к Затерянному острову? Определенно, остров и пещера имели для краснокожих некое религиозное значение. А может, индейцы прятались там, когда на них нападали враги?

Путешествие через болото оказалось долгим. Остутиться значило окунуться в болотную тину, в предательскую грязь, которая могла засосать человека. Впереди поднимался остров, окруженный поясом растительности, — маленький холмик среди бескрайних болот. Сквозь листву проглядывала скала, отвесно вздымавшаяся над берегом на пятьдесят или шестьдесят футов. Цельный кусок гранита возвы-

пался над плоским берегом. На вершине скалы ничего не росло.

Макграт побледнел. Он прерывисто дышал. Когда они добрались до кольца растительности, окружавшего скалу, Али, с сочувствием глядя на своего спутника, вытащил из кармана флягу.

— Эффенди, выпейте немного бренди, — настоятельно предложил он, словно для примера приложившись губами к горлышку фляги. — Это вам поможет.

Макграт знал: Али думает, что такое его состояние — результат усталости. Но на самом деле Макграт ничуть не устал. Внутри него бушевали чувства — он думал о Констанции Брэнд, чей прекрасный образ преследовал его в беспокойных снах три страшных года. Сделав большой глоток, Макграт даже не почувствовал вкуса бренди. Он вернул фляжку:

— Пойдем!

Сердце его учащенно забилося, вторя гулу далеких барабанов, когда он стал пробираться сквозь заросли к подножию утеса. На серой скале, скрытой зеленой массой, обозначился вход в пещеру. Точно таким же увидел его Макграт много лет назад, когда вместе с Ричардом Боллвиллом впервые пробрался на остров. Макграт стал продираться ко входу в пещеру среди лиан и ветвей деревьев. Дыхание его замерло, когда он разглядел тяжелую металлическую дверь, закрывающую узкий ход в гранитной стене...

Пальцы Макграта задрожали, когда он провел ими по металлу. За спиной у него тяжело дышал Али. Часть возбуждения белого человека передалась арабу. Макграт нащупал три клепки, образовывавшие треугольник, — небольшие незаметные выпуклости. Сдерживая нетерпение, Макграт надавил,

как указал ему Болливилл, и почувствовал, как слегка подалась дверь при третьем прикосновении. Затаив дыхание, он схватился за ручку, приваренную в центре двери, и потянул. Плавнo двигаясь в смазанных петлях, дверь открылась.

Путники заглянули в широкий туннель, заканчивающийся другой дверью — решеткой со стальными прутьями. Туннель не был темным. Он выглядел чистым и уютным. В потолке были проделаны отверстия для освещения. Дыры закрывали специальные экраны, чтобы не допускать в пещеру насекомых и рептилий. Но за решеткой Макграт увидел то, что заставило его рвануться вперед. Сердце его едва не вырвалось из груди. Али последовал за ним.

Дверь-решетка не была заперта. Она распахнулась. Макграт застыл неподвижно, почти парализованный вспышкой чувств.

Его глаза ослепил золотой блеск: солнечный луч, проскользнув вниз под углом через одно из отверстий в каменной крыше, ярко вспыхнул на великолепной копне золотистых волос девушки, мирно спящей на резном дубовом столе.

— Констанция! — Страстный крик сорвался с мертво-бледных губ Макграта.

Эхо подхватило его возглас. Девушка подняла голову. Она выглядела удивленной. Руки ее метнулись к вискам. Сверкающие волосы заструились по плечам. У Макграта закружилась голова. Ему показалось, что девушка плывет в ореоле золотого света.

— Бристол! Бристол Макграт! — отозвалась она изумленно. В тот же миг Констанция оказалась в его объятиях. Она ухватила за Макграта так яростно, словно боялась, что он призрак и может исчезнуть.

На мгновение для Бристола Макграта окружающий мир исчез. Он стал слеп, мертв и ничего не чувствовал. Его разум воспринимал лишь женщину, оказавшуюся в его объятиях. Он утонул в кольце ее рук, ошеломленный тем, что сбылась наконец мечта, отказаться от которой ему стоило таких душевных мучений.

Снова обретя способность логично мыслить, Макграт встряхнулся, словно человек, вышедший из транса, и огляделся с глупым видом. Он находился в обширном помещении, вырезанном в твердой скале. Как и туннель, оно освещалось через отверстия в потолке. Воздух был свежим и чистым. Тут были стулья, столы и подвесная койка. Пол застилал ковры, а пища хранилась в корзинах и водяном холодильнике. Болливил устроил свою пленницу с полным комфортом. Макграт огляделся в поисках араба и увидел, что тот остался стоять за решеткой. Он не решался прервать сцену воссоединения влюбленных.

— Три года! — заплакала девушка. — Три года я ждала. Я знала: ты придешь! Я знала это! Но мы должны быть осторожны, мой дорогой. Ричард убьет тебя, если найдет... он убьет нас обоих!

— Он уже не сможет никого убить, — ответил Макграт. — Но нам все же стоит выбираться отсюда.

Глаза Констанции вспыхнули с новым страхом

— Да! Джон де Албор! Болливил боялся его. Именно поэтому он запер меня здесь. Он сказал, что пошлет за тобой. Я боюсь за тебя...

— Али! — позвал Макграт — Подойди. Мы сейчас уйдем отсюда, и лучше будет, если мы прихватим немного воды и пищи. Мы можем спрятаться в болотах, пока...

Неожиданно Констанция вскрикнула, рванувшись из рук своего возлюбленного. И Макграт, замерев на мгновение, испуганный страхом в ее округлившихся глазах, получил страшный удар в основание черепа. Сознание не покинуло его, но странный паралич охватил тело. Пустым мешком повалился он на каменный пол и замер, словно мертвый, беспомощно глядя на сцену, которая сначала показалась ему безумной: Констанция отчаянно боролась с человеком, которого он знал, как Али ибн Сулеймана и который теперь так ужасно преобразился.

Али сорвал тюрбан и выбросил очки. В блеске его глаз Макграт прочитал страшную правду: этот человек не араб. Он был негром смешанной крови.

Однако было в нем что-то от араба или от семита. Эта примесь в крови, вместе с азиатской одеждой и потрясающим артистизмом, помогла ему поддаться под араба. Но сейчас маска оказалась сброшена, и принадлежность ибн Сулеймана к негроидной расе стала несомненной. Даже его голос — звучный арабский — стал гортанным негритянским.

— Ты убил его! — истерически зарыдала девушка, пытаясь вырваться из крепких пальцев, сжавших ее белые запястья.

— Нет, он не мертв, — засмеялся цветной. — Дурак глотнул отравленного бренди... Он отведал наркотика, который есть только в джунглях Замбмбве. Этот яд лишает подвижности, если нанести сильный удар в один из нервных узлов.

— Пожалуйста, сделай что-нибудь для него! — взмолилась девушка.

Негр грубо рассмеялся:

— Зачем? Он выполнил свое предназначение. Пусть лежит здесь, пока болотные насекомые не обглодают его кости. Я бы с удовольствием понаблюда́л за ним... но до наступления ночи мы будем уже далеко.

Его глаза сверкнули от дьявольского предвкушения. Вид белой красавицы, пытающейся вырваться из его объятий, разжег похоть первобытных джунглей в душе этого человека. От гнева и ненависти глаза Макграта наполнились кровью. Но он не мог двинуть ни рукой, ни ногой.

— Мое решение — в одиночку вернуться в особняк — оказалось мудрым, — засмеялся нитер. — Я прокрался к окну, пока этот дурак разговаривал с Ричардом Боллвиллом. Я решил позволить ему отвести меня туда, где тебя спрятали. Мне никогда не приходило в голову, что тайное место Боллвилла где-то на болотах. У меня был арабский халат, шлепанцы и тюрбан. Я решил, что смогу ими воспользоваться. И очки тоже помогли. Мне нетрудно оказалось замаскироваться под араба. Ведь твой возлюбленный никогда не видел Джона де Албора. Я родился в Восточной Африке и вырос рабом в доме араба... а потом бежал и скитался в землях Замбибве... Но достаточно. Мы должны идти. Барабаны бормочут весь день. Черные ведут себя беспокойно. Я обещал им, что принесу жертву Зембе. Я собирался использовать араба, но мне пришлось пытать его, так что теперь он не годится в жертву. Ладно, пусть они бьют в свои глупые барабаны. Им бы понравилось, если бы ты стала Невестой Зембы, но они не знают, что я тебя нашел. В пяти милях отсюда, на берегу реки, у меня спрятана моторная лодка...

— Ты — дурак! — воскликнула Констанция, яростно вырываясь. — Ты думаешь, что сможешь от-

везти белую девушку вниз по реке, словно рабыню!

— У меня есть лекарство, которое на время сделает тебя словно мертвой, — объяснил он. — Ты будешь лежать на дне моей лодки, прикрытая мешками. Когда я выберусь на широкую реку, она унесет нас из этих мест. Я спрячу тебя в своей каюте в хорошо проветриваемом сундуке. Ты не почувствуешь никаких неудобств путешествия. А проснешься уже в Африке...

Он порвался за пазухой, удерживая девушку одной рукой. С яростным криком она отчаянно рванулась, вырвалась и побежала по туннелю. Джон де Албор помчался за ней, завывая. Красный туман поплыл перед глазами обезумевшего Макграта. Констанция может утонуть в болоте, так как наверняка не помнит всех вех... А может, она ищет именно смерти, которая была бы предпочтительнее судьбы, уготованной для нее этим негодяем.

* * *

Де Албор и девушка выскочили из туннеля. Но неожиданно Констанция закричала с новой силой. До Макграта донеслись возбужденные голоса негров. Де Албор что-то яростно возражал. Констанция истерически рыдала. Сквозь стену растительности Макграт смутно различил несколько фигур, когда те прошли мимо входа в пещеру. Он увидел Констанцию, которую тащило с полдюжины черных гигантов — типичных обитателей сосновых лесов. Следом за ними шел де Албор, и заметно было, что между чернокожими разлад. Все это промелькнуло в один миг, а потом у входа в пещеру стало пусто, и плеск воды — звук шагов чернокожих — постепенно стих.

Бристол Макграт лежал в тишине пещеры, отрешенно глядя вверх. В душе его царил кипящий ад. Дурак! Попасться так легко! Однако откуда он мог знать? Он никогда не видел де Албора и ожидал встретить чистокровного негра. Боллвилл называл его черным зверем, но, должно быть, имел в виду его душу. Де Албор, если бы не предательски темный цвет глаз, мог сойти и за белого.

Появление возле пещеры других чернокожих означало только одно: они последовали за ним и де Албором и схватили Констанцию, когда та выскочила из пещеры. Страхи де Албора сбылись. Он говорил, что чернокожие хотели принести Констанцию в жертву. Теперь же она оказалась в их руках.

— Боже! — сорвалось с губ Макграта, испуганного безмолвием.

Он был словно наэлектризован. Несколько мгновений он еще оставался неподвижным, а потом обнаружил, что может пошевелить губами, языком. Жизнь вползала в его тело через омертвевшие члены. Их покалывало, как бывает, когда восстанавливается циркуляция крови. Как он обрадовался! Настойчиво работал он, пытаясь вернуть подвижность своим пальцам, рукам, запястьям и потом, с большим волнением и радостью, рукам и ногам. Возможно, со временем дьявольское лекарство де Албора потеряло часть своей силы. А может быть, необычная жизненная сила Макграта ослабила эффект воздействия лекарства.

Дверь туннеля не была закрыта, и Макграт знал почему: негры не хотели препятствовать насекомым, которые вскоре сожрали бы его беспомощ-

ное тело. Паразиты уже текли в пещеру через дверной проем вредоносной ордой.

Наконец Макграт сумел подняться. С каждой секундой силы все быстрее возвращались к нему. Когда он неверными шагами направился из пещеры, то не встретил на своем пути никакого препятствия. Прошло уже несколько часов с тех пор, как негры увели свою жертву. Макграт прислушался к бою барабанов. Но те молчали. Тишина, словно невидимый черный туман, ступила вокруг него. Спотыкаясь, Макграт пошлепал по тропе, ведущей на твердую землю. Повели ли черные свою пленницу назад в особняк, где поселилась смерть, или в глубины поросших соснами земель?

В грязи было полно следов. Полдюжины пар босых, разбрызгивающих грязь ног оставили тут свои отпечатки. Тут же были изящные следы сапожек Констанции и отпечатки турецких шлепанцев де Албора. Но Макграту все труднее было идти по их следам, так как местность постепенно повышалась и земля стала твердой.

Он пропустил бы то место, где негры свернули на сумрачную тропинку, если бы не кусочек шелка, развевающийся на слабом ветерке. Констанция зацепилась за ствол дерева, и грубая кора вырвала кусочек ткани из ее платья. От болот отряд двигался на восток к особняку. В том месте, где повис кусочек одежды, негры резко свернули на юг. Ковер хвои скрывал следы, но обломанные лианы и ветви указывали направление, пока Макграт, двигаясь по этим следам, не вышел на другую тропинку, ведущую на юг.

Тут и там темнели лужи грязи, и полно было следов босых ног и отпечатков подошв. С пистолетом в руке Макграт торопливо пошел вдоль дорож-

ки, пытаясь окончательно восстановить свои силы. Его лицо было угрюмым и бледным. После предательского удара де Албор не воспользовался случаем, чтобы разоружить его. Этот цветной и черномазые из сосновых лесов верили, что Макграт беспомощно лежит в пещере. И в этом было его преимущество.

Макграт по-прежнему прислушивался, надеясь услышать слабый бой барабанов. Тишина не успокаивала его. При жертвоприношениях вуду били в барабаны, но он знал, что имеет дело с чем-то более древним и отвратительным, чем вуду.

Вуду — сравнительно молодое верование, рожденное среди холмов Гаити. За занавесями вуду скрывались зловещие религии Африки, которые, словно гранитные утесы, неясно проступали сквозь заросли зеленых вай. Вуду могло показаться хныкающим младенцем рядом с черным древним колосом, который возвышался ужасной тенью с незапамятных времен в древних землях. Замбибве! Даже одно название вызывало дрожь у Макграта, служило для него синонимом ужаса и страха. Это было не просто название какой-то страны или мистического племени, которое обитало в этой стране. Оно означало нечто ужасное, древнее и злое; нечто выжившее с древних эпох — религия Ночи и божество, чье имя — Смерть и Ужас.

Макграт не увидел хижин негров. Он знал, что те расположены дальше к юго-востоку. Деревня нигтеров вытянулась вдоль берега реки и ручьев-притоков. У черных был некий инстинкт, заставлявший их строить жилища у воды точно так же, как они строили их в Африке вдоль Конго, Нила или Нигера с самой зари времен. Замбибве! Слово ударами тамтама прозвучало в голове Бристола

Макграта. Души черных людей не изменились за столетия сна. Изменения происходили среди лязга городских улиц, в грубых ритмах Гарлема; но болота Миссисипи не слишком-то отличаются от болот Конго, и тут не происходили изменения, в духе расы, которая задолго до появления первого белого короля плела соломенные крыши над плетеными хижинами.

Следуя по извилистой тропинке среди тускло вырисовывающихся больших сосен, Макграт ничуть не удивлялся тому, что черные скользкие щупальца из глубин Африки протянулись через полмира, породив кошмары в иной стране. Одинаковые природные условия приводили к одинаковому эффекту, порождали одни и те же заболевания тела и разума, в соответствии с географическим положением. Топи среди сосновых лесов были такими же бездонными, как вонючие африканские джунгли.

Но дорога уводила Макграта прочь от воды. Местность постепенно поднималась, и вскоре болото осталось позади.

Тропинка стала шире. Появились признаки того, что ею часто пользуются. Макграт стал нервничать. В любой момент он мог с кем-нибудь столкнуться. Он свернул в густой лес, идущий вдоль дороги, и стал пробираться через чащу. Ему казалось, что он ломится сквозь заросли с ужасающим шумом. Обливаясь потом от напряжения, Макграт выбрался на узкую тропинку, которая шла в нужную ему сторону. В сосновых лесах было много таких тропинок.

Макграт следовал по ней с большой осторожностью, крадучись и наконец вышел к повороту, за которым она присоединялась к главной дороге. На месте их слияния стоял маленький бревенчатый сруб. Между Макгратом и срубом сидел на корточках

огромный чернокожий. Этот человек прятался за стволом высокой сосны рядом с узкой тропинкой и наблюдал за срубом. Очевидно, он шпионил за кем-то. Скоро стало ясно, что следил он за де Албором. Тот подошел к двери и выглянул наружу. Чернокожий наблюдатель напрягся и поднес пальцы ко рту, словно собираясь свистнуть, но де Албор беспомощно пожал плечами и вернулся в сруб. Негр расслабился, хотя и не утратил бдительности.

Теперь уже Макграт засомневался, а не пропустил ли он чего-то в спектакле ниггеров? При виде де Албора красный туман, плывущий перед глазами Макграта, превратился в блестящую лужу крови, в которой, словно эбонитовый айсберг, плавало тело чернокожего.

Пантера, подкрадывающаяся, чтобы убить, не могла бы двигаться бесшумнее Макграта, скользнувшего по тропинке к присевшему на корточках негру. Бристол не испытывал ненависти конкретно к этому человеку, который был всего лишь препятствием на его пути к отмщению. Наблюдая за срубом, черный человек не услышал, как подкрадывался Макграт. Не обращая внимания на то, что происходит вокруг, он не двинулся и не повернулся — до тех пор, пока рукоять пистолета не обрушилась на его череп. Негр остался лежать без сознания на ковре из сосновых игл.

Макграт присел над своей неподвижной жертвой, прислушиваясь. Вокруг все было тихо — но неожиданно где-то далеко раздался протяжный крик, от которого дрожь прошла по телу Макграта. Кровь застыла у него в жилах. Он уже слышал этот звук раньше — среди низких, поросших лесом холмов, которые окаймляли забытое Замбие. Тогда лица его чернокожих носильщиков стали пепельными, и

они попадали ниц. Кто издавал этот звук — Макграт не знал. И объяснения, предложенные дрожащими дикарями, показались слишком чудовищными, чтобы здравый рассудок мог принять их. Негры называли этот звук голосом бога Замбибве.

Побуждаемый к действию, Макграт помчался по тропинке и бросился к задней двери хижины. Он не знал, сколько черномазых внутри, но не осторожничал. От горя и ярости он превратился в берсеркера.

Дверь распахнулась от его удара. Он шагнул внутрь, пригнувшись. Пистолет — на уровне бедра.

Но в хижине оказался только один человек — Джон де Албор, который при появлении Бристола, вскрикнув, вскочил на ноги. Пистолет выскользнул из руки Макграта. Ни свинец, ни сталь не могли сдержать его ненависти. Он должен был убить ниггера голыми руками, отбросив цивилизованность, стать настоящим дикарем.

С рычанием, которое походило больше на рев атакующего льва, чем на крик человека, Макграт руками сжал горло цветного. Де Албор качнулся назад от резкого удара, и они оба полетели на кровать, разломав ее на куски. Они боролись на грязном полу, Макграт пытался убить врага голыми руками.

Де Албор был высоким и сильным. Но против белого берсеркера у него не было шансов. Его сбили с ног, словно мешок с соломой, яростно колотя об пол. Стальные пальцы Макграта все глубже и глубже впивались в горло негра, пока язык де Албора не вывалился меж посиневших губ и глаза не полезли на лоб. Когда смерть уже почти забрала несчастную жертву, здравомыслие вернулось к Макграту.

Белый покачал головой, словно ошеломленный бык, чуть ослабил захват и прорычал:

— Где девушка? Говори быстро, иначе я тебя убью!

Де Албор тужился и пытался восстановить дыхание. Лицо его было пепельного цвета.

— Черные! — выдохнул он. — Они забрали Констанцию, чтобы сделать Невестой Зембы! Я не смог воспрепятствовать им. Они требуют жертвоприношения. Я предложил им тебя, но они сказали, что ты парализован и умрешь в любом случае... Они умнее, чем я думал. Они последовали за мной назад в особняк от того места, где мы оставили араба... а от особняка проследили нас до острова... Они вышли из-под моего контроля... Их опьяняет жажда крови. Но даже я — тот, кто как никто знает черных, — забыл, что жрецы Замбибве не могут толком контролировать свою паству, когда огонь веры бежит в их венах. Я их жрец и повелитель... Однако когда я попытался спасти девушку, они оставили меня в этом срубе и приставили человека наблюдать за мной, пока не свершится жертвоприношение. Ты, должно быть, убил его. Он никогда не дал бы тебе войти сюда.

С мрачным видом Макграт подобрал свой пистолет.

— Ты пришел сюда как друг Ричарда Боллвилла, — безразлично заговорил Макграт. — Ты собирався завладеть Констанцией Брэнд и превратил черномазых в дьяволопоклонников. За это ты заслуживаешь смерти. Когда европейские власти, правящие в Африке, ловят жреца Замбибве, его вешают. Ты признался, что ты — такой жрец. И ты должен заплатить за это своей жизнью. К тому же из-за твоего дьявольского учения должна умереть Кон-

станция Брэнд, и именно по этой причине я вышибу из тебя мозги.

Джон де Албор содрогнулся.

— Она не умрет, — вздохнул он. Огромные капли пота катились по его пепельному лицу. — Она не умрет, пока луна не встанет высоко над соснами. Это будет полночь Луны Замбибве... Не убивай меня... Только я могу спасти ее. Знаю, я не сумею сделать это раньше. Но если я пойду к ним, появлюсь среди них неожиданно, без предупреждения, они подумают, что сверхъестественные силы помогли мне удрать от своего сторожа. Это восстановит мой престиж... Ты не сможешь спасти ее сам. Ты сможешь пристрелить нескольких черных, но это не остановит остальных, и они убьют тебя... и ее. Но у меня есть план... Да, я — жрец Замбибве. Мальчишкой я бежал от своего хозяина-араба и скитался, пока не попал в земли Замбибве. Там я вступил в братство и стал жрецом. Я жил там, пока малая часть белой крови во мне не привела меня на путь белого человека. Тогда я приехал в Америку и привел с собой Зембу... Не могу сказать тебе как... Дай мне спасти Констанцию Брэнд! — Он сжал руку Макграта, трясаясь, словно в лихорадке. — Я люблю ее так же, как ты любишь ее. Я поступлю по справедливости с вами обоими, клянусь! Мы сможем сразиться за нее позже, и тогда я убью тебя, если смогу.

Искренность этого заявления повлияла на Макграта больше, чем все остальное, сказанное цветным. Началась отчаянная игра... Но даже если все пойдет по-другому, Констанции, окажись она с Джоном де Албором, не будет хуже, чем сейчас. Она может умереть до полуночи, если что-то быстро не предпринять.

— Где место жертвоприношения? — спросил Макграт.

— В трех милях отсюда, на открытой поляне, — ответил де Албор. — К югу по дороге, которая проходит мимо этого сруба. Все черные соберутся там, кроме моего стража и нескольких человек, охраняющих дорогу за срубом. Они рассеяны вдоль нее. Ближайший находится неподалеку от сруба. Эти люди передают друг другу сигналы с помощью криков и громкого, пронзительного свиста... Вот мой план. Ты подождешь в срубе или в лесу, как хочешь. Я проскочу мимо наблюдателей на дороге и потом внезапно появлюсь перед черными в Доме Зембы. Неожданность моего появления потрясет их, как я уже говорил. Я знаю, что не смогу уговорить их отказаться от — своих планов, но я заставлю их отложить жертвоприношение до утра. И еще до зари я сумею выкрасть девушку и бежать с ней. Я вернусь туда, где ты будешь прятаться, и мы вместе убежим из этих мест.

Макграт засмеялся:

— Ты думаешь, я — круглый дурак? Ты поплешь своих черномазых убить меня, а тем временем сам утащишь Констанцию, как и планируешь. Я пойду с тобой. Я спрячусь на краю поляны, чтобы помочь тебе, если понадобится. Но если ты сделаешь хоть один неверный шаг, я тебя достану.

Темные глаза цветного засверкали, но он согласен кивнул.

— Помоги мне занести твоего стража в сруб, — приказал Макграт. — Он скоро очнется. Мы свяжем его и оставим здесь.

Солнце садилось, и сумерки воцарились над поросшими соснами лесами. Макграт и его странный спутник крадучись отправились через лес. Они сде-

лали крюк к западу, чтобы избежать наблюдающих за дорогой, а потом отправились через лес по одной из множества узких тропинок, вытоптанных босыми ногами. Вокруг царил тишина.

— Земба — бог тишины, — пробормотал ниггер. — С заката до восхода ночи полной луны барабаны не бьют. Если собака залает, ее убьют. Если заплачет ребенок, его тоже могут убить. Тишина закрывает рты людей, пока ревет Земба. Только его голос звучит в ночь Луны Зембы.

Макграт содрогнулся. Грязное божество, конечно, было неосязаемым духом, существующим лишь в легендах, но де Албор говорил о нем, как о живой твари.

В небе засверкало несколько звезд. Тени поползли через густой лес, пряча во тьме стволы деревьев. Макграт знал, что уже недалеко от Дома Зембы. Он чувствовал присутствие множества людей, хотя ничего не слышал.

Де Албор, шедший впереди, неожиданно остановился, присел. Макграт тоже остановился, пытаясь что-нибудь рассмотреть сквозь занавес переплетенных ветвей.

— Что это? — пробормотал белый человек, потянувшись к пистолету.

Де Албор покачал головой, выпрямившись. Макграт не увидел камня, который цветной поднял с земли.

— Ты что-нибудь слышишь? — требовательно спросил Макграт.

Де Албор сделал движение, словно хотел что-то прошептать на ухо Макграту. Забыв об осторожности, Макграт наклонился к нему... Даже если он и заметил угрозу в движении де Албора, было слишком поздно. Камень в руке нигтера болезненно ударил

в висок белого человека. Макграт повалился, как убитый бык, а де Албор поспешил дальше по тропинке, словно призрак, растаяв в полумраке.

5

Макграт наконец зашевелился и, пошатываясь, нетвердо встал на ноги. Такой отчаянный удар мог бы раскроить череп человеку, чьи физические силы и сложение были бы слабее, чем у быка. В голове у Макграта стучало. Кровь запеклась у него на виске. Но самым сильным его ощущением стало обжигающее презрение к самому себе — за то, что он позволил Джону де Албору обмануть его. Однако кто мог заподозрить, что дело повернется таким образом? Макграт знал, что де Албор убьет его, если сможет, но он не ожидал атаки до того, как они спасут Констанцию. Этот цветной был опасен и непредсказуем, как кобра. Оправдывало ли его то, что он хотел попытаться спасти Констанцию и избежать смерти от руки Макграта?

Испытывая головокружение, Макграт взглянул на звезды, мерцавшие сквозь эбонитовые ветви, и с облегчением вздохнул, увидев, что луна еще не поднялась. Было темно так, как только может быть темно в сосновом лесу. Темнота казалась почти осязаемой, словно некое вещество, которое можно разрезать ножом.

Макграт поблагодарил природу за свое могучее телосложение. Дважды за этот день де Албор перехитрил его, и дважды могучий организм белого человека перенес эту атаку. Его пистолет остался в кобуре, нож в ножнах. Де Албор не задерживался, чтобы поискать оружие, не останавливался, чтобы

для верности нанести второй удар. Возможно, выходец из Африки просто запаниковал.

Ладно, но ведь условия сделки не изменились. Макграт верил, что де Албор приложит все усилия, чтобы спасти девушку. И собирался быть рядом, играя в свою игру или помогая ниггеру. Сейчас не осталось времени ругать себя за доверчивость, потому что жизнь девушки была поставлена на карту. Макграт на ощупь стал пробираться по тропинке, спеша к разгорающемуся мерцанию на востоке.

Он вышел на поляну раньше, чем понял это. Кроваво-красная луна висела среди нижних ветвей достаточно высоко, чтобы освещать поляну и толпу чернокожих, сидевших на корточках широким полукругом, повернувшись лицом к луне. Их округлившиеся глаза сверкали белками среди теней; их лица казались гротескными масками. Все молчали. Ни одна голова не повернулась к кустам, за которыми присел Макграт.

Бристол ожидал горящих огней, залитого кровью алтаря и песнопений безумных верующих, как заведено среди приверженцев вуду. Но это было не вуду, и между этими двумя колдовскими культами пролегла глубокая пропасть. Никаких костров, никаких алтарей. Дыхание с присвистом вырывалось сквозь сжатые зубы Макграта. В далеких землях тщетно искал он места, где проходят ритуалы Замбибе. Теперь же он наблюдал их, находясь в сорока милях от того места, где родился.

Посреди поляны земля поднималась на высоту одноэтажного дома. На возвышении стоял отделанный железом столб, который на самом деле был остро заточенным стволом сосны, глубоко вбитым в землю. И к столбу было приковано что-то живое.

То самое существо, из-за которого Макграт затаил дыхание, не веря своим глазам.

Он смотрел на бога Замбибве. Негры рассказывали об этом существе сверхъестественные истории, идущие из-за границ забытых стран. Их повторяли дрожащие носильщики у костров в джунглях, и они дошли даже до ушей белых скептиков торговцев. Макграт никогда по-настоящему не верил в эти рассказы, хотя занимался поисками существ, которых они описывали. В историях говорилось о звере, который богохулен по своей природе... звере, который ищет пищу, странную для своего вида.

Тварь, прикованная к столбу, была обезьяной, но такой обезьяной, какая и в кошмарах никому не могла пригрезиться. Ее густой серый мех был коротким и сверкал серебром в лунном свете. Обезьяна выглядела гигантской, несмотря на то что она сидела на корточках. Распрямившись на своих кривых ножках, она была бы ростом с человека, но много шире и толще. Ее цепкие пальцы были вооружены когтями, как у тигра... но не тяжелыми тупыми ногтями, присущими антропоидам, а ужасными, изогнутыми, словно ятаганы, когтями огромного плотоядного животного. Мордой чудовище напоминало гориллу: низкие брови, раздутые ноздри, отсутствие подбородка. Когда тварь рычала, ее широкий плоский нос морщился, словно у гигантской кошки, а рот-пещера открывал саблеподобные клыки — клыки хищника. Это был Земба — существо, священное для людей Замбибве, — чудовищное создание, нарушающее законы природы — хищная обезьяна. Многие люди смеялись над рассказами о ней — охотники, зоологи и торговцы.

Но теперь Макграт точно знал, что такие существа обитали в черном Замбибве и им поклонялись.

Ведь примитивные люди склонны поклоняться непристойному или извращенному. А может, выжившему с прошлых геологических эпох. Несомненно, что плотоядные обезьяны из Замбие были пережитком забытых, доисторических эпох, когда природа проводила эксперименты и жизнь принимала самые чудовищные формы.

Вид чудовища изменил намерения Макграта. Перед ним был ужас — напоминание о животном начале человека и затаившемся в тенях страхе, из которого давным-давно выбралось человечество. Эта тварь казалась оскорблением святости. Она должна была исчезнуть вместе с динозаврами, мастодонтами и саблезубыми тиграми.

Чудовище выглядело массивнее современных зверей — выходцем из другого века, когда все существа имели могучие формы. Макграт задумался: сможет ли его револьвер остановить такое чудовище? Удивительно, с какими темными и коварными намерениями Джон де Албор привез чудовище из Замбие в страну сосен?

Но что-то происходило на поляне. Об этом возвестил звон цепи. Животное дернулось, вытянув свою кошмарную голову.

Из теней деревьев вышла цепочка черных мужчин и женщин — молодых, голых, если не считать накинутах на плечи мантий из обезьяньих шкур и перьев попугаев. Большинство регалий, несомненно, было привезено Джоном де Албором. Раздетые ниггеры образовали полукруг на безопасном расстоянии от прикованного животного и встали на колени, склонив головы к земле. Трижды повторялось это действие. Потом, поднявшись, они выстроились в две линии — мужчины и женщины лицом к друг другу — и начали танцевать. Но только из

вежливости это могло быть названо танцем, Люди едва переставляли ноги, но все остальные части их тел находились в постоянном движении, извивались, вращались, скручивались. Размеренные, ритмические движения ничуть не походили на танцы вуду, которые не раз наблюдал Макграт. Этот танец казался невероятно архаичным, более развращенным и звериным — примитивные цинично-распущенные движения обнаженных тел.

Ни звука не доносилось ни со стороны танцующих, ни от зрителей, сидящих на коленях в тени деревьев. Но обезьяна, явно пришедшая в ярость от непрекращающихся движений негров, подняла голову и издала тот самый ужасный крик, что слышал днем Макграт. Он слышал тот же крик среди холмов на границах черного Замбибве. Когда животное рванулось с тяжелой цепи, исходя пеной и скрежеща клыками, танцевавшие ниггеры разлетелись, словно под порывом ветра. Они бросились в разные стороны.

Из глубокой тени вышел человек с рыжевато-коричневой кожей, являвший контраст с черными фигурами других ниггеров. Это был Джон де Албор, обнаженный, если не считать мантии из ярких перьев. На голове его сверкал золотой обруч, который мог быть выкован еще в Атлантиде. В руке он нес золотой жезл — скипетр высших жрецов Замбибве.

За ним шла женщина, при виде которой залитый лунным светом лес закружился перед глазами Макграта.

Констанцию опоили каким-то наркотиком. Лицо у нее было словно у лунатика. Казалось, она не сознавала грозящей ей опасности и того, что совершенно обнажена. Она вышагивала, словно ро-

бот, механически реагируя на рывки цепи, завязанной вокруг ее белой шеи. Другой конец цепи держал Джон де Албор. Он наполовину вел, наполовину тащил девушку к зверю, который сидел на корточках посреди поляны. Лицо де Албора казалось пепельным в лунном свете, который теперь заливал поляну расплавленным серебром. Пот каплями выступил на его коже. Его глаза сверкали от страха и безжалостной решительности. И в какой-то миг Макграт понял, что этот человек так и не сумел сделать то, что задумал. Он не смог спасти Констанцию, и теперь, спасая собственную жизнь, тащил девушку, чтобы принести ее в жертву.

Ни одного звука не доносилось со стороны собравшихся, лишь шипящее дыхание вырывалось сквозь толстые губы нигтеров. В такт ему, как тростник на ветру, раскачивались ряды черных тел. Огромная обезьяна подпрыгнула. Ее лицо превратилось в дьявольскую маску. Она яростно взвыла, заскрежетала огромными когтями, пытаясь впиться в мягкое, белое тело девушки и умыться ее горячей кровью. Чудовище бесновалось на цепи, и могучий столб дрожал. Макграт в кустах стоял застыв, парализованный ужасом. И потом Джон де Албор отступил за девушку и изо всех сил толкнул ее в лапы чудовища.

И одновременно Макграт сорвался с места. Его движение было скорее инстинктивным, чем сознательным. Грохнул выстрел. Огромная обезьяна закричала, словно смертельно раненный человек, завертелась, хлопая уродливыми лапами по своей голове.

Толпа негров замерла. Глаза черномазых выкатились, челюсти отвисли. Потом, раньше чем кто-нибудь смог пошевелиться, кровь хлынула из голо-

вы обезьяны, она повернулась, сжав цепь обеими руками, и с яростью дернула ее, порвав тяжелые звенья цепи, словно те были из бумаги.

Парализованный страхом Джон де Албор оказался прямо перед безумным животным. Земба ревел и подпрыгивал. Он подмял под себя африканца, выпотрошил его похожими на бритвы когтями. Голова де Албора под ударом огромной лапы превратилась в кровавое месиво.

В иступлении чудовище бросилось на своих почитателей, царапая, разрывая, убивая негров и невыносимо крича. Земба заговорил, и смерть слышалась в его реве. Крики, вой, борьба... Чернокожие карабкались друг по другу. Мужчины и женщины падали под ударами ужасных когтей, расчлененные кривыми клыками.

На глазах Макграта разворачивалась кровавая драма — буря ярости и безумия. Кровь и мозги залили землю, черные тела и конечности, куски тел валялись на залитой лунным светом поляне страшными кучами, в то время как последние черные негодяи искали спасения среди деревьев. Наконец шум панического бегства утих.

Выстрелив, Макграт не вернулся в свое укрытие. Не замеченный испуганными неграми и сам едва сознающий, какое ужасное кровопролитие творилось вокруг, он направился прямо через поляну к жалкой белой фигуре, безвольно лежавшей рядом с отделанным железом столбом.

— Констанция! — закричал он, прижав девушку к своей груди.

Вяло приоткрыла она свои затуманенные глаза. Макграт обнял ее. Вокруг кричали нигтеры, шла

резня. Постепенно Констанция узнала своего возлюбленного.

— Бристол...— еле слышно пробормотала она. Потом закричала, прижалась к нему, истерически рыдая.— Бристол! Они сказали мне, что ты мертв! Черномазы! Ужасные черномазы! Они собирались убить меня! Они собирались убить и де Албора, но он пообещал провести жертвоприношение...

— Нет, девочка, нет! — Он попытался успокоить ее бешеную дрожь.— Теперь все в порядке...— Резко подняв голову, Макграт взглянул в ухмыляющееся окровавленное лицо кошмара и смерти. Огромная обезьяна прекратила раздирать мертвые жертвы и подкрадывалась к влюбленной паре в центре поляны. Кровь сочилась из раны в грязной шкуре чудовища. Именно эта рана сводила его с ума.

Макграт вскочил навстречу твари, заслонив доведенную до отчаяния девушку. Его пистолет исторг струю пламени, излив поток свинца в могучую грудь зверя, когда тот бросился в атаку.

При приближении твари уверенность Макграта уменьшалась. Пулю за пулей всаживал он в тело чудовища, но оно не останавливалось. Потом Бристол швырнул полностью разряженный револьвер в уродливое лицо — без какого-либо эффекта. Накренясь и чуть повернувшись, чудовище схватило Макграта. Когда гигантские руки сжались вокруг Макграта, он потерял всякую надежду, но, повинувшись инстинкту бойца, изо всех сил, по самую рукоять, вогнал свой афганский кинжал в волосатый живот твари.

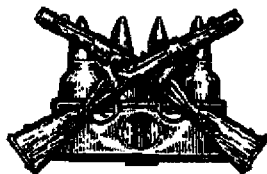
Ударив, Макграт почувствовал дрожь, пробежавшую по гигантскому телу. Огромные руки отдернулись... В последнем предсмертном рывке чудовище швырнуло Макграта на землю. Но тварь закачалась.

Морда ее стала маской смерти. Мертвое чудовище еще какое-то время стояло, потом ноги его подкосились. Дрожа, повалилось оно на землю, а потом затихло. Даже обезьяна-каннибал из Замбибве не могла выжить после того, как в нее в упор разрядили револьвер.

Когда Макграт встал, покачиваясь, Констанция поднялась и подошла к нему, истерически рыдая.

— Теперь, Констанция, все в порядке,— задыхаясь, пробормотал он, прижав ее к себе.— Земба мертв. Де Албор мертв. Боллвилл мертв. Негры разбежались. Никто не помешает нам убраться отсюда. Луна Замбибве стала последней для всех них. Но это лишь начало новой жизни для нас.

ГОЛУБИ АДА

Г

1

Грисвел проснулся и сел. Изумленно огляделся, пытаясь понять, где он. Сквозь окна сочился лунный свет. Комната, где он находился, — огромная, пустая, с высоким потолком и черным зевом камина, — казалась чужой, совершенно незнакомой.

Отойдя наконец ото сна, Грисвел вспомнил, что это за комната. Вспомнил и то, как он здесь очутился.

Рядом на полу спал его спутник. В тусклом сиянии луны Джон Браннер был едва различим.

Грисвел никак не мог понять, что его разбудило. И в доме, и снаружи царил тишина, и только издали, из глубины соснового бора, доносились жалобные крики совы. И все же Грисвел сумел поймать ускользавшее воспоминание: он проснулся от кошмарного сна, от невыносимого ужаса. Кошмар сгинул, но отвратительные картины ярко запечатлелись в мозгу.

А было ли это сном? Наверное, как же иначе? Но сновидения так причудливо переплелись с реальными событиями, что он не мог понять, где кончается действительность и начинается фантазия.

Похоже, во сне он вновь, и в мельчайших подробностях, пережил последние часы бодрствования. Сон начинался с того момента, когда Грисвел и Джон Браннер, решившие провести вместе отпуск, увидели дом, где сейчас находились. Дом чернел на фоне заходящего солнца — мрачный, старый, с галереями и балюстрадами. Фундамент утопал в кустарнике и сорняках, а крыша поднималась над огненной стеной заката, полускрытой темными соснами.

За день оба устали — их укачала тряская езда по лесным дорогам. Вид заброшенного старого дома подхлестнул воображение. Оставив автомобиль у дороги, они подошли к дому по тропинке, усеянной битым кирпичом. Пробираясь сквозь кустарник, увидели, как с балюстрады поднялась стая голубей и унеслась прочь, громко хлопая крыльями. Дубовая дверь чудом держалась на сломанных петлях. На полу в просторной темной прихожей и на широких ступенях лестницы, ведущей наверх в зал, лежал густой слой пыли. Пыль покрывала и головешки в большом камине.

Путники долго спорили, идти за хворостом или нет, и в конце концов решили обойтись без огня. Солнце заходило, быстро сгущалась тьма — черная, крошечная мгла соснового леса. Они знали, что в лесу водятся гремучие змеи, и обоим не хотелось бродить в потемках в поисках топлива. Поужинав консервами, они улеглись возле камина, завернулись в одеяла и мгновенно уснули.

Вот что приснилось Грисвелу.

Вновь перед ним высился мрачный дом на фоне застывшего над горизонтом темно-красного солнца. Вновь при их приближении с балюстрады поднялась голубиная стая. В сумрачной комнате он увидел два холмика на пыльном полу — себя и своего друга под одеялами. И с этого мгновения сон обрачивался кошмаром. Грисвел заглядывал в просторную комнату, едва освещенную лунным светом. Окон в комнате не оказалось, и непонятно было, через какое отверстие просачивается лунный свет. Но Грисвел ясно увидел три неподвижных тела, висящих одно подле другого; они будили в душе ледяной страх. Он не слышал ни единого звука, но ощущал присутствие кого-то страшного, безумного, притаившегося в темном углу...

И вновь он проснулся в пыльной комнате с высоким потолком, возле большого камина...

Лежа под одеялом, он всматривался в глубину темного коридора наверху, из которого на лестницу падал луч лунного света. Там на седьмой от пола ступеньке стоял кто-то сгорбленный, темный, неразличимый. Смутно желтеющее пятно лица было обращено к ним, словно этот кто-то следил за Грисвелом и его спутником.

По венам побежал холодок страха, и Грисвел проснулся. Если, конечно, он спал.

Он протер глаза. Так же, как во сне, на лестницу падал луч света. И никто на ней не стоял. Тем не менее страх, вызванный видением, не покидал Грисвела. Кожу стянуло ознобом, ноги словно побывали в ледяной воде. Он протянул руку, чтобы разбудить Браннера, и замер.

С верхнего этажа донесся свист. Жуткий и вместе с тем нежный, мелодичный, он звучал все отчетливей. У Грисвела душа ушла в пятки, но не от мысли, что рядом кто-то посторонний. Пугало другое. Он и сам не понимал, почему так страшно.

Одеяла Браннера зашуршали. Он сел. Грисвел увидел, как его приятель медленно поворачивает голову к лестнице, будто прислушивается. Затем Браннер встал и, шаркая каблуками, направился к двери. Негоропливо вошел в нижний коридор и слился с тенями, теснившимися вокруг лестницы.

Грисвел лежал ни жив ни мертв от страха и смтения. Кто там, наверху? Кто свистит? В луче света появился Браннер. Он задрал голову, словно рассматривая на верхней площадке лестницы что-то невидимое Грисвелу. У Браннера было лицо лунатика. Он исчез из виду как раз в тот момент, когда Грисвел хотел окликнуть его, потребовать, чтобы возвращался.

Свист постепенно затих. Под размеренной поступью Браннера скрипели ступеньки. Вот он поднялся в верхний коридор — Грисвел слышал удаляющиеся шаги. Внезапно они стихли. Казалось, сама ночь затаила дыхание. В следующий миг тишину расколол ужасный вопль, и Грисвел вскочил, эхом вторя этому крику. Странное оцепенение, охватившее его и не отпускаявшее до последней минуты, исчезло. Грисвел двинулся к двери и замер. Шаги возобновились. Браннер возвращался.

Он не бежал — поступь была еще уверенней, чем прежде. Вновь закрипели ступеньки. В круге света появилась ладонь, скользящая по перилам. Затем Грисвел увидел вторую руку и задрожал — рука сжимала топор, а с лезвия капала что-то черное. Может быть, это не Браннер, а кто-то другой спускается по лестнице?

Нет! Браннер! Луч осветил фигуру целиком, и сомнения исчезли. Грисвел закричал, увидев бледное лицо мертвеца с остекленевшими глазами, залитое кровью из огромной раны на темени. Впоследствии Грисвел так и не сумел толком понять, как он выбрался из того проклятого дома. Остались лишь обрывки воспоминаний. Кажется, высадив пыльное, затянутое паутиной окно, он промчался по лужайке, путаясь ногами в траве, и выбежал на дорогу.

Впереди высилась черная стена сосен, луна плыла в кроваво-красном тумане. Грисвел не нашел в этой картине никаких подтверждений тому, что он остался в здравом уме, но потом увидел автомобиль — единственный маячок прозаической реальности в обезумевшем мире.

Но едва Грисвел дотронулся до дверцы, как услышал грозное шипение. Над чешуйчатыми кольцами, неподвижно лежащими на водительском сиденье, покачиваясь узкая голова на длинной выгнутой шее. Змея с присвистом шипела, выбрасывая в сторону Грисвела раздвоенный язык.

Вскрикнув, он повернулся и помчался по дороге. Он бежал, ничего не соображая, не глядя под ноги; парализованный страхом мозг полностью утратил способность мыслить. Остался слепой инстинкт — бежать, бежать, бежать, пока не придется упасть замертво. Прочь отсюда!

Мимо шла бескрайняя стена сосен, и Грисвелу казалось, что он провалился в небытие. Внезапно сквозь туман ужаса, в котором он барахтался, проник звук — уверенный, неотвратимый топот. Обернувшись, Грисвел увидел, что следом несется зверь. Он не разглядел, волк это или собака, но заметил, что глаза твари светятся как зеленые огненные шары.

Грисвел захрипел и припустил что было сил. За поворотом он услышал лошадиное ржание, потом увидел коня, вставшего на дыбы. Всадник выругался, сталь в его руке блеснула голубым. Грисвел зашатался, рухнул на колени и вцепился в стремя.

— Богом молю, помогите! — Он задыхался. — Эта тварь... Она убила Браннера! Она гонится за мной! Смотрите!

Сквозь бахрому кустов сияли огненные шары-близнецы.

Всадник выругался еще раз, и тут же прогремел револьверный выстрел, а потом еще один. Едва погасли пороховые искры, всадник вырвал стремя из рук Грисвела и пришпорил коня. Грисвел привстал в ожидании; перед глазами все кружилось, он боялся упасть в обморок.

Всадник исчез за поворотом, но спустя мгновение вернулся.

— В кусты подался, — сказал он. — Похоже, волк, хоть я и не слышал, что здешние волки нападают на людей. А вы сами рассмотрели, что это был за зверь?

Грисвел отрицательно покачал головой. Всадник, словно выгравированный в лунной ночи, высился перед ним, правая рука все еще держала дымящийся револьвер. Это был ладно скроенный человек средних лет. Широкополая шляпа и сапоги выдавали местного селянина, так же как наряд Грисвела выдавал в нем чужака.

— Так что же случилось?

— Не знаю.— Грисвел беспомощно развел руками.— Моя фамилия Грисвел. Я путешествовал с другом, Джоном Браннером. Мы решили переночевать в пустом доме, там, у дороги. Кто-то...— Его вновь затрясло от страха.— Господи! Кажется, я спятил! Кто-то стоял на лестнице и смотрел на нас. У него было желтое лицо! Я думал — приснилось, но, наверное, это было на самом деле. Потом сверху послышался свист, Браннер встал и поднялся по лестнице. Он шел будто во сне или под гипнозом. И тут раздался крик — его или кого-то другого, и Браннер вернулся с окровавленным топором в руке. О Боже! Он был мертв, сэр! Ему раскроили голову! Видели бы вы его лицо, забрызганное кровью! Но он спускался по лестнице! Бог свидетель — Джона Браннера убили там, наверху, а потом его труп вернулся с топором в руке, чтобы убить меня!

Всадник не отвечал. На фоне звездного неба он напоминал статую. Грисвел не видел его лица в тени от полей шляпы.

— Думаете, я спятил, — в отчаянии сказал Грисвел. — Что ж, я бы на вашем месте подумал так же.

— Не знаю, что и сказать, — ответил всадник. — Случись то не в старом поместье Блассенвишлей, а в любом другом доме... Ладно, поглядим. Я — Бакнер, здешний шериф. Отвозил одного негра в соседний округ, а сейчас возвращаюсь обратно.

Шериф слез с лошади и стоял теперь рядом с Грисвелом. Он оказался ниже долговязого уроженца Новой Англии, но значительно шире в плечах и выглядел решительным, уверенным в себе человеком — опасным противником в любом поединке.

— Вы не побойтесь вернуться в дом? — спросил он.

Грисвел задрожал, но кивнул. В нем проснулось упорство предков-пуритан.

— Даже подумать об этом страшно. Но...— Грисвел огляделся в поисках опоры.— Бедный Браннер! Надо забрать его тело. Боже мой! — воскликнул он, содрогнувшись.— Что мы там найдем? Если мертвец способен ходить, то...

— Увидим.— Шериф набросил поводья на согнутую в локте правую руку и пошел по дороге, на ходу пополняя барабан револьвера патронами. Грисвел представил, что сейчас увидит Браннера, идущего навстречу с кровавой маской на лице, и ноги подкосились. Но за поворотом оказался только старый дом в окружении сосен.

— Господи,— бормотал Грисвел,— как страшен этот дом среди черных деревьев! Он с самого начала показался мне жутким, когда на наших глазах с балюстрады валетела стая голубей...

— Голубей? — Шериф бросил на него быстрый взгляд.— Вы видели здесь голубей?

— Ну да! Их была тьма тьмущая.

Минуту они шли в молчании, затем Бакнер сказал:

— Я прожил в этих краях всю жизнь. И тысячу раз бывал в старом поместье Блассенвиллей. Но ни разу не видел поблизости голубей, и вообще в наших лесах они не водятся.

— Здесь была целая стая,— удивленно повторил Грисвел.

— Я знал людей, которые клялись, что видели голубиную стаю на закате. Это были черные бродяги. Однажды вечером я проходил мимо поместья и встретил одного из них. Он развел костер во дворе, решил переночевать. Говорил, что видел голубей. На следующее утро я возвращался

и завернул в поместье. Во дворе остались зола от костра, консервная банка, служившая ему кружкой, сковорода, на которой он жарил свинину, и расстеленные одеяла. Но никто с тех пор его не встречал. Это случилось двадцать лет тому назад. Негры говорили, будто видели голубей, но ни один черномазый не решился бы пройти ночью по этой дороге. Они считают, что голуби — это души Блассенвиллей, которых на закате выпускают из ада, а красное зарево на западе — пламя преисподней. Мол, в это время врата ада отворяются, и Блассенвилли вылетают на волю.

— Кто такие эти Блассенвилли? — поинтересовался Грисвел.

— Раньше вся земля тут принадлежала им. Это франко-английское семейство, перекочевавшее сюда с одного из Вест-Индских островов незадолго до того, как правительство купило Луизиану. Как и многих других, Блассенвиллей разорила Гражданская война. Одни погибли на войне, другие умерли сами. Усадьба пустует с тысяча восемьсот девяностого года — с тех пор, как из этого дома сбежала мисс Элизабет Блассенвилль. Это ваше авто?

Они остановились возле машины. Грисвел с тошнотворным страхом вглядывался в зловеющий дом. Пыльные окна были тусклы и пусты, но ему мерещилось, будто из темных проемов за ним плотоядно следят призраки. Бакнер повторил вопрос.

— Да. Осторожно, на сиденье змея. Была, во всяком случае.

— Сейчас ее тут нет, — проворчал Бакнер, привязывая коня и вытаскивая из седельной сумки фонарь. — Ну что ж, давайте поглядим, в чем дело.

Он так спокойно и деловито перебрался через разрушенную кирпичную ограду, будто шел в гости

к друзьям. Грисвел не отставал ни на шаг, сердце его колотилось, как после пятимильной пробежки. Ветерок доносил запахи плесени и гнили. Грисвел почувствовал острую ненависть к этим черным лесам, источающим злобу, к старым плантаторским домам — свидетелям забытых трагедий рабства, проклятой южной сени и жестокости. Раньше он считал Юг прекрасной землей — овеваемой легким ветром, покрытой пряными растениями и яркими цветами, где жизнь неторопливо течет под пение черных тружеников на залитых солнцем хлопковых полях. Но сейчас он видел другой Юг — таинственную, мрачную обитель ужаса — и чувствовал растущее отвращение к нему...

Как и в тот раз, заскрипела дубовая дверь. Шериф посветил фонарем в разбитое окно. Луч рассеял мрак в прихожей и пополз по лестнице. Грисвел, сжав кулаки, затаил дыхание. Тварь не показывалась. Ступая бесшумно, как кошка, с фонарем в одной руке и револьвером в другой, Бакнер вошел в дом.

Когда, миновав лестницу, пятнышко света скользнуло по комнате, Грисвел закричал и едва не потерял сознание.

По полу тянулся кровавый след. Кровь была на одеялах Браннера и на тех, что принадлежали Грисвелу. На них и лежал вниз лицом Джон Браннер, и луч света падал на его расколотый череп... Вытянутая рука мертвеца сжимала топориче. Широкое лезвие, разрубив одеяло, застряло в полу — как раз там, где прежде лежала голова спящего Грисвела.

Грисвел запатался и упал бы, не подхвати его шериф. Когда зрение и слух вернулись, он обнаружил, что стоит прислонившись лбом к каминной

полке. Его рвало. Бакнер направил ему в лицо луч фонаря. Голос шерифа звучал из-за слепящего круга, сам он при этом был невидим.

— Грисвел, в ваш рассказ трудно поверить. Я видел, как за вами гнался какой-то зверь, но это мог быть волк или бешеная собака. Не вижу связи между этим животным и тем, что я нашел здесь. Если вы что-нибудь скрываете, лучше сразу признайтесь, иначе никакой суд вам не поверит и вас обвинят в убийстве приятеля. Я обязан вас арестовать. Признавайтесь, Грисвел: этого парня убили вы? Не могло ли случиться так: вы поссорились, он схватил топор и швырнул его в вас, но вы увернулись и бросили топор в него?

Грисвел опустил на корточки и закрыл лицо ладонями.

— Я не убивал Джона! — Он застонал, качая головой. — И зачем, с какой стати мне его убивать? Мы дружили с детства, со школьной скамьи. Я сказал правду и не в обиду, что вы не верите. Но клянусь Богом, я не лгу.

Бакнер вновь осветил окровавленную голову, и Грисвел зажмурился. Через несколько секунд он услышал ворчание шерифа:

— Должно быть, вы убили Браннера тем топором, который у него в руке. На лезвии кровь, кусочки мозга и прилипшие волосы того же цвета, что и вашего друга. Плохи ваши дела, Грисвел.

— Почему? — тупо спросил уроженец Новой Англии.

— О самообороне не может быть и речи. Не мог Браннер бросить в вас топор после того, как вы этим топором раскроили ему череп. Должно быть, убив приятеля, вы всадили лезвие в пол, а пальцы Браннера сомкнули на топорнице, чтобы

представить дело так, будто он напал на вас. Именно так все и выглядит...

— Я не убивал! — Грисвел всхлипнул. — И не собирался изображать убийство при самозащите.

— Это меня и сбивает с толку, — признался Бакнер, поднимаясь на ноги. — Какой убийца выдумает столь безумную историю, чтобы отвести от себя вину? Обычный преступник сочинил бы что-нибудь правдоподобное. Гм-м... Капли крови ведут к двери. Тело перетащили... Нет, похоже, не перетаскивали его. Кровь не размазана по полу. Наверное, вы убили его в другом месте, а потом перенесли сюда. Но если так, то почему на вашей одежде нет следов крови? Конечно, можно было переодеться и вымыть руки. Но этого парня зарубили совсем недавно. Я бы сказал, только что...

— Он спустился по лестнице и пошел ко мне, — сказал Грисвел безнадежным тоном. — Чтобы убить. Я это сразу понял. Не проснись я вовремя, он зарубил бы меня на месте. Видите разбитое окно? Отсюда я выпрыгнул

— Вижу. Но если мертвец ходил тогда, почему он не ходит сейчас?

— Не знаю! Мне очень плохо, и мысли путаются. боюсь, вдруг он поднимется и пойдет ко мне опять! Когда я услышал за спиной топот, то решил, что это Джон за мной гонится в темноте... С окровавленным топором, разрубленной головой и ухмылкой мертвеца. — У Грисвела застучали зубы, так ясно он представил эту картину.

Бакнер опустил фонарь.

— Капли крови ведут в коридор. Идемте туда.

— Они ведут к лестнице! — Грисвел съезжился.

Бакнер нахмурился.

— Вы что, боитесь подняться со мной наверх?

Грисвел побледнел.

— Да. Но все равно поднимусь, с вами или без вас. Возможно, тварь, которая убила Джона, еще прячется там.

— Держитесь позади меня,— велел Бакнер.— Если кто-нибудь нападет, я с ним справлюсь. Но предупреждаю: я стреляю быстрее, чем прыгает кошка, и редко промахиваюсь. Если задумали ударить меня сзади, лучше выбросьте это из головы.

— Не говорите глупостей! — Возмущение пересилило страх, и взрыв негодования, похоже, убедил Бакнера больше, чем уверения в невинности.

— Хочу во всем разобраться,— сказал шериф.— Я вас пока ни в чем не обвиняю и не осуждаю. Если хоть половина из сказанного вами правда, то вы побывали в дьявольской переделке. Но вы сами должны понимать, как трудно в это поверить.

Ничего не отвечая, Грисвел устало пошел следом. Они вышли в прихожую и остановились возле лестницы. Тонкая полоска алых капель, хорошо заметных в густой пыли, вела наверх.

— Следы человека,— пробормотал Бакнер.— Он шел медленно. Надо сразу разобраться, пока мы их не затоптали. Гм-м... Одни следы ведут наверх, другие вниз. Шел один человек. Не вы, а Браннер— он крупнее вас. И все время текла кровь... Кровь на перилах — видимо, идущий опирался окровавленной ладонью... Густое вещество, похожее... на мозг. Так. Теперь...

— Мертвец спустился по лестнице,— дрожащим голосом произнес Грисвел.— Одной рукой он касался перил, а в другой держал топор, которым его убили.

— Или его несли,— пробормотал шериф.— Но в таком случае где следы?

Они поднялись наверх, в коридор — просторное помещение, где не было ничего, кроме пыли и теней, где окна, покрытые коркой грязи, едва отражали свет. Фонарь Бакнера, казалось, стал светить слабее. Грисвел дрожал, как лист на ветру: здесь, во мраке и ужасе, умер Джон Браннер!

— Тут кто-то свистел, — пробормотал он. — Джон пошел на свист, как на зов.

У Бакнера блеснули глаза.

— Следы ведут в зал, — произнес он. — Как и на лестнице — туда и обратно. Те же следы... Дьявольщина!

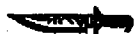
Грисвел едва удержался от крика, увидев то, что вызвало восклицание Бакнера. В нескольких шагах от лестницы Браннер остановился и повернул обратно. И там, где он остановился, на пыльном полу темнело большое пятно крови и виднелись другие следы — босых ног, с узкой стопой, но широкой пяткой. Эти следы тоже поворачивали возле пятна.

Выругавшись, Бакнер присел на корточки.

— Следы встречаются! И там, где они сходятся, на полу — кровь и мозг. Видимо, здесь и зарубили Браннера. Босой человек вышел из темноты навстречу обутому, затем обутой спустился по лестнице, а босой возвратился в зал.

Он направил луч света в зал. Следы исчезали во мраке.

— Предположим, ваша дикая история правдива, — пробормотал Бакнер, обращаясь скорее к себе, чем к Грисвелу. — Это не ваши следы. Похожи на женские... Предположим, кто-то засвистел, и Браннер решил узнать, в чем дело. Следы это подтверждают. Но если так, то почему он не лежит там, где его убили? Неужели он умер не сразу, а сумел

отнять топор у того, кто его прикончил, и спуститься по лестнице?

— Нет, нет! — На Грисвела вновь нахлынули воспоминания. — Я видел его на лестнице. Он был мертв. Ни один человек не остался бы жив с такой раной...

— Я тоже так считаю, — сказал Бакнер. — А значит, все, что вы мне рассказали, — бред сумасшедшего. Ни один нормальный человек не выдумает столь глупую и бессмысленную версию, чтобы избежать наказания. Обычная картина самозащиты выглядела бы куда правдоподобнее. Ну что ж, пойдем по следам... Что это?

Грисвел почувствовал, как его сердце сдавили ледяные пальцы. Лампочка фонарика быстро угасала.

— Странно, — пробормотал Бакнер. — Батарейка новая... — Впервые Грисвел услышал в его голосе страх. — Идем отсюда, быстро! — скомандовал шериф.

От луча осталось слабое красноватое свечение. Тьма быстро сгущалась. Бакнер пятился, толкая Грисвела спиной. Щелкнул взведенный курок. Послышался скрип, словно где-то неподалеку отворилась дверь. Грисвелу показалось, что тьма угрожающе вибрирует. Он знал, что Бакнер тоже это чувствует, — мышцы шерифа напряглись, как у пантеры, готовой к прыжку. Но все же Бакнер не спеша дошел до лестницы и спустился. Грисвел пятился, преодолевая страх, борясь с искушением закричать и вновь побежать сломя голову. Он мгновенно покрылся холодным потом, когда подумал: а вдруг мертвец подбирается к ним снизу с застывшей на лице ухмылкой и с топором, занесенным для удара?

Эта мысль завладела им целиком, и лишь в нижнем коридоре Грисвел осознал, что по мере того,

как они спускались, фонарик светил все ярче и наконец засиял в полный накал. Но когда Бакнер направил луч в пространство над лестницей, тот не смог рассеять дымчатую мглу.

— Проклятие! Не иначе, эта тварь заколдовала фонарь,— пробормотал Бакнер.

— Посветите в комнату! — взмолился Грисвел.— Посмотрите, может быть, Джон... Джон... — У него заплетался язык, но Бакнер понял. Никогда в жизни Грисвел не подозревал, что вид лежащего на полу окровавленного тела может принести такое облегчение.

— Он на месте,— проворчал Бакнер.— Если он и ходил после того, как его убили, то теперь не ходит. Но что с фонарем?

Направив луч фонаря во тьму верхнего этажа, он стоял, хмурясь и покусывая губу. Трижды он поднимал револьвер.

Грисвел читал его мысли. Шериф боролся с искушением взлететь по лестнице и помериться силами с неведомым противником. Но осторожность взяла верх.

— В темноте мне там делать нечего,— пробормотал он.— Фонарь, думается, опять откажет. Он повернулся и посмотрел на Грисвела в упор.— Нет смысла гадать, что да как. Тут кроется какая-то чертовщина, и кажется, я догадываюсь какая. Не думаю, что Браннера убили вы. Убийца сейчас там, наверху, кто бы он ни был. В вашем рассказе мало здравого смысла, но погасший фонарь тоже не так-то просто объяснить. Сдается мне, там, наверху,— не человек. Я никогда не боялся ночных засад, но на этот раз не пойду туда до рассвета. Будем ждать на веранде.

Когда они вышли на просторную веранду, звезды уже поблекли. Бакнер уселся на балюстраду лицом

к двери, не выпуская револьвера из руки. Грисвел устроился рядом, привалился лопатками к растрескавшимся баясинам. И закрыл глаза, радуясь ветерку, приятно студившему голову.

Происходящее казалось сном. Он был чужаком в этом краю — обиталище черного ужаса; над ним нависла тень петли, поскольку в этом таинственном доме лежит с раскроенным черепом Джон Браннер... Эти мысли витали в мозгу, словно тени, пока не утонули в серых сумерках сна, незванным гостем пришедшего в усталую душу.

Он проснулся на рассвете, не забыв ни одного кошмара минувшей ночи. Сосны тонули в тумане, его извивающиеся жгуты переползали через разрушенную ограду. Шериф тряс Грисвела за плечо:

— Проснитесь! Уже утро!

Грисвел поднялся, морщась от боли в затекших членах. Лицо у него было землистое, постаревшее.

— Я готов идти.

— Я там уже был. — В глазах Бакнера отражался свет зари. — Не стал вас будить. Поднялся туда сразу, едва рассвело. И ничего не обнаружил.

— А следы босых ног?

— Исчезли.

— Исчезли?!

— Да, исчезли. Вокруг того места, где кончаются следы Браннера, нарушен слой пыли. Она замечена в углу. Мы опоздали. Пока тут сидели, кто-то уничтожил следы, а я ничего не слышал. Я обыскал весь дом. Ума не приложу, где может прятаться убийца.

Грисвел задрожал, подумав о том, что спал на веранде один.

— Что теперь делать? — апатично спросил он. — Мне нечем доказать свою невиновность.

— Отвезем в полицию тело Браннера, — сказал Бакнер. — Объяснения я возьму на себя, иначе вас немедленно арестуют. Ни районный прокурор, ни судья, ни присяжные вам не поверят. Я сам расскажу, что сочту нужным. Я не намерен вас арестовывать, пока не разберусь во всем окончательно. В городе никому ничего не говорите. Я сообщу прокурору о гибели Джона Браннера от рук неизвестного или группы неизвестных и о том, что я веду расследование. Вы рискнете провести здесь еще одну ночь? Спать в той же комнате, где спали вместе с Браннером?

Грисвел побледнел, но ответил так же твердо, как, наверное, предки его выражали решимость защищать свои дома и стада:

— Да, рискну.

— В таком случае помогите перенести труп в вашу машину.

Когда Грисвел увидел в белом свете зари бескровное лицо Браннера и прикоснулся к холодной, влажной коже, рассудок его взбунтовался. Они несли свою страшную ношу через лужайку, и серый туман оплетал их ноги холодными щупальцами.

2

Вновь сосны отбрасывали длинные тени, и вновь по старой дороге ехали двое. Машина с новоанглийской лицензионной табличкой подпрыгивала на ухабах. За баранкой сидел Бакнер — у Грисвела слишком расшатались нервы. Он осунулся, побледнел, щеки ввалились. Страх не покидал, парил над ним черной птицей. Днем Грисвел не мог спать, не чувствовал вкуса еды.

— Я обещал рассказать о Блассенвиллях, — сказал Бакнер. — Это были гордые, спесивые и чертовски жестокие люди. Со своими неграми они обращались похуже, чем другие помещики в округе, надо думать, тут сказывалась их вест-индская закуска. Старики говорят, злобные они были, особенно мисс Селия. Негры верили, что когда кто-нибудь из Блассенвиллей умирал, в ближайшем сосняке его обязательно поджидал дьявол. Так вот, после Гражданской войны они на удивление быстро перемерли, а усадьба пришла в запустение. Остались только четыре молоденькие сестры. На полях у них работало несколько негров, живших в старых лачугах, но все равно сестры едва сводили концы с концами. Жили они замкнуто, стыдясь своей бедности. Бывало, их месяцами никто не видел. Если нуждались в припасах, отправляли в город негра.

Однако, когда у сестер поселилась миссис Селия, в городе об этом узнали. Она прибыла с одного из островов Вест-Индии, откуда пошел весь их род. Красивая была женщина, видная, лет тридцати, может, чуть старше. Но с местными она общалась не чаще, чем сестры. Она привезла с собой служанку-мулатку, и этой мулатке на своей шкуре довелось узнать, что такое жестокость Блассенвиллей. Я знал старого негра, так он клялся, будто на его глазах миссис Селия привязала голую служанку к дереву и била кнутом. Когда мулатка исчезла, никто, понятно, не удивился. Люди решили, что она сбежала.

Однажды, было это весной тысяча восемьсот девяностого года, в городе появилась мисс Элизабет, самая младшая из сестер. Впервые в жизни, наверное, сама приехала за припасами. Она кое о чем рассказала, правда, сбивчиво и туманно. Все негры

от Блассенвиллей куда-то ушли со своим скарбом. Мисс Селия исчезла, ни с кем не попрощавшись. Сестры считали, сказала мисс Элизабет, что она вернулась на родину, но самой ей кажется, что тетка осталась в доме. Она возвратилась в усадьбу, так и не объяснив, что имеет в виду.

Месяцем позже в город пришел негр и сообщил, что мисс Элизабет живет в усадьбе одна. Три сестры исчезли неведомо куда, и сама она не хочет оставаться в доме, но больше ей жить негде. Ни родственников, ни друзей у нее нет. Она чего-то ужасно боится, сказал негр. На ночь запирается в комнате и зажигает свечи.

И вот в грозовую весеннюю ночь мисс Элизабет примчалась в город на своем единственном коне, еле живая от страха. На площади она упала с седла. Оправясь от потрясения, сообщила, что нашла в доме потайную комнату, о которой Блассенвилли забыли лет сто назад. В комнате она увидела трех мертвых сестер, подвешенных к потолку. Когда она бежала по двору, кто-то гнался за ней и едва не зарубил топором. Мисс Элизабет чуть с ума не сошла от страха и не могла объяснить, кто за ней гнался. Ей показалось — женщина с желтым лицом. Тотчас в усадьбу отправилось не меньше сотни добровольцев. Они перерыли весь дом, но ни потайной комнаты, ни останков сестер не обнаружили. Зато нашли топор, всаженный в дверной косяк, и срезанные этим топором волосы мисс Элизабет. Ей предложили вернуться в усадьбу и показать ту комнату, но она, услышав это, едва не померла от страха. Когда мисс Элизабет немного оправилась от пережитого, горожане собрали денег и уговорили ее взять их в долг, поскольку та милостыню брать не хотела, гордая была. Она уехала в Калифорнию.

В усадьбу она больше не вернулась, но вскоре после отъезда прислала почтой деньги, которыми ее снабдили в дорогу. В городе узнали, что в Калифорнии она вышла замуж. Никто с тех пор не покупал дом. Как она его оставила, так он и стоит по сей день. Правда, с годами белые бродяги растащили утварь. Ни один негр не решился бы приблизиться к поместью.

— А что обо всем этом думают люди?

— Большинство считает, что мисс Элизабет маленько тронулась умом, пока жила в одиночестве. Некоторые верят, что девушка-мулатка не сбежала, а спряталась в лесу и отплатила ненавистным Блассенвиллям, убив мисс Селию и трех сестер. Ее искали, прочесали весь лес с собаками, но так и не нашли. Если в доме есть потайная комната, она могла прятаться в ней... если она вообще имеет отношение к той истории.

— Не могла она там прятаться столько лет,— пробормотал Грисвел.— И вообще, тот, кто скрывается в доме,— не человек.

Бакнер крутанул баранку, и машина свернула на едва приметную дорогу, петлявшую среди сосен.

— Куда вы меня везете?

— В нескольких милях отсюда живет старый негр. Хочу с ним потолковать. То, с чем мы столкнулись, выходит за пределы понимания белого человека. Черные в таких делах разбираются лучше. Этому старику лет сто. Когда он был мальчишкой, хозяин обучил его грамоте, а после, получив свободу, он попутешествовал больше, чем иной белый. Говорят, он знает тайны вуду.

Услышав это слово, Грисвел вздрогнул и обвел тревожным взглядом зеленые стены леса. Запах хвои смешивался с ароматами незнакомых трав и цветов,

но все перебивал запах гнили и плесени. Вновь Грисвел захлестнула ненависть к этим темным, таинственным лесам.

— Вуду,— пробормотал он.— Совсем забыл об этом. Никак не связывал черную магию с Югом. Мне всегда казалось, что колдовство присуще только старым улочкам приморских городов, остроко-
нечным крышам, состарившимся еще в ту пору, когда в Сейлеме вешали ведьм; туманным сумрачным аллеям и паркам Новой Англии. Но то, с чем я встретился здесь,— эти угрюмые сосны, заброшенные плантации, загадочный черный народ, старые легенды о безумии и ужасе — все это гораздо страшнее, чем легенды Нового Света. Боже, какие неведомые опасности таит этот континент, который глупцы называют юным.

— Лачуга старика Джекоба,— объявил Бакнер, притормаживая.

Грисвел увидел поляну и маленькую хижину, притаившуюся в тени огромных деревьев. Здесь росли не только сосны, но и стройные кипарисы и кряжистые дубы с замшелыми стволами. За хижинкой начиналось болото, покрытое обильной растительностью; оно терялось вдаль, в сумраке деревьев. Над глиняной печной трубой курился синеватый дымок.

Следуя за шерифом, Грисвел поднялся на крошечное крыльцо и вошел в распахнутую дверь, висевшую на кожаных петлях. В лачуге царил полумрак, немного света проникало в единственное окошко. У очага сидел сутулый негр и смотрел на котелок с закипающей похлебкой. Когда белые вошли, негр покосился на них, но не встал. Он выглядел невероятно старым — лицо сплошь изборозжено морщинами, а глаза, темные и живые, затянуты

мутноватой пеленой. Мысли старика, похоже, витали где-то вдали.

Бакнер указал Грисвелу на плетеное кресло, а сам уселся на грубую скамью.

— Джекоб,— сказал он напрямик,— пора мне тебя кое о чем расспросить. Я знаю, тебе известна тайна поместья Блассенвиллей. Прежде это меня не касалось, но нынче ночью в доме убили человека. Если ты не скажешь, кто там прячется, вот этого парня могут повесить.

Старик взглянул на Бакнера, и туман в его глазах сгустился, словно у него в памяти поплыли облака давно минувших лет.

— Блассенвилли...— произнес он звучным, богатым интонациями голосом, непохожим на говор местных жителей.— Гордые они были, сэр. Гордые и жестокие. Нынче никого не осталось. Кто на войне погиб, кого на дуэли прикончили. Некоторые умерли здесь, в поместье... В старом поместье...— Речь негра перешла в невнятное бормотание.

— Так как насчет поместья? — нетерпеливо спросил Бакнер.

— Мисс Селия была самая гордая из них,— пробормотал старик.— Самая гордая и жестокая. Черные ее ненавидели, а Джоан — пуще всех. В жилах Джоан текла кровь белых людей. Джоан тоже была гордая. Мисс Селия была ее кнутом, как рабыню.

— В чем тайна поместья Блассенвиллей? — настойчиво повторил Бакнер.

Пелена исчезла. Глаза старика чернели, как колодцы в лунную ночь.

— Какая тайна, сэр? Не понимаю.

— Понимаешь. Все ты понимаешь, Джекоб. Я хочу знать, почему негры сторонятся этого дома.

Старик помешал в котелке.

Жизнь всем дорога, сэр, даже старому негру.

— Кто-то грозился тебя убить, если проговоришься? Я правильно понял?

— Не «кто-то». Не человек. Черные боги болот. Мою священную тайну охраняет Большой Змей — бог над всеми богами. Он пошлет младшего брата, и тот поцелует меня холодными губами. Маленький брат с полумесяцем на голове. Я отдал душу Большому Змею, чтобы тот научил меня делать зувемби...

Бакнер напрягся.

— Я уже слышал это слово, — тихо произнес он. — Из уст умирающего негра, когда был маленьким. Что это означает?

В глазах старого негра появился страх.

— Что я сказал? Нет! Я ничего не говорил!

— Зувемби, — напомнил Бакнер.

— Зувемби, — машинально повторил старик. Глаза его опять затуманились. — Зувемби — это те, что когда-то были женщинами. О них знают на Невольничьем Берегу. О них рокочут по ночам барабаны на холмах Гаити. Творцов зувемби почитает народ Дамбалы. Смерть тому, кто расскажет о них белому человеку! Это одна из самых заклятых тайн Бога-Змея.

Он замолчал.

— Ты говоришь о зувемби, — подстегнул его Бакнер.

— Я не должен об этом говорить, — пробормотал Джекоб.

Грисвел вдруг понял, что негр просто думает вслух, он совсем впал в старческое слабоумие и не замечает их присутствия.

— Я плясал на Черном Обряде вуду и с тех пор могу делать зомби. И зувемби... но ни один белый не

должен знать этого названия. Прошу прощения, джентльмены, я, кажется, задремал. Старики, как дряхлые собаки, засыпают у очага. Вы спрашивали о поместье Блассенвиллей? Сэр, если я объясню, почему не могу вам ответить, вы назовете это суеверием. Хотя, да будет бог белых людей свидетелем...

С этими словами он потянулся за хворостом, лежавшим у очага, и вдруг с криком отдернул руку, в которую впились зубами длинная извивающаяся тварь с узкой головой. Обвив руку колдуна по локоть, разъяренная змея снова и снова вонзала в нее ядовитые клыки.

Джекоб рухнул на очаг, опрокинув котелок и разбросав угли. А Бакнер схватил толстую хворостину, размоzzжил плоскую голову и с проклятием отшвырнул свившегося в узел гада. Старый негр затаил и теперь лежал неподвижно, глядя вверх неживыми глазами.

— Мертв? — прошептал Грисвел.

— Мертв, как Иуда Искарот, — буркнул шериф, хмуро глядя на издыхающую змею. — Такой дозы яда хватило бы на десятерых стариков. Но мне кажется, он умер от страха.

— Что будем делать? — дрожа, спросил Грисвел.

— Перенесем тело на лежанку и уйдем. Если запереть дверь, ни кошки, ни дикие собаки сюда не проникнут. Ночью у нас будет чем заняться, а утром отвезем Джекоба в город. Ну, помогите мне.

Преодолев отвращение, Грисвел помог перенести старика на грубую кровать и поспешно вышел из лачуги. Солнце садилось, заливая ряды деревьев на горизонте слепящим алым пламенем. Они молча сели в машину и двинулись в обратный путь.

— Он говорил, что Большой Змей может послать к нему своего брата,— пробормотал Грисвел.

— Чуть! — фыркнул Бакнер.— На болоте полно змей. Змеи любят тепло, вот одна из них и заползла в хижину, пригрелась в хворосте, а Джекоб на свою беду разбудил ее. Ничего сверхъестественного.— Немного помолчав, он добавил, уже другим тоном: — Впервые вижу, как змея кусает, не зашипев. И впервые вижу змею с белым полумесяцем на голове.

Они в молчании свернули на шоссе.

— Думаете, в доме до сих пор прячется мулатка Джоан? — спросил Грисвел.

— Вы сами слышали, что сказал старик Джекоб,— нахмуясь, ответил Бакнер.— Время для зуземби ничего не значит.

Они миновали последний поворот, и Грисвел увидел дом Блассенвиллей, чернеющий на фоне алого заката. Сразу же вернулось предчувствие опасности.

— Смотрите! — шепнул он пересохшими губами, когда машина съехала с дороги и остановилась. Бакнер крикнул от удивления.

С балюстрады клубящимся облаком поднималась голубиная стая. Пернатое облако понеслось прочь, на запад, и исчезло в ярком сиянии над горизонтом.

3

Проводив голубей взглядом, Грисвел некоторое время неподвижно сидел в машине.

— Наконец-то я их увидел,— пробормотал Бакнер.

— Наверное, они являются только обреченным,— предположил Грисвел.— Бродяга их видел...

— Посмотрим,— спокойно ответил южанин, выходя из машины. Грисвел заметил в руке у шерифа револьвер.

В пыльных окнах играло пламя заката. Войдя в просторную прихожую, Грисвел увидел на полу следы мертвеца, ведущие к лестнице. Бакнер расстелил возле камина взятые из машины одеяла.

— Я лягу возле двери,— сказал он.— Вы устраивайтесь там, где спали вчера ночью.

— Может, разведем огонь? — спросил Грисвел, со страхом думая о том, что после коротких сумерек лес погрузится во тьму.

— Нет. У вас есть фонарь, у меня тоже. Будем лежать в темноте и ждать. С револьвером обращаться умеете?

— Да... думаю, да. Никогда не стрелял из револьвера, но знаю, как это делается.

— Ладно, стрелять предоставьте мне.— Шериф уселся на одеяла, скрестив ноги, и стал перезаряжать большой синеватый кольт, внимательно осматривая каждый патрон.

Грисвел нервничал и бродил по комнате, расставаясь с уходящим днем, как скряга расстаётся с золотом.

Задержавшись у камина, он задумчиво посмотрел на пыльные головешки. Должно быть, в последний раз огонь в камине разводила мисс Элизабет Блассенвиль более сорока лет назад. Думать об этом не хотелось. Он медленно разгреб носком ботинка золу. Среди угольков и кусков дерева что-то мелькнуло. Он поднял записную книжку со сгнившей картонной обложкой и пожелтевшими страницами.

— Что вы там нашли? — спросил Бакнер. Он сидел на полу и, прищурив один глаз, другим заглядывал в ствол револьвера.

— Похоже на дневник. Правда, чернила сильно выцвели, и бумага такая старая, что вряд ли удастся прочесть. Интересно, как он мог попасть в камин и не обгореть?

— Видимо, с тех пор, как его туда бросили, никто не топил камин, — предположил Бакнер. — Это мог сделать кто-нибудь из неграмотных бродяг, которые разворовали мебель.

Грисвел листал ветхие страницы, пытаясь разобрать неровные строчки в свете фонаря. Вдруг он оживился.

— Кое-что понять можно. Слушайте. «Я знаю, кроме меня в доме кто-то есть. По ночам, когда заходит солнце и деревья за окном становятся черными, он скребется за дверью. Кто это? Одна из моих сестер? Тетя Селия? Если это она, зачем ей прятаться? Почему она пытается отворить мою дверь и уходит, когда я ее окликаю? Нет! Нет! Мне страшно. Боже, что делать? Я боюсь здесь оставаться, но куда идти?»

— О Господи! — воскликнул Бакнер. — Это же дневник Элизабет Блассенвилль! Читайте дальше!

— На других страницах почти ничего не разобрать, — сказал Грисвел. — Лишь отдельные строки. — Он прочел: — «Почему после исчезновения тети Селии разбежались все негры? Мои сестры мертвы. Я знаю это. Кажется, я чувствовала, как они умирали — страшно, в мучениях. Но почему? Почему? Если кто-то убил тетю Селию, зачем ему понадобилось убивать моих бедных сестер? Они всегда были добры к черным людям. Джоан...»

Грисвел наморщил лоб, пытаясь разобрать текст.

— Часть листа оторвана. Дальше идет записка, датированная другим числом, не могу понять, каким именно. «...Ужасное, на что намекала старая негритянка. Она называла имена Джекоба Блаунта и Джоан, но не говорила прямо. Наверное, боялась...» Дальше неразборчиво. «Нет! Нет! Не может быть! Она или умерла, или уехала. Хотя... Она родилась в Вест-Индии и не раз намекала, что посвящена в тайны вуду. Она плясала на этих ужасных обрядах, я знаю. Но как она могла пойти на это? Боже, да неужели такое возможно? Не знаю, что и думать. Если она бродит в доме по ночам, топчется за дверью моей спальни и так странно, так нежно свистит... Нет, нет, я, видимо, схожу с ума. Если я здесь останусь, меня ожидает такая же ужасная смерть, как и моих сестер. Я уверена в этом...»

Углубившись в чтение, Грисвел не заметил, как подкралась мгла, не обратил внимания, что рядом стоит Бакнер и светит ему фонариком. Вспомнив, где он находится, Грисвел вздрогнул и бросил пугливый взгляд во тьму коридора.

— Что вы об этом думаете?

— То же, что и прежде, — ответил Бакнер. — Решив отомстить мисс Селии, мулатка Джоан превратилась в зувемби. Возможно, она ненавидела не только хозяйку, но и все семейство. У себя на родине, на островах, она участвовала в обрядах вуду, пока не «созрела», как выразился старик Джекоб. Все, что ей было нужно, — это «черное зелье». И она его получила. Она убила мисс Селию и трех девушек, и лишь случайность спасла мисс Элизабет. С тех пор она живет в этом старом доме, как змея в развалинах.

— Но зачем ей понадобилось убивать незнакомого человека?

— Вы слышали, что сказал Джекоб? — напомнил Бакнер. — Гибель человека доставляет зуземби радость. Она заманила Браннера наверх, раскроила ему череп, вручила топор и отправила вниз, приказав убить вас. Никакой суд в это не поверит, но если мы представим ее труп, это будет хорошим доказательством вашей невинности. Мои показания тоже учтут. Джекоб сказал, что зуземби можно убить... В общем, отвечая на суде, я не стану вдаваться в лишние подробности.

— Она выходила к лестнице и смотрела на нас, — пробормотал Грисвел. — Но почему на верхней площадке не осталось ее следов?

— Возможно, вам померещилось. А может, зуземби способна посылать свое изображение... Черт! Зачем ломать голову, силясь объяснить необъяснимое? Лучше приготовимся и будем ждать.

— Не гасите свет! — воскликнул Грисвел. Спыхватившись, он проговорил: — Впрочем, конечно, выключайте фонарь. Надо, чтобы было темно, как... — Он сглотнул. — Как тогда.

Но едва комната погрузилась во мглу, Грисвела охватил страх. Он лежал под одеялом и дрожал, как в лихорадке. Сердце бешено колотилось.

— Должно быть, чудесное местечко эта Вест-Индия, — задумчиво произнес Бакнер. — Я слышал о зуземби. Видимо, колдуны знают рецепт снадобья, от которого женщины сходят с ума. Хотя это не объясняет всего остального: гипнотическую силу, небывалое долголетие, власть над мертвецами... Нет, зуземби, видимо, не просто безумная женщина. Это чудовище в облике человека, порожденное колдунами болот и джунглей... Что ж, поглядим.

Он замолчал. В тишине Грисвел слышал биение своего сердца. Из лесу донесся протяжный вол-

чий вой. Ухнула сова. Затем, словно черный туман, опять сгустилась тишина. Грисвел усилием воли подавил дрожь. Он лежал под одеялом не шевелясь.

Ожидание становилось невыносимым; держать себя в руках стоило таких усилий, что он весь обливался холодным потом. Грисвел до боли стиснул зубы и сжал кулаки, вонзив ногти в ладони. Он и сам толком не знал, чего ждет. Невидимый враг, возможно, нападет вновь, но как? Опять слышится тихий свист, заскрипят под босыми ногами ступени... или внезапно во тьме на голову обрушится топор? Кого выберет убийца — его или Бакнера? А если Бакнер уже мертв? Грисвел ничего не разглядел во мгле, но услышал дыхание шерифа. Видимо, южанин обладал железной выдержкой.

А вдруг это не Бакнер дышит, а враг, убивший шерифа и занявший его место? Он чувствовал, что сойдет с ума, если не вскочит, не закричит и не выбежит сию же секунду из этого проклятого дома. Даже страх перед виселицей не мог заставить его лежать в темноте. Дыхание Бакнера участилось. Грисвел похолодел, услышав сверхъестественный манящий свист... Нервы не выдержали, разум заволокла мгла, такая же крошечная, как и та, что его окружала. Некоторое время он абсолютно ничего не понимал, затем сознание вернулось: он стремглав бежал по дороге. Дорога была старая, вся в ухабах и ямах. В голове оставался туман, но Грисвел заметил, что сквозь черные ветви не проглядывает ни одна звездочка. Он испытывал смутное желание узнать, куда бежит.

Похоже, он взбирался на холм, и это показалось странным — днем он не видел холмов поблизости

от поместья. Затем наверху, там, куда он поднимался, возникло слабое свечение. Карабкаясь по уступам, принимающим все более правильные очертания, он с ужасом понял, что слышит знакомый мелодичный, насмешливый свист. Туман мгновенно рассеялся. Что с ним? Где он? И тут все стало ясно. Он не бежал по дороге и не карабкался по склону холма, а поднимался по лестнице старого дома Бласенвиллей.

Из горла Грисвелы вырвался нечеловеческий вопль. Свист звучал все громче, превращался в рев торжествующего победу дьявола. Грисвел попытался остановиться, схватился за перила. В ушах разрывал барабанные перепонки его собственный крик. Он выронил фонарь и забыл о револьвере в своем кармане. Он был не властен над собственным телом. Размеренно ступая, ноги несли его вверх по лестнице, навстречу колдовскому свечению.

— Бакнер! — кричал он. — Бакнер! Помогите, ради Бога!

Крик застрял в горле... Грисвел ступил на верхнюю площадку. Свист прекратился, но Грисвел был не в силах остановиться. Он не видел источника тусклого света, но заметил впереди неясный силуэт человеческой фигуры, похожей на женскую. Но не бывает у женщин такой крадущейся походки, таких странных лиц. Это было даже не лицо, а желтое пятно, злобная маска безумия. Он хотел крикнуть, но не смог.

В занесенной для удара клешнеподобной руке сверкнула сталь... Позади раздался оглушительный грохот, язык пламени расколол сумрак, осветил падающее навзничь чудовищное существо. Грисвел услышал пронзительный визг. Стало темно. Опустившись на колени, Грисвел закрыл лицо ладонями.

Он не слышал, что говорил Бакнер. Наконец южанину, трясущему Грисвела за плечо, удалось привести его в чувство. В глаза ударил слепящий свет. Грисвел заморгал и прикрылся ладонью.

Бакнер нагнулся к нему и встревоженно спросил:

— Вы целы? Господи, да что с вами, дружище? Вы не ранены?

— Со мной все в порядке,— пробормотал Грисвел.— Вы очень своевременно выстрелили. Где она?

— Слушайте! — Неподалеку ерзал, бился об пол, корчился в предсмертных конвульсиях кто-то невидимый.— Джекоб сказал правду,— мрачно произнес Бакнер.— Зувемби можно убить свинцом. Я не промахнулся, хоть и не решился включить фонарь. Когда она засвистела, вы встали и перешагнули через меня. Это был гипноз или что-то в этом роде. Я пошел за вами по лестнице, след в след. И чуть не опоздал... Я остолбенел, когда ее увидел. Смотрите! — Он осветил в зал. На этот раз лампочка горела в полную силу. В стене зияло отверстие, которого прежде не было.— Потайная комната! — воскликнул Бакнер.— Это о ней говорила мисс Элизабет. Идем!

Он бросился в зал, и Грисвел, спотыкаясь, последовал за ним. Они осветили узкий, похожий на туннель, коридор, очевидно проходивший внутри одной из толстых стен.

— Может, она и не думает, как люди,— пробормотал Бакнер, шагая впереди с фонарем в руке,— но прошлой ночью у нее хватило ума замести следы, чтобы мы не нашли потайную дверцу. Вот она, комната!

— Боже мой! — воскликнул Грисвел.— Это же та самая комната без окон, которую я видел во сне! В ней было трое повешенных... О-о-о!

Бакнер застыл на месте. В круге света появились три сморщенных, сухих, как мумии, тела в истлевших платьях, вышедших из моды в конце прошлого века.

Мертвецы были подвешены на цепях к потолку. На полу под ними лежали три пары шлепанцев.

— Сестры Блассенвилль! — прошептал Бакнер.

— Взгляните! — Грисвелу стоило больших усилий говорить членораздельно. Пятно света переместилось в угол. — Неужели эта тварь была когда-то женщиной? — прошептал Грисвел. — Вы только посмотрите на это лицо, на руки, похожие на клешни, на черные звериные когти! Да, раньше она была человеком — на ней остатки бального платья. Кстати, как могло оказаться на служанке это платье?

— Сорок с лишним лет эта комната служила ей логовом, — произнес Бакнер, присев в углу на корточки возле жуткой ухмыляющейся твари. — Вот оно, доказательство вашей невинности, Грисвел. Сумасшедшая с топором — все, что нужно знать судьям! Боже, но какая страшная, подлая месть! Каким надо быть чудовищем, чтобы связаться с вуду...

— Мулатка? — прошептал Грисвел.

Бакнер отрицательно покачал головой.

— Мы с вами неверно истолковали бормотание старого Джекоба и записи мисс Элизабет. Должно быть, она все поняла, но из гордости молчала. Теперь я понимаю: мулатка отомстила, но не так, как мы предполагали. Она не стала пить черное зелье, приготовленное для нее старым Джекоб. Снадобье досталось другому человеку, было тайком подмешано в питье. После этого Джоан сбежала, оставив прорасти посаженный ею зуб дракона.

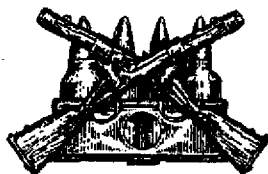

— Так это... не мулатка? — прошептал Грисвел.

— Я понял, что это не мулатка, как только увидел ее в коридоре. Ее лицо, или то, что от него осталось, еще хранит фамильные черты. Я видел ее портрет и не могу ошибаться. Перед вами существо, некогда бывшее Селией Блассенвилль.

ДОЛИНА СГИНУВШИХ

С

ловно волк, следящий за охотниками, Джон Рейнольдс наблюдал за своими преследователями. Он лежал неподалеку от них, в зарослях на склоне горы, с бушующим в сердце вулканом ненависти. За ним долго гнались. Позади него, выше по склону, там, где петляла малозаметная тропа из Долины Сгинувших, стоял опустив голову, дрожа после долгого бега, его мустанг с безум-

ными глазами. А ниже по склону, не более чем в восьмидесяти ярдах от него, остановились враги, совсем недавно перебившие его родственников.

Преследователи, спешившись на поляне перед Пещерой Духов, спорили между собой. Джон Рейнольдс знал их всех и смотрел на них с лютой ненавистью. Между ними и Рейнольдсом давно пролегла черная тень кровной вражды.

Историки, воспевавшие вендетты в горах Кентукки, почему-то пренебрегали вендеттами в Техасе, хотя первые поселенцы юго-запада принадлежали к тому же племени, что и горцы Кентукки. Но между ними существовали различия. В горной местности вендетты тянулись не одно поколение, а на техасской границе они бывали недолгими, свирепыми и ужасающе кровавыми.

Вражда Рейнольдсов и Мак-Крилов длилась по техасским меркам долго. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как старый Исав Рейнольдс длинным охотничьим ножом заколол юного Бракстона Мак-Крилла в салуне городка Антилоп-Веллс — во время ссоры из-за прав на пастбище.

Все эти пятнадцать лет Рейнольдсы и их родичи — Бриллы, Аллисоны и Доннелли — открыто воевали с Мак-Криллами и их родичами — Киллихерами, Флетчерами и Ордами. За эти пятнадцать лет бывало всякое: засады в горах, убийства на открытых пастбищах, перестрелки на улицах городков. Оба клана угоняли друг у друга скот. И та и другая сторона нанимала стрелков и бандитов, сея страх и беззаконие по всей округе. Поселенцы держались подальше от этих истерзанных войной пастбищ. Кровная вражда стала непреодолимым барьером на пути прогресса и развития, деморализуя вею округу.

Джона Рейнольдса все это мало волновало. Он вырос в атмосфере вражды и стал одержим ею. Война взяла свою страшную дань с обоих кланов, но клан Рейнольдсов пострадал больше, и Джон был последним из Рейнольдсов, поскольку Исав, правивший кланом, — мрачный, старый патриарх — больше не мог ни ходить, ни сидеть в седле из-за парализованных ног. Так удачно подстрелили его Мак-Крилли. Джону довелось видеть своих братьев, застреленных из засады и убитых в рукопашных схватках.

А теперь последний удар врагов почти начисто стер с лица земли их тающий клан. Джон Рейнольдс выругался при мысли о ловушке, в которую они угодили, зайдя в салун городка Антилоп-Веллс. Спрятавшиеся враги без предупреждения открыли убийственный огонь. Пали: его кузен Билл Доннелли, сын его сестры юный Джонатон Брилл, его шурин Джоб Алисон и Стив Керни — наемный стрелок. Джон Рейнольдс плохо понимал, как ему самому удалось расчистить путь выстрелами из револьвера и добраться до коновязи. Но враги гнались за ним, наступая на пятки и дыша в затылок, так что он не успел вскочить на своего гнедого, а схватил первого попавшегося коня — быстроногого, но задыхающегося при долгих пробегах мустанга с безумными глазами, который раньше принадлежал покойному Джонатону Брилли.

На какое-то время Рейнольдс оторвался от своих преследователей и, описав круг, заехал в таинственную Долину Сгинувших, где полно было безмолвных зарослей и крошащихся каменных столпов. Рейнольдс собирался сделать петлю и вернуться по собственному следу через горы, чтобы добраться до владений своей семьи. Но мустанг его подвел. Джон

Рейнольдс привязал его выше по склону так, чтобы со дна долины его видно не было, и пополз обратно — посмотреть, как его враги въезжают в долину. Их было пятеро: старый Джонас Мак-Крилл с его вечно оскаленным в рычании волчьим ртом; Сол Флетчер — чернобородый и приволакивающий ногу здоровяк. Он получил травму в юности, упав с дикого мустанга. С ними были братья Билл и Питер Орды и бандит-наемник Джек Соломон. Сейчас до безмолвного наблюдателя доносился голос Джонаса Мак-Крилла:

— Говорю вам, он спрячется где-то в этой долине. Он же скакал на мустанге со слабой дыхалкой. Бьюсь об заклад, к тому времени, как он добрался сюда, его конь валялся с ног.

— Ну так чего же мы стоим тут и болтаем? — раздался голос Сола Флетчера. — Почему бы нам не начать на него охоту?

— Не так быстро, — проворчал старый Джонас. — Не забывай, мы преследуем не кого-нибудь, а Джона Рейнольдса. Времени у нас хоть отбавляй.

Пальцы Джона Рейнольдса окаменели на рукояти кольта сорок пятого калибра с ручным взводом. В барабане осталось всего два патрона. Джон просунул дуло сквозь ветви росших перед ним кустов. Его большой палец взвел зловещий клыкастый боек, а серые глаза прищурились и стали матовыми, как лед.

Джон навел длинный вороненый ствол. Какое-то мгновение он сдерживал ненависть, рассматривая стоявшего ближе всего к нему Сола Флетчера. Вся злоба в душе Джона сосредоточилась в этот миг на зверском чернобородом лице. Именно его шаги слышал Джон в ту ночь, когда, раненный лежал в осажденном карале рядом с изрешеченным

пулями трупом брата и отбивался от Сола и его братьев.

Палец Джона Рейнольдса согнулся, и грохот выстрела многократно повторило эхо этих безмолвных гор. Сол Флетчер выгнулся, вскинув к небу черную бороду, а потом как подкошенный свалился лицом вперед. Остальные, с быстротой людей, привыкших к пограничной войне, рухнули на камни, и сразу загревели ответные выстрелы наугад. Пули пронзали заросли, свистя над головой невидимого убийцы. Находившийся выше по склону мустанг, скрытый от взоров людей в долине, но испуганный грохотом выстрелов, пронзительно заржал. Встав на дыбы, он порвал державшие его поводья и ускакал вверх по горной тропе. Цокот его копыт становился все тише, а потом и вовсе смолк.

На мгновение воцарилась тишина, а затем раздался разгневанный голос Джонаса Мак-Крилла:

— Говорил же я вам, что он где-то здесь! А теперь он смылся.

Поджарая фигура старого стрелка поднялась из-за камня, где он прятался. Рейнольдс, свирепо усмехнувшись, тщательно прицелился, а потом... инстинкт самосохранения удержал его от выстрела. Из укрытия вылезли и остальные.

— Так чего же мы ждем? — заорал юный Билл Орд со слезами ярости на глазах. — Этот койот застрелил Сола и ускакал отсюда во всю прыть, а мы стоим разинув рты. Я за ним... — Он направился к своей лошади.

— Ты сначала послушай меня, — прорычал старый Джонас. — Я ведь предупреждал вас не пороть горячку, так нет. Вам нужно было лететь вперед, словно стае слепых канюков, и вот теперь Сол

валяется мертвым. Ежели мы не поостережемся, Джон Рейнольдс перестреляет всех нас. Разве я не говорил вам, что он где-то здесь? Вероятно, он останавливался дать роздых коню. Далеко ему не ускакать. Как я вам и говорил, предстоит долгая охота. Пусть себе пока скрывается. Покуда он впереди нас, нам придется остерегаться засад. Он попытается вернуться во владения Рейнольдсов. Вот мы не спеша и отправимся за ним. Погоним его назад. Будем ехать, разойдясь большим полукругом, и он не сможет проскочить мимо нас. Во всяком случае, не на этом дохлом мустанге. Попросту загоним его и возьмем Рейнольдса голыми руками, когда конь его падет. Я знаю, куда мы его, в конце концов, загоним — в каньон Слепой Лошади.

— Тогда нам придется дожидаться, пока он не сдохнет там с голоду, — проворчал Джек Соломон.

— Нет, не придется, — усмехнулся старый Джонас. — Билл, дуй обратно в Антилоп и достань пять-шесть пашек динамита, а потом бери свежего коня и гони по нашему следу. Если мы настигнем его прежде, чем он доберется до каньона, отлично. А если он опередит нас и успеет окопаться, то мы дождемся тебя и разнесем его в клочья.

— А как насчет Сола? — проворчал Питер Орд.

— Он мертв, — сказал Джонас. — Мы сейчас ничего не можем для него сделать. Нет времени везти его обратно в город. — Он глянул на небо, где на голубом фоне уже кружили темные точки. Его взгляд переместился на заложенный камнями вход в пещеру, что был расположен посреди отвесной скалы, поднимавшейся под прямым углом к склону, по которому петляла тропа.

— Вскроем пещеру и положим труп туда, — решил он. — И снова завалим вход камнями. Тогда

волки с канюками до него не доберутся. Может, пройдет несколько дней, прежде чем мы за ним вернемся.

— В этой пещере водятся духи,— обеспокоенно пробормотал Билл Орд.— Индейцы всегда говорили, что ежели туда положить мертвеца, то в полночь он оживет и выйдет наружу.

— Заткнись и помоги поднять беднягу Сола,— оборвал его Джонас.— Вот родич твой лежит мертвым, его убийца с каждой секундой уносится все дальше и дальше, а ты тут болтаешь о каких-то духах.

Когда они подняли труп, Джонас вытащил из кобуры мертвеца длинноствольный шестизарядный револьвер и заткнул его себе за пояс.

— Бедняга Сол,— вздохнул он.— Точно, мертвец. Получив порцию свинца прямо в сердце, он умер раньше, чем упал наземь. Ну, мы заставим проклятого Рейнольдса за это поплатиться.

Они отнесли мертвеца к пещере и, положив его наземь, дружно накиннулись на загораживающие вход камни. Вскоре вход был расчищен, и Рейнольдс увидел, как четверка стрелков внесла тело в пещеру. Почти сразу же они вышли, но уже без своей ноши, и вскочили на коней. Юный Билл Орд повернул к выходу из долины и исчез среди деревьев. Остальные легким галопом направились по ведущей в горы извилистой тропе. Они проехали в каких-нибудь ста футах от укрытия Джо, и тот прижался к земле, боясь, как бы его не заметили. Но стрелки даже не взглянули в его сторону. Топот копыт их коней постепенно замер в отдалении. После этого в древней долине воцарилась тишина.

Джон Рейнольдс осторожно поднялся, огляделся кругом, словно загнанный волк, а затем быстро

спустился по склону. Цель у него была вполне определенная. Все его боеприпасы состояли из одного-единственного патрона, но на трупе Сола Флетчера остался пояс-патронташ, набитый патронами сорок пятого калибра.

Пока он разбрасывал камни, преграждавшие вход в пещеру, в голове у него вертелись странные и неясные догадки, которые всегда возбуждала в нем эта пещера и долина. Почему индейцы называли ее Долиной Сгинувших? Почему краснокожие избегали ее? Один раз на памяти белых отряд киова, удирая от мести Большенога Уоллеса и его рейнджеров, остановился тут. Уцелевшие из этого племени рассказывали фантастические истории, в которых было полно и убийств, и братоубийств, и безумия, и вампиризма, и резни, и каннибализма. Потом в долине поселилось шестеро белых — братья Старки. Они вскрыли заложенную киовами пещеру. На них тоже обрушилось проклятие, и за одну ночь пятеро из них погибли от руки друг друга. Уцелевший замуровал пещеру и ускорил неведомо куда. Вскоре по поселениям прошел слух о некоем Старке, который наткнулся на тех, кто остался от племени киова, когда-то живших в долине. После долгого разговора с ними этот белый перерезал себе горло длинным охотничьим ножом.

В чем же заключалась тайна долины, если все это не переплетение лжи и легенд? Что означают крошачьи камни, разбросанные по всей долине и полускрытые ползучими растениями. В лунном свете особенно заметна симметричность их расположения. Некоторые люди верили рассказам индейцев, утверждавших, что это — остатки колонн доисторического города, некогда существовавшего в Долине Сгинувших. Рейнольдс сам видел череп,

выкопанный у подножия скал бродячим старателем. Останки, казалось, не принадлежали ни европейцу, ни индейцу — странный череп, заострявшийся к макушке. Если бы не форма челюстных костей, он мог бы принадлежать какому-нибудь доисторическому животному. Потом этот череп рассыпался в прах.

Такие мысли смутно и мимолетно проносились в голове у Джона Рейнольдса, пока он растаскивал валуны, которые Мак-Криппы уложили кое-как — ровно настолько, чтобы не дать протиснуться в пещеру волку или канюку. В основном же мысли Джона занимали патроны в поясе мертвого Сола Флетчера. Отличный шанс! Возможность выжить! Джон Рейнольдс еще вырвется из этих гор, приведет новых стрелков и головорезов для ответного удара. Он зальет кровью все пастбища, дотла разорит всю округу, если сумеет. Уже не один год он был движущей силой этой кровной вражды. Когда старый Исав ослабел и возжелал мира, Джон Рейнольдс не дал угаснуть пламени ненависти. Кровная вражда стала единственной целью его жизни — единственной вещью, которая по-настоящему интересовала его и давала стимул к существованию...

Последние валуны откатились в сторону.

Джон Рейнольдс шагнул в полумрак пещеры. Она оказалась невелика, но тени внутри сгустились, превратившись в почти осязаемую субстанцию. Постепенно глаза Рейнольдса приспособились к полутьме, и тогда с его губ сорвалось невольное восклицание — пещера была пуста! Он в замешательстве выругался. Ведь он же сам видел, как четверо стрелков внесли в пещеру труп Сола Флетчера и снова вышли с пустыми руками. И все же на пыльном полу пещеры не было никакого трупа. Джон про-

шел в дальний конец пещеры, глянул на прямую, ровную стену, нагнулся, изучая гладкий каменный пол. Напрягая свое острое зрение, он различил во мраке кровавый след, протянувшийся по камням. Этот след обрывался у противоположной от входа стены. На стене же никаких пятен не было.

Рейнольдс нагнулся поближе, опершись рукой о каменную стену. Вдруг он почувствовал, что стена поддается под нажимом его руки. Неожиданно потайная дверь распахнулась, и Джон полетел во тьму головой вперед.

Падал он недолго. Его выброшенные вперед руки ударились обо что-то, походившее на высеченные в камне ступени, и, спотыкаясь, он стал карабкаться по ним. Затем он выпрямился и повернулся обратно к отверстию, через которое попал сюда. Но потайная дверь закрылась. Рейнольдс нащупал только гладкую каменную стену. Он боролся с нарастающим страхом. Каким образом Мак-Крилы узнали про потайную комнату, он сказать не мог, но совершенно очевидно, они положили тело Сола Флетчера именно сюда. И вот тут-то они, когда вернутся, и найдут Джона Рейнольдса, попавшего в западню, словно крыса. Тонкие губы Рейнольдса скривились в мрачной улыбке. Когда они откроют потайную дверь, он спрячется в темноте, в то время как они будут хорошо видны на фоне светлого пятна тускло освещенной внешней пещеры. Где еще найдется лучшее место для засады? Но сначала он должен отыскать труп и забрать патроны.

Джон повернулся, на ощупь пробираясь вниз по ступеням. Первый же шаг привел его на ровный пол. «Тут какой-то туннель», — решил Джон, поскольку до потолка дотянуться не смог. Шаг вправо или влево — и его вытянутая рука касалась стены, ка-

завшейся слишком ровной, чтобы быть творением природы. Джон Рейнольдс медленно пошел вперед, нащупывая во тьме дорогу, не отрывая руку от стены и ожидая, что в любую минуту споткнется о тело Сола Флетчера. На постепенно в душе его начал зарождаться смутный страх. Мак-Крилли пробыли в пещере не так долго, чтобы унести тело так далеко. У Джона Рейнольдса появилось ощущение, что Мак-Крилли вообще не заходили в этот туннель и не знали о его существовании. Тогда где же, во имя всего святого, труп Сола Флетчера?

Джон резко остановился, выхватив свой кольт. По темному туннелю навстречу ему что-то двигалось. К нему, неуклюже шагая, приближалось существо, стоящее на задних лапах.

Джон Рейнольдс решил, что это человек в сапогах для верховой езды с высокими каблуками. Никакая другая обувь не дает такого звука. Еще Джон различил позвякивание шпор. И тут на Рейнольдса накатила волна безымянного ужаса. Прислушиваясь к шагам, он вспомнил ночь, когда лежал, загнанный в старый карраль, рядом с умирающим младшим братом и слышал шаги прихрамывающего, приволакивающего ногу врага, который описывал бесконечные круги возле его укрытия. Тогда Сол Флетчер со своими волками долго пытался найти уязвимое место в обороне Джона.

Может, Флетчер был только ранен? Шаги казались неуверенными. Так мог идти раненый. Нет... Джон Рейнольдс повидал слишком много смертей на своем веку. Он знал: его пуля попала Солу Флетчеру прямо в сердце, возможно, вышла через спину и уж совершенно точно убила его. Кроме того, он слышал, как старый Джонас Мак-Крилл провозглашал Сола мертвым. Нет... Сол Флетчер лежит без-

жизненной грудой где-то в этой темной пещере. А по туннелю ходит кто-то другой.

Шаги замерли. Незнакомец находился прямо перед Джоном. Их разделяло всего несколько футов беспросветного мрака. Отчего же так бешено бьется пульс Джона Рейнольдса, человека, который не раз смотрел в лицо смерти? Почему его язык примерз к небу, а по коже ползут мурашки? Что пробудило в нем до того спящий инстинкт страха, какой возникает у человека, ощущающего присутствие невидимой змеи?

Джон Рейнольдс слышал учащенное биение собственного сердца. Вдруг незнакомец бросился на него. Рейнольдс уловил первое движение невидимого противника и выстрелил в упор. И завопил... страшно закричал, по-звериному. Могучие руки вцепились в него, невидимые зубы впились в его тело. Но страх придал Рейнольдсу нечеловеческие силы, потому что во вспышке выстрела он увидел бородатое лицо с безвольно разинутым ртом и уставившимися в пустоту мертвыми глазами. Сол Флетчер! Мертвец, вернувшийся из ада!

Словно в кошмаре, Рейнольдс яростно сражался в темноте. Мертвец старался повалить его. Он со страшной силой швырнул Джона на каменную стену. Когда же Рейнольдс упал на пол, оживший мертвец уселся на него верхом, словно вампир, вонзив глубоко ему в горло свои отвратительные пальцы.

У Рейнольдса не осталось времени на раздумья. Он знал, что сражается с мертвецом. Тело его врага отдавало холодной и влажной покойницкой. Под разорванной рубашкой Джон почувствовал круглое пулевое отверстие, облепленное запекшейся кровью. С уст его противника не сорвалось ни единого звука.

Задыхаясь, хватая воздух широко открытым ртом, Джон Рейнольдс сорвал с горла душащие его руки и отбросил мертвеца. На миг их снова разделила темнота. Но Флетчер снова обрушился на Джона. Когда мертвец бросился вперед, Джон по счастливой случайности вслепую применил борцовский прием.

Он вложил в него все свои силы, швырнув чудовище лицом на пол, навалившись на него всем своим весом. Позвоночник Сола Флетчера сломался, словно гнилая ветвь. И тут же руки его обмякли, неожиданно ослабнув. Что-то вытекло из обмякшего тела и с шипением унеслось во тьму, словно призрачный ветер. Только тут Джон Рейнольдс инстинктивно понял, что теперь-то уж Сол Флетчер мертв окончательно и бесповоротно.

Тяжело дыша и весь трясясь, Рейнольдс поднялся. В туннеле по-прежнему было совсем темно. Впереди, откуда пришел труп, слышался слабый стук, словно где-то далеко-далеко звучала пульсирующая, странная, мрачная музыка. Рейнольдс содрогнулся и покрылся холодным потом. В темноте у его ног лежал мертвец, и он слышал невыносимо сладострастную, злую мелодию, эхом отдававшуюся в подземелье, словно в пещерах ада приглушенно били дьявольские барабаны.

Разум заставлял его повернуть назад, вернуться к невидимой двери и колотить в нее, пока не разлетится камень (если такое вообще возможно). Но в какое-то мгновение Джон Рейнольдс понял, что и разум и здравомыслие остались по ту сторону двери. Один-единственный шаг перенес его из нормального, материального мира в царство кошмара и безумия. Джон решил, что сошел с ума или умер и угодил прямиком в ад. Глухое «тум-тум», доносив-

шеется из недр земли, притягивало его, сверхъестественным образом задевая струны сердца.

Эти звуки наполняли его разум темными, чудовищными мыслями. И все же от этого зова нельзя было отмахнуться. Джон Рейнольдс боролся с безумным желанием завопить и, размахивая руками, побежать сломя голову по черному туннелю, словно кролик, выгнанный собакой из норы прямо в пасть затаившейся гремучей змее.

Шаля в темноте, Джон нашел свой револьвер и, по-прежнему вслепую, зарядил его патронами с пояса Сола Флетчера. Теперь, прикасаясь к телу, он испытывал не больше отвращения, чем от прикосновения к любой мертвой плоти. Какая бы там нечестивая сила ни оживила этот труп, она покинула его, когда сломавшийся позвоночник разорвал нервные связи, управлявшие движениями мускулатуры.

Затем, с заряженным револьвером в руке, Джон Рейнольдс пошел по туннелю. Неведомая сила влекла его вперед, к судьбе, которую он не мог постичь.

По мере его продвижения вперед «тум-тум» стало чуть громче. Он не знал, насколько глубоко под горы завел его туннель, но ход вел под уклон, а идти пришлось долго. Вытянутая вперед рука, которой Рейнольдс нащупывал дорогу, часто встречала боковые проходы — коридоры, отходящие от главного туннеля.

Наконец он понял, что вышел в какую-то огромную пещеру. Джон ничего не видел, но каким-то образом почувствовал, что пещера достаточно велика. В темноте забрезжил слабый свет. Он пульсировал в такт ударам барабанов, но постепенно усиливался — странное сияние цвета, больше всего похожего на зеленый. Но на самом деле этот свет

не был ни зеленым, ни каким-либо еще известным людям.

Рейнольдс приблизился к его источнику. Свет стал ярче. Он мерцал, отражаясь от гладкого каменного пола, высвечивая фантастическую мозаику. Свет таял где-то над головой. Рейнольдс разглядел потолок пещеры — высокий и сводчатый, нависающий, словно темное полуночное небо. Поблескивающие стены вздымались на громадную высоту, и у их подножия сгруппировались приземистые тени. Среди них поблескивали другие, маленькие искрящиеся огоньки.

Наконец Джон Рейнольдс увидел источник света — старинный, высеченный из камня алтарь, на котором горело что-то, выглядевшее гигантским драгоценным камнем того же неестественного цвета, что и испускаемый им свет. Зеленоватое пламя исходило от него. Он горел, словно кусок угля, но не сгорал. А прямо за ним поднималась свернувшаяся на алтаре пернатых змей фантастическая фигура, вырезанная из какого-то кристаллического материала, который переливался в свете драгоценности. Пульсации света менялись в ритме ударов барабана, доносившихся теперь, как казалось, со всех сторон.

Неожиданно рядом с алтарем шевельнулось что-то живое, и Джон Рейнольдс отшатнулся, хоть и ожидал всего, чего угодно. Вначале он подумал, что это выползла из-за алтаря гигантская змея, но потом увидел, что существо стоит вертикально, как человек. Встретившись взглядом с угрожающе блестящими глазами неведомой твари, Рейнольдс выстрелил в упор, и тварь рухнула, как бык на бойне. Ее череп разлетелся на куски. Услышав зловещее шуршание, Рейнольдс круто обернулся. По крайней

мере, этих тварей можно убивать. И тут он замер. Окаймлявшие стены тени придвинулись, стягиваясь вокруг него в широкое кольцо. И хотя на первый взгляд они походили на людей, Рейнольдс понял, что они не принадлежат к роду человеческому.

Странный свет мерцал и плясал над ними, а дальше в глубокой темноте негромкие злые барабаны беспрестанно, нетерпеливо нашептывали что-то. Джон Рейнольдс стоял, парализованный страхом.

Его испугали не карликовые фигуры странных существ и даже не их руки и ноги неестественного вида, а их головы. Теперь он понял, какой расе принадлежал череп, что нашел старатель. Как и у того черепа, верхняя часть головы этих существ заострялась. Сама голова имела неправильную форму и казалась сплюсненной с боков. Не было видно никаких признаков ушей, словно органы чувств этих существ находились под кожей, как у змей. Носы походили на носы питонов, рот и челюсти выглядели куда менее человеческими, чем те, что Джон видел раньше. А глаза были маленькие, сверкающие, как у рептилии. Чешуйчатые губы растягивались, открывая заостренные зубы. Джон Рейнольдс решил, что укус этих тварей будет таким же смертоносным, как укус гремучей змеи. Никакой одежды эти существа не имели, и в руках их не было никакого оружия.

Джон Рейнольдс напрягся, готовясь к смертельной схватке, но существа не бросились на него скопом. Люди-змеи расселись вокруг него кольцом, скрестив ноги. Он видел огромную толпу этих существ, собравшуюся за спиной сидевших. Джон почувствовал, как внутри его что-то шевельнулось, и ощутил почти осязаемое давление, словно твари пытались подчинить себе его волю. Он отчетливо

сознавал, что эти ужасные существа вторглись в потаенные глубины его разума, и понимал, что они с помощью мысли пытаются донести до него то ли приказы, то ли пожелания. Что общего могло оказаться у него с этими нечеловеческими созданиями? И все же каким-то неясным, странным, телепатическим путем они заставили его понять кое-что. Потрясенный, он осознал, что чем бы там ни были сейчас эти твари, некогда они, по крайней мере частично, относились к роду человеческому или же застряли где-то на полпути между зверем и человеком.

Он понял, что стал первым из белых, вошедшим в тайное подземное царство, первым увидевшим сияющего змея — Ужасного Безымянного, который был древнее, чем сам мир. Прежде чем умереть, он должен был узнать о таинственной долине все, в чем отказано было сынам человеческим, чтобы он мог забрать это знание с собой в Вечность и обсудить эти дела с теми из индейцев, кто побывал здесь до него.

Тихо били барабаны, прыгал и мерцал странный свет. К алтарю вышел тот, кто, похоже, пользовался авторитетом — древнее чудовище, кожа которого походила на беловатую кожу старой змеи. Это существо носило на заостренном черепе золотой обруч, украшенный диковинными самоцветами. Он согнулся и послал мольбу пернатому змею. Затем каким-то острым орудием, оставляющим фосфоресцирующий свет, начертил на полу перед алтарем таинственную треугольную фигуру, а внутрь ее насыпал мерцающей пыли. Из нее поднялась тонкая спираль, превратившаяся в гигантского змея, пернатого и ужасного. Потом змей неуловимо изменился и растаял, превратившись в облачко зеле-

новатого дыма. Этот дым закрутился перед глазами Джона Рейнольдса, скрыв и змеелюдей, и алтарь, и пещеру. Вся Вселенная растворилась в зеленоватом дыму, где возникали и таяли титанические сцены и чуждые человеку ландшафты. Там бродили ужасные существа.

Неожиданно хаос образов обрел четкость. Джон Рейнольдс смотрел на долину, которой не узнавал. Но откуда-то он знал, что это Долина Сгинувших. Посреди нее высился огромный город из тускло сверкающего камня. Джон Рейнольдс всю свою жизнь провел в пустынях и прериях. Он никогда не видел великих городов мира, но понял, что нигде ныне не может существовать столь величественного города.

Башни и зубчатые стены метрополиса принадлежали иному веку. Его очертания сбивали Джона Рейнольдса с толку своими неестественными пропорциями. На взгляд нормального человека этот город был каким-то безумием, кусочком иного измерения, творением ненормальной архитектуры. По городу двигались странные фигуры — люди, но сильно отличавшиеся от рода человеческого, к которому принадлежал Джон Рейнольдс. Руки и ноги этих существ выглядели неправильно. Их уши и рты больше всего походили на органы обычных людей. И между ними и чудовищами пещеры, несомненно, существовало родство. Оно проявлялось в странном, заостренном строении черепа, хотя вид у жителей города был менее «звериний».

Джон видел, как странные существа ходят по извилистым улицам, видел, как они входят в колоссальные здания, и содрогался от отвращения. Много из того, что делали обитатели странного города, выходило за пределы его понимания. Джон не мог разобраться в том, чем они занимались, точно

так же, как зулус не сумел бы понять жизни современного Лондона. Но все же Джон понял, что народ этот очень древний и очень злой. Рейнольдс видел, как люди-змеи совершали ритуалы, от которых у него кровь стыла в жилах от ужаса, — непристойные и кощунственные обряды. Рейнольдса тошнило. Он почувствовал себя испачканным. Казалось, кто-то подсказал ему, что этот город существовал много веков назад, а народ его представлял тех, кто правил на Земле много тысячелетий тому назад.

И вот на сцене появились новые действующие лица. Из-за гор пришли дикари, одетые в шкуры и перья, вооруженные луками и кремневым оружием. Это были, как понял Рейнольдс, индейцы... и все же не такие индейцы, как те, кого он знал. Узкоглазые воины с кожей скорее желтоватого, чем медного цвета. Они не знали жалости. Рейнольдс решил, что это — кочевые предки тотльтеков, скитавшиеся и воевавшие со всеми племенами, которые попадались им на пути. Тогда тотльтеки еще не жили в горных долинах, далеко на юге; тогда еще их народ не сложился в племя, не возвел пирамиду своей цивилизации. В те времена тотльтеки были первобытным народом, и Рейнольдс задохнулся, поняв наконец, в какие глубины прошлого ему довелось заглянуть.

Он видел, как воины подступают к высоким стенам города, словно гигантская волна. Видел, как защитники обороняют башни, обрушив на врагов смерть во всевозможных обличьях. Видел, как предки тотльтеков снова и снова откатываются от стен, а потом опять наступают со слепой яростью первобытных людей. Станный, злой город, полный таинственных существ, встал на пути дикарей, и индейцы не могли идти дальше, не растоптав его.

Рейнольдс подивился свирепости нападавших, проливающих свою кровь почему зря, словно воду, пытаясь победить неведомую и ужасную науку иной цивилизации с помощью смелости и численного превосходства. Тела тотльтеков усеяли все плато, но сдержать их не смогли бы даже все силы ада. Индейцы волной подкатились к подножию башен. Они шли навстречу мечам, стрелам и смерти в самых ее отвратительных формах. Они овладели стенами, сошлись с врагами врукопашную. Дубины и топоры отбивали копья и разящие мечи. Во время поединков высокие фигуры варваров нависали над более мелкими силуэтами защитников.

В городе бушевал кровавый ад. Начались бои на улицах. Постепенно они превратились в погромы, а погромы — в резню. Над городом поплыли клубы дыма.

Сцена изменилась. Теперь Рейнольдс смотрел на обуглившиеся, разрушенные, дымящиеся руины. Победители ушли дальше. Уцелевшие собрались в залитом кровью храме перед своим странным богом — змеем на фантастическом каменном алтаре. Их век кончился. Их мир внезапно рассыпался в прах. Они были остатками исчезнувшей расы. Они не могли отстроить заново свой чудесный город и боялись оставаться в его руинах, чтобы не стать добычей какого-нибудь проходящего мимо племени. Рейнольдс увидел, как они, забрав алтарь, последовали за древним старцем, одетым в мантию из перьев, носившим на голове усыпанный самоцветами золотой обруч. Старец провел их через долину к скрытой пещере. Они вошли, протиснулись через узкую щель в противоположной от входа стене, вступили в гигантский лабиринт пещер, пронизывавших гору, словно голландский сыр, Рейнольдс

увидел, как они работают, исследуя этот лабиринт, копают и увеличивают его площадь, отделяют стены и полы, шлифуя и полируя их. Щель, ведущая в лабиринт, была расширена, и в ней установили хитроумную дверь, казавшуюся частью стены.

Но прошло много веков. Народ жил в пещерах и с течением времени все больше и больше приспосабливался к окружающей среде. Каждое поколение все реже и реже показывалось на поверхности. Подземный народ научился добывать себе пищу способом, вызывающим содрогание. Люди-змеи выкапывали ее из земли. Уши у них становились все меньше и меньше, как и тела. Глаза стали как у кошек. Джон Рейнольдс с ужасом наблюдал перемены, происшедшие с этим народом в течение многих веков.

А оставленные в долине руины осыпались, постепенно исчезая, становились добычей лишайников, сорняков и деревьев. Приходили люди и медитировали среди развалин — высокие монголоидные воины и темные, загадочные люди маленького роста, которых называли Строителями Курганов. И по мере того, как шли века, наведывавшиеся время от времени в долину люди все больше и больше соответствовали известному ныне типу индейцев, до тех пор пока туда не стали заходить только раскрашенные краснокожие, чья поступь была бесшумной, а в длинные чубы на бритых головах воткнуты перья. Никто из них никогда не задерживался в таинственных развалинах, населенных призраками.

А Древний Народ жил под землей, становясь все более странным и ужасным. Он опускался все ниже и ниже по человеческим меркам, забыв вначале письменность, а постепенно и членораздельную речь. Но в других отношениях обитатели подземелий

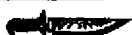

раздвинули границы жизни. В своем ночном царстве они открыли другие, более древние пещеры, которые привели их в самые недра земли. Они узнали давно забытые людьми и вообще неизвестные роду человеческому секреты, спящие глубоко под горами. Темнота способствует безмолвию, и поэтому они постепенно утратили способность говорить, развив своего рода телепатию. С каждым страшным приобретением они все больше утрачивали свою человечность. Уши у них полностью исчезли. Ноги стали больше напоминать лапы. Глаза не могли переносить не только солнечного света, но и света звезд. Подземные жители давно перестали пользоваться огнем, и единственный свет, какой они видели под землей, — странные отблески, исходявшие от гигантского самоцвета на алтаре. Хотя даже в таком свете они теперь не нуждались. Изменились они и в других отношениях. Тут Джона Рейнольдса прошиб холодный пот. Ибо следить за этим преображением Древнего Народа было ужасно. Возникало много странных образов и форм, прежде чем сложилась новая порода людей.

Однако эти существа по-прежнему помнили колдовство предков и даже добавили к нему собственное черное чародейство. Они достигли пика колдовства — некромантии. Джон Рейнольдс уловил ужасающие намеки на это во фрагментах видений древних времен, когда чародеи Древнего Народа отправляли свой дух из спящего тела нашептывать злые слова своим врагам.

В долину пришло племя раскрашенных воинов. Они несли тело своего вождя, погибшего в войне между племенами.

С того времени, как Древний Народ ушел в пещеры, минуло много веков. От города остались

только в беспорядке стоящие колонны. Оползень обнажил вход во внешнюю пещеру. Ее заметили индейцы и положили туда тело своего вождя, а рядом с ним — его сломанное оружие. Они заложили камнями вход в пещеру и собирались двигаться дальше, но ночь застала их в долине.

За все минувшие века Древний Народ не нашел никакого другого входа или выхода из подземелий. Эта маленькая пещера оказалась единственным дверным проемом, соединяющим их мрачное царство и давно покинутый ими мир. Теперь полулюди вышли через потайную дверь во внешнюю пещеру. Там царил полумрак, который они еще могли как-то вынести. У Джона Рейнольдса волосы встали дыбом от того, что он увидел. Древние взяли труп и положили его перед алтарем пернатого змея, и чародей улегся на него, прижав устами ко рту мертвеца. В пещере били барабаны, мерцали сверхъестественные огни, и безголосые жрецы беззвучными песнями зывали к богам, забытым задолго до появления Египта. Но вот взревели нечеловеческие голоса. Жизнь постепенно перетекла из колдуна в труп, и руки мертвого короля вздрогнули. Тело чародея, обмякнув, откатилось в сторону, а труп вождя неуклюже поднялся на ноги и пошел, двигаясь словно марионетка, глядя перед собой остекленевшими глазами. Он прошел по темному туннелю и через потайную дверь пробрался во внешнюю пещеру. Его мертвые руки отвалили в сторону камни, и на землю ступило чудовище из глубин земли.

Рейнольдс увидел, как зомби деревянной походкой прошагал под содрогнувшимися при его приближении деревьями, в то время как ночные твари, вереща, разбегались кто куда. Труп вошел в лагерь индейцев. Дальше начался сплошной ужас и безу-

мие. Мертвая тварь преследовала своих бывших товарищей и убивала их одного за другим. Долина превратилась в бойню. Наконец один из воинов, переборов страх, повернулся к своему преследователю и перерубил ему хребет каменным топором.

Тогда-то и рухнул дважды убитый воин. Рейнольдс увидел, как лежавшая на полу пещеры перед резным змеем фигура колдуна дрогнула и ожила. Его дух вернулся к нему из оживленного им трупа.

Беззвучная песня подземных демонов сотрясала подземелье, и Рейнольдс поежился, глядя на окружавших его отвратительных дьяволов, злорадствующих по поводу своей новообретенной способности насыпать ужас и смерть на сынов человеческих — своих древних врагов.

Но известие о происшедшем распространялось от клана к клану, и люди перестали заходить в Долину Сгинувших. Много веков проспала она, пустая. А затем прибыли всадники с перьями в головных уборах, раскрашенные в цвета киова. Эти воины с севера ничего не подозревали. Они разбили свои вигвамы в тени зловещих монолитов, ставших теперь простыми, бесформенными камнями.

И они уложили своих мертвецов в пещере. Рейнольдс видел, как мертвые выходили по ночам убивать и пожирать живых, увлакивая вопящие жертвы в мрачные пещеры к поджидавшей их там ужасной смерти. В долине вырвались на свет легионы ада. Тут царил хаос и кошмар. Оставшиеся живых и не сошедшие с ума индейцы замуровали вход в пещеру и усаkali из долины.

И снова Долина Сгинувших опустела. А потом первозданное одиночество нарушило новое появление людей. Джон Рейнольдс затаил дыхание от неожиданно нахлынувшего на него ужаса, когда

увидел, что новоприбывшие — белые люди, одетые в штаны из оленьей кожи, какие носили в прошлом, — шесть человек, настолько похожих, что Джон понял: они — братья.

Он увидел, как валили они деревья и строили на поляне хижину. Увидел, как братья охотились в горах и начали расчищать поле под посадки кукурузы. И еще он видел подземных чудовищ, со сладострастием вампиров дожидавшихся во тьме своего часа. Их глаза привыкли к тьме, и они не могли выглядывать из своих пещер, но благодаря колдовству знали обо всем, что происходит в долине. Они не могли выйти на свет в собственных телах, но терпеливо ждали ночи.

Один из братьев нашел пещеру, вскрыл ее и случайно обнаружил потайную дверь. В крошечной тьме ступил он в туннель и, конечно, не заметил ужасных фигур, что крались к нему, пуская слюни. Но в порыве неожиданно нахлынувшего страха поднял заряжавшееся с дула ружье и выстрелил наобум, завопив, когда вспышка света высветила окружающие его адские фигуры. В темноте, наступившей после выстрела, жители пещеры дружно набросились на него, победив за счет численного превосходства, вонзив зубы в его тело. Но охотник отбилсЯ. Он изрубил своих врагов на куски большим охотничьим ножом, однако яд быстро сделал свое дело.

Обитатели пещер приволокли труп к алтарю. И снова увидел Рейнольдс ужасающее преображение мертвеца, который поднялся с земли, бессмысленно ухмыляясь безвольно раскрытым ртом. Он отправился в долину. Солнце зашло в тускло-малиновой дымке. Наступила ночь. К хижине, где, завернувшись в одеяла, спали братья, подошел мертвец.

Неуклюжие руки бесшумно распахнули дверь. Чудовище шагнуло в темную хижину, сверкая оскаленными зубами. Его мертвые глаза, словно куски стекла, блестели в свете звезд. Один из братьев заворчал и что-то пробормотал во сне, а потом сел и уставился на неподвижную фигуру в дверях. Он окликнул мертвеца по имени... а потом закричал. Оживший труп прыгнул на него.

Из горла Джона Рейнольдса вырвался крик нестерпимого ужаса. Неожиданно живые картины исчезли вместе с дымом. Он стоял перед алтарем, омытый странным светом. Тихо и зло били барабаны. На него надвигались дьявольские лица. Из толпы выполз на брюхе, словно змея (собственно, он отчасти и был змеей), тот, кто носил диадему с камнями. С его оскаленных зубов капал яд. Отвратительно извиваясь, пополз он к Джону Рейнольдсу, который боролся с желанием прыгнуть на подлую тварь и растоптать ее. Спасения не было. Джон мог стрелять в толпу, посылая пулю за пулей в гущу окружающей его стаи. Он скосил бы всех, кто оказался бы у него на пути. Но, если сравнить количество тех, кого он успеет убить с надвигавшейся на него толпой, это была бы капля в море. Он скоро умрет. И эти чудовища отправят его труп бродить по земле. Из рук чародеев он получит некую пародию на жизнь точно так же, как Сол Флетчер. Джон Рейнольдс напрягся, как стальной канат, и тогда проснулся его волчий инстинкт самосохранения. Надо было уносить ноги.

Неожиданно он понял, что сможет победить окружающих его тварей. Быстрая догадка — как спастись — была похожа на вдохновение. Издав свирепый крик торжества, Джон прыгнул в сторону, когда ползущее чудовище бросилось на него. Монстр

промахнулся и растянулся на полу, а Джон Рейнольдс сорвал с алтаря резного змея и, подняв повыше, приставил дуло пистолета к башке гадины. Не требовалось никаких слов! В сумрачном свете глаза Рейнольдса горели безумным огнем. Кольцо Древнего Народа заколебалось и качнулось назад. Один из их собратьев уже лежал на земле с черепом, развороченным пулей пистолета Рейнольдса. Подземные чудовища знали, что стоит Джону согнуть палец, лежащий на спусковом крючке, их фантастический бог разлетится на сияющие обломки.

Немая сцена длилась неведомо сколько времени. Потом Рейнольдс почувствовал безмолвную капитуляцию своих врагов. Свобода в обмен на их бога. Это снова напомнило ему, что Древний Народ — не звери, поскольку настоящие звери не знают никаких богов. И от этого ему стало еще страшней, потому что это означало, что создания, стоявшие перед ним, превратились в новый вид, не относящийся ни к зверям, ни к людям, — в существ, не признающих естественных законов природы.

Змееподобные фигуры расступились. Свет кристалла стал чуть ярче. Когда Рейнольдс направился вверх по туннелю, твари последовали за ним. В неверном, пляшущем свете он не мог точно определить, идут ли они, как люди, или ползут, как змеи. У него сложилось смутное впечатление, что их походка являлась жуткой смесью и того и другого. Джон сделал крюк, обходя тело существа, бывшего некогда Солом Флетчером. Прижимая дуло пистолета к сияющему, хрупкому божеству, которое держал левой рукой, Джон поднялся по короткой лестнице к потайной двери и тут остановился. Он повернулся лицом к обитателям земных недр. Они

стояли тесным полукругом. Рейнольдс понял, что они боятся открыть потайную дверь, опасаясь, как бы он не убежал вместе с идолом на солнечный свет, куда они не смогли бы последовать за ним. Но и он не выпускал их бога, ожидая, пока ему откроют выход.

Наконец твари отступили на несколько ярдов. Рейнольдс осторожно поставил истукана на пол у своих ног, туда, откуда он смог бы в один миг схватить его. Он так и не узнал, как чудовища открывают дверь, но она распахнулась перед ним, и Рейнольдс, медленно пятясь, стал подниматься по лестнице, направив дуло пистолета на сверкающего идола. Он почти достиг двери (одной рукой взялся за косяк), когда свет померк и чудовища все-таки бросились на него. Одним прыжком Рейнольдс метнулся наружу через дверь, которая стремительно закрывалась. Прыгая, он разрядил револьвер прямо в дьявольские морды, следом за ним появившиеся в темном отверстии. Твари остались где-то сзади, а Рейнольдс выскочил из пещеры. Он услышал, как тихо закрылась каменная дверь, отгораживая царство ужаса от мира человека.

В пылающем свете заходящего солнца Джон Рейнольдс, пьяно шатаясь, сделал несколько шагов, хватаясь за камни и деревья, как сумасшедший хватается за окружающие его предметы — островки реальности. Острое напряжение, удерживавшее его на ногах, пока он боролся за свою жизнь, покинуло его. Казалось, дрожит каждый нерв его тела. Он что-то безумно нашептывал сам себе и раскачивался из стороны в сторону, жутко хохоча и не в силах остановиться.

Потом цоканье копыт заставило его укрыться за грудой валунов. Спрятаться его заставил какой-то

скрытый инстинкт. Слишком ошеломлен он был для того, чтобы действовать осознанно.

На поляну выехали Джонас Мак-Крилл и его сподвижники. Из горла Рейнольдса вырвалось рыдание. Сначала он их даже не узнал. Он даже не мог вспомнить, видел ли их раньше когда-нибудь. Их кровная вражда вместе со всем прочим здравым и нормальным укладом жизни растаяла где-то в черных глубинах подземного лабиринта.

С другой стороны поляны выехали еще двое — Билл Орд и один из бандитов, что состоял на службе у Мак-Криллов. К седлу Орда было приторочено несколько связанных в компактную пачку палочек динамита.

— Ну и ну, — подивился юный Орд. — Вот уж никак не ожидал встретить вас здесь. Вы догнали его?

— Нет, — отрезал старый Джонас. — Он нас снова одурачил. Мы нагнали его коня, но всадника-то в седле не было. Повод был порван, словно Рейнольдс привязал коня и тот сорвался с привязи. Не знаю, где этот Рейнольдс, но мы его скоро поймем. Я сгоняю в Антилоп и приведу еще ребят. А вы вытаскивайте тело Сола из пещеры и отправляйтесь побыстрее следом за мной.

Он повернул коня и исчез за деревьями. Рейнольдс с замиранием сердца увидел, как четверо его врагов вошли в пещеру.

— Бога душу мать! — яростно воскликнул Джек Соломон. — Здесь кто-то побывал! Смотрите! Камни выворочены!

Джон Рейнольдс, словно парализованный, следил за происходящим. Если он вскочит на ноги и окликнет их, они застрелят его прежде, чем он успеет их предупредить. Однако сдерживало его не

это, а ужас, лишивший храброго стрелка способности думать и действовать, заставивший его язык прилипнуть к небу. Рот Рейнольдса раскрылся, но из него не вырвалось ни звука. Словно в кошмаре увидел он, как его враги исчезают в пещере. Потом до него донеслись их приглушенные голоса.

- Черт возьми, Сол исчез!
- Смотрите-ка, ребята, в той стене дверь!
- Клянусь громом, она открыта!
- Давай-ка заглянем!

Неожиданно в недрах горы затрещали частые выстрелы и раздались страшные вопли. Потом над Долиной Сгинувших, словно сырой туман, повисло безмолвие.

Джон Рейнольдс, собравшийся наконец с силами, закричал, как раненый зверь, замолотил себя по вискам стиснутыми кулаками. Он грозил небесам, выкрикивая бессвязные кощунства.

Потом, шатаясь, он подбежал к коню Билла Орда, мирно пасшемся под деревьями вместе с остальными. Влажными от пота руками он сорвал с седла связку шашек динамита и, не развязывая, проткнул прутом дырку в оболочке на конце одной из них. Он вставил короткий фитиль, присоединил капсюль и вложил его в дырку на шашке. В кармане притороченного к седлу плаща он нашел спички и, запалив фитиль, швырнул динамит в пещеру. Едва ударившись о противоположную стену пещеры, связка взорвалась. Грохот стоял, словно случилось землетрясение.

Земля качнулась, едва не сбив Рейнольдса с ног. Вся гора пошатнулась, и потолок пещеры с громовым треском просел. Тонны камня обрушились вниз, похоронив под собой все следы Пещеры Духов и навеки закрыв вход в подземелье.

Джон Рейнольдс медленно побрел прочь. Неожиданно весь ужас случившегося разом обрушился на него, словно ледяная волна. Ему показалось, что земля у него под ногами раскачивается. Почти зашедшее солнце выглядело мерзким и кошунственным. Его свет был тошнотворным и злым. Все казалось отравлено нечестивым знанием, что подарили ему твари подземелья.

Он навеки закрыл единственную дверь, ведущую в мир ужасных тварей, но какие другие кошмары могли скрываться в потаенных местах и темных недрах земли, злорадствуя над душами людей? Тайна, которой обладал Рейнольдс, — злоеущее кошунство над природой, — как понял Джон, никогда не даст ему покоя. Ему всегда будет казаться, что стоит лишь прислушаться, и он снова различит тихий бой барабанов, доносящийся из подземелий, где таятся демоны, некогда бывшие людьми. Рейнольдс возненавидел подземную мерзость, и то, что он узнал в глубинах земли, легло несмываемым пятном на его душу. Воспоминания о том, что он увидел, никогда больше не позволят ему предстать перед другими, «чистыми» людьми или без содрогания прикоснуться к телу любого другого живого существа. Если человек, созданный по образу и подобию Бога, смог опуститься до таких глубин непристойности, то какова же будет его дальнейшая судьба? Если существовали такие твари, как Древний Народ, то какие еще другие ужасы могли таиться под землей? Рейнольдс неожиданно понял, что ему довелось на мгновение увидеть ухмыляющийся череп под маской Жизни и теперь это превратит всю его дальнейшую жизнь в нестерпимую муку. Все понятия об устройстве мира были сметены. Их сменил хаос безумия и ужаса.

Джон Рейнольдс вынул револьвер и взвел боек неловким движением большого пальца. Приставив дуло к виску, он нажал на спусковой крючок. Грохот выстрела эхом прокатился по горам, и последний из Рейнольдсов ничком рухнул на землю.

Прискакавший галопом обратно при звуке взрыва старый Джонас Мак-Крилл нашел его там, где он упал, и подивился тому, что лицо Рейнольдса теперь больше напоминало маску глубокого старца, а волосы были белы как снег.

СЕРДЦЕ СТАРОГО ГАРФИЛДА

К

огда я сидел на веранде, прихрамывая, вошел мой дед. Опустился на мягкое сиденье любимого стула и начал набивать трубку из кукурузного початка.

— Я думал, ты на танцы собираешься, — сказал он.

— Жду Дока Блэйна, — ответил я. — Мы договорились вместе поехать к старику Гарфилду.

Некоторое время дед посасывал трубку, а затем вновь пода! голос:

- Что, у старого Джима дела плохи?
- Док говорит, никаких шансов.
- Кто за ним присматривает?
- Джо Брэкстон, хотя Гарфилд не хочет, чтобы с ним нянчились.

Дед шумно попыхивал трубкой, любуясь, как над холмами резвятся молнии. Потом вымолвил:

— Ты ведь думаешь, старый Джим — первый враль во всей округе, точно?

— Он мастак травить байки, — кивнул я. — Но события, в которых он, якобы, участвовал, случились задолго до его рождения.

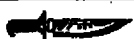
— До тысяча восемьсот семидесятого я жил в Теннесси, — вдруг сказал дед, — а потом перебрался в Техас и видел, как город Лост-Ноб вырос прямо-таки на пустом месте. Когда я приехал, здесь не было даже фактории, но старина Джим Гарфилд уже обретался там же, где и сейчас, только в бревенчатой хижине. И сегодня я б ему не дал больше лет, чем при первой нашей встрече.

— Ты никогда об этом не рассказывал, — удивился я.

— Боялся, ты сочтешь это стариковскими бреднями, — пояснил он. — В наших краях старина Джим — первый белый поселенец. Построил себе хижину к западу от границы, в добрых пятидесяти милях. Один Бог знает, как ему удалось выжить, — в холмах тогда было полно команчей.

Помню, как мы познакомились. Даже в ту пору все называли его старина Джим.

И помню, как он рассказывал те же истории, что и тебе потом. Как в молодости он сражался под Сан-Джасинто и ездил по прериям с Ивеном Камен-

роном и Джеком Хайесом. Только я верю ему, а ты — нет.

— Но это же было так давно... — возразил я.

— Последний раз индейцы нападали в тысяча восемьсот семьдесят четвертом, — погрузился в воспоминания дед. — Мы им дали отпор, и без старого Джима тоже не обошлось. Я видел, как он с семисот ярдов из бизоньего ружья сшиб с мустанга старика Желтого Хвоста.

А еще до того мы с Джимом били краснокожих в верховьях Локуст-Крика. Отряд команчей пропелся по Мескиталю, поджигая фермы и убивая всех подряд, а потом стал отходить по холмам вдоль Локуст-Крика. Но наш разведчик наступал индейцам на пятки, и вечером мы их настигли на мескитовой равнине. Семерых уложили, а остальные бросили коней и удрали через кустарник. Но и мы потеряли троих парней, а Джима Гарфилда команч достал пикой.

Рана была жуткая. Он лежал как мертвец. Никто из нас не верил, что с такой дырой в груди можно выжить. Но тут вдруг из кустов вышел старый индеец, а когда мы его взяли на мушку, он жестом дал понять, что настроен мирно, и заговорил по-испански. Невероятно, но ребята, разгоряченные погодой и стрельбой, озлобленные потерями, не тронули его — что-то в его облике нас остудило. Он сказал, что он не команч, что хочет помочь Гарфилду — своему старому другу. Он убедил нас перенести Джима в заросли мескита и оставить с ним наедине. До сих пор не могу понять, почему мы его послушались. То был настоящий кошмар: раненые стонут и просят воды, кругом валяются покойники с выпученными глазами, и нет никакой уверенности в том, что индейцы не вернутся, когда совсем стем-

неет. Вдобавок устали кони... Короче говоря, пришлось разбить лагерь.

Всю ночь мы не смыкали глаз, но команчи так и не появились. Не знаю, что произошло в меските, где лежал Джим Гарфилд, я ведь никогда больше не встречал того странного индейца. Но всю ночь я слышал диковинные стоны, вовсе не похожие на стоны умирающего, и сова ухала от полуночи до самого рассвета.

А на заре из мескита вышел Джим Гарфилд — бледный, изможденный, но живой, а рана в его груди уже затянулась и начала зарубцовываться. Впоследствии он никогда не упоминал ни об этой ране, ни о той стычке, ни об индейце, который так загадочно появился и исчез. И с тех пор Джим совсем не постарел, сейчас он выглядит точь-в-точь как тогда — лет на пятьдесят, не больше.

Наступила тишина. Внезапно с дороги донесся рокот мотора и два луча фар пронзили сумерки.

— Это Док Блэйн, — сказал я. — Вернусь — расскажу про Гарфилда.

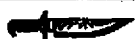
Мы ехали три мили среди вереска, которым поросли холмы между Лост-Нобом и фермой Гарфилда. Док Блэйн высказал мне свои соображения:

— Будет чудом, если мы его застанем живым. — Он недоуменно покачал головой. — После такого падения... В его возрасте невредно как следует подумать, прежде чем объезжать молодого коня.

— Он не похож на старика, — заметил я.

— Мне скоро полвека стукнет, — сказал Док Блэйн. — Я с ним познакомился совсем мальцом, а ведь ему тогда было не меньше пятидесяти. Внешность обманчива.

Жилище Гарфилда напоминало о прошлом. Доски приземистого дома никогда не знали краски.

Изгородь вокруг сада и корраль были сколочены из брусьев.

Джим Гарфилд лежал на грубой кровати. За ним умело ухаживал человек, нанятый Доком Блэйном вопреки протестам старика. Посмотрев на Джима, я снова поразился его невероятной живучести. Он был сутулым, но не сгорбленным, на руках проглядывали упругие мышцы. На лице, хоть и искаженном мукой, угадывалась природная твердость характера. В глазах, остекленевших от боли, я увидел неутолимую жажду жизни.

— Он бредит,— равнодушно сказал Джо Брэкстон.

— Первый белый на этой земле...— невнятно бормотал Джим.— На холмах, где никогда прежде не ступала нога белого человека... Слишком стар... Пришлось поселиться здесь. Не сняться с насиженного места, как в былые годы... Осесть тут... Хорошая была страна... до скотоводов и скваттеров. О такой стране мечтал Ивен Камерон... Его застрелили мексиканцы. Проклятие!

Док Блэйн сокрушенно покачал головой:

— У него все кости переломаны. До утра ему не дожить.

В этот момент Гарфилд неожиданно поднял голову и посмотрел на нас ясными глазами.

— Ошибаешься, Док,— проговорил он, задышавшись; в груди у него свистело.— Я выживу. Что такое сломанные кости и скрученные кишки? Пустяки! Важно лишь сердце. Пока сердце стучит, человек живет. А мое — стучит. Послушай! Чувствуешь?

Он с трудом нашупал запястье Дока Блэйна, прижал его ладонь к своей груди и с надеждой взгляделся в лицо доктора.

— Правда, мощный мотор? — прохрипел он. — Надежнее бензинового.

Блэйн дал мне знак приблизиться.

— Потрогай. — Он пристроил мою ладонь на обнаженную грудь старика. — Сердце замечательное.

В свете керосиновой лампы я заметил мертвенно-бледный шрам, как от кремневого копья. Я положил руку прямо на шрам, и с моих губ сорвалось невольное восклицание.

Под ладонью билось сердце старого Джима Гарфилда, и впервые в жизни я обнаружил, что человеческое сердце способно биться с такой поразительной силой. Даже ребра вибрировали от его ударов, больше похожих на работу динамо-машины, чем на деятельность человеческого органа. Я почувствовал, как удивительная жизненная сила перелилась из его груди в мою ладонь и ползла по руке вверх, пока мне не начало казаться, что ему вторит мое собственное сердце.

— Я не могу умереть, — задыхался старый Джим. — Не могу, пока сердце бьется в груди. Меня можно убить только пулей в голову. И даже тогда я не буду по-настоящему мертв, до тех пор, пока бьется сердце... Хоть оно и не мое. Да, не мое. Оно принадлежит Человеку-Призраку, вождю липанов. Это сердце божества, которому поклонялись липаны, пока их не прогнали команчи с родных холмов.

С Человеком-Призраком я познакомился на Рио-Гранде, я там был с Ивеном Камероном. Однажды я спас вождя липанов от мексиканцев, и с тех пор мы связаны необыкновенными узами, их никто не видит и не чувствует, кроме нас двоих. Он пришел, когда узнал, что я нуждаюсь в нем — после той схватки в верховьях Локуст-Крика, где мне достался этот шрам.

Я был мертв — мертвее некуда. Мое сердце разрезали напополам, как бизонье после удачной охоты. Всю ночь мой должник колдовал, вызывал мой призрак из страны духов. Я немного помню тот путь. Было темно, я несея сквозь серую дымку и слышал, как рядом, в тумане, причитают умершие. Но Человек-Призрак вывел меня обратно.

Он вынул то, что осталось от моего смертного сердца, и вложил в мою грудь сердце бога. Но оно принадлежит ему, и он придет за ним, когда все будет кончено. Только оно и поддерживает во мне жизнь, только оно и дает мне силы, достойные мужчины. И время надо мной не властно. И пускай дураки называют меня старым брехуном, какое мне дело? Я-то знаю, что это правда. Слышите?

Его ногти глубоко впились в запястье Дока Блэйна. Глаза — удивительно молодые глаза на морщинистом лице — гневно сверкнули под кустистыми бровями.

— И все-таки, если нелепая случайность оборвет мою жизнь... сейчас или потом... Пообещайте... что разрежете мне грудь и вынете сердце Человека-Призрака. Оно принадлежит ему. И пока оно бьется в груди, мой дух привязан к телу, он никуда не денется, даже если череп расколоть, как орех. Живое сердце в гниющем теле... Обещайте!

— Хорошо, обещаю, — кивнул Док Блэйн, и Джим откинулся на подушку со свистящим вздохом облегчения.

Он пережил ту ночь. Не умер и на другую, и на третью.

Следующий день остался у меня в памяти потому, что я подрался с Джеком Кирби.

Люди многое прощают хулиганам, потому что не желают проливать кровь. Поскольку никто не

взял на себя труд пристрелить Кирби, он возомнил себя грозой округи.

Он сторговал бычка у моего отца, а когда тот пришел за деньгами, подонок соврал, что уже отдал деньги мне. Я нашел Кирби в притоне бутлегеров, он хвастал, какой он крутой, и грозился выколотить из меня признание, что деньги заплачены, но я их прикарманил. Услышав это, я взбесился и набросился на него. Винтовкой, как дубиной, я врезал ему по физиономии, по шее, груди и животу. Наверное, прикончил бы, если б меня не оттащили.

На предварительном слушании меня обвинили в покушении на жизнь и назначили срок суда. Кирби был злопамятен, как и полагается типичному хулигану из западного штата, и, когда малость поправился, дал клятву отомстить мне. Уж не знаю почему, но он гордился своей «красотой», а я ее то и дело портил.

И когда Джек Кирби выздоровел, старик Гарфилд тоже встал на ноги, к удивлению всех, и Дока Блэйна в частности.

Помню, как-то ночью Док Блэйн снова позвал меня на ферму Джима Гарфилда. Я сидел тогда в кабаке Шифти Корланса — мужественно накачивался бурдой, которую он называл пивом, в слабой надежде захмелеть. Тут пришел Док Блэйн и спас меня от этой пытки.

Когда мы тряслись по старой извилистой дороге в машине Дока Блэйна, я спросил:

— Почему ты так настаивал, чтобы я поехал с тобой? Это ведь не профессиональный вызов, я правильно понял?

— Правильно, — ухмыльнулся он. — Старину Джима даже кувалдой не убить. С такими переломами даже бык околеет, а Джим ничего, оклемался. Во-

обще-то дело в том, что Джек Кирби сейчас в Лост-Нобе. Клянется, что пристрелит тебя, как только увидит.

— А, черт! — вспыхнул я. — Теперь все решат, что я удрал из города, потому что струсил. А ну, живо поворачивай и вези меня назад!

— Ну-ну, не пори горячку, — сказал Док. — Все знают, что ты не боишься Кирби. Его уже никто не боится. Ты всем показал, какой он слабак, вот он и алобстует. Но сейчас лучше его не трогать, ведь скоро суд.

Я засмеялся.

— Ладно, если я ему в самом деле нужен, он меня найдет и у старины Гарфилда. Шифти Корлан слышал, как ты меня уламывал. А Шифти ненавидит меня с прошлой осени, когда я перехватил у него приз на скачках. Он скажет Кирби, где меня искать.

— Я об этом не подумал, — встревожился Док Блэйн.

— К черту, забудь, — посоветовал я. — У Кирби кишка тонка стрелять, он только кулаками махать умеет.

Но я ошибся. Заденьте тщеславие задиры, и вы поймете, что это его больное место.

Когда мы приехали, старина Джим еще не ложился. Он сидел в комнате, которая служила одновременно гостиной и спальней, курил трубку из кукурузного початка и пытался читать газету при свете керосиновой лампы. Все окна и двери, в том числе и дверь на просевшую веранду, были распахнуты настежь (Джим не любил духоту), но насекомые, что роились вокруг лампы, казалось, совсем не досаждали ему.

Мы сели и поговорили о погоде (что вовсе не пустая болтовня в краю, где хлеб насущный зависит от

милосердия солнца, дождя и ветра). Потом разговор перескочил на другое, и вскоре Док Блэйн откровенно выложил то, что вертелось у него в голове.

— Джим,— сказал он.— Той ночью, когда я думал, что ты вот-вот дашь дуба, ты нес всякую чепуху про свое сердце и индейца, который тебе его одолжил. Ты ведь бредил, да?

— Нет, Док,— посасывая трубку, сказал Гарфилд.— Это святая правда. Человек-Призрак, жрец Бога Ночи, заменил мое мертвое, рассеченное сердце святыней племени липанов. Я и сам не знаю, что это за бог,— вождь говорит, он из дальних краев и очень старый,— но он может некоторое время обойтись без сердца. Когда же я умру — разможжу себе голову так, что погибнет разум,— надо будет вернуть сердце Человеку-Призраку.

— Так значит, ты всерьез просил, чтобы тебе вырезали сердце? — произнес Док Блэйн.

— Еще бы не всерьез,— вздохнул Гарфилд.— Живое в мертвом противно природе. Так сказал Человек-Призрак.

— Что за дьявол этот Человек-Призрак?

— Я же говорил. Липанский шаман, его племя жило в этой стране до того, как пришли команчи со Стейкед-Плейнз и прогнали их на юг, на ту сторону Рио-Гранде. Я дружил с ними. По-моему, они уже все вымерли, остался только Человек-Призрак.

— Он жив? Сейчас?

— Не уверен,— признался Джим.— Я не знаю, был ли он жив, когда пришел ко мне после драки у Локуст-Крика, и даже раньше, когда я встречался с ним на юге. Конечно, слово «живой» я использую в привычном для нас смысле.

— Что это за звук? — обеспокоенно спросил Док Блэйн, и тут у меня зашевелились волосы на

затылке. Снаружи были тишина, звезды и черные призрачные тени дубов. Лампа отбрасывала на стену причудливую тень Гарфилда, совсем не похожую на человеческую, а его слова звучали, как в кошмарном сне.

— Я знал, что ты не поймешь, — вздохнул Джим. — Я и сам себя не понимаю, и не всегда удается словами описать то, что я чувствую и осознаю не умом, а сердцем. Липаны были в родстве с апачами, а апачи переняли удивительные знания племени пуэбло. Человек-Призрак *был* — не знаю, живой или мертвый, — но он *был*. Да что там, он *есть*!

— Кажется, кто-то из нас сошел с ума, — предположил Док Блэйн.

— Хорошо, — сказал Джим. — Я тебе кое-что открою. Человек-Призрак был знаком с Коронадо.

— Совсем спятил, — пробормотал Док Блэйн. Потом он поднял голову. — Что это?

— Конь сворачивает с дороги, — сказал я. — Похоже, останавливается.

Я подошел к двери, как дурак; свет керосиновой лампы очертил мой силуэт. Мелькнула большая тень, и я сразу понял, что она принадлежит всаднику. И тут Док Блэйн воскликнул:

— Осторожно! — и бросился ко мне, ударил в спину, повалил на пол.

В тот же миг я услышал грохот ружейного выстрела. Старина Гарфилд крикнул и повалился со стула.

— Это Джек Кирби! — вскрикнул Док Блэйн. — Он убил Джима!

Под стук удаляющихся копыт я вскочил на ноги, сорвал со стены охотничье ружье старого Джима, безрассудно выскочил на веранду и выпалил из обоих стволов в убийцу, смутно различимого в свете

звезд. Дробь была слишком мелка, чтобы убить, но она ужалила коня. Тот прынул в сторону, сломал ограду и помчался через сад. Всадник, налетев на ветви персиковых деревьев, не удержался в седле, грянулся оземь и больше не шевелился. Я подбежал и склонился над ним. Да, это был Джек Кирби, и ему не повезло — его шея сломалась, как гнилой сук.

Я побежал к дому. Док Блэйн притащил с веранды скамейку и теперь укладывал на нее старину Гарфилда. Никогда еще я не видел у Дока такой бледности на лице. Джим выглядел еще хуже: в него выстрелили из старого ружья калибра 0,45—70, и с близкого расстояния тяжелая пуля вдребезги разнесла макушку. Лицо было перепачкано кровью и мозгом. Да, что и говорить, не вовремя бедолага оказался за моей спиной.

Док Блэйн дрожал, хотя к такой картине ему было не привыкать.

— Думаешь, умер? — спросил он.

— Это тебе решать, — ответил я, — но даже дураку понятно, что он мертв.

— Он мертв, — произнес Док Блэйн сдавленным голосом. — Уже началось трупное окоченение. Но послушай сердце!

Я последовал его совету и вскрикнул. Кожа была уже холодной и липкой, но под ней — точно динамо-машина в опустевшем доме — все еще равномерно колотилось необыкновенное сердце. По жилам больше не текла кровь, но сердце знай себе пульсировало, как сама Вечность.

— Живое в мертвом, — прошептал Док Блэйн, на его лбу выступил холодный пот. — Да, это вопреки природе. Думаю, надо выполнить обещание. Беру ответственность на себя. Все это слишком чудовищно, чтобы просто уйти и забыть.

Инструментами нам служили мясницкий нож и пила. Снаружи лишь звезды светили на черные дубы и на покойника в саду. Внутри мерцала старая лампа, и странные тени дрожали и корчились в углах. На полу блестела кровь, и страшен был изуродованный мертвец на скамейке. Только скрежет ребер под пилой нарушал гробовую тишину, да за окнами вдруг таинственно заушала сова.

Док Блэйн погрузил кровавую руку в распиленную грудь покойника и извлек на свет лампы красный пульсирующий орган. Со сдавленным криком Док отшатнулся, предмет выскользнул из его пальцев и упал на стол. Я тоже не удержался от крика. Потому что сердце не шлепнулось со звуком, подобающим куску мяса. Оно тяжело стукнулось о дерево.

Повинуясь непреодолимому порыву, я наклонился и поднял сердце старины Гарфилда. На ощупь оно было хрупкое, неподатливое, как сталь или камень, но более гладкое. Размерами и формой оно не отличалось от человеческого сердца; темно-красная поверхность отражала свет лампы, подобно драгоценному камню, и сверкало даже ярче рубина. И пульсировало. Да, оно билось на ладони, посылая волны энергии по моей руке, и вскоре мое собственное сердце завибрировало, забилося в том же мощном ритме. Я ощущал космическую силу, которая была вне моего понимания; она исходила из сердца, похожего на человеческое.

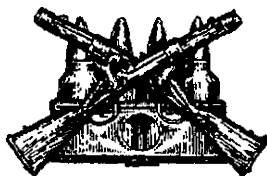
«Динамо жизни,— пришла мне в голову мысль.— От него до бессмертия — всего один шаг. Лишь такое бессмертие и возможно для слабого, уязвимого человеческого тела». Моя душа тянулась к этому неземному блеску, и я вдруг страстно возже-

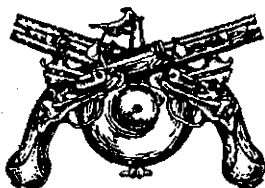
лал, чтобы сердце Бога Ночи стучало и вибрировало в моей собственной груди, на месте жалкого сердца из мышечной ткани.

Док Блэйн издал придушенный возглас. Я повернулся.

Его шаги звучали не громче шепота ночного ветерка на кукурузном поле. Он остановился в дверном проеме — высокий, темный, таинственный индеец-воин в раскраске, головном уборе из перьев, в старинных леггинсах и мокасынах. Его темные глаза казались отражениями костров в бездонном ночном озере. Он молча протянул руку, и я положил в нее сердце Джима Гарфилда. Потом он без единого слова повернулся и неслышно ушел в ночь. Через секунду мы с Доком Блэйном выбежали из дома, но он уже успел исчезнуть, подобно призраку в ночи, и только птица, похожая на сову, промелькнула на фоне восходящей луны.

ТЕНЬ ЗВЕРЯ

Н

ачалом этой мрачной истории послужил револьверный выстрел.

Один человек рухнул с пуль в груди, другой — стрелявший — обратился в бегство, выкрикнув на прощание несколько грязных, угрожающих слов.

Пока девушка стояла ни жива ни мертва от страха и горя, спина негодяя, широкая и сутулая, как у гигантской обе-

зьяны, замелькала среди деревьев на краю лагеря.

И часа не прошло, а хмурые и решительные люди с ружьями уже отправились прочесывать сосновый лес, и грозная эта охота затянулась до ночи. Тем временем жертва беглеца металась в бреду.

— Сейчас он попритих; надеюсь, выживет, — сказала Джоан, когда наконец вышла из комнаты, где лежал ее младший брат. Она устало опустила на стул и дала волю слезам.

Я сидел рядом и успокаивал ее, как ребенка. Я любил ее, и она отвечала взаимностью. Повинуясь голосу любви, я променял ранчо в Техасе на лагерь лесорубов, где ее брат вел дела своей компании.

В лагерь я вернулся через час после выстрела и уже не застал отряда мстителей.

— Расскажи обо всем подробно, — попросил я. — Я ведь почти не знаю, что стряслось.

— Что тут рассказывать? — апатично произнесла Джоан. — Этого человека зовут Джо Кэгл, он плохой в любом смысле этого слова. Я дважды замечала, как он подглядывал в мое окно, а нынче утром он выскочил из-за штабеля бревен и схватил меня за руку. Я подняла крик, Гарри прибежал и огрел его дубиной. Кэгл выстрелил в моего брата, а перед тем, как убежал, пообещал отомстить и мне. Он как дикий зверь, ей-богу!

— Что он тебе сказал? — Я невольно сжал кулаки.

— Что доберется до меня, когда ночь потемнее выдастся. — С фатализмом в голосе, который и удивил, и огорчил меня, она добавила: — И он это сделает. Когда такой мерзавец добывается девушки, его ничем не остановить. Разве что пулей.

— Пулей так пулей, — хрипло пробормотал я и встал. — Пойду разыщу ребят. А ты до нашего воз-

вращения не выходи из дому. Утром Джо Кэгл будет не опасен девушкам.

Оставив Джоан у ложа брата, я вышел за порог и встретил одного из наших парней. Он споткнулся в потемках о корень и подвернул ногу — пришлось вернуться в лагерь на одолженном коне.

— Пока — ни единого следа, — ответил он мне. — Мы обыскали сосняк вокруг лагеря, и теперь ребята цепью движутся к болоту. У Джо нет ни коня, ни харчей, — далеко он уйти не мог, а наши почти все верхом. Он ведь хитрый, что твоя зверюга, даже с виду — настоящая горилла. Как пить дать, на болоте схоронился, там ведь неделями отсиживаться можно. Да и где ж ему еще быть, ведь мы тут кругом все обшарили, я тебе уже говорил. Не в Гиблой же усадьбе...

— А почему бы и не там? И где она, усадьба эта?

— Старый тракт знаешь? Ну, тот, по которому раньше лес вывозили? Это на нем, милях в четырех отсюда. Но Кэгля там искать — только время терять. Никто из наших и близко не подойдет к усадьбе, хоть ты режь его. Вона, лет пять назад один парень десятника прикончил, а потом дал деру по Старому тракту. Целая толпа за ним гналась, и что ты думаешь? Как добежал до Гиблой усадьбы, поворотил назад и сдался. Нет, голуба моя, хоть на что поспорю, Джо Кэгл к усадьбе на выстрел не приблизится.

— Почему у этой усадьбы такая худая слава? — поинтересовался я.

— В ней вот уже лет двадцать никто не живет. Последний, кто там селился, как-то ночью вылетел из верхнего окна и сломал себе шею. Потом один путешественник, совсем еще мальчишка, побился об заклад, что переночует в усадьбе, а утром друзья

нашли возле дома его труп с разбитым черепом. Как раз в ту ночь проезжал там один местный мужичок, так он клянется, что слышал жуткий вопль и видел, как мальчишка летел со второго этажа. А что там дальше было, мужичок не знает, потому как задерживаться ему не захотелось. Но вообще-то Гиблой усадьбой этот дом прозвали еще раньше...

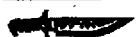
Но мне уже наскучила байка о привидениях. Такой уж я человек — не люблю сказки, особенно длинные и глупые. На Юге почти в любом городке или его окрестностях обязательно найдется своя «гиблая усадьба», а уж легенд, с нею связанных, и не счесть.

Я перебил лесоруба, осведомившись, в какой стороне искать отряд, а затем взял с него обещание позаботиться о Джоан до моего возвращения. После чего уехал на его коне.

— Не заблудись, — громко напутствовал меня лесоруб. — В наших соснах чужаку запутаться — раз плюнуть. Ищи огни — у парней факелы. И держись подальше от Старого тракта.

Легким галопом конь вынес меня на обочину дороги, что просекала лес в нужном мне направлении, и я натянул поводья. Под прямым углом от этой дороги уходила другая — знававшая лучшие времена, а ныне едва различимая. Тот самый Старый тракт, пообочь которого стоит Гиблая усадьба.

Я колебался. Ибо, в отличие от других лесорубов из нашего лагеря, вовсе не был уверен, что Джо Кэгл как чумы боится этого местечка. Чем больше я об этом думал, тем чаще задавался вопросом: где, если не в Гиблой усадьбе, укрыться беглому преступнику от суеверных мстителей? Как ни крути, Кэгл — парень необыкновенный, сущий дикарь, бестия в человеческом обличье. По части

ума настолько примитивен, что вряд ли способен разделять местные предрассудки. Так отчего бы этому негодяю не спрятаться там, где его будут искать в последнюю очередь? Уж коли он не убоился нашего возмездия, разве испугается каких-то баск о привидениях? Если и вспомнит их, то со зверской ухмылкой на физиономии.

Решившись наконец, я повернул коня и поскакал по Старому тракту.

Уж не знаю, сыщется ли во всем мире лес мглистее, чем тот ночной сосняк. Надо мною, точно базальтовые утесы, высились безмолвные деревья, затмевали собою звезды. Под стать мраку была и тишина; лишь шелестел в ветвях призрачный ветерок да ухала вдали сова. Могильный покой ночной чащобы камнем давил на плечи; мнилось, будто со всех сторон ко мне подкрадываются духи болот — извечных, непримиримых, первобытных врагов рода человеческого, болот, чья топкая, смрадная, бездонная алчность — по сей день преграда нашей хваленной цивилизации. Тут в любые байки поверишь... Стоит ли удивляться, что по Югу бродят сонмища слухов о черной магии и обрядах вуду, о мистических преступлениях, творимых в этих темных лесах? Так и ждешь, что вот-вот впереди грянет тамтам и глазам откроется поляна с прыгающими, пляшущими вокруг костра нагими дикарями.

Я пожал плечами и тряхнул головой — прочь, нелепые мысли! Если и случаются в этом лесу тайные шабашы поклонников вуду, то уж всяко не сегодня, когда целый отряд злых и решительно настроенных парней прочесывает болото.

Конь мой вырос в лесу и ступал во мраке уверенней дикой кошки; путь он держал отлично и без моей помощи. А я напрягал слух и все остальные

чувства — не выдаст ли себя беглец? Но никто не подкрадывался ко мне по кустарнику; тишина стояла поистине гробовая. Я знал, что Джо Кэгли вооружен и терять ему нечего. Вдруг подстерегает в засаде? Что, если через секунду-другую выскочит на дорогу и выпалит? Впрочем, этого я не особо страшился. В такой темноте он видит не лучше моего, так что в перестрелке шансы у нас будут равны. А уж если дойдет до рукопашной... Во мне двести пять фунтов, и это в основном кости и сухожилия. Вдобавок жизнь на техасском ранчо — это вам не малина, что-то, а драка там не редкость. В том числе и со смертельным исходом. По правде говоря, меня так взбесила прощальная угроза Джо Кэгля, что я утратил всякую осторожность, даже мысли не допускал, что эта подлая человекообразная обезьяна способна меня одолеть. Попадись только — в отбивную превращу!

До Гиблой усадьбы, наверное, было уже рукой подать. О времени я мог судить лишь приблизительно. На востоке сквозь кроны сосен просачивался убогий свет — поднималась луна.

И тут вдруг где-то впереди часто захлопало — и снова, как непроглядный туман, сгустилось беззвучие. Я натянул повод, жеребец застыл как вкопанный. Спешить не стоило. По-моему, стрелял лишь один револьвер. Никто не отвечал на огонь. Что же стряслось там, в этой злобещей мгле? Может, эти выстрелы оборвали подлую жизнь Джо Кэгля, или на спусковой крючок давил его палец? Что ж, выяснить можно — но лишь одним способом.

Я двинул коня пятками, и он понес меня легким аллюром.

Через несколько секунд я оказался на широкой поляне, посреди нее высилась, заслоняя звезды,

мрачная хоромина. Гиблая усадьба! Так вот она какая...

Сквозь хвою текло призрачное лунное серебро, на поляне чернели тени и блуждал непоседливый ведьмин огонь. Света хватало, чтобы разглядеть дом — обветшалый особняк в старом колониальном стиле. Несколько секунд я не шевелился в седле, перед мысленным взором вставали картины былой славы — обширные плантации, чопорные южные полковники, прекрасные дамы в шелках, пышные балы, разудалые охоты...

Все легло под косой Гражданской войны, все стинуло без следа. На плантациях выросли сосны, галантные кавалеры и очаровательные дамы давно лежат в безымянных могилах, особняк — во власти забвения и тлена...

Что за таинственное зло поселилось в его темных и пыльных залах, где сплужут мыши и выют гнезда совы?

Я спрыгнул с коня, и он в тот же миг заржал и вскинулся на дыбы, рванув поводья из моих рук. Поймать их я не успел — он повернулся и галопом ускакал в лес, исчез во мраке, точно тень гоблина. От неожиданности я утратил дар речи — так и стоял и слушал утихающую дробь копыт, а холодный ветерок забирался под одежду и гнал мурашки вдоль позвоночника. Не больно-то приятно, скажу я вам, в такой ситуации лишиться пути к отходу.

Впрочем, от опасности я бегать не привык. Отважно подошел к просторной веранде с тяжелым револьвером в одной руке и негорящим фонариком в другой. Надо мной высились массивные колонны; дверь поскрипывала на сломанных петлях. Я включил фонарь, мазнул лучом по широкому коридору, но заметил только пыль и гниль.

Я погасил фонарик и осторожно вошел. Пока стоял в коридоре, привыкая к мраку, сообразил, что действую крайне безрассудно. Если в этом здании прячется Джо Кэгл, ему надо лишь дождаться, когда я снова зажгу фонарик, и хорошенько нашпиговать меня свинцом.

Но тут я снова вспомнил, как он угрожал Джоган, — бедняжка, она ведь не сомневается, что мерзавец выполнит свое обещание. Прочь колебания! Если Джо Кэгл — в этом доме, тут ему и конец.

Я твердым шагом направился к лестнице. Инстинкт подсказывал, что преступник — если он здесь — затаился где-то на втором этаже. Я двинулся вверх и вскоре очутился на лестничной площадке, залитой лунным светом из окна. Половицы укрылись под толстым слоем пыли — похоже, его лет двадцать не тревожила ничья стопа. Доносился шелест крыльев летучих мышей и звуки мышины возни. Напрасно я высматривал на ступеньках отпечатки чужих ног. Впрочем, логика подсказывала, что в этом доме не одна лестница. Забраться в дом можно и через окно.

Вот и коридор — сущий лабиринт из зловещих черных теней и прямоугольников лунного света, льющегося в окна. И ни звука помимо моей поступи, приглушенной ковром из пыли. Я оставлял позади комнату за комнатой, но луч фонаря показывал только заплесневелые стены, просевшие потолки и ломаную мебель. И вот наконец, почти в конце коридора, обнаружил я затворенную дверь. Я засыл как вкопанный, нервы натянулись, точно струны, сердце забухало. Необъяснимое чутье подсказало: за дверью что-то таинственное, грозное... Не сразу решился включить фонарик. Посветил вниз: слой пыли под дверью нарушен! Остался клиновид-

ный след — дверь отворяти совсем недавно. Я осторожно надавил на ручку, ее скрежет заставил меня поморщиться. А ну как Джо пальнет на звук? Воцарилась тишина. Я рывком распахнул дверь и метнулся вбок.

Выстрела не последовало. Вообще ни звука...

Я вернулся к двери, с револьвером на изготовку присел на корточки и напряг зрение. В ноздрях слегка защипало от едкого запаха — пороховой дым. Не из этой ли комнаты донеслись хлопки выстрелов, когда я подъезжал к дому?

Лунный свет падал на растресканный подоконник, на захламленный пол. Ближе к центру комнаты лежало нечто темное, очертаниями напоминающее человека. Я переступил через порог, прошел в середину комнаты, нагнулся, осветил. Луч упал на запрокинутое лицо. У Джоан больше нет причины бояться Джо Кэгля, ибо мертвецы не способны выполнять свои угрозы.

Рядом с его вытянутой рукой лежал револьвер. Я поднял его, заглянул в барабан — только пустые гильзы. А на теле — ни одной раны. В кого же он стрелял? И кто с ним разделался? Я еще раз посмотрел ему в лицо и понял, отчего он умер. Как-то раз я видел глаза человека, укушенного гремучей змеей, — тот бедолага скончался раньше, чем подействовал яд. Сердце не выдержало ожидания неминуемой смерти. У Кэгля отпала челюсть, мертвые глаза были круглы от ужаса. Мыслимое ли дело — напугать до смерти этого сорвиголову? Кем надо быть, чтобы... При этой мысли по лбу моему потекла струйка холодного пота, а волосы на затылке встали дыбом. Я вдруг до жути явственно ощутил безмолвие и мрачность этого гиблого места, где очутился в полуночный час...

В глубине дома запищала крыса, я вздрогнул и обернулся. Глянул назад — и оцепенел. На стене, залитой лунным светом, промелькнула тень. Я повернулся лицом к двери, едва устояв на ватных ногах. В проеме — пусто. Побежал к другой двери, захлопнул ее за собой...

И замер. Меня трясло. Ни звука, кроме частого клацанья моих зубов. Кто остановился на долю секунды в коридоре за моей спиной, чья тень упала на стену? Колени подкашивались, безотчетный страх проникал в самую душу. Кто же это был? Беглый каторжник? Не самая приятная мысль, но в тот момент я бы предпочел иметь дело с бандитом или безумцем. Ибо кратчайшего взгляда на тень хватило, чтобы заподозрить: в коридоре был кто-то жуткий, отвратительный... Нелюдь!

Комната, в которой я оказался, тоже примыкала к коридору. Я двинулся к выходу, но остановился при мысли, что таинственный обитатель Гиблой усадьбы, возможно, затаился где-то там, во мгле. И тут передо мной со скрипом отворилась дверь...

Никого.

Кровь заледенела в жилах, когда на пол легла чудовищная тень и поползла ко мне. Очень четкая, очень густая тень на залитом лунным светом полу. Она казалась живой, она корчилась, силилась дотянуться до моих ног. Но никто не стоял в дверном проеме!

Я кинулся к другой двери, что вела в соседнюю комнату. Но и она примыкала к коридору — несомненно, он шел вдоль всех комнат второго этажа. У меня зуб на зуб не попадал, револьвер, зажатый в потной руке, дрожал, как осиновый лист. Казалось, под потолком разносится эхо ударов моего сердца. Господи, что за демон охотится

за мной в этих комнатах? Разве бывают тени у пустоты?

Безмолвие висело, как болотный туман; луна серебряными лучами рисовала узоры на полу. В двух комнатах от меня лежал человек, увидевший тварь столь жуткую, что сердце его не выдержало потрясения. А теперь я — один на один с неведомым чудовищем.

Что это? Скрип ржавых дверных петель? Я вжался в стену, поджилки затряслись. Дверь, через которую я только что вбежал, медленно отворялась! В комнату хлынул ветер, дверь распахнулась настежь. Вот сейчас я увижу в проеме силуэт чудовища...

Никого. В этой комнате, как и во всех предыдущих, на стене — бледный прямоугольник: лунный свет падает из коридора через дверной проем. Если невидимка идет от двери соседней комнаты, луна не светит ему в спину. Но бесформенная тень все-таки скользит по освещенной стене! И вдобавок растет — не иначе, ее хозяин приближается. Наконец-то я разглядел ее очертания! Она принадлежала крупному, коренастому существу; шея вытянута вперед, спина сутулая, руки висят плетью. Было в ней что-то человеческое, но нечеловеческого куда больше.

Да, все это я узнал по контурам приближающейся тени, но так и не увидел ее источника. И тут меня объял ужас. Снова и снова жал я на спусковой крючок, посылая в дверной проем пулю за пулей, заполняя дом громовыми раскатами и пороховым дымом. Последнюю пулю я в отчаянии вогнал в скользящую тень — должно быть, точно так же поступил и Джо Кэгл за миг до своего страшного конца. И вот боек звонко щелкнул о пробитый капсюль, и я запустил бесполезным оружием в гроз-

ного невидимку. А он не задержался ни на секунду, его тень уверенно приближалась ко мне.

Я пятился, пока непослушные пальцы не нащупали дверную ручку, пока не рванули ее изо всех сил.

Дверь не поддавалась. Заперто!

Напротив меня на стене росла черная страшная тень. Поднимались две руки — толстенные, что твои бревна...

Я с воплем кинулся грудью на дверь — только щепки полетели! Вместе с ними и я полетел на пол, а как только поднялся, выбежал в коридор, не оглядываясь.

Все остальное — кошмар наяву. В конце коридора смутно виднелась лестничная площадка, я помчался к ней, не раздумывая. До чего же длинный коридор, целую вечность я бежал по нему... А черная тень не отставала ни на шаг, скользила по освещенной луной стене, исчезала в темных промежутках и тут же выныривала из мрака. Я знал, что ее хозяин совсем близко, буквально наступает мне на пятки. Давно известно, что призраки, невидимые человеческому глазу, бросают тень в лунном сиянии, но еще никто из ныне живущих не описывал такого жуткого, звероподобного призрака, как тот, от которого я удирал сломя голову по коридору Гиблого поместья.

Вот уже до лестницы рукой подать, но что это?! Тень — передо мной! Тварь настигает, ее невидимые ручищи тянутся ко мне. Быстрый взгляд через плечо поверг меня в дикий ужас: на пыльном полу рядом со следами моих ног появлялись чужие следы, огромные, бесформенные следы когтистых лап! Я с истошным воплем свернул вправо и прыгнул в открытое окно — ни о чем не успев подумать, как не думает утопающий, когда хватается за соломинку.

Плечо задело раму, а потом я оказался в пустоте. Летел, кувыркаясь; перед глазами мелькали луна, звезды и темные кроны сосен. Навстречу ринулась земля, и я погрузился в черное беспамятство.

Когда вернулось сознание, я прежде всего ощутил прикосновение мягких ладоней. Они приподняли мне голову и нежно скользнули по лицу. Я лежал неподвижно, не размыкая век, и пытался вспомнить, что со мной случилось. Наконец вспомнил все, увидел как наяву. Раскрыл глаза и задергался, пытаясь сесть. Должно быть, я при этом выглядел настоящим безумцем.

— Стив! О, Стив! Тебе больно?

Видно, я и впрямь спятил — это же голос Джоан! Да, это она. Голова моя покоится на ее коленях, большие темные глаза, полные слез, смотрят мне в лицо.

— Джоан? О Боже! Как ты сюда попала? — Я сел и заключил ее в объятия. В голове тошнотворно пульсировала боль, тело казалось одним сплошным ушибом. Рядом с нами высилась злобная громадина — Гиблая усадьба. Над непролазными зарослями терновника виднелся черный проем окна, из которого я выпрыгнул. Должно быть, немало времени я тут пролежал — луна облилась кровавым багрянцем и почти касается западного окоема.

— В лагерь вернулся конь без седока. Я так разволновалась, просто места себе не находила. И послать за тобой было некого, вот и пришлось самой... Парень тот сказал, что ты поехал искать отряд, но конь повез меня по Старому тракту.

— Джоан...

Она сидела рядом со мной в предрассветном сумраке, такая красивая, хрупкая, нежная, — я не

сводил с нее глаз, и сердце таяло от любви. Я снова привлек ее к себе и, ни слова не говоря, поцеловал.

— Стив,— произнесла она тихо, с дрожью в голосе,— что случилось? Когда я приехала, ты лежал в терновнике...

— Это я уже понял. Не окажись терновника, я бы расшибся насмерть, как те двое бедолаг, которые выскакивали тут из окон до меня. Джоан, скажи, что произошло здесь двадцать лет назад? Откуда взялась эта напасть?

Джоан содрогнулась.

— Не знаю. После войны хозяевам пришлось этот дом продать, новые владельцы ни разу его не чинили. Незадолго до смерти последнего владельца был странный случай: из бродячего цирка, ночевавшего в этом поместье, сбежала огромная обезьяна. Говорят, циркачи очень плохо обращались с несчастным зверем. Обезьяну нашли и попытались вернуть в клетку, но она так яростно сопротивлялась, что пришлось ее убить. Это было двадцать с лишним лет назад. А вскоре после того происшествия хозяин дома выбросился из окна и погиб. Все решили, что он покончил с собой, а может, ходил во сне и...

— Нет! — В груди моей поднимался холод; я задрожал.— По комнатам этого особняка за ним гонялась тварь, такая ужасная, что он был готов разбиться насмерть, лишь бы не попасть в ее лапы. А потом... она убила того молодого путешественника. А теперь и Джо Кэгл...

— Джо Кэгл? — Джоан вздрогнула и завертела головой.— Где он?

— Успокойся, он уже неопасен. И прошу, не расспрашивай меня. Это не я его убил, но такой смерти, какую он принял, я бы не пожелал никому. Похоже, существуют миры и тени миров, не-

доступные нашим глазам, недоступные нашему пониманию. Похоже, в густых тенях нашего мира обитают духи зверей, затаившие обиду на человека, и они не желают расстраваться с нами, не отомстив. Но давай-ка выбираться отсюда.

Джоан приехала с двумя лошадьми и привязала их недалеко от дома. Я помог ей сесть верхом, а затем, не слушая возражений, вернулся в особняк. Но на второй этаж не поднимался и провел в доме считанные секунды. Потом я тоже сел на коня, и мы с Джоан медленно поехали по Старому тракту. Звезды гасли, помаленьку разгорался восток.

— Ты не сказал, кто прячется в доме, — сдавленным голосом произнесла Джоан. — Но я и сама догадалась. Что будем делать?

Я не ответил, лишь повернулся и показал назад. Старый тракт как раз сворачивал, мы увидели между деревьями Гиблую усадьбу. А еще — длинное огненное копьё в клубах дыма. Через несколько минут донесся глухой рев, и особняк превратился в пылающие развалины.

Издrevле люди предают умерших огню. Я глядел на руины Гиблой усадьбы без раскаяния; я знал, что призрак обезьяны и его тень навсегда покинули эти леса.

ПРИШЕЛЕЦ ИЗ ТЬМЫ

Б

ездны неизвестного ужаса лежат, скрытые вуалью тумана, отделяющего повседневную жизнь человека от не отмеченных на картах неизвестных королевств сверхъестественного. Большая часть людей в жизни и смерти счастливо избегает эти королевства — я говорю «счастливо», потому что разрыв вуали между реальностью и миром оккультизма часто приводит к ужасным последствиям. Однаж-

ды я видел такую прореху, и происшедшие тогда события так глубоко отпечатались в моей памяти, что по сей день мне снятся кошмары.

Ужасное происшествие случилось, когда я гостил в поместье сэра Томаса Камерона — известного египтолога. Я благосклонно относился к нему, как к человеку, постоянно проводившему какие-то исследования, хотя мне не нравились его грубые манеры и безжалостный характер. Вследствие того, что я был знаком с различными научными трудами, мы несколько лет поддерживали отношения, и я сделал вывод, что сэр Томас причислил меня к своим новым друзьям.

Во время поездки в усадьбу сэра Томаса меня сопровождал Джон Гордон — богатый спортсмен, также получивший приглашение.

Когда мы подъехали к воротам усадьбы, садилось солнце. Пустынный и мрачный ландшафт вызвал печаль. Он наполнил мою душу неясными предчувствиями. В нескольких милях позади осталась деревня, которую отсюда едва можно было разглядеть.

А между ней и усадьбой во все стороны протянулись голые вересковые пустоши — мертвые и угрюмые. Больше же не было видно никаких человеческих жилищ. Болотная птица — единственное живое существо на обозримых просторах, — хлопая крыльями, улетела куда-то в глубь пустоши. Холодный ветер, пропитанный горьким, соленым привкусом моря, что-то шептал, налетая с востока. Я содрогнулся.

— Позвони в дверной колокольчик, — предложил Гордон. Равнодушие в его голосе помогло мне расслабиться. — Мы не можем торчать здесь всю ночь.

Но в это мгновение ворота распахнулись. Особенно был окружен высокой стеной, огораживающей всю территорию поместья. Сам же дом находился возле парадных ворот, неподалеку от нас. Когда ворота раскрылись, мы увидели длинную аллею, ведущую к дому, с обеих сторон густо обсаженную деревьями, но наше внимание приковал к себе эксцентричный слуга, отступивший на обочину, чтобы дать нам пройти. Он был высок и носил восточные одежды. Ожидая, пока мы войдем, он застыл, словно статуя, руки сложил на груди, голову склонил в уважительном, но полном величия поклоне. Кожа его казалась еще темнее из-за блеска его глаз. Наверное, он был когда-то красив, но теперь отвратительное уродство напрочь лишило его лицо милости, придав индусу злобный вид. Этот человек был безносим.

Пока я и Гордон молча стояли, пораженные видом призрачного незнакомца, индийский сикх, судя по его тюрбану, поклонился и сказал на почти совершенном английском:

— Хозяин ожидает вас в своем кабинете, сахибы.

Мы отпустили парня из деревни, который проводил нас сюда, и, когда его телега с грохотом отъехала на достаточное расстояние, ступили на укутанную теньями аллею. Индус, взяв наш багаж, последовал за нами. Пока мы толклись у ворот, солнце село.

Наступила ночь. Небо плотно затянули серые тяжелые тучи. Ветер уныло вздыхал среди деревьев по обе стороны от дороги, и огромный дом неясно вырисовывался впереди, молчаливый и темный, если не считать единственного горящего окна. В полутьме я слышал легкое «шлеп-шлеп» — шорох ком-

натных туфель слуги с Востока, который шел следом за нами. Эти звуки напомнили мне тихое движение пантеры, подкрадывающейся к своей жертве, и вызвали у меня невольную дрожь.

Мы добрались до двери, и нас ввели в широкий, тускло освещенный зал. Сэр Томас вышел, чтобы поприветствовать нас.

— Добрый вечер, друзья.— Его громкий голос грохочущим эхом пронесся по всему дому.— Я ждал вас! Вы обедали? Да? Тогда отправимся в мой кабинет. Я написал трактат о своих последних открытиях и хочу узнать ваше мнение относительно моих тезисов. Ганра Сингх!

Последние слова были адресованы сикху, который застыл в ожидании распоряжений. Сэр Томас сказал ему несколько слов на хинди, и, еще раз поклонившись, безносый взял наши сумки и покинул зал.

— Я выделил вам пару комнат в правом крыле дома,— сказал сэр Томас, направляясь к лестнице.— Мой кабинет в этом крыле, прямо над залом; я часто работаю всю ночь напролет.

Кабинет оказался просторной комнатой, заваленной научными книгами и бумагами, странными трофеями из разных стран. Сэр Томас сел в большое кресло и жестом пригласил нас устраиваться поудобнее. Он был высоким человеком могучего телосложения и неопределенного возраста, с агрессивным подбородком, скрытым густой светлой бородой. Взгляд его был пронизательным, твердым, в нем чувствовалась скрытая сила.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне,— резко начал он.— Но мы не станем обсуждать трактат сегодня ночью. Завтра будет достаточно времени, ведь вы оба, должно быть, утомились в дороге.

— Вы далеко живете,— ответил Гордон.— Что побудило вас купить и восстановить это старое отдаленное поместье, Камерон?

— Я люблю уединение,— ответил сэр Томас.— Здесь мне не докучают бестолковые люди, которые обычно кружат вокруг меня, как москиты вокруг буйвола. Я никого не приглашаю сюда и совершенно не нуждаюсь в общении с внешним миром. Когда я живу в Англии, я хочу, чтобы мне не мешали работать. У меня нет слуг. Ганра Сингх делает все, что необходимо.

— Безносый сикх? Кто он?

— Его зовут Ганра Сингх. Это все, что я о нем знаю. Я встретился с ним в Египте и считаю, что он бежал из Индии, после того как совершил какое-то преступление. Но это не важно. Он предан мне. Он рассказал, что служил в англо-индусской армии и потерял нос при взмахе афганской сабли во время пограничного рейда.

— Мне не понравилось, как он выглядит,— грубо сказал Гордон.— В этом доме собрано много сокровищ. Как вы можете доверять человеку, которого так мало знаете?

— Достаточно об этом,— равнодушно отмахнулся сэр Томас.— С Ганрой Сингхом все в порядке. Я никогда не ошибаюсь в характерах людей. Давайте поговорим о другом. Я еще не рассказал вам о своих последних исследованиях.

Он говорил, и мы слушали. В голосе сэра Томаса, когда он рассказывал нам о лишениях и препятствиях, которые пришлось преодолеть, легко было распознать решительность и безжалостность, превративших его в одного из самых известных в мире исследователей. Он, по его же словам, сделал несколько сенсационных открытий, которые пере-

вернут мир, и, рассказывая об этом, прибавил, что самое важное из открытого им заключено в одной необычной мумии.

— Я обнаружил ее в прежде никому не известном храме в отдаленном районе Верхнего Египта. Его точное местоположение вы узнаете завтра, когда мы вместе просмотрим мои записи. Мне представилась возможность произвести революцию в истории. Я понял это, еще даже толком и не осмотрев ее. Тогда мне показалось, что она просто не похожа на другие мумии. Все дело в разнице процесса мумифицирования. Мумия вовсе не была искалечена. Ее тело осталось точно таким же, каким было при жизни. Однако признаюсь, что лицо ее высохло и исказилось от невероятного числа лет. Только вообразите, она выглядит, словно очень старый человек, который только что умер. Веки плотно закрывают глазницы, и я уверен, что, подняв их, я обнаружу глазные яблоки... Говорю вам, наступила эпоха сокрушить все предвзятые идеи и провозгласить новые! Если бы можно было каким-то образом вдохнуть жизнь в эту высохшую мумию — так, чтобы она смогла говорить, ходить, дышать, как любой другой человек! Я уже говорил, она выглядит нетронутой, словно человек умер вчера. Как вы знаете, обычно процесс изъятия кишок невероятно портил тело. Но ничего похожего с этой мумией не проделывали. Чего бы мои коллеги не отдали за такую находку! Все египтологи умрут от чистой зависти! Уже были попытки украсть ее... И скажу я вам, многие из моих коллег вырезали бы мне сердце!

— Думаю, вы переоцениваете ваше открытие и чувства своих коллег, — откровенно сказал Гордон.

Сэр Томас рассердился.

— Это толпа стервятников, сэр,— воскликнул он с диким смехом.— Волки! Шакалы! Они подкрадываются и ищут, что бы украсть у того, кто лучше их! Профаны, они не понимают, что такое настоящее соперничество. Каждый из них старается для себя. Дайте каждому из них пожать собственные лавры, и к дьяволу всех, кто слабее. Но я далеко обогнал их всех.

— Даже допуская, что это правда, никто не давал вам права мерить всех на свой аршин,— возразил Гордон.

Сэр Томас взглянул на своего друга, говорившего искренне, с такой яростью, что мне показалось, он готов вот-вот убить Гордона. Потом настроение сэра Томаса изменилось, и он весело и шумно рассмеялся.

— Без сомнения, вы до сих пор должны помнить дело Гюстава фон Гонманна. Тогда я сам оказался ложно обвинен, и этот неприятный инцидент продолжается до сих пор. Но уверяю вас, ко мне все это никакого отношения не имеет. Мне не нужны рукоплескания общества, и я игнорирую его обвинения. Фон Гонманн — дурак и заслужил свою судьбу. Как вы знаете, мы оба искали мертвый город Гомар, обнаружить который пытались многие ученые мира. Я устроил так, что в руки моего завистника попала фальшивая карта, и послал простофилю бродить по Центральной Африке.

— Эти поиски привели его к смерти,— напомнил сэру Томасу Гордон.— Я прибавлю, что в фон Гонманне было что-то звериное, но то, что сделали вы, Камерон, отвратительно. Вы знали, что ничто в мире не поможет ему избежать смерти от руки племен, обитающих в тех землях, куда вы послали его.

— Вам не удастся разозлить меня,— невозмутимо ответил Камерон.— Это-то и нравится мне в вас, Гордон. Вы не боитесь говорить то, что у вас на уме. Но давайте забудем о фон Гонманне. Он пошел тем же путем, каким следуют все дураки. Один из тех, кто отправился с ним, спасся во время резни и, вернувшись в форпост цивилизации, рассказал, что фон Гонманн, увидев, к чему идет дело, разгадал обман и умер, призывая месть на мою голову. Но это никоим образом меня не волнует. Человек жив и опасен или мертв и безвреден. Вот и все. Но уже поздно, а вы, без сомнения, хотите спать. Я позову Ганру Сингха, чтобы он показал вам ваши комнаты. Что же до меня, я проведу остаток ночи, приводя в порядок свои записи, чтобы завтра продемонстрировать вам результаты своей работы.

Ганра Сингх появился в дверях, словно огромный призрак. Мы пожелали спокойной ночи нашему хозяину и последовали за слугой с Востока. Дом сэра Томаса имел вид буквы «П». Он был двухэтажным, и между крыльями его размещалось нечто вроде двора, на который выходили окна нижних комнат. Меня и Гордона разместили в двух спальнях на первом этаже левого крыла, с окнами во двор. Наши комнаты соединялись, и, когда я уже было приготовился отойти ко сну, ко мне заглянул Гордон.

— Станный малый, не правда ли? — кивнул он в сторону светящегося окна кабинета сэра Томаса на другой стороне двора.— Хорошая скотина, но великий, удивительный ум.

Я открыл дверь, выходившую во двор, чтобы вдохнуть свежего воздуха. В комнатах было свежо, но пахло мускусом, как в помещениях, которые долгое время не использовали.

— Определенно, у него редко бывают гости.

Во всем доме огни светились только в наших комнатах и в кабинете сэра Томаса.

— Да.— Наступила тишина. Потом Гордон снова заговорил резким тоном: — Ты знаешь, как умер фон Гонмани?

— Нет.

— Он попал в руки странного и ужасного племени, которое претендует на происхождение от племен Древнего Египта. Они — последние умельцы адского искусства пыток. Спасшийся археолог рассказал, что фон Гонмани умирал медленно и мучительно. Его убили, не искалечив, а тело высушили. Потом его прикрепили к кресту и поставили в хижине с фетишами их ужасной религии, рядом с другими трофеями.

Мои плечи непроизвольно вздрогнули.

— Ужасно!

Гордон встал, отбросил сигарету и направился в свою комнату:

— Уже поздно. Спокойной ночи... Что это?

На другой стороне двора раздался грохот, словно опрокинулся стул или стол. Пока мы стояли, замороженные неожиданным, неопределенным предчувствием чего-то ужасного, безмолвие ночи прорезал крик:

— Помогите! Помогите! Гордон! Слейд! О Боже!

Мы вместе рванулись во двор. Голос принадлежал сэру Томасу и исходил из его кабинета в левом крыле. Когда мы побежали через двор, то отчетливо услышали звуки страшной борьбы, и снова закричал сэр Томас. Его голос был похож на голос человека в предсмертной агонии:

— Он достал меня. О Боже, он до меня добрался!

— Кто с тобой, Камерон? — отчаянно закричал Гордон.

— Ганра Сингх!.. — Неожиданно сэр Томас замолчал; и, ворвавшись на первый этаж левого крыла и бросившись вверх по лестнице, мы слышали лишь дикое, невнятное бормотание. Казалось, прошла вечность, прежде чем мы оказались у дверей кабинета, из-за которых доносились грубые завывания. Мы бросились открывать дверь и застыли, ошеломленные от ужаса.

Сэр Томас лежал, корчась в растекающейся луже крови, но не кинжал, воткнутый в его грудь, заставил нас застыть, словно пораженных громом, а лицо египтолога, искажившееся от ужаса. Его глаза сверкали, уставившись в пустоту. Это были глаза человека, который заглянул в Чистилище. Его губы что-то шептали, но нам удалось разобрать лишь несколько слов:

— Безносый... безносый...

Тут кровь хлынула с его губ, и он упал лицом вниз.

Мы подошли к нему и в страхе переглянулись.

— Мертв, — пробормотал Гордон. — Но кто убил его?

— Ганра Сингх... — начал я, но тут мы оба обернулись. Ганра Сингх молча стоял в дверях. Выражение его лица не давало никаких намеков на то, что он думает. Гордон встал, его рука легко скользнула в карман.

— Ганра Сингх, где ты был?

— Я был внизу, в коридоре, запираю дом на ночь. Я услышал, как позвал хозяин, и вот я здесь.

— Сэр Томас мертв. Ты можешь предположить, кто убил его?

— Нет, сахиб. Я недавно приехал в Англию и не знаю, имел ли мой хозяин врагов.

— Помоги мне перенести его на кушетку.

Индус помог.

— Ганра Сингх, ты понимаешь, что мы должны задержать тебя, пока дело не будет раскрыто?

— Пока вы станете заниматься мной, настоящий убийца может скрыться.

На это Гордон ничего не ответил.

— Отдай мне ключи от дома.

Сикх беспрекословно выполнил это распоряжение.

Гордон отвел его в дальний коридор и запер в маленькой комнате, вначале уверившись, что окно комнаты, как и другие окна в доме, крепко заперто. Ганра Сингх не сопротивлялся. Его лицо не выражало никаких эмоций. Запирая дверь, мы оставили его равнодушно стоящим в центре комнаты — руки сложены на груди, непроницаемый взгляд следит за нами.

Мы вернулись в кабинет. Стулья и столы опрокинуты, красное пятно на полу и безмолвная фигура на кушетке...

— До утра мы ничего не сможем сделать, — сказал Гордон. — Мы ни с кем не сможем связаться, а если отправимся в деревню, то, весьма вероятно, потеряемся в темноте и заблудимся в тумане. Убийство, скорее всего, дело рук сикха.

— Сэр Томас обвинил его в последних своих словах.

— Так-то так. Но я не знаю. Камерон выкрикнул его имя, но он мог просто звать этого парня на помощь... Сомневаюсь, что сэр Томас слышал меня. Конечно, это замечание о безносом может подразумевать кого-то еще, но это неубедительно. Перед смертью сэр Томас обезумел.

Я пожал плечами:

— Это, Гордон, самое ужасное во всем этом деле. Что могло так испугать Камерона и превратить его в вопящего маньяка в последние минуты жизни?

Гордон покачал головой:

— Я этого не понимаю. Смерть сама по себе никогда так не потрясла бы сэра Томаса. Скажу тебе, Слейд, мне кажется, здесь сокрыто нечто важное. Я ощущаю привкус сверхъестественного, хоть никогда не был суеверным человеком. Но давай посмотрим на это логически... Кабинет занимает весь верхний этаж левого крыла и отделен от задних комнат коридором, который проходит вдоль всего дома. Единственная дверь из кабинета выходит в коридор. Мы пересекли двор, вышли в нижнюю комнату левого крыла, вошли в зал, в который нас ввели, когда мы только приехали. Мы поднялись вверх по лестнице, в верхний коридор. Дверь кабинета оказалась закрыта, но не заперта. Через эту дверь вышел бы тот, кто перед тем, как убить сэра Томаса, свел его с ума. Человек... или тварь какая... могла уйти только этим путем, потому что в кабинете негде спрятаться и засовы на окнах нетронуты. Если бы мы двигались чуть быстрее и прибежали бы на несколько секунд раньше, мы бы увидели убийцу выходящим из кабинета. Сэр Томас еще боролся со своим противником, когда я закричал, но между этим мгновением и тем, когда мы вошли в верхний коридор, у убийцы, если он двигался быстро, оставалось время выполнить свои намерения и покинуть комнату. Видимо, он скрылся в одной из комнат, расположенных по другую сторону зала, или даже выскользнул наружу, пока мы возились с сэром Томасом и таким образом дали ему сбежать... или, в том случае, если это был Ганра

Сингх, у него было достаточно времени прийти в себя и снова смело войти в кабинет.

— Ганра Сингх, по его же словам, вошел следом за нами. Он мог видеть кого-то, пытающегося выбраться из комнат.

— Убийца мог услышать, как приближается Сингх, и подождать, пока он зайдет в кабинет, прежде чем снова выйти в коридор. Понимаешь, я считаю, что убийца — сикх, но мне хочется быть справедливым и взглянуть на случившееся под другим углом... Давай рассмотрим кинжал.

Он оказался неприятным на вид тонким египетскими клинком, который, насколько я помнил, лежал на столе сэра Томаса.

— Если бы все было именно так, как мы предполагаем, то тогда одежды Ганра Сингха были бы в беспорядке, а руки в крови,— предположил я.— Едва ли у него хватило бы времени вымыться и сменить свои одежды.

— В любом случае отпечатки пальцев убийцы остались на рукояти кинжала,— согласился Гордон.— Я действовал осторожно, стараясь не стереть их. Пока оставим оружие здесь, на кушетке, чтобы показать эксперту в Бертильоне. В таких вещах я несведущ. Я же собираюсь осмотреть комнату, как делают детективы, и попытаться обнаружить ключ к разгадке.

— Я прогуляюсь по дому. Ганра Сингх и в самом деле может оказаться невиновным, а убийца может прятаться где-то в доме.

— Только будь осторожен. Помни, что убийца — отчаянный человек, готовый совершить еще не одно злодеяние.

Я взял тяжелую трость и вышел в коридор. Забыл сказать: все коридоры в доме были тускло ос-

вещены, и занавески натянуты так плотно, что казалось, дом снаружи окружен плотной стеной тьмы. Закрыв за собой дверь, я острее почувствовал давящую тишину, царившую в доме. Тяжелые бархатные драпировки закрывали незаметные дверные проемы, и когда заблудившийся ветерок прошуршал в них, строки По сами всплыли в моей голове:

«Шелковисто и печально зашуршали занавески, вызвав трепет и наполнив сердце ледяным кошмаром».

Я широким шагом вышел на лестничную площадку и, еще раз взглянув на безмолвные коридоры и закрытые двери, спустился вниз. Решив, что, если кто-то и прятался на верхнем этаже, он уже спустился вниз или вовсе покинул дом, я зажег свет в нижнем зале и прошел в следующую комнату. Все центральное здание между крыльями, как я обнаружил, занимал личный музей сэра Томаса. Это была по-настоящему огромная комната, наполненная идолами, саркофагами, каменными и глиняными колоннами, свитками папируса и другими вещами в том же роде. Я провел там немного времени. Войдя, я стал высматривать, не лежит ли здесь что-то не на месте. И нашел. Там был один саркофаг, отличавшийся от других. Он оказался открыт! Инстинктивно я догадался, что именно в нем хранилась мумия, которой сэр Томас хвастался этим вечером. Но сейчас саркофаг был пуст. Мумия исчезла.

Подумав о словах сэра Томаса относительно зависти соперников, я быстро повернулся и собирался отправиться в зал и подняться назад по лестнице. По дороге мне показалось, что я услышал какой-то слабый шорох. Однако у меня не было желания дальше исследовать здание в одиночку, вооружившись лишь тростью. Я решил вернуться и

рассказать Гордону о том, что нам, возможно, предстоит противостоять банде международных воров. Я уже выходил из музея, когда заметил лестницу, ведущую наверх из музейной комнаты. Поднявшись по ней, я оказался в коридоре, уходящем в правое крыло.

Снова передо мной расстился тускло освещенный коридор с множеством таинственных дверей и темных драпировок. Я должен был пересечь большую его часть, чтобы оказаться в кабинете сэра Томаса. Дрожь охватила меня, когда я по глупости попытался представить ужасных существ, затаившихся за закрытыми дверьми комнат, выходящих в коридор. Потом я взял себя в руки. Кто бы ни прикончил сэра Томаса Камерона, это был человек. Я крепче сжал трость и шагнул в коридор.

Сделав несколько шагов, я неожиданно остановился. Волосы у меня на затылке встали дыбом, и по телу поползли мурашки. Я почувствовал чье-то невидимое присутствие. Мой взгляд, словно притягиваемый магнитом, потянулся к тяжелым занавесям, закрывавшим одну из дверей. В коридоре не было сквозняка, но занавеси слегка шевельнулись! Я, вытаращив глаза, уставился на тяжелую темную ткань, словно хотел взглядом прожечь в ней дыру, и инстинктивно почувствовал, что кто-то наблюдает за мной. Потом мой взгляд стал блуждать по стене возле скрытой двери. Какой-то каприз смутного света очертил темную бесформенную тень, и, пока я наблюдал, она медленно обретала форму ужасного, искривленного гоблина — гротескно-человекообразной твари... и безносой!

Неожиданно мои нервы не выдержали. Эта искривленная фигура могла быть не более чем тенью человека, который стоял за занавесками. Но мне

казалось, что, кем бы ни было прячущееся существо — человеком, зверем или демоном, — за темными занавесями скрывалась ужасная опасность. Ужас таился в тени. Безмолвный полумрак царил в коридоре, освещенном мерцающими лампами. И эта неопределенная тень... Я, как никогда раньше, был близок к безумию... Всего этого оказалось слишком много для моих глаз и чувств. Призраки словно околдовали мой разум. Ужасные темные образы поднимались из моего подсознания и насмехались надо мной. В этот момент мне показалось, что весь остальной мир далеко-далеко, а я оказался лицом к лицу с пришельцем из другого мира.

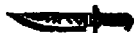
Повернувшись, я поспешил по коридору. Бесплезная трость дрожала в моей руке, и капли холодного пота выступили у меня на лбу. Добравшись до кабинета, я вошел и закрыл за собой дверь. Мой взор сразу обратился к кушетке с ее мрачной ношей. Гордон перебирал бумаги на столе и повернулся, когда я вошел. Его глаза горели с едва сдерживаемым восторгом.

— Слейд. Я нашел карту, которую начертил Камерон, и, согласно ей, он обнаружил мумию на границе тех земель, где был убит фон Гонманн...

— Мумия исчезла, — сказал я.

— Исчезла? Боже! Может, это все объясняет! Банда воров-ученых! Похоже, Ганра Сингх заодно с ними... Давай-ка пойдем и поговорим с ним.

Гордон вышел в коридор. Я отправился за ним следом. Мои нервы были напряжены, я даже не пытался обсуждать мои недавние переживания. Перед тем как рассказать о своем страхе, я должен был прийти в себя. Гордон постучал в дверь комнаты, где мы оставили индуса. В доме царил тишина. Он повернул ключ в замке, распахнул дверь и выругал-

ся. Комната была пуста! Открытая дверь, ведущая в следующую по коридору комнату, показывала, каким образом индус скрылся. Замок оказался взломан.

— Именно этот шум я и слышал! — воскликнул Гордон. — Каким же дураком я был, так увлекшись записями сэра Томаса. Я не обратил внимания на шум, решив, что это ты открываешь или закрываешь какую-то дверь! Я неудачный детектив. Если бы я был настороже, я бы появился на сцене до того, как наш арестант сбежал.

— Удача отвернулась от тебя, — встряхнувшись, ответил я. — Гордон, давай уходить отсюда! Ганра Сингх прятался за занавесками, когда я шел по коридору... Я видел тень безносого лица... И скажу тебе, в нем есть что-то нечеловеческое. Он — злой дух! Не человек, а какое-то чудовище! Ты думаешь, человек мог свести сэра Томаса с ума... обычный человек? Нет, нет, нет! Этот индус — демон в человеческом обличье... И даже не совсем в человеческом.

На лицо Гордона напозла тень.

— Чепуха! Ужасное и необъяснимое преступление было совершено здесь ночью. Но я не верю, что его нельзя объяснить естественным образом... послушай!

Где-то дальше по коридору открылась и закрылась дверь. Гордон прыгнул к выходу и помчался по коридору. Вдалеке мелькнуло что-то похожее на темную тень. Кто-то пролетел в дверь одной из комнат, разметав в стороны занавески. Гордон вслепую выстрелил (я совсем забыл сказать, что у него был револьвер), а потом побежал дальше. Я последовал за ним, проклиная его безрассудность. Выстрел же был просто глупой бравадой. Я не сомневал-

ся, что в конце этой дикой погони нам предстоит вступить в схватку с таинственным индусом. Сломанный дверной засов был достаточным доказательством его сил, даже если не вспоминать окровавленное тело, которое мы оставили в кабинете. Но когда такой человек, как Гордон, мчится вперед, разве можно не последовать за ним?

Мы пробежали по коридору к той двери, за которой, как мы видели, исчезла тварь. Миновали одну темную комнату и ворвались в следующую. Шаги впереди подсказали нам, что мы почти достигли свою жертву. Мои воспоминания о погоне по комнатам больше похожи на смутный, туманный сон — жуткий, хаотический кошмар. Я не помню, сколько комнат мы миновали, помню только, что бежал за Гордоном и остановился, лишь когда и застыл перед завешенной темной тканью дверью, из под которой вырывалось красное мерцание. Я едва перевел дыхание. Полностью утратив чувство направления, я не знал, в какой части дома мы оутились и почему это красноватое мерцание за занавесями пульсирует.

— Это комната Ганры Сингха, — сказал Гордон. — Сэр Томас упоминал о ней в разговоре. Это самая дальняя комната в правом крыле. Дальше ему бежать некуда, потому что у этой комнаты только одна дверь. Окна ее закрыты. Внутри преступник, оказавшийся в безвыходном положении... Индус или кто-то другой... тот, кто убил сэра Томаса Камерона!

— Тогда, во имя Бога, схватим его и узнаем, кто он! — попытался подтолкнуть я Гордона и, проскользнув мимо него, развел в стороны занавеси.

Наконец мы узнали, откуда взялось красное мерцание. Яркое пламя вспыхивало и мерцало в

большом камине, разбрасывая красные отблески по комнате. А у стены стояла ужасная, адская тварь — исчезнувшая мумия! Мой изумленный взгляд одним разом охватил сморщенную кожу, ввалившиеся щеки, раздувшиеся и высохшие ноздри, которые остались на месте сгнившего носа. Ужасные глаза были широко открыты, и в них горела призрачная, демоническая жизнь. Я разглядел это в одно мгновение, потому что тотчас длинная, тощая тварь, шатаясь, направилась ко мне. В ее тощей, увенчанной когтями руке был зажат подсвечник. Я ударил тварь тростью, почувствовал, что проломил ей череп, но гадина не остановилась (разве можно убить того, кто уже мертв?), и в следующий момент я упал, корчась от боли, ошеломленный, со сломанным предплечьем, отброшенный в сторону сухой рукой чудовища.

Я увидел, как Гордон с близкого расстояния четыре раза выстрелил в ужасную тварь, а потом она схватила его. Пока я тщетно пытался встать на ноги и снова вступить в битву, мой друг-атлет оказался беспомощным в нечеловеческих руках монстра. Мумия начала выгибать его тело о край доски стола. Казалось, вот-вот — и позвоночник Гордона не выдержит.

Спас нас Ганра Сингх. Огромный сикх неожиданно проскочил через занавеси, словно арктический вихрь, и вступил в схватку, будто раненный пулей слон. С силой, равной которой я не видел и которой даже живой мертвец не мог сопротивляться, он оторвал ожившую мумию от ее жертвы. Индус протащил мумию, вцепившуюся в его грудь, назад через всю комнату, пока очаг не оказался у нее за спиной. Потом, последним безумным усилием, сикх отшвырнул чудовище в огонь и стал втап-

тывать его в пламя, пока дергающиеся высохшие конечности не занялись. Тварь развалилась на части, распространяя невыносимую вонь разложения и горящей плоти.

И тут Гордон, точно уснувший с открытыми глазами; Гордон, охотник на львов, у которого, как считали, железные нервы; Гордон, храбро встретивший тысячи опасностей, — повалился лицом вперед, словно мертвый!

Позже мы говорили об этом деле, Ганра Сингх перевязывал мою сломанную руку так осторожно и нежно, словно всю жизнь только этим и занимался.

— Я думаю (хотя прибавлю, что точно это не известно), что люди, которые сделали эту мумию столетия назад или, возможно, тысячи лет назад, знали искусство сохранения жизни, — слабым голосом проговорил я. — По каким-то причинам этот человек просто лег спать и спал все эти годы вроде как во сне, как делают индусские йоги, проводя дни и недели в состоянии, похожем на смерть. Когда настало подходящее время, это существо проснулось и выполнило свое... ужасное проклятие.

— А что ты думаешь, Ганра Сингх?

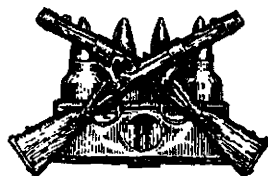
— Сахиб, кто я, чтобы говорить о тайных вещах? — вежливо ответил могучий сикх. — Многие вещи людям неизвестны. После того как сахиб запер меня в комнате, я подумал, что тот, кто убил хозяина, может спрятаться, пока я беспомощен, и сделать еще что-нибудь плохое. Я как можно тише выбил замок и отправился на поиски. Наконец я услышал звуки борьбы в моей собственной спальне и, придя туда, обнаружил сахибов, сражающихся с живым мертвецом. Удачно, что перед тем, как все это произошло, я развел в своей комнате большой огонь, как и во все предыдущие ночи. Мне неудобно

в вашей холодной стране. Я знал, что огонь — враг всех злых тварей, Великий Очиститель. Потому я втолкнул злую тварь в огонь. Я был счастлив отомстить за своего хозяина и помочь сахибам.

— Помочь,— прорычал Гордон.— Если бы ты не появился, мы бы погибли. Ганра Сингх, я уже извинился за свою подозрительность. Ты — хороший человек. И, Слейд,— его лицо стало серьезным,— думаю, вы ошибаетесь. Во-первых, эта мумия отнюдь не древняя. Ее сделали лет двадцать назад! Я обнаружил это, прочитав секретные записи. Сэр Томас нашел эту мумию не в заброшенном храме. Он обнаружил ее в хижине для фетишей в Центральной Африке. Он не объяснил, где раздобыл ее, только сказал, что обнаружил ее в верховьях Нила. Сэр Томас был египтологом и в самом деле считал, что мумия очень древняя, и, как мы знаем, был прав относительно необычного процесса мумифицирования. Племя, которое создало эту мумию, и в самом деле знает о таких вещах больше, чем древние египтяне. Но в любом случае эта мумия сделана совсем недавно... Сэр Томас украл ее у дикарей... у того самого племени, которое убило фон Гонманна... Нет, я чувствую, что-то здесь не так... Ты слышал оккультную теорию, которая заявляет, что дух, рожденный на земле в ненависти или любви, может стать добрым или злым, когда вселится в материальное тело? Оккультисты говорят (и это звучит достаточно благоразумно), что существует узкий мостик, соединяющий миры живых и мертвых, и призрак или дух может ожить, приобретя тело из плоти... возможно, то самое тело, которым владел раньше. Мумию сделали из трупа, но я верю, что ненависти, которую этот человек чувствовал перед смертью, оказалось достаточно, чтобы победить смерть и за-

ставить высохшее тело двигаться... Если все так и есть, то невозможно описать ужас, который испытал этот человек, умирая. Если это правда, люди постоянно балансируют на краю безумных океанов сверхъестественного ужаса, отделенных от нашего мира тонкой занавесью, которая может быть порвана точно так, как мы только что видели. Я бы хотел поверить в другое... Но, Слейд... Когда Ганра Сингх втоптывал мумию в огонь, я увидел... черты, на мгновение проступившие сквозь пламя, словно улетающий воздушный шар. На одно краткое мгновение они приняли человеческий облик и стали знакомыми. Слейд, это было лицо Гюстава фон Гонманна!

ОТ ЛЮБВИ К БАРБARE АЛТЕН

В

последнее время дед начал сильно сдавать. Вот и сейчас он сидел в кресле обложенный подушками, ласково перебирал струны старенькой гитары и сосредоточенно прислушивался к своему неровному дыханию, словно опасаясь, что не сможет пропеть даже пары строк. Наконец он решился. Сухие пальцы быстро пробежали по струнам, и я, узнав мелодию, замер.

Первый цветок на ветру трепетал,
И почки лишь набухали,
А бедный Вильям в тоске умирал
От любви к Барбаре Аллен...

Неожиданно дед вздохнул и накрыл ладонью жалобно звякнувшие струны, а затем, подумав немного, отложил гитару в сторону, так и не допев песню.

— Голоса-то у меня совсем не стало. Не голос, а телега скрипучая,—посетовал он, откидываясь на подушки и шаря в карманах протертого до дыр старого жилета в поисках изогнутой трубки и табака.— Хорошая баллада. Она напоминает мне о моем брате Джоэле. Он так любил ее! И пел всегда гораздо лучше, чем я.— Дед надолго замолчал, и взгляд его затуманился, как всегда, когда он думал о давно погибшем брате. Потом он раскурил трубку и продолжил: — А еще она напоминает мне о Рэчел. Рэчел Ормонд, безумно влюбленной в Джоэла... Ты слышал, — дед посмотрел на меня выцветшими от времени глазами, — она при смерти. Джим, ее племянник, сказал мне об этом.— Он снова вздохнул.— Впрочем, она уже старая дама. Очень старая. Старше меня. Ты ведь никогда не встречался с ней, не так ли?

Я покачал головой.

— В молодости Рэчел была замечательной красавицей,— продолжал дед,— и Джоэл страстно любил ее. Я ведь тебе рассказывал, у Джоэла был прекрасный голос, он потрясаяще играл на гитаре и чудесно пел. Особенно он любил петь, когда куда-нибудь ехал. Он как раз распевал «Барбару Аллен», когда повстречал Рэчел Ормонд.

А она так заслушалась, что даже вышла из зарослей лавра на дороге, чтобы посмотреть на певца.

Было раннее утро, и солнце еще не целиком показалось из-за горизонта. Рассвет в горах — самое необыкновенное зрелище на свете. Даже простая утренняя роса и та кажется бриллиантовой россыпью... Так вот. Девушка стояла возле кустов, а из-за ее спины поднималось солнце. Представляешь? Рэчел будто освещало божественное пламя. Джоэл как увидел ее, прямо остолбенел. Он потом говорил мне, что принял ее за ангела. И потерял голову. Раз и навсегда. — Дед внимательно посмотрел на меня. — Ты никогда не видел весеннего утра в горах Камберленда?

— Я никогда не бывал в Теннесси, — пожал я плечами.

— Да, тебе этого не понять, — презрительно фыркнул он. — Ты вообще не видел ничего, кроме бесконечных песков да голых скал. Что ты можешь знать о горных склонах, покрытых зарослями березы и лавра, о прозрачных хрустальных ручьях, выходящих в прохладной тени и звенящих по камням? О горных лесах с раскинувшимся над ними голубым небом?

— Ничего, — покорно ответил я.

Однако не успел я проговорить это слово, как ясно и отчетливо представил все, о чем он говорил. Настолько живо, будто родился в тех местах и воспоминания о них навсегда остались в моей душе. Я буквально ощутил запах цветущего кизила и блаженную прохладу пышных лесов, услышал, как звенят по камням невидимые ручьи.

— Где уж тебе знать. — Он с жалостью посмотрел на меня. — Не твоя вина... Джоэл всей душой любил родные края. Он вообще не покидал тех мест, пока не началась война. Проклятая война. Она все перевернула вверх дном. После нее все

изменилось. Я отправился на запад, как и многие другие из Теннесси. В Техасе мне жилось неплохо. Лучше, чем дома, и я ни за что не вернулся бы назад. Но теперь, на старости лет, мне часто снятся дом, горы, леса.

Остекленевшими глазами он уставился вдаль, видя что-то известное лишь ему, блуждая по закоулкам своей памяти, как часто это происходит с глубокими стариками.

— Четыре года под началом Бедфорда Форреста... — наконец заговорил он. — Это счастье — служить под его командованием. Старина Бедфорд был прирожденным кавалеристом. Он мог без усталости скакать целый день, неделями не есть и спать на снегу. А видел бы ты его в бою! «По коням!» — и мы стремглав несемся на врага... Форрест никогда не прятался за наши спины, а дрался за троих. Его саблю не каждый солдат и поднять-то мог. А уж острая была... Никогда не забуду ту глупую схватку, когда погиб Джоэл. Мы неожиданно выскочили из ущелья между двумя невысокими горами и наткнулись на караван фургонов янки. Его охранял отряд кавалерии. Мы ударили, словно молния, и разнесли врага в клочья... Как сейчас вижу Форреста. Разгоряченный битвой, он привстал в стременах, размахивает своей огромной саблей и вопит: «Вперед! Гей, парни, гей!». И мы завyli, как дикари, и ринулись вперед, и никого из нас не волновало, уцелет он или погибнет, покуда с нами наш командир... Мы долго преследовали тех, кто пытался бежать, по всей долине. Когда бой закончился, Форрест оставил коня возле своих офицеров и сказал: «Господа, похоже, мне перебили выстрелом одно из стремян!» А оказалось, что его левая нога каким-то чудом выскочила из стремени, а стремя подбросило на

скаку, и оно легло поперек седла. Сам Форрест, увлеченный дракой, и не заметил этого... Я был тогда совсем недалеко от него. Мой конь пал. Ему прострелили голову, и я стаскивал с него седло. Вот тут-то и подошел мой брат Джоэл, улыбающийся, освещенный сзади утренним солнцем. Но он, видно, ошалел от боя. У него было такое странное лицо...

Увидев меня, он резко остановился и пристально посмотрел, как будто не узнал. А потом сказал такое... Ничего более странного от него я не слышал. «Вот это да, дедуля! — воскликнул он. — Ты снова молод! Ты моложе меня!» И в следующую же секунду замертво свалился к моим ногам: пальная пуля попала ему прямо в лоб.

Дед повел плечами, словно ему вдруг стало холодно, и опять взял гитару.

— Рэчел Ормонд вот-вот умрет, — печально сказал он. — Она так и не вышла замуж, даже не взглянула больше ни на одного мужчину. Когда Ормонды перебрались в Техас, она поехала вместе с ними. И теперь вот умирает там, в их доме в горах. Но я-то знаю, что она умерла много лет назад, когда до нее дошла весть о смерти Джоэла.

Он забренчал на гитаре и запел, странно подвывая, как горец:

Мчался на запад и на восток,
Душа, изнывая, страдала.
И был у болезни его исток —
Любовь к Барбаре Аллен.

Из общей комнаты на другой стороне дома отец крикнул мне:

— Уйми этих драчливых коней! Слышно даже, как они лягают стены конюшни!

Я быстро вышел из дома и направился в конюшню, хотя мне очень хотелось дослушать балладу. День был ясный, безветренный, и голос старика летел вслед за мной. Его не заглушали ни пронзительное ржание и удары копыт коней в конюшне, ни кукареканье петуха где-то вдали, ни чириканье воробьев в зарослях мескита.

«Барбара Аллен! Эхо далекой и забытой родины... Перед моим мысленным взором предстали поселенцы в одеждах из поплина с мелким рубчиком и из оленьей кожи, медленно продвигающиеся из Пидмонта на запад, через Аллеганы и вдоль реки Камберленд. Они шли пешком; тряслись в громяющих фургонах, которые тащили неповоротливые волю, скакали на лошадях. А по ночам всюду звенели гитары и банджо: у костров, у одиноких деревянных хижин, у чернеющих при свете звезд рек, на бескрайних горных кряжах. «Барбара Аллен» — связь с прошлым, тоненький мостик между сегодня и таким уже далеким и зыбким вчера.

Я открыл конюшню и вошел внутрь. Мой мустанг Педро, злобный и непредсказуемый, как и его родина, порвал недоуздок и пронзительно ржал от ярости, нападая на гнедого жеребца, обнажив в оскале крупные зубы, сверкая глазами и прижав уши к голове. Я схватил его за гриву, рывком развернул, резко ударил ладонью по носу, когда он вздумал куснуть меня, и выгнал из конюшни. На прощание он попытался лягнуть меня задними копытами, но я, хорошо зная его характер, успел увернуться.

А про гнедого я и забыл. Доведенный до неистовства нападением мустанга, он готов был убить любого, кто по неосторожности подойдет к нему слишком близко. Его стальная подкова едва задела

мою голову, но этого оказалось достаточно, чтобы у меня перед глазами вспыхнула молния и мир померк.

Первым, что я почувствовал, когда сознание возвратилось, было движение. Меня подбрасывало вверх — вниз, вверх — вниз. Затем кто-то схватил меня за плечо, а чей-то голос со странным акцентом проревел мне прямо в ухо:

— Очнись, Джоэл, ты спишь в седле!

Я резко открыл глаза. Я ехал верхом, и подо мной был тощий измученный конь. Со всех сторон меня окружали всадники в потрепанных серых мундирах, усталые и хмурые. Мы ехали между двумя невысокими горами, поросшими густым лесом. Из-за людских спин и круп лошадей я не мог рассмотреть, что лежало впереди. Занимался серый рассвет, было зябко, и я поежился.

— Скоро взойдет солнце, — проговорил, растягивая слова, один из всадников. — Да и бой, похоже, нас ждет жаркий. Тогда и согреемся. Думаю, старина Бедфорд гнал нас всю ночь не для того, чтобы позабавиться. Говорят, впереди через долину ползет караван фургонов.

Я никак не мог понять, что происходит. Когда-то все это уже было. Но где, с кем и когда, вспомнить не удавалось. Я судорожно провел рукой по лицу, а затем почему-то сунул руку во внутренний карман. Там оказался старомодный снимок. С фотографии мне улыбалась незнакомая девушка удивительной красоты, с нежными губами и дерзким взглядом. Я положил снимок обратно в карман и ошалело помотал головой.

Впереди послышался рокот. Мы выезжали из теснины, и перед нами раскинулась широкая долина, по которой двигалась цепочка неуклюжих, жут-

ко громыхающих фургонов. Их окружали всадники в синих мундирах. И они, и их кони выглядели намного бодрее, чем мои спутники и наши скакуны. Все происходило как во сне.

Помню, протрубил горн. Я увидел, как ехавший во главе нашей колонны высокий, крепкий мужчина на могучем коне выхватил саблю и привстал в стремени. Его голос прогремел, заглушая звук горна:

— Вперед! Гей, парни, гей!

И тут все заорали так, что я чуть не оглох. Мы подобно горному потоку выкатились из ущелья в долину. Во мне словно жило два человека. Один мчался вперед, кричал и размахивал окровавленной саблей, круша врагов. Другой смотрел на все это, дивясь, недоумевая и пытаясь найти объяснение всему происходящему. Во мне почему-то нарастало убеждение, что когда-то я все это уже пережил и теперь повторяю пройденный путь.

Строй синих продержался несколько минут, а потом распался на куски под нашей стремительной атакой, и мы преследовали их по всей долине. Бой распался на множество отдельных схваток, и всадники в серых мундирах выигрывали их одну за другой.

Мой изможденный конь споткнулся и упал, и я с трудом выбрался из-под него. Оглушенный ударом, я не снял с него седло, а медленно побрел к группе офицеров, которые собрались вокруг высокого всадника, возглавлявшего атаку. Приблизившись, я услышал, как он говорит:

— Господа, похоже, мне перебили выстрелом одно из стремян!

Я улыбнулся непонятно чему и, посмотрев назад, столкнулся лицом к лицу с человеком, которого наконец узнал. Я так и ахнул.

— Вот это да, дедуля! Ты снова молод! Ты моложе меня!

И в это мгновение я все понял. Стиснув кулаки, я замер в ожидании, не в силах ни заговорить, ни пошевелиться. Потом что-то ударило меня в голову. Ослепительно вспыхнул свет, и наступило полное забытие.

Милый Вильям умер от горя.
А я от печали умру...

Голос деда все еще звучал у меня в ушах, ослабленный расстоянием, когда я, пошатываясь, поднялся на ноги, а потом прижал ладонь к глубокой ссадине на голове, оставленной подковой гнедого. Меня мучило, и кружилась голова. Дед еще не закончил балладу, а значит, я провалился без чувств на замусоренном полу конюшни совсем недолго, не больше пары минут. Но за эти минуты я совершил невероятное путешествие в далекое прошлое и вернулся обратно. Я понял наконец, почему меня в детстве преследовали сны о лесистых горах и журчащих ручейках и почему мне так часто являлась прекрасная незнакомка...

Выйдя из конюшни в корраль, я поймал мустанга и оседлал его, не потрудившись даже перевязать рану. Она вскоре сама перестала кровоточить, боль постепенно ушла, и в голове у меня прояснилось. Я быстро пересек долину, поднялся на гору. На фоне разросшегося мескита четко вырисовывался обветшалый и покосившийся дом Ормонцов. Краска на покоробившихся досках давным-давно облезла от дождя и солнца, рамы потрескались, и стекла, казалось, вот-вот вывалятся.

Я спешился и вошел во двор, огороженный забором из колочей проволоки. Куры, клевавшие что-то на крылечке, с кудахтаньем разбежались в разные стороны, а тощая клочкастая собака злобно залаяла на меня. Дверь на мой стук открылась сразу, словно здесь ждали гостя, и в проеме вырос Джим Ормонд — худощавый, сутулый мужчина с ввалившимися щеками, тусклым взглядом и узловатыми руками. Он удивленно посмотрел на меня, так как мы были едва знакомы.

— Мисс Рэчел... — начал я. — Она... Она уже...

Я замолчал, не зная, что нужно говорить в таких случаях. Он покачал кудлатой головой:

— Она умирает. С ней доктор Блэйн. По-моему, уже недолго осталось. Тем более она не хочет жить. Все зовет Джозла Граймса, бедняжка.

— Можно мне войти? — спросил я. — Мне нужно повидать доктора Блэйна.

Даже пришельцу с того света нельзя без разрешения ломиться в комнату умирающей.

— Заходите.

Он посторонился, и я вошел в бедную голую комнатушку. По ней вяло расхаживала женщина со спутанными волосами, а чумазные дети робко выглядывали из-за других дверей. Откуда-то из глубин дома вышел доктор Блэйн и изумленно уставился на меня.

— Какого черта ты здесь делаешь?

Ормонды уже потеряли ко мне всякий интерес и разошлись по своим делам. Я подошел к доктору Блэйну и сказал, чуть понизив голос:

— Рэчел. Я должен ее увидеть.

Моя настойчивость была ему непонятна, но, наделенный природным чувством такта, он не стал возражать. Доктор проводил меня в комнату, и я увидел

лежавшую в постели древнюю старуху. Годы не смогли уничтожить ни следов былой красоты, ни жизненной силы этой женщины. Она словно облагораживала все, к чему прикасалась, даже этот нищий и грязный дом. Я узнал ее и застыл как вкопанный. Передо мной была та самая незнакомка, чей светлый образ так часто являлся в моих необычных снах.

Она шевельнулась и прошептала:

— Джоэл... Джоэл... Я так долго ждала тебя... Я знала, что ты придешь. — Она вытянула иссохшиеся руки, и я, не говоря ни слова, подошел и сел рядом с постелью. В стекленеющих глазах старухи загорелась такая любовь, что меня бросило в жар. Ее сухие тонкие пальцы ласково сомкнулись на моей ладони, и мне на миг показалось, что молодость вернулась к ней. — Я знала, что ты придешь прежде, чем я умру, — прошептала она. — Смерть не могла тебе помешать. О, эта жестокая рана у тебя на голове, Джоэл! Но твои страдания уже закончились, как через несколько минут закончатся и мои. Ты никогда не забывал меня, Джоэл?

— Никогда, Рэчел, — ответил я и почувствовал, как доктор Блэйн у меня за спиной вздрогнул от удивления, и тогда понял, что говорю не своим голосом. Моими устами говорил другой человек, обращавшийся к своей возлюбленной через бездну лет. Я не видел доктора, но знал, что он тихонько, на цыпочках, вышел из комнаты.

— Спой мне, Джоэл, — прошептала Рэчел. — На стене висит твоя гитара. Я сохранила ее для тебя. Спой ту самую песню, которую ты пел, когда мы впервые встретились у реки Камберленд. Она всегда была моей любимой.

Я осторожно взял в руки старую гитару, даже не подумав о том, что прежде никогда не играл. Паль-

цы сами по себе побежали по истрепанным струнам, и я запел совершенно чужим голосом, глубоким, бархатным и очень красивым. Ладони умирающей обхватили мою руку, и, посмотрев на старую женщину, я узнал девушку со снимка, который разглядывал на рассвете в теснине.

И в один день земля приняла двоих.
А наутро — о Боже правый! —
Ослепительно-белый куст роз возник
И напротив — шиповник алый.

Потянувшись друг к другу, кусты сплелись
И накрыли могилы шатром.
Это души влюбленных навек слились,
Обретя наконец общий дом.

Струна с громким звоном лопнула. Рэчел Ормонд лежала не шевелясь, а на ее губах играла счастливая улыбка. Я мягко высвободил руку из ее холодных пальцев и вышел. У двери меня встретил доктор Блэйн.

— Умерла?

— Она умерла много лет назад, — тяжело вздохнув, ответил я. — Она ждала его всю жизнь, а теперь должна ждать еще где-то там... Будь проклята эта война! Она все ставит с ног на голову и так переплетает судьбы, что сама Вечность не может их распутать...

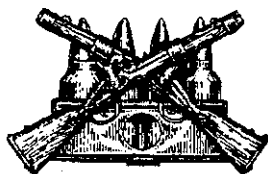

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

ПЛАМЯ АШУРБАНИПАЛА

Б

ахрам-Али посмотрел в прицел своего спрингфилда и выстрелил.

Всадник взмахнул руками и свалился с коня.

— Аллах акбар! — закричал Бахрам, тряся винтовкой над головой. — Саиб, еще одну собаку мы отправили в ад!

Из-за песчаного гребня показался худой загорелый человек — американец Стивен Стэнли.

— Отлично, старина,— проговорил он.— Гляди-ка, похоже, они решают, что с нами делать.

Всадники в белых бурнусах и правда совещались. Они стояли на расстоянии, недостижимом для прицельного выстрела, и о чем-то переговаривались. Несколько минут назад их было семеро, но друзья стрелять умели.

— Саиб, они уезжают!

Бахрам-Али взбежал на вершину бархана и закричал:

— Трусы! Дети шакала!

Пуля взбила фонтанчик пыли у его ног.

— Не умеет стрелять, щенок,— стряхивая с одежды песок, сказал Бахрам.— Бандиты! Всемером на двоих! Саиб, давай остальных прикончим..

Стивен молчал. Он знал, что Бахрам любит рисковать, но никогда не станет действовать очертя голову. Американец смотрел, как быстро удаляются всадники.

— Похоже, эти мерзавцы куда-то торопятся. Вряд ли мы их так напугали,— размышлял Стивен.

— Наверно, поехали за подмогой,— подхватил Бахрам. Он уже не думал о мести и рассуждал спокойно.— Эти гиены могут неделями кружить около жертвы и никогда не оставят ее в покое. Нам есть что терять — винтовки и жизни. Они вернутся за ними.— Бахрам передернул затвор, вылетела стреляная гильза.— У меня последний патрон, саиб.

— А у меня три,— ответил Стивен.

Обыскивать убитых не было смысла: их товарищи забрали все, что могли. Стивен достал флягу — воды на донышке. Американец был худым и выносливым и временное отсутствие воды не пугало его. Он открыл флягу и смочил губы. Бахрам, вырос-

пий в пустыне, не так страдал от жажды, но и у него воды оставалось на два глотка.

Стивен и Бахрам встретились случайно, понравились друг другу и теперь вместе бродили по Индии, Турции и Персии — дитя Америки и дитя Востока. Они давно поняли, что и недели не смогут прожить на одном месте, а потому решили посвятить свои жизни поискам кладов. И гнала их не страсть наживы, а непобедимая жажда странствий.

Впервые о Пламени Апшурбанипала друзья услышали в Ширазе от купца-перса, который лет пятьдесят назад, будучи еще совсем молодым, промышляя у берегов Персидского залива скупкой и продажей жемчуга, узнал историю о диковинном драгоценном камне.

В ту пору на побережье ходили слухи о том, что какой-то бедный ныряльщик нашел на дне моря огромную розовую жемчужину. И как всегда бывает в подобных случаях, камень этот приглянулся шейху — правителю большого города, раскинувшегося посреди пустыни. Недолго думая, шейх приказал своим слугам заполучить этот камень, что они и сделали, заколов ныряльщика.

Купцу безумно захотелось купить эту жемчужину в приданое своей дочери, а потому он снарядил караван и отправился на поиски города, в котором обитал жестокий шейх. Но не нашел даже его развалин. Однако на обратной дороге караван наткнулся на умирающего от ран турка. В последние минуты перед смертью, в бреду, он успел поведать купцу удивительную историю о странном городе, что стоит посреди сыпучих барханов. Сложен этот город из черного камня, а на троне древнего храма сидит скелет, сжимая в скрюченных пальцах драгоценный камень.

Стоило турку подойти к трону, как им овладел дикий страх, с которым он не смог справиться, который гнал прочь из города. Турок не стал испытывать судьбу, вышел за крепостные стены, но там его подстерегала другая опасность: на него наскокил отряд бедуинов. Бандиты ранили беднягу, но он, хоть и загнал коня, все же сумел убежать.

Он умер, так и не сказав, где искать этот город.

Купец, как ни старался, не смог заставить своих людей продолжить поиски спрятавшегося посреди пустыни таинственного города. Они были уверены, что турок говорил о самом страшном городе на всем свете, об обители зла, на которой лежит проклятие древних и о которой знает каждый араб. Город Мертвых, Город Демонов, Черный Город — так его называют на Востоке.

Камень принадлежал давно умершему царю Сарданапалу, как его называли греки. Семиты звали его Ашшурбанипалом.

Стивен, конечно, понимал, что эта история может оказаться всего-навсего одной из занимательных сказок из «Тысячи и одной ночи», и все же рассказы об этом городе он слышал и от торговцев из Турции, и от погонщиков верблюдов в Персии, и от наложниц в Индии. Множество историй об одном и том же городе. Черном Городе.

Мысль о том, что невиданные сокровища действительно существуют, уже много месяцев гнала двух друзей по горам и пустыням.

Так и скитались Бахрам, веривший, что все на свете происходит по воле Аллаха, и Стивен, стыдящийся собственной наивности. Своих верблюдов они потеряли во время трехдневной песчаной бури. Последняя лепешка была съедена прошлым вечером. Вода была на исходе. Впереди их ждали долгие

дни без пищи и питья, свирепые звери и беспощадное солнце. Они уже не думали о Черном Городе, но и повернуть назад тоже не могли. Они мечтали лишь об одном — найти колодец — и из последних сил шли вперед.

Разбойники напали внезапно, появившись из закатной мглы. Стивен и Бахрам залегли на вершине бархана, а всадники как бешеные носились вокруг, осыпая их градом пуль. Песок — ненадежная защита, но путникам везло, их даже не ранило.

Стивен проклинал тот день, когда они решились на эти поиски. Отправиться вдвоем в бескрайнюю пустыню, без точных ориентиров и искать сокровища, которых скорее всего никогда и не было, — сумасшествие! «Должно быть, я сошел с ума», — поразмыслив, решил он.

Всадники исчезли так же внезапно, как и появились.

— Ну что ж, друг, — сказал американец, закидывая винтовку за спину, — идем. Не сидеть же здесь вечно. Или мы умрем от жажды, или нас пристрелят бандиты. На все воля Аллаха, как ты обычно говоришь.

— Все в руках Всевышнего, — серьезно молвил Бахрам. — Скоро ночь. Станет прохладней. Пойдем, вдруг повезет и мы еще сегодня найдем воду. Смотри, вон зеленеет что-то.

Стивен, прищурившись, поглядел в ту сторону. В нескольких милях впереди пустыня кончалась и были видны горы. Американец поправил карабин и устало проговорил:

— Что ж нам еще остается — пойдем. Не кормить же здесь стервятников.

Настала ночь, взошла луна, и песчаные гряды в ее колдовском свете казались застывшим морем.

Залитая серебряным сиянием пустыня была необыкновенно красива. Но Стивен не забывал, что пустыня, словно коварная ведьма, пыталась погубить все, что попадалось в ее объятия. Луна и вечность царили в этой ночи.

Стивен едва переставлял ноги, а Бахрам, как и прежде, шагал легко, его не брала усталость. Должно быть, сказывалась привычка горца.

Вскоре равнина сменилась холмами, перемежавшимися узкими, изъеденными глубокими трещинами проходами в окаменевшей земле. И ни куста, ни травинки — никаких признаков близости воды.

— Когда-то здесь был цветущий сад, — сказал Бахрам. — Эти трещины — бывшие арыки. Но песок не знает пощады — засыпал все живое.

Словно два привидения путники шли по царству смерти. Ночь кончалась, когда они поднялись на высокий холм, откуда можно было увидеть, чего им ждать дальше.

— Давай отдохнем, — запыхавшись, проговорил Стивен. — Я уже не чувствую ног. Не могу больше. Да и поспать часа четыре не помешает.

— Будем спать по очереди, саиб?

— Знаешь, я так устал, что, если нас убьют во сне, я протестовать не буду. Мне уже не верится, что мы когда-нибудь доберемся до воды.

Стивен лег на землю и мгновенно уснул.

А Бахрам еще долго сидел, внимательно вглядываясь в окрестности. Ночь была безоблачной, и при ярком свете полной луны все просматривалось как на ладони. На юге возвышалось нечто похожее на большие дома, но до них было чересчур далеко, и Бахрам не мог поклясться, что это не горы.

Стивен проснулся первым. Солнце уже палило вовсю, но американца разбудил не свет, а жара. Он

достал флягу и выпил немного теплой солоноватой воды. Оставался еще лишь один глоток. Вдруг он сильно толкнул спящего рядом Бахрама:

— Смотри! Это не горы!

Бахрам вскочил как ужаленный и спросонья схватился за кинжал. Через мгновение его взгляд стал осмысленным, он посмотрел, куда указывал Стивен, и упал на колени.

— О горе нам! Горе! Мы попали в Страну Мертвых! Это Черный Город!

Стивен опешил:

— Дружище, ведь мы искали его!

Неясные очертания города становились все отчетливей, и вот друзья уже смогли разглядеть мощные крепостные стены и громадные башни. Песок не сумел их засыпать, уж чересчур велики были эти постройки. Однако гигантский песчаный вал, вплотную подобранный к стене, делал ее похожей на гору.

— Неужели мы нашли его?! Великий Боже, мы нашли этот город! — вновь и вновь повторял Стивен, лихорадочно собирая вещи: флягу, винтовку, мешок. Не глядя на спутника, он быстрым шагом направился к крепости.

Бахрам-Али постоял на месте, бормоча себе под нос что-то про злых духов, но все же пошел за американцем.

Забыв про голод, жажду и зной, Стивен почти бежал, и глаза его горели от возбуждения. Увидеть таинственный камень, а возможно, и горы золота — не главное. Азарт, раскрытие загадок древности, познание неведомого — вот ради чего стоило жить.

Друзья подходили к городу, и крепостная стена, казалось, становилась все выше и выше. Она была

сложена из громадных плит черного гранита, и все заметнее становилось, как над некогда шлифованным камнем потрудились время.

В полдень жара стала совсем невыносимой. Путники достигли крепостной стены, нашли в ней широкий проем и наконец вошли в город.

На улицах царствовал песок. Все, на что падал взгляд, было покрыто песчаным саваном. От городских каналов не осталось и следа. Пустыня убила этот город.

Путники вышли на широкую аллею, по обеим сторонам которой высились массивные колонны, выдержавшие натиск песка и времени. Каждую колонну венчало каменное изваяние полузверя-получеловека. Более жуткое зрелище и придумать было невозможно.

— Бахрам, значит, мифы — не вымысел древних! Эти звери — слуги Астарты. Этой богине поклонялись ассирийцы пять тысяч лет назад. А храм, что виднеется в конце аллеи, — святилище Ваала.

— Нам не уйти отсюда! Здесь могут жить только джинны и злые духи. Человеку нельзя тут находиться, — без умолку твердил Бахрам.

— Я надеюсь, песок не засыпал вход в храм, иначе нам и за сто лет не добраться до камня.

— Зачем нам этот камень, если мы уже никогда не уйдем отсюда? Мы умрем здесь!

— Пожалуй, ты прав. Но можешь благодарить Аллаха, что хоть бандиты сюда не заявятся. Эти арабы так суеверны, что и на пять миль не подойдут к городу. А камень я все-таки хочу увидеть. Тогда и умереть не жалко. — Он достал флягу, снял крышку и выпил всю воду до дна. — Пройдет пять веков, и, может быть, кто-нибудь найдет мой скелет со сверкающим камнем в скрюченных пальцах.

Бахрам невесело хмыкнул и тоже осушил свою флягу. Теперь действительно все зависело либо от случая, либо от воли Аллаха.

Друзья поднимались по ступеням величественного храма. Им, не единожды доказавшим свою смелость и отвагу, было откровенно не по себе. Они не могли избавиться от ощущения, что за каждым поворотом их подстерегает нечто страшное и беспощадное. Но только ветер тихо стонал под уходящим в черноту сводом храма да песок скрипел под ногами.

Какие же титаны возвели эти огромные стены? Или, быть может, это творение рук вавилонян? Или ассирийцев? Но если это были ассирийцы, как же они смогли миновать страну своего врага? Добраться до арабской пустыни, не проходя через Вавилон, в ту пору было невозможно. Куда и как исчезла эта могучая цивилизация?

Бахрам шел на цыпочках, будто боялся потревожить сон богов, Стивен ступал уверенно, но с каждым шагом душе его было все труднее противостоять утrockому величию древности.

Пройдя длинный коридор, друзья оказались в просторном зале, освещенном лишь тусклым светом, льющимся из узких окон под куполом. Посреди зала возвышался черный алтарь, а на нем стояла исполинская статуя чудовища, отдаленно напоминавшего человека. Стивен догадался — это Ваал. Древний бог, что принимал в жертву лишь человеческие жизни. Бог, который вдохнул в обитателей и в стены этого города все дурное, что только может существовать на свете. Несомненно, создатели Черного Города во всем следовали воле своего жестокого владыки. Дух зла, насилия и ничтожности человеческой жизни был возведен ими в

религию. Похоже, добрых богов на этой земле никогда не было.

Бахрам и Стивен обошли алтарь и обнаружили невысокую дверь в стене. Она выходила в длинный темный коридор, что заканчивался анфиладой из нескольких десятков комнат с зашторенными окнами. Добравшись до последней комнаты, путники увидели величественную каменную лестницу, ступени которой уходили вверх, исчезая в темноте.

— Мне не хочется туда подниматься, — проговорил Бахрам. — Ничего мы там не найдем. Мы и так уже обошли почти весь дворец, и все впустую.

Стивен понял, что его друг чего-то боится, но не хочет признаться в этом. Доверяя чутью горца, он решил спросить напрямик:

— Ты думаешь, что именно наверху нас подстерегает опасность?

— Я знаю, что если джинны и демоны существуют, то они обитают не где-нибудь, а как раз в заброшенном доме, под самой крышей.

— Ну что ж, — грустно усмехнулся Стивен. — Нам все равно не прожить больше трех дней без воды. Так что, считай, мы уже покойники. Ты был верным другом, Бахрам. Спасибо тебе за все.

— Что ты такое говоришь, саиб? Разве мы прощаемся?

— Я пойду наверх, а тебя прошу вернуться к выходу и подождать меня там хотя бы до вечера. Заодно покарауль — вдруг сюда пожалуют наши знакомые бандиты.

— Никогда ни один мусульманин сюда и носа не сунет... До чего ж странные люди вы, неверные. Горец ни за что не оставит друга. Пойдем!

И друзья стали медленно подниматься по засыпанным песком ступеням. Потрявоженный ими пе-

сок лавиной устремлялся вниз в беспросветную мглу, а впереди не было видно ничего, кроме лестницы, которой, казалось, никогда не будет конца.

— Близка наша смерть, саиб,— тихо сказал Бахрам.— Я знаю, все в руках Аллаха, но на этот раз он не поможет. Здесь спят джинны. Не доведется мне больше услышать, как шумит водопад близ моего родного селения. Стивен промолчал. Ему тоже было не по себе от гнетущего безмолвия и призрачного света, который с каждым их шагом становился все ярче и ярче. Но откуда он шел, пока было непонятно.

Наконец друзья взойшли на последнюю ступень и очутились в большом круглом зале. Из прорех в куполе били солнечные лучи. Но их свет мерк на фоне ослепительного сияния, которое шло из центра комнаты.

Стивен и Бахрам зажмурились, с опаской посмотрели на свет из-под руки и не смогли сдержать возгласы изумления. Посреди зала в десяти футах над полом возвышался пьедестал, на котором стоял трон. На троне громоздилась куча костей, лишь отдаленно напоминавшая человеческий скелет. Сквозь эти кости просвечивал яркий, пульсирующий, словно сердце, большой алый камень.

— Вот мы и нашли Пламя Апшурбанипала! — только и смог вымолвить Стивен.

— Да, это он,— прошептал Бахрам, молитвенно сложив руки перед грудью.— Саиб! Очень тебя прошу, уйдем отсюда!

— Ну нет! — закричал Стивен и бросился к трону. Американец уже протянул руку, когда Бахрам схватил его за одежду.

— Саиб! Подумай! Сколько людей могли завладеть этим камнем за тысячу лет, но он все еще

здесь! Значит, он заколдован, значит, на нем лежит проклятие, значит, его кто-то стережет! К нему нельзя прикасаться, саиб! Этот камень принадлежит мертвецу! Не тревожь его! Уйдем отсюда!

— Ерунда! — оттолкнул Бахрама разозленный американец. — Покажи мне этого сторожа. Просто-напросто арабы невежественны и суеверны. Боятся злых духов, джиннов, демонов, чертовщины всякой. Напридумывали страшных сказок, чтоб детей пугать. И потом, кто мог сюда прийти, если бедуины обходят этот город стороной? Ведь больше о нем никто не знает... Здесь никогда никого не было! Пойми, никого! Ну разве что тот турок... Хотя я бы не стал доверять его словам. Чего только люди не говорят в бреду. Не верю я, что это кости царя Апшурбанипала! Не верю! Они бы уже давным-давно рассыпались от времени! Наверное, какой-нибудь путник забрел сюда, нашел камень, решил посидеть на троне, да и умер. С каждым может случиться.

Бахрам не перечил. Боясь пошевелиться, он как замороженный глядел на камень.

— Смотри, саиб! — наконец проговорил горец. — Разве есть еще где-нибудь на земле такой камень? Он только что был голубым, теперь стал розовым, а теперь — зеленым...

И действительно, ничего подобного Стивену не доводилось видеть. За годы странствий он научился разбираться в драгоценных камнях, но этот сравнить было не с чем. Легенда говорила об огромном рубине, но рубин лишь отражает свет, а этот камень сам испускал сияние, да такое яркое, что, поглядев на него всего лишь мгновение, приходилось отводить глаза. С таким способом огранки американец знаком не был. Чем дольше он изучал

камень, тем больше убеждался в правоте Бахрама — этот камень возник не обычным путем, Природа его не создавала. Стивен посмотрел по сторонам, и ему стало жутко.

— Бахрам, давай возьмем камень и убежим поскорее, — шепотом предложил он.

— Нет, — быстро ответил горец, устремив взгляд на черные стены. — Я ощущаю на себе взгляды тысяч глаз. Саиб, здесь нам надо опасаться не только призраков. Мне кажется, будто сотни львов окружили нас и, пока невидимые, наблюдают за нами из засады. Вспомни, саиб, чутье никогда не подводило меня. В джунглях я за сотни ярдов чувствовал тигра... А тогда, в храме Шивы, я почти сразу понял, что за стеной нас поджидают душители-тути... Так вот, сейчас все во мне кричит — опасность!

Стивен перепугался не на шутку. Ему не надо было напоминать о тех случаях, когда необычный дар Бахрама спасал им жизни, когда сверхъестественное чутье горца предупреждало их о незримой и безмолвной опасности. За годы странствий Стивен не раз убеждался в том, что Бахрам, отчаянно смелый человек и бывалый воин, никогда, ни разу, не беспокоился из-за пустяков.

— Что случилось, Бахрам? Говори, что нам угрожает?

Горец стоял прищурившись и слегка наклонив голову набок, будто прислушивался к тихому голосу, что вещал внутри его.

— Не могу разобрать, саиб. Только, видит Аллах, оно где-то рядом... Древнее и ужасное. Похоже, что... — Бахрам умолк на полуслове. В глазах его затаился страх. — Осторожно, саиб! — закричал он. — Сюда идет...

Яростные крики ворвались в святилище. Несколько секунд друзья еще верили, что их и впрямь атаковали джинны, но знакомый запах пороха и визг пуль, рикошетом отскакивающих от стен, быстро вернули их к действительности. Бахрам выругался на незнакомом языке. Только желторотые юнцы могли так попасться! Угораздило же их убедить себя в том, что бедуины не смогут превозмочь страх и войти в храм. Вот и оказались в ловушке, как глухие кролики.

Однако что уж теперь казнить себя — надо действовать. Бахрам разрядил винтовку в стоявшего на пути бандита и, выхватив кинжал, прыгнул в толпу бедуинов. С людьми сражаться легче, чем противостоять невидимым злым духам. Выстрел сбил тюрбан с головы Бахрама, но тут же сверкавший как молния кинжал горца настиг еще двух разбойников.

Высоченный курд вскинул винтовку — еще миг, и Бахрам отправится к праотцам, но Стивен опередил верзилу, и тот с пробитой головой рухнул к ногам скелета. Бандиты всей сворой кинулись на горца, но, похоже, их никто не научил действовать сообща: они суетились, стреляли наугад, принося вред своим же. Надо отдать им должное, бедуины быстро опомнились, перестали беспорядочно разряжать винтовки и разделились на две группы: одна атаковала Стивена, другая — Бахрама.

У американца оставался всего один патрон, который он собирался выпустить в одноглазого бедуина, что занес над ним тяжелую саблю, но тут Стивен заметил вторую цель: бандита, приставившего винтовку к груди Бахрама.

Раздумывать было некогда, последним выстрелом Стивен снес полголовы незадачливому стрелку и ус-

пел подставить ружейный ствол под опускавшееся на его голову лезвие. Клинок разлетелся вдребезги, даже не задев американца. Стивен схватил винтовку за дуло и, размахнувшись ей как дубиной, свалил с ног своего противника. Оглянулся — где же Бахрам? — и тотчас резкая боль пронзила плечо. Стивен выронил винтовку, кто-то из бедуинов сбил его с ног, и вот жало палки уже приближалось к его груди. Внезапно раздался властный окрик:

— Остановитесь! Не убивайте их!

Но Бахрам все еще доблестно сражался. Очередной бедуин летел на него с поднятой над головой винтовкой, но горец нырнул вниз и вогнал клинок ему в живот.

Не успел Бахрам выпрямиться, как получил удар прикладом по голове и упал. Не обращая внимания на рану, он продолжать размахивать кинжалом, но противников было чересчур много. Горца яростно били ногами. Его спас только плащ из верблюжьей шкуры, с которым он не расставался даже в самую сильную жару. Бахрама связали по рукам и ногам и бросили рядом с американцем.

Из плеча Стивена обильно текла кровь, он закусил губу, чтобы не застонать от боли. Над ним стоял высоченный араб и злорадно ухмылялся. Стивен никак не мог вспомнить, где он видел этого человека, но в том, что они встречались, американец не сомневался.

— Что, Стивен, не узнаешь старых знакомых? — спросил араб и пнул его ногой в плечо.

Стивен сжал зубы, чтоб не закричать.

— Ну, почему же не узнаю, Нур-эд-дин...

— Какая честь! Белый господин даже имя мое не забыл. — Араб шутовски поклонился. — Я тоже тебя помню. — Он коснулся шрама на подбородке.

Это случилось три года назад, когда Стивен путешествовал по Нигерии, охотясь на львов. Однажды его отряд разбил лагерь у реки, кишящей крокодилами. Мимо проходил караван, хозяином которого был Нур-эд-дин. Он вел две сотни негров на продажу. Стивен видел, как он приказал скинуть в реку четырех заболевших рабов. Ночью в лагерь к американцу прибежал негр, умоляя спасти его. Вслед за ним явился Нур-эд-дин, наглый и пьяный.

— Жаль, что тогда не отрезал тебе голову,— громко сказал американец.

— Все в руках Аллаха.— Араб поднял глаза к небу.— Но на этот раз ты в моих руках.— Он присел на корточки рядом со Стивеном.— Я уже давно не торгую рабами. Не по мне это занятие. Одно время я промышлял на дорогах в Сомали, Йемене и Турции, но все какие-то бедные купцы попадались. Вот и пришлось искать дело поприбыльней. Взял с собой верных людей и приехал в эти края. Поначалу трудновато приходилось с местными дикарями, но теперь они у меня ручные — на все готовы ради своего господина. Вчера вы уже узнали, как они дерутся. Правда, и им досталось, ну да ладно, впредь будут половчее... Мой лагерь разбит далеко отсюда, но направлялся я именно в этот город. Уж слишком заманчиво рассказывают о нем легенды.

— А мы думали, бедуины за милую обходят Черный Город,— пробурчал Стивен.

Нур-эд-дин усмехнулся:

— Не равняй меня с суеверными глупцами. Я многое повидал в жизни и многое понял. Я знаю, что мертвецы не встают из могил и что демонов, джиннов и проклятия древних люди придумали сами, должно быть от скуки. Услышав легенду о красном камне, я сказал себе, что должен найти этот город.

Я едва заставил этих дикарей отправиться со мной в пустыню.— Нур-эд-дин глянул на своих людей и плюнул.— Вчера мы пошли по вашим следам, а сегодня — какая неожиданность! — я вижу тебя. И ни где-нибудь, а в двух шагах от красного камня! Ну что ж, у нас будет время поразвлечься! Ты слышал, в Аравии есть милый обычай: одну ногу привязывают к одной лошади, вторую — к другой и гонят лошадей в разные стороны... Но это немного попозже. Сначала мне надо уладить одно небольшое дельце.— Он подошел к возвышению и начал подниматься по ступеням к трону.

— Не надо, саиб! — в один голос закричали бандиты.— Остановись! Не делай этого!

Обозленный странным своеволием слуг, Нур-эд-дин обернулся:

— Ну? Что еще?

Вперед вышел бедуин, лицо которого от уха до подбородка пересекал багровый шрам.

— Послушай нас, господин! Ты пришел сюда из других стран и не знаешь наших обычаев. Мы верно служили тебе, потому что ты много раз доказал нам свою смелость и хитрость. Мы не хотели идти сюда — каждый ребенок в наших селениях знает, что на Черный Город наложено страшное проклятие, что в нем живут джины, покой которых нельзя тревожить. Ты говорил, что хочешь лишь взглянуть на камень, что ты знаешь молитвы от духов зла и Аллах поможет нам. Но ты не сказал, что собираешься взять камень — Пламя Апурбанипала. Ты обманул нас, хозяин! Заклинаю тебя именем Магомета! Не трогай его! Не буди силы зла. Дотронувшись до камня, ты снимешь старинное заклятие, и по всей земле расплзутся исчадия ада! Умоляю тебя, уйдем отсюда!

— Уйдем отсюда! — в один голос подхватили бедуины.

Стивен внимательно наблюдал за Нур-эд-дином. Он не мог не признать, что этот человек обладает странной властью над людьми. Но как этот араб ухитрился уговорить бедуинов прийти сюда, оставалось для него загадкой. Конечно, разбойники и убийцы не так суеверны, как феллахи, но за долгие годы скитаний Стивен не встретил ни одного человека, который бы при одном лишь упоминании Черного Города не воздевал руки к небу в священном ужасе.

— Я знаю о страшном заклятии. На мусульман оно не распространяется. К тому же его уже снял этот неверный. — Нур-эд-дин указал на Стивена. — Он умрет жестокой смертью. Аллах нашими руками накажет гяура и его слугу!

Седой бедуин, видимо самый старший в шайке, подал голос:

— Это заклятие было наложено, когда Магомет еще не родился. Да славится имя его в веках! Все мы дети Аллаха! Этот город был построен еще в начале начал. Здесь жили жестокие, злые люди. Они угоняли в рабство наших предков и насиловали наших женщин. Они проводили свою жизнь в пьянстве, драках и убийствах. Не было на земле греха, который бы не совершали каждый день эти исчадия ада.

И правил ими царь Ашурбанипал.

Старшим колдуном во дворце царя был чернокнижник по имени Сафтлан. Никто не знал, откуда он пришел, сколько лет живет на земле, кто его предки. Он был так уродлив и гадок, что ни одна женщина не коснулась его. Завидев Сафтлана, дети с плачем бежали прочь. И поклялся колдун страш-

ной клятвой, что отомстит всему роду человеческому. Призвав себе на помощь никому не ведомые чары, он смог пройти все семь ворот ада и вернуться оттуда живым. Стоголовые чудовища со змеиными хвостами не тронули его. И вынес Сафтлан из гиенны огненный камень, сотворенный из адского пламени. И люди прозвали этот камень — Пламя Ашурбанипала.

И стал Сафтлан любимцем царя, ибо, вглядываясь в этот камень, колдун мог узнавать тайны прошлого и предсказывать будущее. Ничего неведомого не было для Сафтлана. Но в один злосчастный день в царстве начался мор, неизвестная болезнь поражала целые города, и в народе стали говорить, что виной всему колдун, что джинны карают их за то, что Сафтлан потревожил обитателей ада.

Долго не соглашался Ашурбанипал расстаться со своим предсказателем, но в конце концов велел ему отнести камень назад. Колдун отказался и решил бежать. Здесь, в этом городе, царь настиг Сафтлана и приказал пытать его в этой комнате, ибо хотел узнать тайну пророческого камня. На этом самом троне сидел Ашурбанипал с камнем в руке и, улыбаясь, глядел на предсмертные муки колдуна.—

Седой показал на трон, и издавшие виды разбойники в ужасе попятнулись.— С последним дыханием Сафтлан призвал все силы ада, всех джиннов и всех демонов на голову царя, отнявшего у него всемогущий камень. Колдун сказал, что Ашурбанипал сгниет заживо и до страшного суда будет сидеть на этом троне, и никто не посмеет коснуться Пламени Ашурбанипала. При этих словах комнату заволочло черным смрадным дымом, и из него возникло ужасное чудовище. Оно схватило Ашурбанипала когтистой лапой, и в тот же миг от правителя остался

только скелет. Давя друг друга, воины из царской свиты бросились вниз по этой лестнице, прочь из храма. Они разнесли страшную весть по всему городу, и жители покинули его еще до захода солнца. С тех пор здесь живут только шакалы и змеи да ветер гоняет песок по безлюдным улицам. Лишь немногие смельчаки приходили сюда и видели мертвого царя, но никто из них не посмел дотронуться до Пламени Ашурбанипала. Все знали и будут помнить всегда — здесь живет ужасное чудовище, и оно будет сторожить камень до скончания века. Я и сейчас чувствую его зловонное дыхание.

— Ну и где же он? — раздался насмешливый голос Нур-эд-дина.

— Никто не потревожил покой Пламени Ашурбанипала, — отвечал седой разбойник.

— А этот чужеземец, этот неверный?

— Прости меня, господин, что я осмеливаюсь перечить тебе. Никто не прикасался к камню, иначе бы нас давно не было в живых.

Нур-эд-дин принялся уговаривать непокорных слуг, но поняв, что от бывшего послушания не осталось и следа, выхватил саблю и закричал:

— Ну нет! Не для того я столько лет искал этот город! Ничто — ни годы лишений, ни сотни смертей не могли остановить меня. Я зарублю каждого, кто вздумает встать на моем пути!

Глаза Нур-эд-дина горели безумным огнем, беднины расступились, понимая, что отговаривать его бесполезно.

Воцарилась напряженная тишина, которую нарушали лишь стоны Бахрама. Связанные по рукам и ногам пленники так и лежали на полу, а вокруг них, сжимая в руках оружие, с застывшими от испуга лицами стояли разбойники.

Нур-эд-дин медленно шагнул к трону по лужам крови.

Никто не смел даже шелохнуться. Камень изменил свой цвет. Из розового он превратился в зловеще-пурпурный.

Стивен чувствовал незримое присутствие кого-то или чего-то. Огромного, ужасного и безжалостного. А главарь разбойников уже стоял на возвышении рядом с тронном и протягивал руку к нервно пульсирующему камню.

— Горы превращались в пустыни, реки меняли русло и высыхали, целые народы исчезали с лица земли, а ты лежал здесь и ждал меня.— И Нур-эд-дин схватил камень.

Раздался пронзительный визг, он звучал на такой высокой ноте, которую не способен издать ни один человек. Стивену почудилось, что это вопль камня, что он ожил и протестует. И тут, как бы в подтверждение его мыслей, камень выскользнул из рук Нур-э-дина. Должно быть, араб просто случайно выронил его, но американец мог поклясться, что камень сам вырвался на свободу. Он все быстрее и быстрее прыгал со ступени на ступень. Нур-эд-дин бросился догонять свое сокровище, но всякий раз, когда он протягивал руку, чтобы поймать камень, тот ускользал от него.

Наконец камень оказался на полу и, зловеще сверкнув, покатился к дальней стене. Еще мгновение — и Нур-эд-дин схватит его. Горящий пурпуром стусок света ударил в черную стену. Пальцы араба настигли его, и душераздирающий крик наполнил древние своды храма.

Стена, на которой лишь миг назад, казалось, не было ни одной трещины, внезапно раздвинулась. Из зловещей черной дыры показалась огромная когти-

стая лапа, схватила Нур-эд-дина и затащила в свое логово. Стена тотчас встала на прежнее место. Можно было подумать, что все происшедшее было лишь видением, если б не дикий, ледяющий душу вопль, что звучал и звучал откуда-то из самых глубин святилища.

Обезумев от страха, бедуины бросились наутек, прочь от этого обиталища демонов. Их крики уже затихли далеко за воротами храма, вой Нур-эд-дина тоже смолк, а Стивен и Бахрам-Али никак не могли отвести взгляд от стены, за которой исчез их недавний противник. Трудно было придумать что-нибудь более жуткое, чем тишина, воцарившаяся в те минуты под опустевшими сводами.

Но звук, который уже в следующий миг нарушил эту тишину, испугал друзей гораздо сильнее. Издалека доносился монотонный скрежет. Он приближался, становясь все громче и громче. Внезапно громадная каменная плита заскользила в сторону, и в стене открылся потайной ход, в глубине которого Стивен увидел странное мерцание, будто сотни волчьих глаз светились в безлунной ночи. Американец отвернулся и закрыл глаза. Ему было страшно, как никогда... Каждая частица его тела вопила, умоляла бежать отсюда. Почему-то он был уверен, что и Бахрам испытывает то же самое и лежит с закрытыми глазами. Древний инстинкт самосохранения подсказывал им единственно верное решение — притворяться мертвыми.

Они ничего не видели и не слышали, но явственно ощущали рядом с собой, здесь, в это зале, нечто огромное, холодное и беспощадное, как космос, вечность или смерть. Стивен чувствовал, как сквозь плотно сомкнутые веки в его мозг проникает ледяной взгляд, выискивая самые потаенные мысли. Он

не сомневался, что неведомая тварь стоит над ним. Смрадная вонь заполнила легкие Стивена, он очень боялся закашляться. Последними усилиями воли он приказывал себе лежать неподвижно и неустанно твердил про себя: «Мы не трогали Пламя Ашурбани-пала... Я не дотрагивался до него... Бахрам не касался его... Мы не воры... Пощади нас!»

Ни Бахрам, ни Стивен не могли потом вспомнить, сколько времени они так пролежали — минуту, день или неделю. Внезапно в комнате стали теплее, зловоние исчезло, и каменная плита плавно заскользила на место. Тварь уходила в свою потаенную обитель. Друзья лежали не шелохнувшись, зная, что стоит им хоть краем глаза увидеть это чудовище, как разум навсегда покинет их.

Но никто — ни бог, ни дьявол — не мог удержать Стивена от искушения хоть на миг приоткрыть глаза...

Стивен пришел в себя лишь от толчка в бок... Бахрам шептал ему:

— Саиб, повернись на бок. Я попробую зубами развязать тебе руки.

Американец лежал уткнувшись лицом в пыльный пол. Простреленное плечо нестерпимо болело. Он пытался разобраться, что же с ним произошло, пытался остановить вихрь картинок, проносившихся в голове.

Казалось, он помнил все. Но что было наяву, а что — не более чем бред человека, доведенного до безумия усталостью и жаждой?

Драка с бедуинами... Рана в плече, связанные руки и ноги, пороховая гарь — все говорило о том, что он действительно с кем-то сражался. А тварь, вылезшая невесть откуда, и смерть главаря шайки бандитов?

Бахрам наконец справился с веревкой. Потирая затекшие руки, Стивен полез в карман за перочинным ножом. Он долго, не поднимая глаз, возился с путами на руках и ногах Бахрама. Левая рука американца очень болела, а резать одной рукой было неудобно.

Бахрам с трудом встал и помог другу подняться.

— Где арабы? — спросил Стивен.

— Саиб! — опешил Бахрам. — Ты забыл? Ты не помнишь, что здесь произошло? О, Аллах! Помоги ему!

— Мы с тобой искали Черный Город... — как в полусне бормотал Стивен.

— Мы нашли его! — во все горло крикнул Бахрам.

— И долго шли по пустыне без воды... — продолжал американец.

— Ты помнишь, как я подстрелил летящего во весь опор бедуина? — Бахрам тряс Стивена за плечо, забыв о ране друга.

— Пламя Аппи... Храм Ваала, — шептал Стивен, бессмысленно глядя в одну точку.

— Во имя Аллаха, саиб, вспомни! Оглянись, посмотри, где мы с тобой находимся! — упорствовал горец.

— Это был сон... Ко мне вернулась лихорадка... Когда у меня были приступы малярии, мне снилась всякая чертовщина. — Стивен вытер мокрое от пота лицо и впервые поднял глаза. — Камень снова на месте...

На троне сидел тот же скелет и сжимал в руках камень. Пламя Ашурбанипала сиял ровным розовым светом. Казалось, ничего не изменилось с тех пор, как друзья пришли сюда. Только на пыли, ровным слоем покрывавшей мозаичный пол, появились сле-

ды: отпечатки сапог Нур-эд-дина, бежавшего за самоцветом от трона к страшной стене, и другие — огромные, словно слоновьи. Ни зверь, ни человек не мог оставить таких следов...

В ногах скелета валялась оторванная голова Нур-эд-дина. На побелевших губах навеки замерла нахальная усмешка, но в вытаращенных глазах застыл невыразимый ужас.

— О, Боже! — вскричал Стивен. — Это правда! Все это было!

Их бегство напоминало полет в кошмарном сне. Они ухитрились не переломать кости, несясь вниз по нескончаемой лестнице, обгоняя лавины осыпающегося песка. Почти наугад мчались они по лабиринту коридоров и комнат и остановились, только когда солнечный свет хлестнул их по глазам. С трудом переводя дыхание, они упали на землю.

— Неужели Аллах вернул нам удачу? Аллах акбар! Аллах акбар! Спасибо тебе! — неустанно повторял Бахрам.

Стивен взглянул на приятеля — к окровавленной ране на голове прилип песок, одежда в пороховой гари и дырах от вражеских клинков, башмаки в чужой крови и... бешеная радость в глазах.

— Смотри, саиб! Аллах велик!

Возле стены американец увидел трех лошадей, которых в спешке оставили бедуины. Фляги с водой и мешки с провизией висели у седел.

— Эти собаки так испугались, что не вспомнили про коней убитых! — ликовал Бахрам.

Друзья сломя голову бросились к лошадям, будто чудовище все еще угрожало им. Даже не напившись воды, забыв про ушибы и раны, они взлетели в седла и, прищипорив скакунов, понеслись по ули-

цам Мертвого Города, чтобы навсегда забыть эти засыпанные песком дворцы и полуразрушенные колонны. Они быстро нашли пролом в крепостной стене и долго скакали по пустыне, пока проклятые Аллахом черные камни не исчезли позади в жарком мареве раскаленного воздуха.

Выехав на знакомое плато, где дышалось намного легче, друзья остановились и спешились.

— Я так избит,— проговорил Бахрам, жадно глотая воду,— но, кажется, переломов нет. Собаки! — добавил он после очередного глотка.— Давай, саиб, я посмотрю твою рану. Может, смогу достать пулю, с помощью Аллаха, и перевяжу как сумею.

Бахрам долго разглядывал плечо американца, цокал языком и бормотал что-то. Потом ходил вокруг их лагеря и, низко опустив голову, всматривался в скудную растительность под ногами. Искал одному ему ведомую траву. В конце концов он вернулся к Стивену с пучком колючих растений.

— Придется немного потерпеть, саиб. Да ведь тебе не впервой...

Стивен молча кивнул. Бахрам вытащил кинжал и тщательно вытер лезвие о запыленный и заскорузлый от высохшего пота рукав.

Операция длилась недолго — пуля сидела неглубоко. Американец смотрел в сторону и лишь скрипнул зубами, когда Бахрам острием кинжала выцарапал кусочек металла из его руки. Горец долго жевал припасенную траву, потом выплюнул ее на ладонь и прилепнул эту бурую массу на рану.

— С помощью Аллаха, заживет быстро,— проговорил Бахрам, оглаживая бороду. В седельной сумке он нашел какую-то тряпку и туго перевязал плечо американца.

Стивен молча наблюдал за действиями друга и спросил:

— Дружище, что тебя беспокоит? Ты все время отводишь глаза. И говоришь чересчур весело. Я же давно тебя знаю.

— Саиб,— начал Бахрам нерешительно.— Я боюсь за тебя... Расскажи мне, что ты увидел! Я знаю, что смотреть было нельзя, и я знаю, что ты все-таки решился. Мне страшно за тебя... Расскажи мне, саиб!

Не ответив ни слова, Стивен пошел к лошадям. Бахрам не стал продолжать расспросы и последовал за ним. Друзья оседлали коней и тронулись в путь. Они направлялись на север, к морю. Им должно было хватить воды и пищи, чтоб добраться до побережья.

Лишь к вечеру Стивен заговорил:

— Глупо и недостойно мужчины жалеть себя. Но я жалею. Я жалею, что все-таки открыл глаза. Не уверен, что теперь я когда-нибудь смогу заснуть. То, что я видел, невозможно передать словами. Рассказать, как выглядит гиена или кобра,— легко, но это существо не могло родиться на земле. Оно из другого мира, из другого измерения. Оно — как бред безумца... Человек не может быть властелином вселенной, потому что эти существа появились задолго до человека. Они совсем другие и гораздо сильнее нас. Разум их настолько велик и отличен от нашего, что случись человеческому рассудку вступить с ним в единоборство, он бы лопнул, как лесной орех под ногой слона. С древних времен колдуны научились с помощью магии вызывать этих тварей сюда и приказывать им творить свои черные дела. Наверное, и Сафтлан смог вызвать это чудовище из преисподней. Я увидел его, когда оно уже уходило. Сзади. Громадная тварь, высотой в

три человеческих роста, с кожей и чешуей черного цвета. Она шла на двух лапах, но я видел четыре крыла, змеинный хвост и щупальца, растущие неизвестно откуда. Если бы я увидел ее спереди, то наверняка сошел бы с ума...

Бахрам, давай не будем никогда больше вспоминать Пламя Ашурбанипала! Чудовище, что появилось на земле силой заклинаний чернокнижника Сафтлана, никогда не покинет Черный Город!

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

В

первые я прочел об этом в удивительной книге фон Юнцта, немецкого эксцентрика, чья жизнь была столь же занята, сколь мрачна и таинственна — смерть. Мне посчастливилось узнать о «Безымянных культах» из самого первого издания так называемой «Черной книги». Она вышла в Дюссельдорфе в 1839 году, незадолго до того, как ее автора настиг неумолимый рок. С «Бе-

зымянными культами» библиофилы знакомы в основном по дешевым и неряшливым переводам, пиратски изданным в Лондоне в 1845-м, а также по изуверски сокращенному тексту, выпущенному в 1909-м нью-йоркским «Голден Гоблин Пресс». Мне же в руки попал настоящий немецкий том, вместивший в себя труд фон Юнцта от первого до последнего слова,— увесистая книга в кожаной обложке с ржавыми стальными накладками. Вряд ли во всем мире сохранилось более полудюжины ее сестренек, поскольку тираж был мизерным, и вдобавок, когда по свету разнеслась весть о трагическом конце автора, многие обладатели его книг в страхе поспешили их сжечь.

Всю свою жизнь (1795—1840) фон Юнцт посвящал запретным темам. Он много путешествовал, посетив все части света; его приняли в бесчисленные тайные общества; он прочел неисчислимое множество малоизвестных эзотерических книг и рукописей на самых разных языках. И в главах «Черной книги» (где поразительная ясность изложения то и дело сменяется двусмысленностью и маловразумительностью) попадаются утверждения и намеки, от которых у читателя с нормальным рассудком стынет в жилах кровь. Следя за умозаключениями, кои фон Юнцт не побоялся отразить на страницах своей книги, вы не избежите мучительных домыслов о том, чего он сказать не решился. К примеру, каким загадкам посвящались убористо исписанные страницы неопубликованной рукописи, над которой он, не разгибая спины, трудился несколько месяцев кряду, вплоть до своей кончины? От тех страниц остались только мелкие клочки на полу наглухо запертой изнутри комнаты, где нашли труп фон Юнцта со следами когтей на горле. Так и не удалось выяс-

нить, что было в той рукописи, ибо ближайший друг покойного, француз Алексис Ладю, после всеобщей состыковки ключков предал их огню, а затем полоснул бритвой себе по горлу.

Но и опубликованные откровения германского мистика — не самая удобоваримая пища для размышлений. Общее впечатление большинства читателей таково: «Черная книга» суть метания поврежденного ума.

Штудирюя ее, я в числе всевозможных загадок то и дело встречал упоминания о Черном Камне, занятом и страшноватом монолите, с незапамятных времен известном горцам Венгрии. С ним связано немало мрачных легенд. Правда, фон Юнцт не слишком подробно о нем писал — его вызывающие дрожь и зубовный перестук исследования посвящены главным образом культам и атрибутам черной магии, с которыми он соприкасался в свое время. Похоже, Черный Камень — материальный след некой религии, исчезнувшей столетия назад. Фон Юнцт назвал его «одним из ключей» — эта фраза повторяется многожды и с вариациями, являя собой одну из головоломок, которыми изобилует книга. Автор вскользь намекает на загадочные явления вблизи этого монолита; они бывают в Иванов день, вернее, в Иванову ночь.

Он упоминал гипотезу Отто Достмана о том, что Черный Камень появился во времена нашествия гуннов, его возвели в память о победе Атилы над готами. Эту идею фон Юнцт решительно отменил, но увы, не подкрепил свое возражение убедительными фактами, лишь заметил, что связывать происхождение Камня с гуннами не более логично, чем Стоунхендж — с походами Вильгельма Завоевателя.

Как бы то ни было, эта ссылка на монументы глубокой древности донельзя раздражила мое любопытство, и я, преодолев некоторые затруднения, нашел-таки пострадавший от крыс и плесени экземпляр «Следов исчезнувших империй» Достмана (Берлин, 1809, «Дер Драченхауз Пресс»). И не без разочарования обнаружил, что Черному Камню Достман уделит еще меньше строк, чем фон Юнцт, сочтя этот артефакт слишком молодым по сравнению с греко-римскими развалинами Малой Азии, которые были его любимым коньком. Он признавался, что не может классифицировать монолит по внешним признакам, но без колебаний относил его к монгольской культуре.

Не скажу, что я почерпнул у Достмана много нового, но в памяти запечатлелось название села по соседству с Черным Камнем — Стрегойкавар. В переводе — что-то наподобие Ведьмина города. Не правда ли, жутковато звучит? Копание в путеводителях и путевых заметках ничего не дало. Я даже на картах не нашел Стрегойкавар — он лежит в труднодоступной глуши, в стороне от туристских маршрутов. Но кое-что любопытное обнаружилось в «Мадьярском фольклоре» Дорнли. В главе о мистических сновидениях упомянут Черный Камень, а также удивительные суеверия, с ним связанные. Согласно поверью горцев, если вы уснете рядом с этим монолитом, то вас потом всю жизнь будут мучить чудовищные кошмары. Дорнли цитировал рассказы крестьян о слишком любознательных, которые осмеливались посетить Черный Камень в Иванову ночь, а потом сходили с ума от страшных снов и умирали.

Книга Дорнли сама по себе весьма увлекательна, но еще больше меня заинтриговала явственная и

зловещая аура Черного Камня. Вновь и вновь попадалось мне это название в старинных фолиантах, вновь и вновь находил я загадочные намеки на сверхъестественные явления в Иванову ночь, и в душе моей всякий раз пробуждался некий инстинкт — подобный инстинкту лозоходца, улавливающему ток черной подземной реки.

И вдруг я увидел связь между этим Черным Камнем и странной стихотворной фантазией безумца Джастина Джеффри «Люди монолита». Порасспросив знатоков литературы, я узнал, что стихи эти Джеффри написал, путешествуя по Венгрии, — могли я сомневаться, что Черный Камень — тот самый монолит, которому посвящены удивительные строфы?

Я еще раз внимательно прочитал стихотворение и вновь испытал смутное чувство, возникшее при первой моей встрече с названием «Черный Камень». Как раз в то время я подумывал, куда бы съездить на отдых, а посему недолго колебался в выборе. Я отправился в Стрегойкавар. В Темесваре сел на ветхий старомодный поезд и укатил в невообразимую глушь, а потом три дня трясся в допотопной карете, пока наконец не очутился в деревушке, что лежит в плодородной долине посреди заросших хвойными лесами гор.

Поездка не изобиловала впечатлениями, разве что в первый день путешествия я побывал на знаменитом поле Шомвааль, где доблестный польско-венгерский рыцарь граф Борис Владинов героически, но недолго сдерживал победоносную армию Сулеймана Великого в 1526 году, когда полчища великотурок затопили Восточную Европу. Возница показал мне груды камней на близлежащем холме — там, по его словам, покоились останки смелого графа.

Мне вспомнился отрывок из «Турецких войн» Ларсона. В очерке «После стычки» (той самой, в которой граф Борис и его крошечная армия выдержали атаку турецкого авангарда) сказано:

«Когда граф, стоя на холме у полуразрушенной стены старого замка, наблюдал за передислокацией своих отрядов, оруженосец принес ему лакированную шкатулку — ее нашли на теле знаменитого турецкого историка и летописца Селима Багадура, павшего в этой битве. Граф вынул пергаментный свиток, развернул, но успел прочесть лишь несколько фраз.

Лицо его обрело меловую белизну, без единого слова он вернул пергамент в шкатулку, закрыл ее и спрятал под полкой своего плаща. И в тот же миг открыла шквальный огонь замаскированная турецкая батарея, и на глазах ужаснувшихся солдат стены древнего замка рухнули и погребли отважного рыцаря. Лишенная командира крошечная армия сопротивлялась недолго, героических венгров изрубили в куски. Наступили смутные, кровавые времена, и многие годы никому не было дела до останков благородного полководца. И теперь селяне показывают проезжим бесформенную груду камней — развалины замка Шомвааль, под которыми уже несколько веков тлеют кости Бориса Владинова».

Наконец я добрался до Стрегойкавара. На первый взгляд снулая бедная деревенька ни в коей мере не оправдывала свою грозную славу. Складывалось впечатление, будто прогресс решил во что бы то ни стало обойти ее стороной. Диковинные здания, диковинная одежда, диковинные манеры — Стрегойкавар безнадежно отстал от времени. Обыватели вели себя гостеприимно, быть может, отто-

го, что иностранный гость в тех краях — птица очень редкая.

— Тут уже был один американец, десять лет назад, — сообщил мне владелец таверны, где я снял комнату. — Задержался на несколько дней. Молодой совсем, чуток не от мира сего, все глядел в одну точку да бубнил под нос. Может, поэт?

Я не сомневался, что он говорит о Джастине Джеффри.

— Да, он был поэт, — ответил я, — и сочинил стихи о том, как побывал в вашей деревне.

— Да что вы говорите?! — с неподдельным интересом воскликнул селянин. — В самом деле? Должно быть, он теперь знаменит — все великие поэты чудаковаты в речах и поступках. А уж он-то был первейший чудак.

— Увы, как часто бывает с гениями, львиная доля славы пришла к нему после смерти, — посетовал я.

— Так он что, преставился?

— В лечебнице для душевнобольных, заходясь криком от ужаса. Пять лет назад.

— Эх, жалость-то какая, — опечалился хозяин таверны. — Вот бедолага. Зря он так долго смотрел на Черный Камень.

У меня екнуло сердце, но на лице не дрогнул ни один мускул. Я сказал с напускной беспечностью:

— Черный Камень? Что-то я о нем слышал. Если не ошибаюсь, он где-то поблизости?

— Ближе, чем хотелось бы добрым христианам, — ответил мой собеседник. — Гляньте! — Он подвел меня к зарешеченному окну и показал на лесистые склоны хмурых синеватых гор. — Видите белый утес, точно собачий клык? На нем-то и стоит проклятый Камень. Эх, рвануть бы его, да размолоть в поро-

шок, да сбросить в Дунай, чтобы унесло в море-океан! Находились тут смельчаки, стучали по нему кувалдами и молотками... Страшна была их доля. Нынче мы Камень за версту обходим.

— Чем же он так опасен?

— В нем демон живет, — неохотно ответил селянин, и его слегка передернуло. — Знал я в детстве одного залетку с равнины, он все потешался над нашими суевериями. В такой раж вошел, что затеял провести возле Камня Иванову ночь. А на зорьке воротился паренек — ноги заплетаются, язык не шевелится, умишко напрочь отшибло. Так и молчал до самой смерти, а уж она себя ждать не заставила. А вот еще случай с моим племянником. Он тогда совсем мальчонкой был. Пошел гулять, да заплутал в горах и переночевал возле Камня, и с тех пор его мучат дурные сны, он аж вопит по ночам и в холодном поту просыпается. А впрочем, герр, давайте лучше о чем-нибудь другом потолкуем. Негоже это — всеу поминать Черный Камень.

Я высказался насчет преклонного возраста таверны и услышал гордый ответ:

— Фундаменту лет четыреста будет. Только он и остался целехонек, когда спустился с гор треклятый Сулейман и спалил дотла всю деревню. Говорят, здесь, на этой самой кладке, стоял штабной шатер писца Селима Багадура, когда басурманы зорили округу.

Я узнал, что нынешние обитатели Стрегойкавара — вовсе не потомки людей, живших здесь до 1526 года, памятного турецким нашествием. Мусульманская коса беспощадно прошла по этой земле, в кровавом холокосте легли все жители деревни, до последнего младенца. А когда турок выгнали, в разрушенном Стрегойкаваре поселились

трудолюбивые и неприхотливые крестьяне с равнин.

Владелец таверны без особого почтения отзывался о вырезанных турками стрегойкаварцах; я пришел к выводу, что к горцам его предки относились едва ли не хуже, чем к туркам. На мои вопросы о причинах той вражды он отвечал неохотно, но я все же понял, что коренные стрегойкаварцы промышляли разбоем и похищением девушек и детей. Хуже того: они, по словам моего собеседника, были другой крови. Когда крепкие, статные мадяро-славяне смешиваются с вырождающимся племенем аборигенов, стоит ли удивляться, что на свет появляются хилые уродцы? Кто были те аборигены — о том мой визави знать не знает и ведать не ведает. По слухам, они себя называли паганами и жили в горах с незапамятных времен, задолго до великого переселения народов.

Я не придал особого значения этой легенде, хоть и увидел в ней параллель со смешением кельтских племен и аборигенов средиземноморья на Галловейских холмах, что привело к появлению нескольких смешанных рас (одна из них — пикты — заняла достойное место в шотландском эпосе). Время причудливо перелицовывает фольклор. Мифология пиктов сплелась с устными сказаниями пришедших им на смену монголоидов, в результате чего эпический пикт приобрел отталкивающие черты: этакое безликое ничтожество, свирепый низкорослый дикарь с куриными мозгами. Так отчего же не предположить, что жителей раннего Стрегойкавара можно найти, если постараться, в мифологии древних пришельцев с Востока — гуннов и монголов?

На другое утро я злоупотребил вежливостью хозяина таверны — уговорил объяснить, как доб-

раться до Черного Камня. Оставив доброго венгра с великой тревогой на челе, я покинул гостеприимный кров и несколько часов поднимался по лесистому склону, пока не вышел к иззубренному голому утесу. Его огибала узкая тропка; карабкаясь по ней, я оглянулся на живописную долину Стрегойкавар. Казалось, синеватые горы охраняют, точно часовые, ее мирный сон. С того места я не увидел деревни (ее заслонял утес), зато различил рассеянные по долине пастбища и пашни; они будто съжились пред величием хмурой горы, служившей постаментом Черному Камню.

За гребнем утеса оказалось плато, покрытое густым лесом. Пришлось идти сквозь заросли, благо недалеко. Вот и широкая поляна, о которой говорил селянин, а в ее центре — громадное изваяние из черного камня, восьмиугольник футов шестнадцати в высоту и толщиной фута полтора. Когда-то он был превосходно отшлифован, а теперь на нем сплошь выбоины — следы упорных попыток расколоть. Но кувалды лишь сточили письма, выстроенные по спирали от центра до краев. До высоты десять футов надпись исчезла без следа, выше дело обстояло лучше, иные письма можно было разглядеть, если постараться. Вскоре я понял, что они не принадлежат ни одному из сохранившихся донныне языков. Более того, я отлично помню все иероглифы, известные археологам и филологам, и вполне уверен: с письменами Черного Камня они не имеют ничего общего. Разве что гигантские грубые царапины на загадочном симметричном камне в затерянной долине Юкатана чем-то схожи с ними... Помню, когда я показал те царапины своему спутнику, археологу, он был склонен объяснить их выветриванием, а может, какой-нибудь индеец от не-

чего делать решил попрактиковаться в наскальной живописи. Когда же я высказал предположение, что этот камень — основание давно исчезнувшей колонны, друг поднял меня на смех. По его мнению, колонна на таком огромном фундаменте должна быть не меньше тысячи футов в высоту, иначе нарушаются законы архитектурной симметрии. Но меня его довод не убедил.

Я не утверждаю, что буквы Черного Камня схожи с рисунками на том юкатанском колоссе, скажу лишь, что и те, и другие представляют собой загадку. Как и материал, из которого вытесан восьмиугольник. Камень тускло отсвечивает; когда глядишь на те места, где нет выбоин, возникает иллюзия полупрозрачности.

Я все утро провел возле Черного Камня, а на обратном пути едва не вывихнул себе мозги. Откуда он, вообще, взялся? Где она, связь между ним и каким-либо другим артефактом моего мира? Такое впечатление, что Камень появился на свет без помощи землян. Его вытесали инопланетяне на своем далеком мире, а потом перевезли сюда, но не удосужились объяснить нашим предкам, с какой целью.

Терзаемый любопытством, я вернулся в деревню. Итак, я наконец-то увидел вождеденную диковину; что ж теперь, успокоиться на достигнутом? Ну уж нет, сказавши «а», надо говорить «бэ». Тем более что мне и самому не терпится сделать следующий шаг — выяснить, кто и для чего создал Черный Камень и водрузил на столовую гору. Я отыскал племянника хозяина таверны и расспросил о снах; он не боялся излагать свои сновидения, он просто мямлил и путался. Насколько я понял, сны повторялись и были невероятно яркие, но не запечатлевались в памяти. Он помнил только хаотичные

кошмары с клубами дыма, гигантскими языками ревущего пламени и непрерывным уханьем черного барабана. А еще — Черный Камень, только не на лесистом плато, а на шпиле колоссального черного замка. Расспрашивал я и других жителей деревни, но они упорно не соглашались говорить о Черном Камне.

До откровенного разговора снизошел только школьный учитель — типичный сельский интеллигент, весьма любознательный и, в отличие от своих земляков, немало поездивший по свету. Меня поразила широта его кругозора и порадовал живой интерес, с каким он выслушал мой рассказ о фон Юнцте.

Насчет возраста монолита он был вполне согласен с немецким автором. По его предположению, в далеком прошлом у Черного Камня собирались ведьмы на шабашах, а все жители деревни поклонялись языческим богам плодородия; некогда этот культ угрожал распространиться на всю Европу и породил множество легенд и мифов о колдунах и ведьмах. Эту гипотезу, по его мнению, подтверждает то обстоятельство, что имя Стрегойкавар — не изначальное, многие века назад деревня называлась Ксутлтан, как и вся эта местность.

Услышав эти слова, я снова испытал необъяснимое беспокойство. Варварское название никак не вязалось со скифскими, славянскими или монгольскими нашествиями, какому же, спрашивается, народу принадлежали аборигены?

Несомненно, сказал учитель, что мадьяры и славяне окрестных равнин считали горцев язычниками и колдунами, — за что же еще могли они дать деревне такое название, пережившее даже турецкий геноцид и гибель всех прежних жителей и сохра-

нившееся после того, как вполне добропорядочные католики отстроили деревню заново?

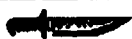
По мнению учителя, монолит, конечно, возвели не язычники, но они его сделали главным атрибутом своего культа. Опираясь на легенды дотурецких времен, он пришел к гипотезе, что вырождающееся племя пользовалось Черным Камнем как алтарем для заклятия людей, чем и объясняется похищение девушек и детей в долинах.

Он не принимал всерьез поверья о жутких чудесах Ивановой ночи, а также любопытный миф о загадочном божестве, которое язычники Ксутлтана пробуждали своими заклинаниями и ритуалами с бичеванием друг друга и убийством жертв.

Сам он, по его словам, ни разу не бывал у Камня в Иванову ночь, однако вовсе не страх тому причиной. Все нечестивые деяния, связанные с монолитом, канули в глубь веков, он давно утратил свое значение и ныне всего лишь звено, связующее нас с далеким прошлым.

Однажды вечером, побывав в гостях у учителя, я возвращался в таверну, и вдруг меня как громом ударило: нынче же Иванова ночь! Та самая ночь, с которой связаны все страшные легенды о Черном Камне.

Не дойдя до таверны, я повернул и быстро пошел к околице. Стрегойкавар безмолвствовал, его жители рано укладывались спать; по дороге я не встретил ни души. Над долиной висела большая серебристая луна, поливала скалы и леса призрачным сиянием и четко обрисовывала тени. И ни единого ветерка в лесу, лишь таинственные, необъяснимые звуки: порохи, шелест, хруст. Воображение красочно рисовало, как нагие средневековые ведьмы проносятся над долиной верхом на помелах, а

их с диким хохотом и визгом преследуют демонические ухажеры.

Вот и утес. Мне стало слегка не по себе: в лунном сиянии он выглядел необычно, напоминая развалины циклопической зубчатой стены. Не без труда отделившись от этой иллюзии, я поднялся на плато и после недолгих колебаний углубился во тьму леса. Казалось, весь мир затаил дыхание, как хищник перед броском на свою жертву. Э, нет, так не годится, надо взять себя в руки. Впрочем, в таком страшноватом месте, да еще среди ночи, стоит ли удивляться дрожи коленок?

Я пробирался через лес и не мог избавиться от ощущения, что за мной следят. Даже остановился разок, когда что-то холодное и влажное коснулось моей щеки. Или почудилось?

Наконец я вышел на поляну; посреди нее надменно и грозно возвышался над некошенной травой монолит. На краю поляны, ближе к обрыву, я увидел камень — вполне годится, чтобы присесть. Что я и сделал, обратившись к нему мысленно: не на тебе ли Джастин Джеффри сочинял мистические стихи? Хозяин таверны был уверен, что виновник его сумасшествия — Черный Камень, но на самом деле семена безумия проросли в мозгу поэта задолго до его приезда в Стрегойкавар.

Я глянул на часы: полночь близко. Сел поудобнее, прислонился спиной к камню. Посидим, пождем, может, и увидим что-нибудь занятное. Налетел ветерок, заиграл ветвями, и сразу почудилось, будто где-то вдали флейты затянули неземную и недобрую мелодию. Монотонный шелест ветра вкупе с моим неотрывным взглядом на Черный Камень подействовали гипнотически — я кклонул носом. Как я ни боролся со сном, он все равно одолевал.

Монолит расплывался и качался, а затем и вовсе исчез.

Я открыл глаза и решил встать. Не тут-то было — ледяной ужас объял меня и удержал на месте. Я не один на поляне! Передо мной целая толпа! Как странно выглядят эти люди, и почему они молчат, будто воды в рот набрали? Мои зрачки, расширенные страхом, разглядели дивные варварские одеяния; потрясенный разум машинально заключил, что они слишком древние даже для этого захолустья.

Да ведь это жители деревни, у них тут что-то вроде маскарада!

Я пригляделся и понял, что передо мной вовсе не стрегойкаварцы. Эти люди гораздо ниже ростом, зато шире в кости, у них скошенные лбы, плоские, некрасивые лица. В облике некоторых заметны мажарские или славянские черты, но — вырожденные, смешанные с незнакомыми мне. Костюмы не отличались красотой и сложностью покроя, доминировали шкуры диких животных. И мужчины, и женщины казались такими же грубыми и примитивными, как их одежда. Они внушали страх и отвращение, и слава Богу, что не замечали меня.

Образовав широкий полукруг перед монолитом, они затянули песнь, дружно взмахивая руками, ритмично кланаясь и выпрямляясь, не сводя глаз с вершины Камня, к которому, по всей видимости, они зывали. Но всего удивительнее были голоса. Не более чем в пятидесяти ярдах от меня сотни мужчин и женщин надрывали глотки в страстной молитве, а я едва слышал шепот, доносившийся, казалось, из глубин пространства... или времени.

Перед монолитом стояло нечто наподобие жаровни, а над ней клубился тошнотворный желтый дым, обвивал, как огромная беспокойная змея, чер-

ный столб. Рядом с жаровней лежали двое — совсем молоденькая девушка, обнаженная и связанная по рукам и ногам, и грудной младенец. По другую сторону жаровни сидела на корточках мерзкая старая карга с диковинной формы черным барабаном на коленях и неторопливо постукивала по нему ладошками. Но я не слышал ударов.

Танцоры махали руками и раскачивались все быстрее. От полукруга поющих отделилась голая молодая женщина, глаза ее сверкали, длинные черные локоны взвивались и рассыпались по плечам. Бешено кружась на носках, она приблизилась к монолиту, простерлась ниц и более не шевелилась.

В следующий миг за ней последовал некто фантастический — набедренной повязкой ему служила козья шкура, лицо целиком пряталось под маской из огромной волчьей головы. Столь жуткое сочетание человеческих и зверских черт достойно горячего кошмара. В руке этот человек держал вязанку лапника; в лунном свете поблескивала тяжелая золотая цепь на шее танцора. С нее свисала цепочка потоньше — видимо, для кулона, но его не было.

Люди неистово размахивали руками и, похоже, кричали вдвое громче. А чудовищный танцор в волчьей маске выделял прихотливые коленца и приближался к Камню. Как только он оказался рядом с лежащей молодницей, принялся хлестать ее лапником, а она тотчас вскочила на ноги и вновь пустилась в умопомрачительный пляс. Ее мучитель танцевал рядом в бешеном ритме, повторяя все ее движения да еще осыпая ее обнаженное тело рядом жестоких ударов. Каждый удар сопровождался исступленным возгласом, который тут же подхватывали остальные. Слово выкрикивалось вновь и

вновь, но я не мог его разобрать, хоть и видел, как шевелятся губы пляшущих; для меня их голоса слились в один далекий шорох.

Двое кружились в бешеном темпе, а остальные по-прежнему раскачивались и взмахивали руками. И во всех глазах разгорались огоньки безумия. Все неистовей и бессмысленней движения танцоров, в них уже нет ничего человеческого, а старуха завывает и лупит в барабан, как сумасшедшая, и летят в стороны ошметки лапника.

Молодица уже вся в крови, но удары дьявольской мощи и ярости лишь придают ей сил, и она вихрем кружится перед Камнем. А желтый дым протягивает к танцорам зыбкие щупальца, обнимает, ласкает; женщина так и льнет к нему, кажется, она хочет раствориться, бесследно исчезнуть в зловонном дыму. Вот она опять на виду, и человек в волчьей маске не отстал ни на шаг. Наконец — взрыв дикой, первобытной энергии, каскад неистовых движений, и на самом гребне этой волны безумия она вдруг падает на траву и хватается ртом воздух, и ее бьет крупная дрожь. Силы иссякли. А человек в маске все бьет и бьет, ярость его неумемна, и женщина ползет на животе к монолиту. Жрец (во всяком случае, я счел его жрецом) движется следом в танце и истязает беспомощную женщину. Та корчится, и я вижу на утоптанной траве широкую кровавую полосу.

Наконец женщина добралась до монолита и, задыхаясь от боли и изнеможения, припала с распростертыми руками и осыпала страстными поцелуями холодный камень. И эта страшная, отталкивающая сцена слепого дикарского обожания подействовала на жреца как удар обухом. Он запнулся на месте и отшвырнул кровавый лапник, а

остальные с воем и ревом вцепились друг в друга зубами и ногтями; ключья одежды полетели в стороны. Длинной рукой жрец схватил ребенка и выкрикнул имя божества; в тот же миг плачущее дитя полетело в монолит. На черной поверхности остались комочки мозга.

Холодея от страха, я смотрел, как жрец голыми руками рвет крошечное тельце и мажет кровью столб, как держит над жаровней истерзанный трушник, алым дсждиком гася пламя, как озверевшие дикари за его спиной восторженно воют и снова и снова выкрикивают имя своего божества. Потом они вдруг все распростерлись на земле, а жрец торжествующе воздел кровавые руки. Я невольно открыл рот, но из горла вырвался не вопль ужаса, а только жалкий хрип. На вершине монолита восседала огромная тварь, похожая на жабу! Я видел ее плавные до тошноты черты, они колебались в лунном свете, пока не состроились в морду. Огромные мигающие глаза отражали бездну похоти, жадности, скотской жестокости и чудовищной злобы, иными словами, все пороки, доставшиеся сынам человеческого от их свирепых волосатых предков. Подобно городам, спящим на морском дне, те очи вобрати в себя гнусные действия и богомерзкие тайны; то были глаза гада, прячущегося от света дневного в глубинах затхлых и сырых пещер. И эта пакостная тварь, вызванная к жизни свирепым кровавым ритуалом посреди безмолвствующих гор, ухмылялась и моргала, взирая на своих бесноватых почитателей, что застыли в благоговении перед нею.

И тут жрец в звериной маске схватил слабо корчащуюся девушку и безжалостно повернул ее лицом к чудовищу на монолите. А оно сложило губы в дудочку и так шутядно, так похотливо

зачмокало, что в мозгу моем щелкнуло и я погрузился в спасительное беспамятство.

На белой заре я открыл глаза. Изумленно огляделся. Дул утренний ветерок, над поляной как ни в чем не бывало высился угрюмый и молчаливый Камень. Я поспешил к нему. Вот здесь танцоры вытоптали траву, а здесь женщина ползла к монолиту, кровью помечая свой путь.

Ни единого следа! Я с содроганием посмотрел на монолит, вспомнив, как жрец раскроил о него череп похищенного ребенка, — но и там не осталось ужасной отметины!

Сон! Все это — дичайший кошмар. А может?..

Я пожал плечами. Разве бывают сны такой поразительной четкости?

Я тихо вернулся в деревню и, никем не замеченный, вошел в таверну. И в своей комнате сел поразмыслить над удивительными событиями этой ночи. Чем больше я о них думал, тем меньше меня устраивала версия насчет сна. Да, никаких сомнений, это была иллюзия, мираж. Скорее всего, я заглянул в отражение тени минувшего, стал очевидцем действия, разыгравшегося в далекие дни. Но как узнать наверняка? Чем доказать себе, что тот шабаш на вершине столовой горы — сборище призраков, а не кошмарный сон перевозбужденного разума?

И тут словно в ответ полыхнуло в мозгу имя: Селим Багадур! По легенде, именно он, воин и летописец, командовал отрядом, который опустошил Стрегойкавар. Что ж, это вполне похоже на правду. А если так, то с этой выжженной земли он отправился напрямик к Шомваалю и там нашел свою погибель. Я так разволновался, что даже на ноги вскочил, с уст сорвался возглас. Манускрипт! Манускрипт, найденный на теле турка и заставив-

ший содрогнуться графа Бориса! Не рассказывал ли он о том, что увидели в Стрегойкаваре турецкие завоеватели? Что еще могло напугать храброго поляка? И поскольку с тех давних пор никто не искал останки графа, вполне возможно, что лакированная шкатулка с таинственной рукописью все еще лежит под развалинами рядом с прахом Бориса Владинова.

Не теряя ни секунды, я начал собираться в дорогу.

Через три дня я остановился в деревушке в нескольких милях от поля битвы. Восход луны застал меня на вершине холма — не жалея сил, в лихорадочной спешке я раскидывал камни. Работенку я себе нашел каторжную — оглядываясь на прошлое, не возьму в толк, как я вообще с нею справился. Короче говоря, потруился без передышки до самого рассвета. Когда над горизонтом показался край солнца, я откатил последний камень и увидел бранные останки графа Бориса Владинова — несколько раздробленных костей. А среди них лежала вожденная шкатулка, вернее, то, во что ее превратили камни и время. За века лак сгнил без остатка.

Дрожа от волнения, я схватил находку и поспешил прочь, а в таверне, у себя в комнате, открыл шкатулку и достал весьма недурно сохранившийся пергамент. А затем и еще кое-что — вещьцу, завернутую в шелк. Просто слов не подобрать, до чего мне не терпелось выведать тайны пожелтевшего манускрипта, но усталость взяла свое. Ведь я почти глаз не сомкнул после отъезда из Стрегойкавара. И вот я приказал себе лечь в постель и проспал мертвым сном до самого заката. Поужинал на скорую руку и наконец при трепетной свече уселся разбирать турецкую вязь.

Это оказалось нелегко, ведь я слабовато владел турецким, да и архаичный стиль сбивал с толку. Но я не сдавался и помаленьку разбирал слово за словом, фразу за фразой, — не замечая, как меня гложет подспудно растущий страх. Я не позволял себе отвлекаться даже на минуту, и по мере того, как легенда обретала все более четкую форму, в жилах моих леденела кровь, волосы поднимались дыбом и деревенел язык. В первых лучах рассвета я отложил рукопись, развернул шелк и достал вещьцу. Глядя на нее красными от недосыпания глазами, я понял, что изложенная на пергаменте ужасная история — не вымысел, хоть и кажется совершенно неправдоподобной.

Возвращая находки в шкатулку, я понимал, что не будет душе моей покоя и глаз я не сомкну, пока она, утяжеленная камнями, не отправится в глубины быстротечного Дуная, чтобы с божьей помощью вернуться в ад, откуда, несомненно, она появилась. В Иванову ночь под Стрегойкаваром я видел не сон! А Джастину Джефффри еще повезло, что подле Черного Камня он грезил при свете солнца, иначе его больной разум не выдержал бы ночных ужасов. Не пойму, как сам-то я не свихнулся.

Да, это не сон. Я воочию видел отвратительную оргию язычников, уже давно покойных. Они вышли из ада к своему капищу, чтобы свершить мерзостный обряд, как в стародавние времена. Духи поклонялись духу. Уж не знаю, что за гнусная алхимия или безбожное волшебство отворяет ворота ада в Иванову ночь, но что это происходит, я видел своими глазами. И в ту ночь на вершине горы передо мною не было ни единой живой души.

Исписанный аккуратной рукой Селима Багадура пергамент поведал мне наконец о том, что обнару-

жили турецкий полководец и его конники в долине Стрейгойкавар. В ужасающих подробностях там излагались богохульственные признания, слетавшие под пытками с губ язычников. А еще я прочел о затерянной высоко в горах сумрачной пещере, где перепуганные турки обнаружили чудовищную жабоподобную тварь, раздутую и колышашуюся. Под псалмы, которые были древними еще во времена юности Аравии, этого гада предали огню и благородной стали, освященной самим Магомедом. И даже твердая рука старого Селима дрожала, когда описывала громовые, потрясающие земную твердь вопли и завывания чудовища, каким-то необъяснимым способом умертвившего напоследок полдюжины своих палачей. А маленький идол, оправленный в золото, висел на шее у жреца в волчьей маске, и Селим сорвал его с золотой цепочки.

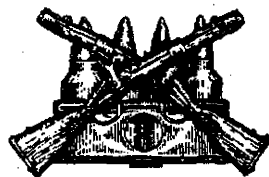
Стоит ли осуждать суеверных турок за то, что прошлись огнем и ятаганом по богомерзкой долине? Такие зрелища, как тот шабаш на хмурой столовой горе, должны принадлежать мраку забвения, пучинам минувшей вечности. Нет, не страх перед демонической жабой заставляет меня дрожать в ночи. Она заточена в преисподней вместе со своей поганой ордой, и лишь один раз в году, в самую колдовскую ночь, всего на час получает свободу. И не осталось на этом свете ее приверженцев. Но как одолеть навязчивые мысли о том, что некогда над душами людскими высились такие звероподобные существа? Все чаще я просыпаюсь в холодном поту, а днем боюсь листать тошнотворные откровения фон Юнцта. Ибо теперь мне ясен смысл многократно повторенной фразы о ключах! Он имел в виду ключи к Внешним Вратам, тем самым, что связывают наш мир с ненавистным языческим прошлым, а

может быть, и с отвратительными сферами настоящего. Теперь я понимаю, почему племянник владельца таверны в неотвязных кошмарах видит Черный Камень над циклопическим черным замком. Если когда-нибудь в эти горы придут археологи, они, возможно, отыщут под лесистыми склонами кладезь самых невообразимых тайн. Сдается мне, пещера, в которой турки поймали адскую тварь, — не просто пещера. Страшно даже вообразить гигантскую реку вечности, текущую между нашим временем и эпохой, когда земля тряслась и вставала на дыбы, когда рождались эти синеватые горы и хоронили под собой немыслимое.

А может, и не найдется на свете храбреца, который вонзит кирку в землю под Черным Камнем и обнаружит шпиль и замок из снов...

Ключ! Да, это ключ, символ забытого ужаса. Ужаса, обреченного чахнуть, блекнуть в преисподней, откуда он тайно выполз однажды на черной заре мира. Но о каких еще дьявольских тварях упоминал фон Юнцт, и чья чудовищная лапа сокрушила его горло? С той ночи, как мне удалось прочесть манускрипт Селима Багадура, я более не сомневаюсь: все сказанное в «Черной книге» — правда. Человек не всегда был царем земли. И ныне он разве не калиф на час? Не ждут ли в пучинах земных бесчисленные полчища адских гадов, когда на их улицу придет праздник?

ГРОХОТ ТРУБ

К

оня Бернис Эндовер напугал удар грома, и скакун бешено понесся, сбросив всадницу. Молнию мог наслать и Аллах, но тигра, появившегося чуть позже, наверняка наслал шайтан. «Никакой настолько старый, дурно пахнувший и порочный зверь не может иметь иных связей, кроме дьявольских» — так сказала себе Бернис, когда села, все еще оглушенная падением, отчасти смягченным кус-

тами. Она заворуженно следила за тем, как из подлеска появилась усато-полосатая морда. Девушка не успела даже испугаться. Мысли у нее немного спутались от неожиданного падения в кусты. Ее выбил из седла низко нависший сук. Изнеженный, ультрацивилизованный разум Бернис — существа, никогда раньше не сталкивавшегося с физической опасностью, — не спешил признать новую угрозу реальной.

Словно зрительница в театре, девушка наблюдала, как вонючий зверь с подозрительной настороженностью всех кошачьих изучает ее. Тигр не был аристократом своего вида. Выглядел он очень старым, неуклюжим и потасканным. Когда он оскалился и зарычал, открылись прорехи в рядах его желтых клыков. И это, каким-то образом поняла девушка, указывало на то, что ей грозит смертельная опасность. Только больные и дряхлые звери обычно превращались в людоедов. Обычно человек обладал «властью над зверьем полевым». Когда тигр опускался по социальной лестнице собственного вида так низко, что ему грозила голодная смерть, он готов был отведать тех высших существ, которые притягивали на родство с Богом.

Сначала из кустов появилась большая шелудивая лапа, а вслед за ней пара поеденных молью плеч, слишком уж громко скрипевших от старости, чтобы их владелец смог причинить вред кому-то, кроме представителя господствующей, человеческой асы. Внутри у Бернис зашевелились дремавшие ранее инстинкты, погребенные под взлелеянным искусственным ощущением собственной безопасности.

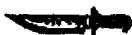
«Это никак не может происходить со мной на самом деле! — поспешно сказала себе девушка. — Тигры едят людей только в книгах, да и то только

толстых священников, жрецов и невежественных крестьян. Просто нелепо предполагать, что она или любая другая прекрасная белая женщина отправится в желудок подобной твари. Так говорил ей ее жизненный опыт, в то время как врожденные первобытные инстинкты (поразительно напоминающие инстинкты пещерной женщины, носившей леопардовую шкуру) заставляли Бернис трепетать от страха, отчаяния и физической боли — всех тех неприятных, низменных реалий вселенной, от которых цивилизованные люди пытаются оттородиться при помощи шелковых платьев, философских теорий и полицейских.

«Со мной такое не могло случиться!» — мысленно закричала она. Верно, вокруг джунгли. Но тут совсем недалеко до дворца Джундры Сингха, у которого она и его спутники оказались в гостях. Но простой здравый смысл подсказывал ей, что с таким же успехом Бернис могла находиться и в тысяче лиг от бальных платьев, кранов с горячей и холодной водой, солдат с пулеметами. Джунгли, куда она дерзко вступила, поглотили ее. Когда люди из дворца отправятся искать ее, Бернис Эндовер, то найдут только груды обглоданных костей... И эта мысль показалась девушке такой отталкивающей, что она пронзительно закричала.

Зверь припал к земле, готовясь к прыжку. Его горячие от голода и страха злобные глаза придавали ему вид старого повесы (все расходы которого контролирует жена), завидевшего хорошенькую дамочку. Тигр знал, что нарушает звериное табу всякий раз, как убивает человека. Он понимал это. Но нужде закон не писан. Для отощавшего тигра голод столь же нестерпим, как для забастовщика вид штрейкбрехера. И как все запретные плоды,

человеческое мясо вызывало странные ощущения — экстаз и дикий трепет в темной душе тигра.

От криков Бернис зверь обезумел. Он хлестал хвостом по траве. Его ослабевшие мускулы напряглись. Но когда Бернис вскинула руки к лицу, чтобы не видеть приближающейся гибели, она заметила уголком глаза, как что-то мелькнуло среди зелени. То чувство, которое вежливо называют женской интуицией, подсказало ей, что там какой-то мужчина, даже прежде, чем девушка его хорошенько рассмотрела.

Быстрый, обеспокоенный взгляд бросила Бернис на незнакомца. Тот оказался высоким человеком, явно туземцем, одетым в белое дхоти и тюрбан. Когда Бернис увидела, что он безоружен, сердце ее екнуло, хотя, надо признать, скорее от страха, что незнакомец не сможет ее спасти, чем от осознания опасности, которой тот подвергал свою жизнь.

Но туземец ничуть не беспокоился.

Его волевое смуглое лицо оставалось невозмутимым, не отражая ни страха, ни волнения, когда он подошел к готовому прыгнуть хищнику, задержавшему прыжок. Тигр зарычал на человека, подергивая усами от возмущения и негодования. И тут произошло нечто странное. Бернис отчетливо ощутила в воздухе какую-то вибрацию, похожую на слабый удар током. Человек в белом не извлек никакого оружия, не сделал ни одного враждебного движения, но девушка увидела, как изменились глаза припавшего к земле тигра. Они странно засветились, а потом ярко вспыхнули от страха. И зверь отступил, неожиданно, бесшумно, и, словно тень, исчез в высокой траве.

Мужчина повернулся к девушке, которая с трудом поднялась на ноги и стояла теперь лицом к

нему, инстинктивно откинув волосы за спину и приведя в порядок свой костюм для верховой езды. Незнакомец увидел перед собой воплощение очарования, настолько близкое к совершенству, насколько может его создать природная красота и все женские ухищрения. Девушка была прекрасна — от рыжевато-золотистых волос до стройных ножек в мягких сапожках. Взгляд мужчины остался непроницаемым, но, когда он задержался на девушке, в темных глубинах его глаз, казалось, замерцали крошечные язычки пламени, слабо, лишь на миг, словно отражения давно сгоревшего костра.

Незнакомец был высоким и гибким. Его кожа казалась не темнее, чем у любого среднего англо-индийца, а черты лица — отчетливо арийские. Лицо его приковало к себе замороженный взгляд девушки. Оно могло быть высеченной из бронзы маской — такой мощью дышали его черты, и лишь яркий блеск глаз не давал усомниться в том, что оно живое. Излучаемая незнакомцем сила, если смотреть прямо на него, действовала словно физический удар молота. Когда взгляды незнакомца и девушки встретились, Бернис почувствовала, как ее сердце неожиданно забилося, но не от страха, а словно из-за какого-то волнительного предвкушения, подсказанного подсознательным инстинктом. На какой-то мимолетный миг она ощутила себя нагой под его безразличным взглядом, словно этот человек небрежно и равнодушно одним махом раздел ее, обнажив не только тело, но и душу тоже. Затем это ощущение прошло, и так быстро, что Бернис почти забыла про него.

Все эти чувства и ощущения промелькнули в ее голове за те короткие секунды, пока она поднялась с земли и встала лицом к нему. Тут на нее накатила

волна слабости. Поляна закружилась у нее перед глазами. Девушка зашаталась. В краткий миг слепоты она почувствовала, как сильная рука обняла ее за талию, поддерживая, и от этого прикосновения в ее тело полился мощный поток жизненных сил. Это походило на прикосновение к живой динамо-машине. Снова полностью восстановив самообладание, хотя и испытывая от прикосновения незнакомца легкое покалывание во всем теле, она подняла голову. Человек в белом сразу отпустил ее и отступил.

— Благодарю вас,— прошептала она.— Со мной все в порядке. Все дело в страхе и волнении. Полагаю, у меня случился обморок.

— Пойдемте,— предложил он. Его голос напоминал малахитовый звон церковного колокола. В его английском не было никаких следов акцента.— Я отведу вас во дворец.

— Но я же не поблагодарила вас...

— И не благодарите, пожалуйста.

Девушка обнаружила, что шагает рядом с незнакомцем, едва понимая, что происходит. Он же двигался с непринужденностью и грацией, напоминая ей бегущего зверя. Некоторое время они шли молча. У Бернис не возникало никакой потребности в словах, в обычных, общепринятых банальностях. Она испытывала блаженное ощущение полной безопасности, которое и не пыталась объяснить. Но вскоре она все же спросила:

— Что вы сделали с тигром?

— Ничего.— Незнакомец посмотрел на нее сверху вниз.— Я лишь позволил ему заглянуть мне в глаза и увидеть себя в зеркале реальности. Это зрелище ужаснуло его, заставило бедолагу позабыть даже про голод! Он убежал, чтобы не видеть, как он выглядит на самом деле.

— Вы потешаетесь надо мной! — смущенно протестовала она.

Незнакомец серьезно покачал головой:

— Многие ли из животных, именуемых людьми, способны вынести вид самих себя, без покрова иллюзий, в которые мы облачаем свое «я»? С детства окружающие одевают нас в общепринятые иллюзии, чтобы мы выглядели так же, как они, а позже этот процесс продолжаем мы сами... Мы старательно облачаемся в сложные регалии притворства, чтобы скрыть неприкрытую наготу наших душ, и не только от других, но и от себя тоже. Больше всего мы ненавидим тех, кто раздевает нас догола, а мотив у большинства таких разоблачителей, как правило, — самозащита, подобно тому, как человек указывает на пороки других людей, чтобы отвлечь внимание от собственных дефектов.

В его голосе не было ничего педантичного или помпезного, ничего самодовольного или риторического. Казалось, он размышляет вслух.

— Не понимаю, какое тигр имеет отношение... — начала было Бернис, но тут незнакомец впервые улыбнулся. На его суровом лице улыбка выглядела чудом мягкости.

— Верно, мы, люди, мним себя единственными и неповторимыми, и не только по части изъянов. Но по-моему, нам навстречу идет ваш конь.

Девушка с удивлением взглянула на своего спутника, но в следующий же миг увидела идущего к ним через лес коня, опустившего голову словно в искреннем раскаянии. Он повел глазищами в сторону людей, потом ткнулся мордой в плечо человека в белом и тихо заржал.

Незнакомец улыбнулся, погладил коня по влажной морде, а потом усадил Бернис в седло с такой

легкостью, что у нее захватило дух. Она едва осознала, что его руки коснулись ее. Она взлетела в седло, словно подхваченное ветром перышко. Взяв в руки поводья, Бернис посмотрела на незнакомца. На ее долю выпало настоящее приключение, прямо из «Тысячи и одной ночи»: тут и красивый волшебник, от которого бежал тигр и к которому возвращался, повинувшись его безмолвному приказу, убежавший конь. Все случившееся выглядело фантастическим и нелепым, однако это же Индия — древняя и таинственная страна, где могло случиться все, что угодно. Девушка отказывалась поддаваться влиянию западного стоицизма. Это — ее приключение, и она собиралась выжать из него все острые ощущения до последней капли.

— Кто вы? — неожиданно спросила она.

— Зовите меня Ранджит.

— А я — Бернис Эндовер из Нью-Йорка. Я приехала в Саулпор с тетей Сесилией и моим женихом, сэром Хью Бредбери. Мы гости Джундры Сингха. Мне надо сейчас же вернуться во дворец. Сэр Хью и тетя будут тревожиться за меня. Ведь сэр Хью говорил, чтобы я одна не каталась верхом, но я не послушалась.

— Естественно! — усмехнулся ее спутник.

— Конечно! Но оно и к лучшему, не так ли? Ведь если бы я послушалась его, мы бы так никогда и не встретились и я бы пропустила самое волнующее приключение в своей жизни!

Едва успев произнести это, она тут же пожалела о сказанном. Глупая, избитая, искусственная фраза. Как никчемно она прозвучала! Девушка быстро обернулась, чтобы скрыть румянец, а потом спросила:

— Разве вы не вернетесь во дворец вместе со мной?

— Я пойду рядом с вами, пока вы не встретитесь со своими друзьями,— ответил он.

— Вы пойдете пешком?

— Какое я имею право взгромоздиться на спину живого существа?

— Человеку было дано владычество над зверьми полевыми...— туманно попыталась было процитировать она.

— Почему вы не сказали об этом тигру? — улыбнулся он.

— Я не умею говорить на его языке,— парировала девушка, и он, рассмеявшись, пошел рядом с ней, шагая широким, скользящим шагом. Каждое движение его было красивым и грациозным.

Прошел короткий ливень, какой обычно бывает в джунглях,— недолгий и бурный, как женский гнев, после него остались только рассыпанные по широким зеленым листьям сверкающие капли. Сквозь дымчатые изумрудные своды просвечивало голубое небо, чистое, ясное и мирное. В Бернис зашевелились какие-то смутные, неукротимые чувства, похожие на воспоминания о бесстыдных языческих культах. В таких вот сумрачных, одетых листвой коридорах, в иссиня-черных тенях и родились первые боги людей. Девушка взглянула на шагавшего рядом с ней человека в белом. Он мог быть верховным жрецом какого-то первозданного лесного бога. Не было ли в нем чего-то необузданно языческого? Да... Но в нем было и что-то еще. Что-то, лежащее вне земных законов, выше их, что-то твердое и непоколебимое, однако не жестокое и не черствое. Бернис вспомнила странные рассказы об индусах-отшельниках — людях, обитающих в джунглях и

обладающих странной властью над дикими зверьми. Ей они представлялись какими-то дикими, косматыми пророками с горящими глазами, свалывшимися волосами и без одежды... Не похожими на молодого бога.

— Я не видела вас ни во дворце, ни в деревне, — сказала она. — Вы живете поблизости?

— Неподалеку, — ответил Ранджит. — А вот и сэр Хью. Он ищет вас.

Мгновение спустя девушка увидела группу всадников. Сэр Хью — высокий, длинноногий англичанин, костлявое и вселяющее уверенность лицо, теперь искаженное морщинами беспокойства, — ехал в сопровождении нескольких туземных офицеров двора Джундры Сингха. Они заметили девушку, и сэр Хью, закричав, галопом поскакал к ней. У Бернис потеплело на душе, когда она увидела, как свет радости стер беспокойство с лица ее жениха. Но она заранее точно знала, что скажет он и что сделает.

— Боже, как я рад, что ты в безопасности! — воскликнул сэр Хью, точно как девушка и предвидела. Нетерпеливо, с неловкой нежностью он схватил ее за руку, а потом отпустил, словно боясь причинить ей боль. Девушка медленно вздохнула, желая, чтобы сэр Хью выказал какие-нибудь чувства, которые, как она знала, он испытывал. Он должен был схватить ее, стиснуть в объятиях в спазме облегчения, а потом как следует потрясти, отругав за то, что она поехала гулять одна. Но его упреки оказались исключительно мягкими. — Ну в самом деле, дорогуша, ты же знаешь, что не следовало тебе выезжать в одиночку на прогулку.

— Если бы не этот джентльмен, у тебя могли бы возникнуть причины для беспокойства, — начала было

Бернис, поворачиваясь, а затем застыла: Ранджита и след простыл. — Где же он? — воскликнула она.

— Кто?

— Тот... Тот человек! Ранджит! Человек, который спас меня от тигра!

— От тигра? — Сэр Хью резким движением расстегнул воротник. — Боже мой! Ты хочешь сказать, что...

— Да. От тигра-людоеда... Мой конь понес и сбросил меня. Появился тигр, а потом Ранджит... прогнал его, — запинаясь закончила она, понимая, насколько фантастично звучат ее слова. — Он посмотрел тигру в глаза, и тот убежал.

— Клянусь Богом, со стороны тигра это было верное решение! — проговорил сэр Хью. — Я должен найти героя, который тебя спас, и поблагодарить.

— Да, конечно! Но давай вернемся во дворец, а то тетя Сесилия станет беспокоиться.

Бернис решила, что Ранджита никто не найдет, если он сам не пожелает, чтобы его нашли, и похоже, так оно и было. Кроме того, ей почему-то не хотелось, чтобы он встречался с сэром Хью. Она находила это по-детски эгоистичным и сама себе казалась ребенком, не желающим, чтобы кто-то еще разделил ее тайну.

Подъехали местные джентльмены, наговорив много поздравительных речей, почтительных и прекрасно сформулированных, а потом все отправились обратно во дворец, где их дожидалась тетя Сесилия. Она тоже не преминет упрекнуть Бернис. Но девушка знала, что все упреки тети будут скучными нравоучениями. Бернис вздохнула, еще раз

подумав о том, что сэр Хью никогда не обойдется с ней грубо, даже после того, как они поженятся... если они когда-нибудь поженятся. Она дернулась, поймав себя на этой мысли, и взглянула на великолепных, ехавших по обе стороны от нее холеных туземных офицеров. Они выглядели мужчинами, но для нее были всего лишь нафаршированными мундирами, так как всегда являли ей только официальную, накрахмаленную сторону своего «я». Но во всех них под внешним лоском и золотыми галунами таился дикий огонь и первобытный дух. Вздохнув, Бернис подумала о том, что этого-то ей никогда и не увидеть. Англичане научили туземцев, как вести себя с белыми женщинами... Черт побери! По ее телу пробежала легкая дрожь восторга при мысли о Ранджите. Она поразилась, сообразив, что сэр Хью и тетя Сесилия сочли бы его туземцем. Бернис готова была взбунтоваться против того, что из этого следовало. Ранджита нельзя ни с кем сравнивать. Ранджит — это Ранджит.

Вот так — чинно и респектабельно — вернулись они в большой дворец на холме, казавшийся хаотическим нагромождением различных строений. Тут было множество башен, поднимающихся среди великолепия цветущих садов. Со всех сторон, кроме одной, дворец окружал зеленоватый океан джунглей. С той единственной стороны, где не было джунглей, раскинулась деревня. Бернис, как никогда раньше, ощутила искусственность своего окружения, приятную ложь, возведенную вокруг садов ее души для того, чтобы джунгли внешнего мира не проникли туда... Или для того, чтобы ей было не вырваться в эти джунгли? Так для чего же именно? Бернис вдруг захотелось крикнуть сэру Хью: «Бога ради, если ты так сильно хочешь меня, как гово-

ришь, схвати меня, ускочи со мной в зеленую чащу, и к черту все условности! Но вместо этого она сказала:

— С твоей стороны очень мило, что ты отправился искать меня, Хью!

— Да разве я мог бы поступить иначе? — спросил он с таким смирением, что Бернис захотелось пнуть его по голени. А потом они въехали во внутренний двор замка, и там их встретила тетя Сесилия — высокая, величавая женщина с тонкими, аристократическими чертами лица, прекрасными и бесстрастными, как у классической статуи, и осанкой, приобретенной сорока годами подавления и отрицания природных инстинктов, как требовало ее положение в обществе.

Даже сам Джундра Сингх выбрался из своего лабиринта тревог и волнений, дабы выразить туманное удовлетворение по поводу благополучного возвращения Бернис. Джундра Сингх был маленьким толстым человечком с мешками под глазами и нервно подергивающимися руками. Он получил образование в Англии, ненавидел свое княжество и свой народ: браминов, которые попеременно то пили вино, то задирались, простолюдинов, которые сегодня радостно приветствовали его, а завтра проклинали, и правительство, которое гладило его по спинке стальной рукой в бархатной перчатке.

Но стоило Джундре Сингху попробовать сделать хоть что-то из того, что хотелось ему, правительство сжимало эту руку и вежливо, но с вполне определенными намерениями помахивало кулаком у него под носом. Как раз сейчас радже хотелось раздобыть денег, чтобы забыть о своих разочарованиях после длительного загула в Париже. Сэр Хью

предложил ему деньги в качестве платы за предоставление компании сэра Хью нефтяной концессии. За этим англичанин и приехал в Саулпор. Джундра Сингх страстно желал заполучить деньги сэра Хью. Но правительство, не задумавшись, тоже одобрило такое решение раджи, чем вызвало у Джундры Сингха сильные подозрения. Тут могла скрываться какая-то ловушка. Существовали и другие факторы, мешающие Сингху согласиться. У правителя уже побывала делегация мусульман, которая выразила протест против вторжения неверных.. Как всегда, мусульмане протестовали по всякому поводу, особенно если были совершенно ни при чем. И жрецы-индусы тоже старательно лезли не в свое дело. Не видя никаких шансов отломить себе кусок от иностранного пирога, они возражали против концессии на религиозных основаниях.

Когда Бернис заговорила о тигре, Джундра Сингх от всего сердца пожелал, чтобы тот съел верховного жреца. Потом девушка заговорила о своем спасителе:

— Высокий, красивый, хорошо сложенный мужчина в белом европейском костюме и тюрбане...— начала было она.

— Ранджит Бхатарка,— мигом догадался правитель.— Йог! Так его называют люди. В сикхском тюрбане! Он-то носит что пожелает, и делает все, что хочет. Везет же некоторым! Он стоит над кастами. Индусы считают его святым и боятся. Даже мусульмане допускают, что он свят, а боятся его даже больше, чем индусы. Мне лично он не нравится. Смотрит прямо сквозь тебя...

— Возможно, он мог бы убедить жрецов в том, что в получении мной нефтяной концессии нет ничего плохого,— предположил сэр Хью.

Бернис мысленно двинула сапогом под зад своему жениху. Йог, достающий по благу нефтяную концессию! Боже правый! И после этого сэр Хью еще называет страшными материалистами американцев!

— Он не станет этого делать,— ответил раджа.— Он никогда ни во что не вмешивается. Я удивлен, что он не позволил тигру съесть мэм-саиб, назвав это кармой. Он из этих треклятых...

— Из кого? — спросил сэр Хью.

— Да так...— пробормотал Джундра Сингх, настороженно оглядевшись по сторонам.— Этот человек обладает сверхъестественными силами. Звери повинуются ему. Местные говорят, что ему не одна сотня лет. Говорят, он умеет читать мысли людей. Я не хотел бы оскорбить его.

Даже посмеиваясь над суевериями туземцев, Бернис, в своем женском тщеславии, задумалась о том, что Джундра Сингх сказал ей о невмешательстве Ранджита в человеческие дела при обычных обстоятельствах. Глядя той ночью из дворцового окна в сад, превращенный лунным светом в черно-серебряный волшебный лес, она предавалась экзотическим фантазиям, в которых таинственную, но важную роль играл Ранджит. Один раз ей подумалось, что она видит, как он глядит через стену на ее окно, но в следующий миг фигура растворилась в тени, отбрасываемой пальмой с дрожащими на легком ветру вайями.

Потом она погрузилась в сон, и вскоре ей кое-что приснилось. Она увидела себя стоящей на коленях на сверкающем полу, выложенном разноцветной мозаикой. Там из кубиков слоновой кости были построены игрушечные домики, такие, как строят дети. Ранджит стоял, возвышаясь над ней, сложив

руки на груди и с улыбкой на смуглом лице. Улыбка его не была ни пренебрежительной, ни циничной, а мягкой, доброй и, наверное, немного печальной. Бернис, глядя на него, опустилась на колени, и ее игрушечные домики, опрокинувшись на пол, превратились в руины. Улыбка Ранджита заколебалась. С чем-то вроде ужаса девушка увидела, как по лицу индуса, казавшемуся крепким, как резная бронза, прокатилась, словно тень, неуверенность и слабость. Но в тот же миг все поглотила вспышка ослепительного света, так что девушка ничего больше не увидела. Она слышала только звуки, похожие на детский плач. С удивлением Бернис узнала свой же собственный голос. Вот в этот-то миг она и проснулась.

Уже давно рассвело. Мир окутывала сонная неподвижность индийского утра. Бернис еще мгновение не шевелилась, чувствуя себя словно новорожденная. Неопределенные обрывки мыслей и досада на саму себя слились и оформились. Страхи и сомнения покинули Бернис. Теперь она понимала, чего хочет. Не зовя горничную, она встала, оделась и вышла в сад, направившись прямо к тому месту, где, как ей думалось, она видела прошлой ночью Ранджита. Там находились небольшие ворота, закрытые лапой бронзового дракона. Она открыла их и ушла в сияющее от росы великолепие леса. И девушка ничуть не удивилась, когда увидела улыбающегося Ранджита, стоящего там сложив руки на груди.

— Я надеялся, что ты придешь,— просто сказал он ей.

— А я знала, что ты придешь,— ответила она.

И, не говоря больше ни слова, они повернулись и пошли в лес.

— Сэр Хью желает встретиться с тобой и поблагодарить тебя,— сказала она.

— Он уже поблагодарил,— ответил Ранджит.— Мы встретились вчера вечером неподалеку от деревни. Он разрешил мне показать тебе ближайшие интересные места.

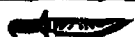
— Боюсь, что дела у него в настоящее время идут неважно,— рассеянно пробормотала Бернис. Сэр Хью казался частью прежней жизни, отделенной от ее новой жизни неизмеримой пропастью единственной ночи. Этим пламенеющим утром все обрело новые пропорции. Бернис вовсе не казалось странным, что она до завтрака прогуливается по джунглям с человеком, которого туземцы называют йогом.

Тот день был первым из многих. В последующие годы, когда Бернис пыталась вспомнить подробности, детали казались ей смазанными. Со временем воспоминания о тех днях превратились в зыбкое разноцветное марево, где ничего нельзя было различить, кроме лица Ранджита, четко вырисовывающегося в утреннем тумане. Он был словно бог, и подобно рокоту океана звучал его глуховатый голос. Были долгие прогулки по лесу, когда Бернис и Ранджит шли бок о бок, и девушка никогда не уставала, словно ей передалась какая-то часть его невероятной силы. Прогулки верхом,— по крайней мере, она ехала верхом, в то время как Ранджит шагал рядом с непринужденной легкостью огромной кошки. И все это время малиновые волны его золотого голоса бились о берег ее сознания, спокойные, гигантские, разве что не пылающие, словно волны из моря, находящегося за пределами ее понимания. Образность его речи, странная мудрость его слов, космическое воздействие его изречений — все это растаяло в тот миг, как она покинула его, стало смутным и непостижимым, словно ее созна-

ние было слишком слабым, чтобы надолго запечатлеть мудрость его слов. Но характер его интонаций остался в ее памяти, эхом разносясь в ее снах. Вновь и вновь он звучал в ее ушах, когда она оставалась одна или когда слушала банальную болтовню других людей. Его голос был не столько голосом, сколько эманацией силы — струей, потоком из какого-то источника, совершенно недоступного ее пониманию.

Бернис почти не запомнила, о чем они говорили. Пока она была с Ранджитом, она все понимала. Каждое его слово, каждая фраза, каждое предложение звучало четко и предельно ясно. Его глазами Бернис заново увидела мир, от сверкающей в утренней росе травинки до золотого лика полной луны, пробивающейся сквозь покров серебристого тумана. Глубоко в джунглях, где лианы свисали с изогнутых ветвей, словно зеленые питоны, он показал ей развалины городов, состарившихся во времена молодости Рима. Сквозь расколовшиеся купола проросли деревья. Мостовые наполовину скрыли травы джунглей. Зубчатые стены, некогда охранявшие царские сокровища, вконец обветшали. Под воздействием магии слов Ранджита перед глазами Бернис проходили славные, чарующие, трагические картины минувшего. Девушка чувствовала, как перед ней раскрываются тайны и загадки, смутно понимала, что слышит и видит события, за знание о которых историки всего мира отдали бы немало лет своей жизни. Но когда она оставалась одна, живые цветы слов Ранджита ускользали от нее, сливаясь в смутный, многоцветный туман. Уши ее заполнял только золотистый резонанс его голоса, словно эхо моря, которое слышишь, приложив ухо к раковине.

Как-то раз Бернис увидела, как Ранджит взял голой рукой с разрушенной стены живую кобру и осторожно положил ее среди кустов, и ей показалось естественным то, что рептилия не тронула йога.

Обыкновенные люди, окружавшие Бернис, теперь представлялись ей нереальными. Их речи казались пустыми, а действия — бессмысленными. Они не замечали происшедших с ней перемен, не видели, что причина этих перемен — Ранджит. Борющийся с трудностями в делах и сэр Хью замечал не больше других. Он смутно понимал, что Ранджит довольно долго и часто «показывает достопримечательности» Бернис, что между ними может появиться нечто большее, чем простая вежливость с одной стороны и осторожность — с другой. Тетя Сесилия, по-своему мудрая женщина, так ничего и не заметила. Пойманная, словно зверек, в клетку веры и условностей, она была не в состоянии увидеть что-то находящееся по другую сторону прутьев.

В последующие годы воспоминания о проведенных часах с Ранджитом слились для Бернис в некое единое действие. Но тогда, в Индии, эти часы стали единственной реальностью в мрачном мире повседневности.

Бернис чувствовала, как тускнел мир вокруг нее, когда Ранджита не было рядом. Чувствовала, как в его присутствии перед ней открываются врата в мир, о самом существовании которого она и не догадывалась. Чувствовала, что находившийся рядом с ней человек пребывал на высотах, ей совершенно недоступных. Бернис, слепо нащупывая путь, стремилась встать рядом с ним и ощущала, как его сила поднимает и ведет ее, но каждый раз, стоило

ему уйти, она погружалась обратно в обыденность. Эти ощущения порой были не такими и приятными. Иногда Бернис казалось, что ее силком вырывают из жалкого, но безопасного убежища и нагой швыряют в головокружительный космос, где ревут и громыхают ужасные ураганы.

Стой нагой под ударами этой грозы! Так говорил Ранджит. Откинь назад гриву своих волос и взгляни в лицо молниям и ураганам, что ревут меж миров. Посмотри прямо в лицо потоку событий, гигантским истинам, ослепительным реальностям.

Воссоединись с бурями, с ревущим океаном и вращающимися созвездиями. Рука Ранджита, державшая ее за запястье, направляла и поддерживала девушку, ведя по тропинкам шатким и ненадежным, как мост, переброшенный от звезды к звезде через ревущие, покрытые тучами бездны.

Это было одной — и притом наиболее тревожащей Бернис — стороной их отношений. Все это она ощущала смутно, скорее чувствовала, чем обдумывала, как чувствуешь грохот прибоя, прежде чем увидишь или услышишь его на самом деле. По большей же части Ранджит представлялся ей мужественной, романтической фигурой, богоподобным по красоте и уверенности. И это возбуждало в ней все ее женские инстинкты.

Отношения их были лишь платоническими. Ранджит ни разу не поцеловал ее. И все же временами у нее возникало такое ощущение, словно он обволакивал все ее существо, входил в ее личность. Бернис чувствовала, что находится на грани полной капитуляции, и это ужасало ее. В такие мгновения она пыталась намеренно ограничить силу его воздействия, как опытный, но благородный боксер

придерживает свою силу, чтобы не задавить более слабого противника.

Поглощенная этим, Бернис не обращала особого внимания на происходящее вокруг. Встречаясь с другими людьми, она улыбалась и произносила общепринятые банальности, автоматически играя свою роль. Сэр Хью не чувствовал, что Бернис с каждым днем отдаляется от него. Немного туповатый в делах, не связанных с бизнесом, как, вероятно, все англосаксы, он не замечал увлеченности Бернис. Его волновали иные проблемы. У него, как и у любого англичанина или американца, бизнес главенствовал над любовью. Похоже, теперь сэр Хью уже почти получил концессию. Изворотливость Джундры Сингха сводила англичанина с ума, хоть он и проявлял железное самообладание и терпение истинного британца. Сэр Хью не понимал, что раджа столь же беспомощен, как и он сам. Джундра Сингх мог сам решить любой вопрос не больше, чем птица летать без крыльев. Раджа изворачивался, как флюгер, занимая сегодня одну позицию, а завтра — другую, прямо противоположную, но делал это потому, что вынужден был так поступать. Тысяча поколений изворотливых и хитрых предков держали его в тисках наследственности, столь же жестких, как железная клетка. По необходимости он шел к цели окольным путем, через лабиринт, по обходным маршрутам, петляя и заставляя сэра Хью сжимать кулаки, борясь с желанием на месте прикончить своего предполагаемого партнера.

А у раджи были свои неприятности. Страх и жадность разрывали его пополам. Страх перед тем, что сэр Хью может потерять терпение и забрать свое предложение; страх перед тем, что он, Джундра Сингх, может уступить слишком рано, прежде,

чем сэр Хью дойдет до предела того, что может и способен заплатить.

Брамины выступали против предоставления концессии. Раджа подозревал, что им дали взятку конкуренты сэра Хью. Он даже бросил это обвинение им в лицо, но служители бога, сохраняя достоинство, сделали ему выговор за святотатство, пригрозив гневом богов, и допекали раджу, пока Сингх не пустил слезу, грызя от ярости подушки своего царственного дивана. Джундра Сингх не верил в богов, но боялся их гнева. Брамины горячо и долго могли внушать какую-то мысль простым людям, те-то внимали им без особого понимания, но с большой благочестивой страстью. В храмах трубили в витые морские раковины, и на улицах собирались группы возбужденных туземцев, обсуждая поступки раджи. Индуисты и мусульмане разбивали друг другу головы без усталости, рьяно и со страстью.

Именно в тот самый день, когда раджа, жадность которого наконец поборола страх, вызвал сэра Хью на поспешную аудиенцию, Ранджит сказал Бернис:

— Мы больше не сможем так разгуливать.

Они стояли на опушке джунглей. Нежный, бродячий ветерок пах пряностями. После этот запах будет не раз навещать Бернис, принося с собой слепую, саднящую тоску.

— Что ты имеешь в виду? — Она знала, о чем он говорил, а он знал, что она знала.

— Я влюблен в тебя, — сказал он голосом, вибрирующим от странного благоговения. — Это удивительно... непостижимо... но это так.

— Разве так удивительно для кого-то влюбиться в меня? — спросила она.

— Удивительно то, что я в кого-то влюбился. Я думал, что это безумие оставлено мной в низинах развития, много поколений назад.

— Поколений? — Пораженная, Бернис уставилась на него. — Что ты хочешь этим сказать?

Ранджит собирался было объяснять, но смолк, увидев в ее глазах вопросительное, встревоженное выражение. Долгую минуту он изучал лицо девушки, а потом покачал головой:

— Не имеет значения. Поговорим о другом.

— Я хотела бы, чтобы ты не говорил так, — почти капризно заявила Бернис. — Временами то, что ты говоришь, пугает меня... У меня создается впечатление, словно передо мной неожиданно открывается окно и я бросаю краткий взгляд в ужасную бездну, о которой раньше и не подозревала. На какой-то миг ты становишься незнакомцем... ужасным, нечеловеческим созданием. А потом...

— Что потом? — В его прекрасных глазах появилось что-то вроде боли. Но девушка покачала головой. Ощущение, вызванное ее словами, уже растаяло. — А потом ты — просто Ранджит, теплый, человеческий и сильный... такой сильный!

— Наверное, это карма, — произнес он вскорее, словно высказывая вслух свои мысли. — Или я в своем слепом эгоизме лгу себе, говоря, что это карма. Тогда это всего лишь мое желание. Не знаю. Может, это явление — сигнал, что я не сумел достичь тех высот, к которым так долго и упорно стремился? Может, мне и не суждено их достичь? Смириться ли мне с поражением или сопротивляться ему? Если это — карма, то разве не следует мне признать ее? Но я в полной растерянности. Я не уверен ни в себе, ни в чем ином во вселенной.

— Не понимаю! — Бернис сама себе казалась ребенком, слепо нащупывающим дорогу в темноте. — Я люблю тебя! Я хочу тебя! Ни раса, ни вера не имеют значения! Я хочу уйти с тобой — жить с тобой в пещере на хлебе и воде, если понадобится! Ты нужен мне! Ты стал мне необходим!

— А это что, карма или я сам виноват в том, что вещи сложились таким образом? — Он словно рассуждал вслух. — Я возжелал тебя с первой же минуты, как увидел... Я, знавший тысячи прекрасных женщин, в сотне разных стран. Я боролся с этим желанием... противился своему чувству... И все же не устоял перед ним. Я предал свое учение, используя то, что ты могла бы назвать магией, чтобы привязать тебя к себе и отвести глаза твоим соотечественникам, дабы они не почувствовали, что ты отдаляешься от них. Нет, я не должен думать о том, что могло бы быть, а чего могло бы не быть. Я люблю тебя. Ради одного этого я не отрекся бы от избранного мной пути. Но ты говоришь, что тоже любишь меня... что я нужен тебе. Если долг человека — жертвовать своим телом ради помощи более слабому, то насколько больше его долг отречься от nirваны, когда он обязан пойти на такое отречение!

— Ты принял бы меня, потому что считаешь это своей обязанностью? — прошептала она пересохшими губами.

— Нет! Нет!

Она вдруг очутилась в его объятиях. Ее чуть не лишил чувств всплеск его силы.

— Нет! Да помогут мне боги! Я хочу тебя! Это — безумие! Но это правда. Я слишком эгоистичен, чтобы отпустить тебя ради себя или же ради тебя. Ты не можешь идти моим путем — ожидать такого

было бы бессмысленной жестокостью, но я пойду твоим. Я отрекусь от своих надежд взойти на те высоты, которые мельком видел издали, от всего, о чем мечтал и за что боролся много поколе... много лет. Я опущусь до среднего уровня банальности и обыденности. Но я должен знать, что человек, которого ты любишь, — это я, а не очарование тайны и романтики, которыми меня окружают дураки и которое я — да поможет мне Бог! — намеренно носил ради тебя.

— Я люблю тебя! — прошептала девушка. У нее все плыло перед глазами. — Никого, кроме тебя! Только тебя!

С миг держал он Бернис в своих объятиях, в то время как весь внешний мир для нее исчез. Потом он выпустил ее, поддерживая одной рукой, так что она покачнулась, а после отступила на шаг.

— Ты говорила об этом сэру Хью?

Девушка покачала головой, так как не могла говорить.

— Мы должны сообщить ему об этом немедленно. Фундаментом наших отношений должна стать абсолютная честность. Моя голова во прахе от вины и позора. Я не придерживался абсолютной правдивости в общении с вами — и с тобой, и с твоими спутниками. Мне следовало бы предупредить обо всем сэра Хью и с самого начала сказать тебе о своем желании, вместо того чтобы пытаться поднять тебя до уровня, на котором, по моему мнению, находился я... Каким же самонадеянным дураком я был! С моей стороны все получилось глупо, высокомерно и жестоко. Столь немногому научился я за эти долгие, горькие годы...

Бернис задрожала, не понимая, почему она чувствует себя так, словно на нее из глубин космичес-

кого пространства подул холодный ветер. Она по-детски на ощупь нашла его руку.

Ранджит нежно взял ее за руку, посмотрел на нее со странным сочувствием. Бернис опустила голову, чувствуя себя слабой, никчемной и готовой расплакаться, несмотря на утешающие пожатия его сильных пальцев.

— Идем,— мягко предложил он, поворачиваясь к маленьким воротам.

Они молча вошли в сад и не прошли и дюжины шагов, когда увидели быстро идущего к ним сэра Хью. Он закричал:

— Бернис!

В следующий миг он оказался рядом. Его лицо сияло.

— Джундра Сингх только что подписал концессию! Успех! Я добился его в первом же своем большом деле!.. Эй, Бернис, что случилось?

При всей его несклонности к анализу, выражение ее лица заставило его заволноваться. Он удивленно уставился на свою невесту.

— Хью, я должна с тобой поговорить,— обратилась к нему Бернис и, подавшись какому-то импульсу, добавила: — Ранджит, не будешь ли ты так любезен ненадолго оставить нас наедине?

Индус поклонился и отошел, исчез за скопищем кустов. Бернис повернулась к англичанину и глубоко вдохнула, обнаружив, что стоящая перед ней задача в тысячу раз неприятней, чем ей представлялось.

— Хью, я...

— Прислушайся!

Оба повернулись, когда раздались неистовые крики множества обезумевших людей. И крики эти приближались.

* * *

Они так и не узнали, кто именно затеял беспорядки — раздосадованные конкуренты, рассерженные браминами, или озлобленные мусульмане. Но в любом случае недовольные приплыли из деревни во дворец по пыльной улице. Их было три-четыре сотни — воющая толпа, размахивающая ножами и дубинами, вопящая:

— Смерть иностранцам!

Это был скверный маленький бунт, неудачный, без вождя, без плана. Но при небольшом бунте люди гибнут ничуть не реже, чем на мировой войне. Большинство бунтующих ринулись к главным воротам, ведущим во двор замка, где их быстро перестреляли и перекололи штыками гвардейцы-сикхи.

Произошла недолгая, короткая свалка, кровавая и ужасная, в которой потери несла почти исключительно одна сторона. А потом ряды восставших сломались. Крестьяне побежали обратно в деревню, жалобно воя, оставив примерно с дюжину тел в пыли перед воротами. Некоторые из упавших лежали совершенно неподвижно, а некоторые извивались и вопили от боли.

Но еще в самом начале часть толпы свернула в сторону и вбежала в сад через маленькие ворота, прежде чем их успели закрыть. Сэр Хью, загородивший Бернис от толпы, получил удар дубиной и упал без чувств, истекая кровью, на ковер раздавленных цветов. Бернис пронзительно закричала, когда над ней взметнулся сверкающий татвар с острым как бритва клинком... И тут появился Ранджит. Бернис отчетливо увидела, как он схватил голой рукой опускающийся с размаху клинок. Не брызнула кровь, и на коже индуса не оказалось пореза.

Человек, наносивший удар, попятился, выпустив оружие. Ранджит перебросил талвар через стену и, сложив руки на груди, повернулся лицом к толпе. Он ничего не сказал. Взгляд его был угрюмым. Но по толпе прокатился тихий стон, и неплотные ряды заколебались, словно пшеница на ветру. Бернис почувствовала нажим ужасной силы, словно пронесся порыв могучего ветра. Она ощутила, что от Ранджита исходит громадная сила, возможно родственная гипнозу, но куда как более могучая, поражая бунтовщиков психическим ударом непреодолимой силы. Толпа в страхе попятилась... Вдруг бунтовщики повернулись и с воплями убежали. Душу Бернис наполнила тень великого страха, когда она увидела мрачного и отчужденного Ранджита, его вовсе не похожего на мужчину ее мечты. Это был не страх, но какая-то слепящая, парализующая, уничтожающая волна абсолютного понимания, после которой Бернис осознала, что Ранджит настолько вне и выше ее, что они никогда не смогут встретиться на каком-то уровне, кроме физического. Она больше не могла стоять обнаженной, прямой и слепой перед хлещущими ее могучими космическими ветрами. Покров был сорван, открыв ей, что тело, которое она-то считала стустком огня — ее собственное тело, — на самом деле было из плоти. И Бернис поняла, что для нее существуют физические ограничения, которые она никогда не сможет преодолеть.

Лежащий у ее ног сэр Хью неожиданно сделался якорем, способным удержать ее у берегов той части человечества, которую она знала. Бернис упала на колени, цепляясь за него и рыдая. А подними она взгляд, то увидела бы Ранджита, склонившегося над ней. Тень слабости была на его лице, и выглядела

эта слабость ужасней, чем мрачный взгляд, которым он встретил толпу. Потом тень растаяла, и вернулась прежняя, нежная улыбка, в которой, казалось, таилась любовь ко всему хрупкому человечеству.

Девушка почувствовала, как Ранджит отстранил ее. Индус соединил кончиками пальцев края раны Хью. Кровотечение сразу же остановилось, и йог, оторвав от собственной одежды полоску чистой ткани, быстрыми движениями уверенных пальцев перевязал голову англичанина.

Из дворца к ним спешили слуги. Тетя Сесилия, позабыв про свою осанку, горбилась всякий раз, как раздавался ужасный треск выстрелов. Были умирающие, пахло свежей кровью. Тетя Сесилия истерически кричала, зовя свою племянницу. Она закричала еще громче, когда увидела слуг, несущих во дворец сэра Хью.

Бернис последовала за ними во дворец, но Ранджит мягко увлек ее назад. Они оказались одни среди кустов.

— Ты любишь его, — мягко сказал индус.

— Я не знаю! — взвыла девушка. — Нет! Нет! Я люблю тебя... но...

— Он твой сородич. А я — нет, — медленно произнес Ранджит. — Наша любовь была безумием, порождением эгоистического желания. Я, для которого Истина была всем, предал собственную веру. Я ослепил тебя ложным блеском, который даже сейчас омрачает твой разум и не дает тебе принять какое-то определенное решение... Ты должна увидеть меня таким, каков я есть на самом деле, лишенным покрывала иллюзий. Я видел, как ты содрогнулась, когда я заговорил о своих годах, проведенных в Пути. Ты должна знать правду. Знаю, что ваш

западный мир не понимает и не верит в науку, которую он называет философией йогов. Я не могу заставить тебя понять... не могу рассказать тебе в один миг то, для познания чего потребовалась бы тысяча лет... не могу растолковать, чем компенсируется отречение. Но жизнь, тянущаяся почти до бессмертия,— одна из таких компенсаций... Я не молод и не красив. Я стар — настолько стар, что ты б мне не поверила, если бы я тебе сказал. Но это дано лишь Ступившим-на-Путь для сокрытия реальности их внешности, чтобы они не оскорбляли других своим видом. Теперь же я на миг сниму этот покров. Смотри!

Его приказ прозвучал резко и неожиданно, почти как жестокий удар. И Бернис вскрикнула от страха и отвращения. Перед ней стоял не молодой человек, а старое, иссохшее, беззубое, лысое, сутулое существо, которое едва ли было человеком. Лицо Ранджита избороздили морщины, а кожа походила на дубленую шкуру. Когда Бернис съежилась и попятилась, дрожа от отвращения, то увидела, как морщины медленно тают и исчезают. Фигура Ранджита распрямилась, раздалась в плечах. Перед ней, печально улыбаясь, стоял Ранджит, но девушка содрогнулась, когда, пусть нечетко, проследила в его мужественных чертах те морщины, которые увидела на древнем лице.

Бернис ничего не сказала, в этом не было необходимости. Мельком увиденные ею высоты, смутные и сверкающие, исчезли навсегда. Постановивая, она уткнулась лицом в ладони. А когда она подняла голову, Ранджит пропал, и лишь в ветвях деревьев прощуршал странный ветерок.

Тогда Бернис повернулась и пошла во дворец, где ждал ее сэр Хью.

DELEND A EST ¹

Р

азве это империя? Срам один, а не империя. Пираты, вот мы кто! — ворчал Гунгайс. Он вечно был чем-нибудь недоволен, этот воин с черными волосами, перетянутыми шнурком, и вислыми усами, выдающими его славянскую кровь.

Гунгайс тяжело вздохнул. При этом яшмовый кубок наклонился и фалернское потек-

¹ ...должен быть разрушен (лат.).

ло по загорелому запястью. Он поднес кубок к губам и стал гулко глотать, фыркая по-лошадиному. Утолив жажду, вновь забрюзжал:

— Чем мы промышляем в этой Африке? Убиваем жрецов и богатых рабовладельцев, захватываем их землю. А кто ее обрабатывает? Вандалы? Какое там! Те же, кто гнул спину при римлянах. Мы идем по кривой дорожке римлян. Мы взимаем подати и оброк и вынуждены защищать свои владения от проклятых берберов. Нам не ужиться со здешними народами. Рано или поздно от нас и следа не останется. Какой прок с того, что мы, горстка чужестранцев, захватили крепости? Для туземцев мы не годимся ни в союзники, ни в хозяева. Они нас ненавидят не меньше, чем римлян...

— Ненависть не вечна,— прервал его Атаульф. Он был помоложе Гунгайса, чисто выбрит, довольно красив и не столь неотесан, как славянин. Юные годы этого свежа прошли в одной из тюрем Восточного Рима, где его держали заложником.

— Здешние жители — еретики, и если бы мы, язычники, согласились принять арианство...¹

— Нет! — Тяжелые челюсти Гунгайса с лязгом сомкнулись (будь у него зубы помельче, они разлетелись бы вдребезги). В темных глазах вспыхнул огонь фанатизма — черты, выделявшей его народ из всех славян. — Никогда! Это они должны покориться, а не мы! Мы-то знаем суть арианства, и если эти ничтожества африканцы не поняли еще, какую

¹ Ересь Ария — крупнейшее оппозиционное течение христианской церкви IV века, наиболее распространенное в Египте. Разгромлено после осуждения на Вселенском соборе в Никее (325 г.).

совершили ошибку, мы откроем им глаза! С помощью огня, меча и дыбы, если понадобится!

Но пыл его тут же угас. Тяжело вздохнув, он снова потянулся за яшмовым кубком.

— Лет через сто от королевства вандалов останутся только легенды,— предрек он.— Лишь одно пока держит нас вместе — воля Гензериха.— Он произнес это имя немного иначе: Гензерик.¹

Человек, которого звали Гензерихом, рассмеялся, откинувшись на спинку кресла из резного дерева и вытянул мускулистые ноги наездника. Их хозяину не так уж давно пришлось сменить седло на палубу боевой галеры. За одно поколение его племя из кочевников превратилось в морских разбойников. Мудрейший из мудрых, Гензерих царствовал над народом, само имя которого стало символом гибели. Он родился на берегу Дуная и вырос в долгом походе на запад. После того как могучий человеческий поток разбился о римские частоколы, Гензерих попал в Испанию, и там опыт воина, накопленный в свирепых, безжалостных схватках, со временем помог ему стать королем вандалов. Его дикие всадники повергли в прах римских наместников. Когда римляне, объединившись с вестготами, стали поглядывать на юг, Гензерих своими интригами навлек на западные рубежи империи орды Аттилы, и вдоль пылающего горизонта вырос лес пик. Теперь Аттила мертв, и никто не ведает, где лежат его кости и награбленные сокровища, охраняемые призраками пятисот рабов. Имя Аттилы гремело по всему свету, но кто он был на самом деле, как не пешка в руках короля вандалов?

¹ Вождь вандалов, захвативший и разграбивший Рим в 425 г.

Когда несметные полчища готов, покинув Каталаунские поля,¹ двинулись через Пиренеи, Гензерих не стал ждать неминуемого поражения. По сей день в Риме проклинают имя Бонифация — желая одолеть своего соперника Аэция, он сговорился с Гензерихом и открыл вандалам путь в Африку. Слишком поздно он помирился с Римом — чтобы исправить ошибку, одной храбрости было уже недостаточно. Бонифаций погиб от копья вандала, а на юге выросло новое государство. Теперь и Аэций мертв, а длинные галеры вандалов идут на север, покачиваясь на волнах в свете звезд.

Сидя в каюте флагманской галеры, Гензерих прислушивался к разговору своих приближенных и улыбался, поглаживая сильными пальцами рыжую неухоженную бороду. В отличие от Гунгайса, в его жилах не текла кровь скифов, разбитых когда-то воинственными сарматами, оттесненных на запад и смешавшихся с племенами из верховий Эльбы. Гензерих был чистокровным германцем: среднего роста, косая сажень в плечах, могучая грудь, толстая, жилистая шея. Он был сильнейшим из богатырей своего времени. Его воины первыми среди тевтонов стали морскими разбойниками, или викингами, как их называли впоследствии. Но лады Гензериха не бороздили Балтийского и Северного морей, а рыскали вдоль солнечных берегов Средиземноморья.

— И только волею Гензериха вы пьете вино и пируете, отдав себя в руки судьбы, — с усмешкой ответил он на последнюю фразу Гунгайса.

¹ Каталаунские поля (близ города Труа в Шампани) — место битвы Аттилы с союзными племенами франков, готов и бургунов под командованием Аэция.

— Вот еще! — фыркнул Гунгайс (среди варваров еще не прижилось низкопоклонство). — Когда это мы отдавались в руки судьбы? Гензерих, ты всегда думаешь на тысячу дней вперед. Не прикидывайся простачком, мы не так глупы, как Бонифаций и другие римляне.

— Аэций был неглуп, — пробормотал Тразамунд.

— Но он мертв, а мы идем на Рим, — ответил Гунгайс и впервые вздохнул легко. — Слава богу, Аларих¹ не дочиста его разграбил. И наше счастье, что Аттила дрогнул в последнюю минуту.

— Аттила не забыл Каталаунских полей, — произнес Атаульф. — А Рим... после всех потрясений он еще стоит. Почти вся империя в руинах, но то и дело пробиваются живые ростки. Стилихон, Аэций, Феодосий...² Рим похож на спящего великана — когда-нибудь он проснется и...

Гунгайс фыркнул и стукнул кулаком по залитому вином столу.

— Рим мертв, как та белая кобыла, что убили подо мной при взятии Карфагена! Оставалось снять с нее сбрую, и только.

— Когда-то один великий полководец думал точно так же, — сонным голосом произнес Тразамунд. — Между прочим, родом он был из Карфагена, хоть я и не припоминаю его имени. Но римлянам от него досталось на орехи.

— Видать, его разбили, иначе он разрушил бы Рим, — заметил Гунгайс.

¹ Аларих — первый завоеватель Рима (410 г.).

² Стилихон — вандал, командовавший римской армией во времена Феодосия II. Казнен в 408 г. Феодосий II — один из последних римских императоров.

— Так оно и было,— подтвердил Тразамунд.

— Но мы-то не карфагеняне,— рассмеялся Гензерих.— И кому тут не терпится погреть руки? Разве не за тем мы идем в Рим, чтобы помочь императрице справиться с ее заклятыми врагами? — насмешливо спросил он и, не дождавшись ответа, буркнул: — А сейчас уходите. Я спать хочу.

Дверь хлопнула, отгородив короля от унылых пророчеств Гунгайса, острот Атаульфа и бормотания старых вождей. Гензерих решил выпить вина перед сном, поднялся на ноги и, прихрамывая (память о копье франка), двинулся к столу. Он поднес к губам украшенный алмазами кубок и вдруг вскрикнул от неожиданности. Перед ним стоял человек.

— Бог Один! — воскликнул Гензерих, совсем недавно принявший арианство и не успевший к нему привыкнуть.— Что тебе нужно в моей каюте?

Король привык сдерживать чувства и быстро оправился от испуга, но пальцы его, будто сами по себе, сомкнулись на рукояти меча. Внезапный выпад, и... Но гость не проявлял враждебности. Вандал видел его впервые, но с первого взгляда понял, что перед ним не тевтон и не римлянин. Незнакомец был смугл, с гордо посаженной головой, кудрявые волосы прихвачены малиновой лентой. На груди рассыпались завитки роскошной бороды.

В мозгу Гензериха мелькнула смутная догадка.

— Я не желаю тебе зла,— глухо произнес гость.

Как ни присматривался Гензерих, он не заметил оружия под пурпурной мантией незнакомца.

— Кто ты и как сюда попал?

— Неважно, кем я был. На этом корабле я плыву от самого Карфагена.

— Никогда тебя не встречал,— пробормотал Гензерих,— хотя такому, как ты, нелегко затеряться в толпе.

— Я много лет жил в Карфагене,— произнес гость.— Там родился, и там родились мои предки. Карфаген — моя жизнь! — Последние слова он произнес с таким пылом, что Гензерих невольно отшатнулся.

— Конечно, горожанам не за что нас хвалить,— сказал он, прищурясь,— но я не приказывал убивать и грабить. Я хочу сделать Карфаген своей столицей. Если тебя разорили, скажи...

— Разорили, но не твоя волчья свора,— угрюмо ответил незнакомец.— По-твоему, это грабеж? Я видал грабежи, какие тебе и не снились, варвар. Тебя называют варваром, но ты не сделал и сотой доли того, что натворили «культурные» римляне.

— На моей памяти римляне не разоряли Карфагена,— пробормотал Гензерих.

— Справедливость истории! — Гость с силой ударил кулаком по столу. Гензерих успел разглядеть мускулистую белую руку аристократа.— Погубили город алчность римлян и предательство. Торговля возродила его в другом обличье. А теперь ты, варвар, вышел из гавани Карфагена, чтобы покорить его завоевателей. Стоит ли удивляться, что старые сны блуждают в трюмах твоих галер, а призраки давно забытых людей, покидая безымянные могилы, уходят с тобою в плавание?

— Но с чего ты взял, что я решил покорить Рим? — обеспокоенно спросил Гензерих.— Я согласился помочь...

Вновь по столу грохнул кулак незнакомца.

— Если бы ты пережил то, что выпало на мою долю, ты бы поклялся стереть с лица земли этот

гнусный город. Римляне позвали тебя на помощь, но они жаждут твоей гибели. А на твоём корабле плывет изменник.

Лицо варвара оставалось бесстрастным.

— Почему я должен тебе верить?

— Как ты поступишь, если я докажу, что тот, кого ты считаешь самым надёжным помощником и верным вассалом — предатель и ведёт тебя в западню?

— Если докажешь, проси чего хочешь.

— Хорошо. Возьми это в знак доверия.— На поверхности стола запрыгала монета. В руке гостя мелькнул шелковый шнурок, оброненный недавно Гензерихом.— Ступай за мной в каюту твоего советника и писца, красивейшего из варваров...

— Атаульфа? — Гензерих был поражен.— Я верю ему больше, чем остальным.

— Значит, ты не так умен, как я считал,— хмуро ответил человек в мантии.— Предатель опаснее любого врага. Римские легионы не победили бы нас, не найдись в моём городе подлеца, отворившего ворота. Я пришел, чтобы спасти тебя и твою империю, и в награду прошу одного: утопи Рим в крови.— Незнакомец застыл на миг с горящими глазами, с занесенным над головой кулаком. Затем, царственным жестом запахнув пурпурную мантию, вышел за дверь.

— Стой! — крикнул король, но гость уже исчез.

Хромая, Гензерих подошел к двери, распахнул ее и выглянул на палубу. На корме горел светильник. Из трюма, где усталые гребцы ворочали весла, воняло немытыми телами. В тишине раздавался мерный скрип уключин, те же звуки доносились с других галер. В лунном свете перекатывались серебристые волны. Возле двери в каюту Гензериха

стоял одинокий страж. На бронзовом шлеме с султаном, на римских доспехах играли лунные отблески. Воин отсалютовал королю коротким копьем.

— Куда он подевался? — спросил Гензерих.

— Кто, мой повелитель? — удивился воин.

— Тот, кто вышел из моей каюты, дурень! — рассердился король. — Высокий человек в пурпурной мантии.

— С тех пор, как ушли Гунгайс и остальные, никто не выходил, — ответил вандал, недоумевающе глядя на своего властелина.

— Лжец! — В руке Гензериха полоской серебра сверкнул меч. Воин попятился.

— Клянусь Одним, не было тут никого! — испуганно повторил он.

Гензерих пристально посмотрел ему в лицо. Он хорошо разбирался в людях и понял: страж не лжет. У короля мороз прошел по коже. Ни слова больше не говоря, он заковылял к каюте Атаульфа и, постояв возле нее несколько секунд, распахнул дверь.

Атаульф лежал на столе. Достаточно было одного взгляда на багровое лицо, выпученные и остекленевшие глаза, черный прикушенный язык, чтобы понять, что с ним случилось. В шею свева врезался шелковый шнурок Гензериха. Возле мертвеца лежали перо и пергамент. Схватив листок, Гензерих расправил его и прочитал:

«Ее величеству Императрице Рима

Исполняя Вашу волю, я постарался уговорить варвара, которому служу, чтобы он повременил со штурмом столицы до подхода ожидаемой Вами помощи из Византии. После победы я отведу его в условленную бухту, где Вам легко удастся запереть и уничтожить его флот. Я...»

Письмо заканчивалось бесформенной закорючкой. Гензерих взглянул на труп, и вновь по щеке побежали мурашки, а коротко подстриженные волосы встали дыбом. Незнакомец бесследно исчез, и вандал знал, что уже никогда его не увидит.

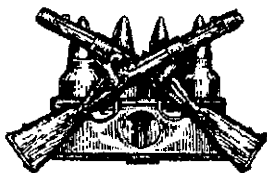
— Рим еще заплатит за это,— зловеще прошептал он.

Носимая им на людях маска спокойствия исчезла, ухмылка короля походила на оскал голодного волка. В гневном блеске глаз угадывалась страшная судьба, уготовленная Риму. Он вспомнил, что до сих пор сжимает в кулаке монету незнакомца. Долго разглядывал ее, тщась разобрать старинные письмена. Профиль, выбитый на монете, он сотни раз видел на древнем мраморе Карфагена, которого чудом не коснулась ненависть римлян.

— Ганнибал...— пробормотал Гензерих.

ОБИТАТЕЛИ ЧЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Я

расскажу свою ужасную историю до того, как взойдет солнце и предсмертные крики разорвут безмолвие этого острова.

Итак, нас было двое — моя невеста Глория и я. У Глории был самолет. Ей нравилось летать... Если б не ее дурацкое увлечение, нам бы не пришлось пережить весь этот ужас.

В тот злополучный день я отговаривал ее от полета. Ви-

дит Бог, отговаривал! Но она ни в какую не соглашалась, и мы вылетели из Манилы в Гуам. Почему именно туда, спросите вы? Причуда взбалмошной девицы, которой не сидится на месте, которой скучно без приключений, которая жизни своей не мыслит без авантюр...

О том, как мы очутились на Черном побережье, в общем-то нечего и рассказывать. Наш самолет попал в туман — редчайшее явление для тех мест, — мы решили лететь над ним и сбились с курса в густых облаках. Мы долго шутали вслепую, и наконец, словно вняв нашим мольбам, Господь проделал дыру в пелене тумана. Мы увидели какой-то островок и посадили самолет на воду рядом с ним.

Самолет стал тонуть, а мы поплыли к берегу. Что-то сразу насторожило нас, когда мы вылезли на сушу, уж чересчур неприветливой была эта земля. Широкий пляж упирался в подножия скал, что поднимались ввысь на сотни футов. Когда мы покидали тонущий самолет, я краем глаза взглянул на остров и мне показалось, что над первым рядом скал вздымается второй, а за ним — третий. Они словно вырастали друг из друга, образуя гигантские ступени, уходящие в небо. Оказавшись на берегу, мы могли видеть лишь полоску пляжа, окаймленную черной базальтовой стеной, и больше ничего.

— Ну и что теперь делать? — спросила Глория. Похоже, она еще не успела испугаться. — Где мы?

— Никаких опознавательных знаков, — ответил я. — В Тихом океане полно неоткрытых островов. Не исключено, что мы на одном из них. Остается надеяться лишь на то, что здесь не живут каннибалы.

Лучше б я не вспоминал о каннибалах, но Глория пропустила мои слова мимо ушей. Во всяком случае, тогда мне так показалось.

— Я не боюсь дикарей,— заявила она.— Да и вряд ли здесь вообще кто-нибудь живет.

Забавно, я уже не раз замечал, что мнение женщины, как правило, отражает ее желание. Однако в данном случае желание было ни при чем. Теперь я безоговорочно доверяю женской интуиции. Женский ум намного тоньше и восприимчивее к влиянию извне... Впрочем, мне некогда философствовать.

— Давай пройдемся вдоль берега. Вдруг нам удастся найти не слишком крутую скалу, по которой можно вскарабкаться наверх и посмотреть, что делается на другой стороне острова.

— Но ведь тут везде только голые скалы...

Я пристально посмотрел на Глорию:

— Откуда ты знаешь?

Она смущенно пожала плечами:

— Мне так показалось.

— Значит, нам не повезло, придется питаться одними водорослями и крабами... Что с тобой, Глория? — закричал я, увидев, что Глория стала белой, как мел. Я обнял ее и крепко прижал к себе.— Что с тобой?

— Не знаю.— Она смотрела на меня так, словно не узнавала. Как будто она только что очнулась от кошмарного сна.

— Ты что-то увидела?

— Нет. — Казалось, она хотела вырваться из моих объятий.— Ты что-то такое сказал... Нет... Не то... Я не знаю... Бывают же у людей фантазии. Должно быть, у меня они кошмарные.

Господи, помоги мне! Я не нашел ничего лучшего, как рассмеяться и сказать:

— Вы, девушки, иногда ведете себя так странно... Знаешь что, давай-ка пройдемся вдоль берега, во-он туда...

— Нет! — заупрямилась Глория.

— Тогда — туда...

— Нет! Нет!

Я потерял терпение:

— Глория, да что же с тобой такое? Ведь мы не можем весь день простоять на одном месте. Мы должны найти дорогу на другую сторону острова. Не капризничай, это так на тебя не похоже.

— Не ругайся, — спокойно проговорила она. — Мне почудилось, что кто-то залез мне в голову и нашептывает что-то... Ты веришь в телепатию?

Слова Глории очень удивили меня. Раньше она никогда так не говорила.

— Ты думаешь, что кто-то пытается передать тебе какую-то мысль?

— Нет, это не мысль, — отрешенно пробормотала она. — Во всяком случае, насколько я знаю, мысли такими не бывают. — И, словно выйдя из транса, она добавила: — Ты иди. Поищи дорогу, а я подожду здесь.

— Нет, Глория, так не годится. Либо мы пойдем вместе, либо я подожду, пока ты сможешь идти со мной.

— Вряд ли в ближайшее время я смогу куда-нибудь пойти, — в отчаянии проговорила она. — Да и тебе не стоит далеко уходить. Ты когда-нибудь видел такие черные утесы?.. Черное побережье?.. Помнишь стихотворение Тевиса Смита «Черное побережье смерти»? При этих словах меня охватило непонятное беспокойство, и я передернул плечами, пытаюсь отогнать его.

— Глория, нельзя же верить всему, что придумывают писатели... Я поищу дорогу наверх и попробую раздобыть что-нибудь съестное, ладно?

Глория вздрогнула:

— Даже не вспоминай о крабах. Я ненавидела их всю жизнь, но насколько сильно, поняла, лишь когда ты о них заговорил. Они едят мертвечину... Знаешь, я уверена, что дьявол похож на гигантского краба.

— Конечно, а на кого же еще ему быть похожим,— сказал я, изо всех сил стараясь улыбаться.— Сиди здесь. Я быстро.

— Поцелуй меня на прощание,— прошептала Глория с грустью, от которой у меня защемило сердце. Я нежно притянул ее к себе, и ее стройное, готовое к любви тело доверчиво прильнуло ко мне. Когда я поцеловал ее, она закрыла глаза — что-то странное, незнакомое появилось в ее лице.

— Не уходи далеко. Я должна все время видеть тебя,— попросила Глория, когда я выпустил ее из объятий.

Берег был усеян валунами, и Глория присела на один из них.

Борясь с недобрыми предчувствиями, я отвернулся и пошел по пляжу вдоль огромной черной стены, которая поднималась надо мной, исчезая в синем небе, словно манхэттенский небоскреб. Вскоре я добрался до больших камней. Перед тем как пройти между ними, я оглянулся — отважная хрупкая Глория послушно сидела там, где я ее оставил. На глаза мои навернулись слезы... Тогда я видел ее в последний раз.

Я зашел за камни — и Глория скрылась из виду. До сих пор не могу понять, почему я не выполнил ее последнюю просьбу. Ведь с первых минут мне было неуютно на этом острове, предчувствие опасности не покидало меня...

Я шел, вглядываясь в возвышавшиеся надо мной черные стены, пока не стало казаться, что они меня

гипнотизируют. Тот, кому не доводилось видеть эти утесы, ни за что не сможет представить себе, как они выглядят, а я не смогу передать словами, насколько мощной была аура враждебности, что окружала их. Скажу лишь, что скалы эти поднимались так высоко, что мне чудилось, будто их вершины вонзаются в небо...

Я казался себе муравьем, ползающим у основания Вавилонской башни... Впрочем, ландшафт Черного побережья тут ни при чем. Эти ощущения возникали где-то на подсознательном уровне.

Однако я понял это гораздо позже. А тогда я рассказывал по острову, замороженный однообразием нависших надо мной скал. Время от времени я пытался стряхнуть с себя наваждение, моргал и смотрел на воду, но казалось, что даже море накрыли тени огромных базальтовых стен. Чем дальше я шел, тем более угрожающим становился пейзаж. Разум подсказывал мне, что скалы не могут рухнуть, но инстинкт нашептывал, что они вот-вот обрушатся и похоронят меня.

Внезапно я наткнулся на выброшенную на берег доску. Я закричал от радости. Лучшего доказательства, что человечество существует и что где-то там, далеко, есть мир, непохожий на эти мрачные, заполнившие собой всю вселенную, утесы, и быть не могло. К доске был прибит длинный кусок железа, я отодрал его — если понадобится, эту железяку можно использовать как дубинку. Она была немного тяжеловата для обычного человека, но под мерки «обычного» я никак не подходил.

Я сообразил, что отошел уже достаточно далеко, и поспешил назад, к Глории. Возвращаясь, я обнаружил на песке новые следы и подумал, что если бы какой-нибудь крабо-паук размером с ло-

шадь решил прогуляться по пляжу, то оставил бы именно такие. Потом я увидел валун, на котором сидела Глория. Он был пуст.

Я не слышал ни крика, ни плача. Царство черных скал безмолвствовало. Я остановился возле камня, на котором оставил Глорию, и стал осматривать песок вокруг него. Неподалеку лежало что-то маленькое и белое. Я упал на колени. Это была женская рука, оторванная у запястья. На безымянном пальце я увидел кольцо, которое сам надел на эту руку. Небо почернело у меня над головой.

Не знаю, сколько я простоял так. Время для меня остановилось. Минуты превратились в Вечность. Что значат дни, часы, годы для разорвавшегося сердца, каждое мгновение боли для которого длится Бесконечность? Когда я поднялся и повернулся к прибою, прижимая к груди маленькую руку Глории, солнце и луна уже покинули небосвод, и только холодные белые звезды насмешливо взирали на меня свысока.

Вновь и вновь я припадал губами к жалкому кусочку холодной плоти. Но в конце концов я заставил себя расстаться с ним, положил руку Глории в набегающие волны прибоя, и они унесли ее в океан — туда, где ее чистая душа, должно быть, обретет вечный покой. Печальные древние волны, которым известны все людские горести, плакали, а я плакать не мог...

Пошатываясь, как пьяный, я ходил взад-вперед вдоль бесконечной черной стены. То бормотал что-то себе под нос, то кричал во весь голос, а скалы, нахмурившись, с пренебрежением взирали на копошащегося у их ног муравья.

Когда я проснулся, солнце уже встало. Я почувствовал, что рядом кто-то есть. Сел. Меня окружа-

ли ужасные создания. Представьте себе крабо-паука больше автомобиля... Однако это были не настоящие крабо-пауки, и величина их тут совершенно ни при чем. Эти твари так же отличались от крабо-пауков, как цивилизованный европеец от дикаря. Эти чудовища были разумными:

Они сидели и наблюдали за мной. Я не двигался, не зная, чего от них ждать. Леденящий душу страх начал подкрадываться ко мне. Я не особенно боялся, что твари убьют меня, потому что подсознательно чувствовал: они меня все равно убьют, так или иначе. Но они не спускали с меня глаз, и кровь стыла в моих жилах. Вглядываясь в их жуткие глаза, я понял, что за ними скрывается могущественный разум, поднявшийся в иные сферы, в иное измерение.

Во взглядах чудовищ не было ни дружелюбности, ни враждебности, ни симпатии, ни понимания... Даже страха и ненависти в них не было. Ужасные существа! Ни один человек не мог бы смотреть так. Даже во взгляде врага, собравшегося убить вас, можно уловить понимание. Но эти дьяволы смотрели на меня так, как ученые разглядывают микроб на предметном стекле. Они не понимали...

Они не могли понять меня. Им никогда не удастся понять мои мысли, печали, радости, надежды, так же как и мне не удастся проникнуть в их чувства. Мы — разные биологические виды. Войны людей не могут сравниться в жестокости с непрекращающейся войной между живыми существами различных видов. Возможно, все живое и произошло от одного вида, но я в это не верю.

Разум и сила читались в холодных глазах чудовищ, уставившихся на меня, но это был неведомый мне разум. В своем развитии эти твари намного

обогнали человечество, но двигались по другому руслу. Ничего более конкретного я сказать не могу. Их разум и способности так и остались для меня загадкой, и почти все их действия казались мне совершенно бессмысленными.

Пока эти мысли рождались в моей голове, я вдруг почувствовал, как нечеловеческий разум ужасной силы пытается пролезть в мой мозг, подчинить себе. Я вскочил, будто меня окатили холодной водой. Я испугался. Такой дикий, беспричинный страх, должно быть, испытывает дикий зверь, впервые встретившийся с человеком. Я знал, что эти твари стоят на более высокой ступени развития, чем я, и боялся даже погрозить им пальцем, хотя и ненавижу все душой.

Как правило, человека не мучают угрызения совы, когда он давит насекомых. Это происходит потому, что в повседневной жизни ему приходится иметь дело лишь со своими братьями-людьми, а не с червями, на которых он наступает, и не с птицами, которых он ест. Лев не пожирает льва, однако с удовольствием съест быка или человека. По правде сказать, Природа поступает жестоко, направляя один биологический вид на другой.

Разумные крабы взирали на меня подобно тому, как Бог взирает на хищника или на исчадие ада. Но я преодолел сдерживавший меня страх. Самый большой краб, к которому я стоял лицом, смотрел на меня с угрюмым неодобрением, словно его раздражали мои безмолвные угрозы.

Должно быть, так ученый смотрит на червя, извивающегося под ножом для препарирования. В конце концов ярость вскипела во мне, и языки ее огня спалили мой страх. В миг я очутился возле самого большого краба, одним ударом убил

его и, отскочив от корчащегося на песке тела, убежал.

Но убежал я недалеко. Я решил отомстить за Глорию. Теперь я понял, почему она вздрогнула, стоило мне только произнести слово «краб», понял, почему она подумала, что обличье дьявола напоминает краба — тогда эти твари уже подкрадывались к нам, посылая нам страх, порожденный их ужасным разумом.

Я вернулся, подобрал найденную мной накануне дубинку. Но твари держались вместе, совсем как быки и коровы при приближении льва. Их клешни угрожающе поднимались, посланные ими злые мысли били меня, и я физически ощущал боль от их ударов. Я качнулся, не в силах бороться с мозговой атакой чудовищ. Я знал, что они пытаются запугать меня. И тут совсем неожиданно твари попятились к скалам.

История моя длинная, но я постараюсь быть кратким. Сейчас я веду яростную и беспощадную войну против расы, которая, я это знаю, по разуму и культуре выше меня. Вполне возможно, что они ученые-исследователи и Глория погибла в одном из их жестоких экспериментов.

Их жилища находятся высоко на скалах, правда, пока мне никак не удастся их обнаружить. Чудовища спускаются на пляж тайной тропой. Они охотятся на меня, а я — на них.

Я выяснил, что между этими тварями и человеком есть нечто общее — существа с более мощным интеллектом отстают в физическом развитии. Я во многом уступаю им умственно, как гориллы какому-нибудь ученому-светиле, но я столь же смертоносен в битве с ними, сколь смертоносна горилла, напавшая на безоружного ученого.

Я быстрее, сильнее, и у меня тоньше слух и обоняние. Лучшее координация движений. Словом, сложилась странная ситуация, в которой я играю роль дикого зверя, а они — цивилизованных существ. Я не прошу пощады, но и не пощажу никого из них. Я бы никогда не побеспокоил их — во всяком случае, не больше, чем орел беспокоит людей, — если б они не убили мою женщину. То ли чтоб утолить голод, то ли ради какого-то никому не нужного научного эксперимента они забрали ее жизнь и разрушили мою.

И вот теперь я — мстительный дикий зверь. Так будет и впредь! Волк может вырезать стадо овец, лев-людоед — уничтожить целую деревню. Вот я и есть такой волк или лев для обитателей Черного побережья. Правда, питаюсь я моллюсками — никак не могу заставить себя попробовать краба. Днем и ночью я охочусь на своих врагов по всему берегу. Это нелегко, и долго я так не протяну. Они сражаются со мной оружием, против которого я бессилен.

После их психологической атаки на меня нападает страшная слабость. Я высматриваю врагов, гуляющих по пляжу в одиночестве, нападаю и убиваю их, но потом мне приходится долго восстанавливать силы.

Сначала мне не составляло труда прорваться сквозь защитную оболочку мыслей одинокого краба и убить его, но твари быстро обнаружили мое слабое место, и теперь во время каждой схватки я вынужден проходить настоящий ад. Их мысли врываются в мой разум волнами раскаленного металла, обжигая мой мозг и мою душу.

Я долго лежу в засаде, а когда появляется одинокий краб, вскакиваю и быстро убиваю его. Как

лев, который набрасывается на человека, прежде чем тот успевает прицелиться и выстрелить.

Однако порой и я допускаю промахи. Вот как вчера. Умиравший краб оторвал мне кисть левой руки. Я знаю, пройдет совсем немного времени и одна из тварей убьет меня, обязательно убьет. Но я должен успеть отомстить. На черных ступенях, затерявшихся меж облаков, стоит город крабов. И я обязан уничижить его. Я — умирающий человек, споина испытывший на себе страшное оружие чудовищ. Покалеченную руку я туго перевязал, так что не истеку кровью. Пока я в здравом рассудке, моя правая рука не выпустит железную дубинку. На рассвете крабы держатся поближе к своему убежищу. В этот час их гораздо легче убить.

Ущербная луна почти опустилась в море. Через пару часов забрезжит рассвет, а сейчас — мне пора. Я обнаружил тайную тропу. Она уходит в небо... Я найду обиталище демонов, и когда взойдет солнце — начну убивать. Грядет страшная битва! Я буду убивать, убивать и убивать, а потом... умру сам.

Ну, хватит. Пора идти. Я стану машиной смерти. Я выложу трупами весь берег. Пусть я умру, но прежде перебью этих тварей.

Глория, близится рассвет... Мне не дано узнать, наблюдаешь ли ты за моей кровавой мстью, но я хочу верить, что ты все это видишь. От этой мысли на душе моей становится легче... Эти чудовища и я — разные биологические виды. И лишь жестокая Природа повинна в том, что мы непримиримые враги.

Они отняли у меня невесту. Я лишу их жизни.

ДОМ ЭРЕЙБУ

Н

икак он увидел ночное привидение или шаги обитателей тьмы. — Странные эти слова прозвучали в пиршественном зале дворца Нарам-нинуба, среди нежных звуков лютен, плеска искрящихся фонтанов и звонкого женского смеха.

Великолепный чертог вполне соответствовал богатству и высокому положению его хозяина — как грандиозными размерами, так и фантастической

роскошью убранства. Стены были покрыты разноцветной муравой — синей, красной, оранжевой, а поверх — квадратами чеканного золота. В воздухе смешивались ароматы курений и запахи экзотических цветов, что росли в саду снаружи. Пирующие гости — разодетые в шелка вельможи Ниппура — восседали и возлежали на бархатных подушках, потягивали вино из алебастровых бокалов и ласкали напомаженных и сверкающих златом и камнями красоток, — слухи о богатстве и щедрости Нарам-нинуба неудержимо влекли жриц любви и веселья со всех концов Востока. Десятки женщин танцевали, позвякивая драгоценностями и взмахивая полными белыми руками в полумраке зала; вся их одежда состояла из гребней с самоцветами, массивных золотых браслетов да резных нефритовых серег. Исходившие от прекрасных тел ароматы кружили головы. Смех и гул негромких разговоров волнами прокатывались по залу, где царили пир и веселье, танец и любовь.

На широком подиуме на груди разноцветных подушек полулежал устроитель этого невообразимого празднества плоти, лениво поглаживал глянцевитые черные локоны расположившейся рядом грациозной арабской девушки. Внешность выдавала в нем сибарита: медпительный и тучный обладатель иссиня-черной бороды и живых искристых карих глаз, в настоящий момент с интересом оглядывающих гостей, был семитом — немало таких, как он, по разным причинам осело в Шумере.

Все приглашенные, за одним-единственным исключением, были шумеры с бритыми головами и подбородками, оплывшими от праздности и сытой жизни телами и безмятежным выражением лоснящихся лиц.

Тем сильнее контрастировал с их изнеженностью и ленивым благодушием облик стоящего поодаль человека. Ростом он был выше любого из них, но скроен с безжалостной экономностью Природы; он казался воплощением силы — первобытной, дикой, волчей, ею так и веяло от мускулистых конечностей, жилистой шеи, могучего свода грудной клетки, косой сажени плеч. Под взъерошенной гривой золотистых волос льдинками сверкали голубые глаза. Крупные правильные черты лица, будто из камня высеченного, несли на себе печать той же неукротимой природной силы. В его движениях и речах не было даже малейшего сходства с расчетливой манерностью других гостей; их отличали резкость, бескомпромиссная прямота и естественность. Если вельможи цедили, смаковали вино, то он пил огромными жадными глотками; если они церемонно откусывали крохи, то он, хватая руками огромные ломти, вгрызался в сочное мясо крепкими белыми зубами. При этом лицо его сохраняло на диво мрачное выражение, меж насупленных бровей не разглаживалась глубокая складка.

Князь Айби-Энгур снова прошепелявил чуть ли не в самое ухо Нарам-нинуба:

— Неужто господину Пиррасу мерещатся призраки или шепот ночных тварей?

Нарам-нинуб обеспокоенно глянул на своего хмурого гостя.

— Право же, друг мой, — заговорил он, — ты сегодня сверх меры молчалив и мрачен. Иль тебе не весело на моем празднике? Иль ты чем-то озабочен?

Пиррас, словно очнувшись от тяжелого и неприятного сна, отрицательно покачал головой:

— Нет-нет, дружище, что ты. Если я и кажусь расстроеным, то причина этого кроется во мне

самом.— По акценту в сильном низком голосе можно было сразу узнать варвара, даже не глядя на говорящего.

Соседи с интересом уставились на него. Еще бы, ведь этот аргайв был предводителем наемников Эннатума, его сила и мужество давно стали легендой.

— Наверное, виной всему женщина, а? — со смешком поинтересовался князь Энакалли. Но стоило Пиррасу сверкнуть в его сторону помрачневшими глазами, у вельможи пошел по спине неприятный холодок, и смеяться расхотелось.

— Да, можно и так сказать,— неохотно проворчал аргайв.— Женщина, призраком вошедшая в мои сны и завладевшая ими, как в дни затмения мрак завладевает луной. Сколько раз я чувствовал прикосновение ее зубов к своей шее, а просыпаясь в холодном поту, слышал хлопанье крыльев и уха-нье совы.

Над именитыми гостями, расположившимися на подиуме, нависла неловкая тишина, и стали отчетливо слышны доносящиеся снизу, из огромного зала, смех, болтовня и перезвон лютневых струн. Вот громко расхохоталась девушка, но в ее смехе прозвучали фальшивые ноты.

— На него пало проклятие...— испуганно зашептала арабка.

Нарам-нинуб жестом приказал ей замолчать, но едва он открыл рот, чтобы заговорить, как с пришептыванием вымолвил Айби-Энгур:

— Милейший господин Пиррас, какую жуткую историю ты рассказал! Все происходящее с тобой напоминает месть божества или духа... Ты что, оскорбил кого-то из богов?

Нарам-нинуб закрыл рот, так ничего и не сказав. Лицо его исказила гримаса досады и раздражения:

у всех было на слуху, что в недавней военной кампании против Урука аргайв зарезал жреца бога Ану прямо в его храме, напоминающем склеп. Пиррас резко вскинул голову — взметнулись светлые кудри — и грозно поглядел на Айби-Энгура. Казалось, он оценивает его слова: что это, намеренное оскорбление или неумышленная грубость? У князя вмиг отлила от лица кровь, зато выступил пот, но тут стройная арабская куртизанка, поднявшись на колени, схватила за руку Нарам-нинуба.

— Вы только посмотрите на Белибну! — Она указывала на девушку, так неестественно рассмеявшуюся секунду назад.

Словно предчувствуя недоброе, соседи подались в стороны, пропуская ту, что, казалось, не слышала и не видела их. А она запрокинула голову (блеснули драгоценности в волосах), и в зале для пиршеств зазвенел ее надрывный, истерический смех. Стройное тело раскачивалось из стороны в сторону, постукивали друг о друга браслеты на воздетых белых руках, в темных глазах появился стеклянный блеск, полные алые губы кривились, исторгая взрывы противоестественного хохота.

— Одержимая... Десница Эрейбу на ней, — едва слышно вымолвила арабка.

— Белибна! — громко окликнул Нарам-нинуб. От этого ему был лишь очередной приступ жуткого смеха. Потом девушка хрипло закричала во весь голос:

— По тропе, с которой нет возврата, к дому тьмы, обиталищу Нергала... О, Апсу, сколько горечи в твоем вине!

Эта тирада завершилась диким воплем, и девушка, сорвавшись со своей подушки, запрыгнула на

подиум, в руке блеснул кинжал. На разные лады закричали гости и куртизанки, в панике бросились врассыпную. Но девице было не до них, ей был нужен один лишь Пиррас, это к нему она мчалась с лицом, превратившимся в уродливую маску бешенства и безумия. Аргайв перехватил и заломил ее руку, — что сила женщины, пусть даже сумасшедшей, для стальных мускулов варвара? Он так оттолкнул Белибну, что она покатилась по ступеням вниз, где и осталась лежать среди бархатных подушек. Из груди торчала рукоять кинжала — клинок вонзился в сердце, когда одержимая падала.

Прервавшиеся столь неожиданно разговоры возобновились, как только стражники уволокли безжизненное тело из зала и гости в сопровождении юных танцовщиц вернулись на свои места. Все были взволнованы и испуганы, но старались поскорее вычеркнуть из памяти неприятный эпизод, вино опять полилось рекой. Только Пиррас, поднявшись на ноги, взял у раба свой широкий малиновый плащ и набросил на плечи.

— Останься, мой друг, — принялся уговаривать его Нарам-нинуб. — Давай не позволим этому незначительному происшествию испортить нам праздник. Мало ли безумцев на свете?

Пиррас, хмурясь, покачал головой:

— Нет уж, довольно на сегодня возлияний и обжорства. Пойду домой.

— Что ж, значит, пир окончен, — во всеуслышание объявил семит, поднявшись и хлопнув в ладоши. — К дому, подаренному тебе королем, ты отправишься в моем паланкине... Ах нет, я же забыл, ведь ты не признаешь езды на плечах людей. В таком случае я сам провожу тебя. Господа, не желаете ли составить нам компанию?

— Идти пешком, как простолюдины? — запинаюсь, отозвался принц Эрлишу.— Видит Энлиль, я согласен! Хоть какая-то новизна. Но мне понадобится раб, чтобы шлейф моей мантии не волочился в пыли. Пошли, друзья, нам давно пора взглянуть на дом господина Пирраса, клянусь Иштар!

— До чего же странный человек,— зашепелявил Айби-Энгур, обращаясь к Либит-ишби, когда шумная компания высыпала из величественного портала главного входа и двинулась вниз по широкой лестнице, охраняемой бронзовыми львами.— Ходит пешком по улицам без рабов и охраны, точно простой торговец.

— Будь осторожен,— промурлыкал в ответ собеседник.— Он скор на расправу и в фаворе у государя Эннатума.

— Даже фавориту короля следовало бы хорошенько подумать, прежде чем оскорблять бога Ану,— сразу понизив голос, заявил Айби-Энгур.

Вельможи неторопливо шли по мощенной белым камнем улице, городской люд, разеваая рты от изумления при виде этой импровизированной процессии, почтительно склонял бритые головы. Солнце только всходило, но жители Ниппура были ранними пташками, великое множество горожан толпилось среди торговых рядов и лавок, где купцы разложили свои товары. Ремесленники и чиновники, проститутки и солдаты в медных шлемах...

Над ними светлело лазоревое небо, обласканное первыми лучами нарождающегося светила; уже припекало; играли солнечные зайчики на глянцевиной поверхности стен. В Ниппуре преобладали трех- и четырехэтажные здания из обожженного солнцем кирпича; крыши были плоские, а стены покрыты

цветными эмалями, все это превращало столицу в буйство ярких красок.

Где-то неподалеку заунывно голосил жрец:

— О Баббар, к твоей милости и справедливости взываем...

Пиррас еле слышно выругался под нос. Они как раз проходили мимо величественного храма Энлиля, грандиозное сооружение вздымалось в яркосинее небо на добрых три сотни шагов.

— Башни так высоки, что кажутся неотъемлемой частью небес, будто глазурью покрытых,— проворчал он, пятерней откидывая со лба непокорную прядь волос.— Вот он, мир, созданный человеком.

— Нет, друг мой,— возразил Нарам-нинуб.— Эйя построил мир из плоти Тиамат.

— А я утверждаю, что люди сотворили Шумер! — воскликнул Пиррас, которому вино затуманило взор.— Они создали эту скучную равнинную страну, такую сытую и благополучную. Усыпали долину городами, изрезали каналами и облили лазоревой муравой. Вот я родился в стране, созданной богами, клянусь Имиром! Там, где высятся величественные голубые горы с искрящимися на солнце снежными пиками; между ними длинными тенями — тучные зеленые доли; шумя и пенясь, стремительно несутся с обрывистых склонов водные потоки, и о чем-то поет в листве высоких деревьев бродяга ветер...

— Пиррас, я тоже частенько вспоминаю свою родину,— откликнулся семит.— Ночью, под луной, пустыня бела до жути и холодна, днем же преобразается в раскаленную серо-бурую бесконечность. Но весь фокус в том, что лишь в кипящих народом городах можно достичь богатства и вкусить наслаждений, только в этих ульях из бронзы и камня, глазури и золота, шелков и человеческой плоти мож-

но почувствовать себя настоящим творением богов.

Пиррас хотел возразить, но тут его внимание привлёк оглушительный вой — по улице приближалась процессия, утопающая в море цветов; над ней высились украшенные резьбой носилки. Замыкала шествие цепочка молодых женщин в изорванных одеждах, со спутавшимися, запорошенными пылью волосами; они били себя в обнаженные груди и стенами:

— Айлану! Таммуз умер!

Толпы на улице подхватили крик. Носилки проходили мимо, раскачиваясь на плечах носильщиков; в огромной куче живых цветов можно было разглядеть яркие нарисованные глаза на лице каменного истукана. От криков и причитаний осталось лишь гулкое эхо, наконец и оно растаяло вдали.

Пиррас пожал могучими плечами.

— А скоро они будут прыгать, плясать и вопить «Да здравствует Адонис!», и женщины, которые нынче так горько рыдают, начнут в экзальтации отдаваться мужчинам прямо на улицах... Сколько же здесь богов, демон подери?!

Нарам-нинуб указал на титанический зиккурат Энлиля — точно воплощенная греза безумного бога, он господствовал над всеми остальными храмами и дворцами.

— Видишь вон те семь ярусов? Самый нижний — черный, следующий — красная эмаль, далее — синий, оранжевый и желтый; шестая ступень отделана серебром, седьмая, что так полыхает на солнце, — чистым золотом. Каждый ярус символизирует божественное начало: солнце, луну и пять планет, которые Энлиль и его помощники избрали своими

небесными символами. Энлиль — самый великий из всех богов, а Ниппур — его любимый, избранный город.

— Энлиль более велик, чем Ану? — задумчиво спросил Пиррас, вспоминая храм в огне и умирающего жреца, его рот, распяленный немым воплем.

— Которая из опор треноги величайшая? — вопросом на вопрос отвечивал семит.

Пиррас вдруг с проклятием отскочил в сторону, на солнце сверкнул его меч, молниеносно вываченный из ножен. Прямо у его ног, раскачиваясь, стояла на хвосте змея; точно красная молния из тучи, выстреливал из ее пасти раздвоенный язык.

— Что случилось, дружище? — Нарам-нинуб и другие вельможи в изумлении взирали на него.

— Что?.. — Пиррас выругался. — Да неужто вы не замечаете гада под собственным носом? Отойдите в сторону, сейчас я освобожу землю от ядовитой твари...

Он осекся, в глубине зрачков родилась тень сомнения.

— Ее уже нет, — недоумевающе промолвил варвар.

— Я ничего не видел, — сказал Нарам-нинуб, а остальные закивали, переглядываясь удивленно и в то же время понимая.

Аргайв провел рукой по глазам, тряхнул головой.

— Может, это из-за вина, — сказал он, — но только миг назад на этом самом месте была здоровенная гадюка, клянусь сердцем Имира. Должно быть, я и в самом деле проклят...

При этих словах спутники шарахнулись от него, как от заразного больного.

* * *

В душе аргайва Пирраса всегда жило неизъяснимое беспокойство, оно бередило его сны и не позволяло оставаться подолгу на одном месте, влекло в дальние странствия. Оно увело юношу от голубых гор, где жил его народ, на юг, в примыкающие к морю плодородные долины, где поселились трудолюбивые микенцы; потом заставило перебраться на остров Крит, в выстроенную из грубо обработанного камня и привозного леса столицу, знаменитую своим торжищем. Там шел бесконечный обмен товарами между смуглокожими местными рыбаками, ремесленниками и купцами, чьи суда приходили из Египта.

Вскоре одно из этих судов, покачиваясь на волнах, увезло варвара в Египет, где тысячи рабов под плетью надсмотрщиков и палящим солнцем возводили первые грандиозные гробницы-пирамиды и где в рядах «шердана» — северян-наемников — он познавал тонкости военного искусства. Но неутолимая жажда странствий опять позвала его в путь, за море, в грязную торговую деревушку, обнесенную низкими стенами и потому взявшую смелость называться «город Троя». Оттуда начался его по сию пору незавершенный поход на юг: через разграбленную и обескровленную Палестину, исконных обитателей которой жестоко угнетали пришедшие с Востока захватчики-ханаанцы, на равнины Шумера, где город сражался с городом, а жрецы мириад соперничающих богов без конца строили козни друг против друга, — впрочем, эта традиция сложилась еще на заре времен. Лишь долгие века спустя в этих краях взойдет звезда ныне малоприметного городишка под названием Вавилон и его захудалого божка Меродаха, которому суждено войти

в историю под именем Бела-Мардука, Победителя Тиамат.

Простое описание боевого пути аргайва — не более чем скелет, не облеченный плотью, да и как передать словами запах свежeproлитой крови и помпезную пышность восточных пиров, свист бешено вращающихся, острых, как бритва, клинков на колесницах, мчащихся в тучах пыли, и треск спшибающихся в абордажной схватке кораблей? Скажем лишь, что светловолосый аргайв не раз и не два удостаивался почестей, оказываемых королям, и вся Месопотамия, если верить слухам, не знала воителя более грозного и опасного для врагов. Последним из его подвигов был разгром орд Урука, что позволило сбросить урукское ярмо с шеи Ниппура.

Слава шла за ним по пятам, он был одинаково знаменит в бедняцких хижинах и дворцах из нефрита и слоновой кости. Разве мог помыслить об этом вечно взъерошенный мальчишка много лет назад, когда, лежа на груди волчьих шкур в горной хижине, грезил походами и битвами? Теперешние его сны (на шелковом ложе, во дворце с бирюзовыми башенками) были во сто крат горше. Его донимали кошмары. Именно такой сон приснился и на этот раз Пиррасу, и он испытал громадное облегчение, проснувшись вдруг, — словно из черного ому́та вынырнул. Ночь тут же обрушилась сплудом духоты и зноя. В спальне не горело ни единой лампы, луна еще не взошла, лишь холодное мерцание далеких звезд за окном бросало жалкий вызов господству тьмы. Но даже в этом, более чем скудном, освещении зоркие глаза аргайва внезапно различили движущийся силуэт, блеск глаз непрошеного гостя или, точнее сказать, гостьи. В абсолютной тишине

Пиррас слышал, как пульсирует кровь в его жилах. Что за ужас в женском обличье затаился в его комнате? Как он ни вглядывался, больше не видел грациозное и сильное, как у пантеры, тело, и глаза не горели во тьме. Со сдавленным рычанием он вскочил с ложа, меч со свистом рассек воздух... Но — только воздух; что-то вроде издевательского смешка коснулось его ушей, хотя (он уже убедился в этом) в спальне никого не было.

— Амитис! Я видел! На этот раз я уверен, мне не приснилось! Она смеялась надо мною, убегая через окно!

Торопливо вошедшая в комнату девушка, задрожав всем телом, поставила лампу на стол черного дерева. Весьма привлекательную и чувственную Амитис подарил аргайву король Эннатум; она ненавидела своего господина, и он знал об этом, но получал какое-то злобное удовлетворение от обладания ею. Но сейчас взаимную неприязнь вытеснил ужас.

— Эт-то б-была Лилиту! — запинаясь, выдохнула наложница. — Она посетила тебя собственной персоной! Подруга Ардата Лили, дух ночной, обитающий в доме Эрейбу! Ты проклят!

Его ладони увлажнились от пота. Казалось, по венам вместо крови тек расплавленный металл.

— Что же теперь делать? К кому обратиться за помощью? Жрецы ненавидят и боятся меня с тех пор, как я сжег храм Ану.

— Есть один человек, не связанный более со жречеством, он способен помочь тебе! — выпалила рабыня, не подумав, и тут же осеклась в замешательстве.

— Так Расскажи о нем поскорей! — Пиррас весь подобрался, снедаемый лихорадочным возбуждени-

ем. Но стоило ему проявить слабость, и к Амитис вернулась вся ее ненависть. С перепугу она сболтнула лишнее и теперь увидела прекрасную возможность отомстить.

— Я позабыла его имя, — вызывающе ответила она, в глазах вспыхнули злобные огоньки.

— Ах ты дрянь! — Задыхаясь от ярости, аргайв сгреб в кулак густые черные волосы и швырнул девушку поперек кровати. Он схватил ремень, на котором обычно носил меч, и осыпал ее неистовыми ударами, удерживая другой рукой извивающееся тело. Он так самозабвенно погрузился в багровую пучину бешенства, что даже не сразу осознал: девушка, рыдая и отчаянно визжа, давно выкрикивает чье-то имя. Когда до Пирраса наконец дошло, он отшвырнул ремень в сторону, девушку — в другую, и Амитис повалилась на устланный циновками пол. Пока она дрожала и всхлипывала, варвар перевел дух и зыркнул сверху вниз.

— Так, говоришь, Гимиль-ишби?

— Да! — сквозь плач выкрикнула несчастная, корчась у его ног, — все ее тело терзала невыносимая боль. — Прежде он служил Энлилю, но потом занялся некромантией и за это был изгнан из храма. Ах, мне так плохо! Я теряю сознание! Смиlostивься!

— Где я могу его найти? — допытывался Пиррас, равнодушный к ее причитаниям.

— В кургане Энцу, к западу от города. О Энлиль, с меня живьем содрали кожу! Я умираю!

Повернувшись к девушке спиной, Пиррас торопливо оделся, увешал себя доспехами и оружием, после чего вышел в коридор и зашагал меж спящих рабов и слуг, стараясь никого не разбудить. Зайдя в конюшню, выбрал лучшую из своих лошадей. Таких скакунов было, вероятно, десятка два во всем

Ниппуре, принадлежали они самому королю и богатейшим из его приближенных,— их покупали на далеком севере, по ту сторону Каспия, у диких племен, которых в последующие века назовут скифами. Каждый скифский конь был совершенством, своего рода произведением искусства и подлинным сокровищем для опытного седока. Пиррас взнуздal великолепное животное, надел на него седло — простой войлок, но отменной выделки и с богатой вышивкой. Солдаты у городских ворот поразевали рты, когда он, натянув поводья, на всем скаку остановил коня перед ними и велел отворить громоздкие бронзовые створки. Но подчинились они беспрекословно. Конь галопом вылетел за ворота, малиновый плащ развевался за плечами пригнувшегося к холке варвара.

— Клянусь Энлилем! — забожился один из солдат. — Не иначе, аргайв перебрал египетских вин у Нарам-нинуба.

— Вот уж нет, — отозвался другой. — Видал, какой он бледный? Это не вино, а боги помutilи его рассудок. Быть может, он скачет напрямик к дому Эрейбу?

Недоуменно качая головами в шлемах, они долго прислушивались к стуку копыт в ночи, постепенно стихающему на западе. К северу, востоку и югу от Ниппура по всей равнине были разбросаны земельные наделы, хутора и пальмовые рощи; целая сеть оросительных каналов соединяла между собой реки. И лишь на западе земля лежала безжизненная и голая до самого Евфрата, только пепелища рассказывали о стоявших там некогда деревьях. Несколько лун назад кровавой волной хлынули из пустыни враги, волна эта смела виноградники и хижины, докатившись аж до стен Ниппура. Пирра-

су запомнилась битва за город и боевые вылазки на занятую неприятелем равнину, когда его фаланги разбили осаждающих и гнали вспять, пока не опрокинули в Великую Реку. Тогда вся равнина покраснела от крови и почернела от дыма и копоти. Но жизнь неудержимо берет свое, и вот уже молодая зелень затянула язвы войны, они все меньше бросаются в глаза.

На обугленных пашнях проросли злаки, хотя люди, посадившие их, давно ушли в страну вечных сумерек. Скоро потянутся в эту рукотворную пустыню переселенцы из многолюдных краев. Еще несколько месяцев, самое большее год, и эта земля опять примет вид, типичный для Месопотамской низменности, усеянной деревеньками, нарезанной на крохотные наделы. Люди залечат раны, нанесенные земле другими людьми, и ужасы войны позабудутся до той поры, когда снова налетит из пустыни самум смерти и разрушения. Но все это — в будущем, а пока округа пустынна и необжита; полузасыпаны сухие каналы, разрушены плотины, тут и там торчат обугленные пальмовые стволы, высятся руины роскошных вилл и загородных дворцов. А далеко впереди отчетливо вырисовывается на фоне звездного неба таинственный курган-замок, известный в народе как Гробница Луны — Энцу. Эту возвышенность создала не природа, но чьи руки соорудили ее и с какой целью, никто теперь не знает. Еще до основания Нипштура высился этот курган над просторами долины, и безымянные землекопы, придавшие ему форму, давно стинули в бездне времени.

К нему-то и направил Пиррас своего скакуна. А в городе, только что покинутом им, происходило вот что.

Амитис, озираясь, украдкой вышла из дворца и узкими улочками двинулась к одной лишь ей ведомой цели.

Девушка явно нервничала и страдала от боли — она прихрамывала и часто останавливалась, чтобы помассировать ушибленные места. Так, хромая, всхлипывая и тихо ругаясь, она наконец достигла желанного места, где предстала пред очами аристократа, чьи богатство и власть были необыкновенно велики. В его взгляде читался вопрос.

— Он поехал к Гробнице Луны на встречу с Гимилем-ишби, — начала она. — Лилиту опять приходила к нему нынешней ночью. — Тут девушка невольно задрожала, на время позабыв свои ненависть и боль. — Похоже, он и в самом деле проклят.

— Кем? Жрецами Ану? — Глаза мужчины превратились в щелочки.

— Так он подозревает.

— А ты?

— Что — я? Я не знаю, да и знать не хочу...

— Разве ты еще не поняла, за что я плачу тебе? Для чего требую, чтобы ты шпионила за ним? — с нажимом спросил он.

Амитис пожала плечами.

— Твоя плата щедра, с меня довольно и этого.

— Зачем ему понадобился Гимиль-ишби?

— Я сказала ему, что отступник поможет справиться с Лилиту.

В тот же миг лютая злоба исказила лицо мужчины, превратила в уродливую маску.

— А я-то полагал, что ты терпеть его не можешь!

Угроза в голосе собеседника заставила девушку отшатнуться.

— Я случайно проболталась насчет старого отшельника, а потом Пиррас — будь он проклят вовеки! — пыткой вытянул его имя. Еще много недель я не смогу ни сидеть, ни лежать спокойно... — От негодования у нее перехватило дух.

Мужчина, погруженный в собственные мрачные мысли, не слушал ее. Наконец он решительно поднялся с роскошного кресла.

— Я слишком долго ждал, — заговорил он так, будто размышлял вслух. — Эта нечисть играет с ним, вместо того чтобы вонзить когти в глотку, а тем временем мои единомышленники ведут себя все нетерпеливее и подозрительнее. Один лишь Энлиль ведает, какой совет даст Гимиль-ишби проклятому аргайву. Дождусь, когда поднимется луна, и поскачу по его следу... Подкрадусь и заколю. Он даже не заподозрит ничего, пока мой меч не войдет в его плоть по самый эфес. Бронзовый клинок все-таки надежнее, чем силы Тьмы. Дурак я был, что сговорился ними...

Амитис в ужасе вскрикнула и судорожно вцепилась в бархатный занавес, словно хотела спрятаться за ним.

— Ты?.. Ты?.. — На языке вертелся вопрос, слишком страшный, чтобы высказать.

— Да! — Он бросил на нее взгляд, исполненный мрачного торжества.

Взвизгнув, она бросилась в занавешенную дверь, от страха забыв о своих болячках.

Участвовала ли Природа в прокладывании пещер и коридоров под курганом или это целиком и полностью дело рук человека — неизвестно. Но, по крайней мере, стены, пол и потолок подземелья

были симметричны и сложены из блоков зеленоватого камня, не встречающегося нигде, кроме этой пустынной местности. Кем и для какой цели создан сводчатый зал, не столь уж важно, нас гораздо больше интересует человек, который хозяйничал в этом подземелье, когда туда вошел Пиррас.

С каменного потолка свешивалась лампа, от нее по пещере растекался неяркий свет, отражался от выбритой до блеска головы жреца, склонившегося над пергаментным свитком за каменным столом. Заслышав быстрые уверенные шаги на лестнице, что вела в его обиталище, он поднял глаза. Через мгновение в дверном проеме показался силуэт высокого мужчины.

Сидящий за каменным столом с нескрываемым интересом разглядывал гостя. На Пиррасе была медная кольчуга поверх куртки из черной кожи и медные же наколенники, блиставшие в свете лампы. Малиновый плащ ниспадал с широких плеч, в его складках проступали очертания массивной рукояти меча. Затененные островерхим бронзовым шлемом глаза блестели, как голубые льдинки. Так воин встретился лицом к лицу с мудрецом.

Гимиль-ишби был очень стар, тем удивительнее смотрелись на увядшей плоти древнего лица живые и яркие (и чуть раскосые, что большая редкость для чистокровных шумерцев), глаза, похожие на полированные черные бусины. И если очи аргайва вобрали в себя небесную синь с бегом облаков и плясками теней, то глаза Гимиль-ишби были непроницаемы, как дымчатый агат, и неподвижны на манер змеинных.

Рот старца походил на резаную рану, самая добродушная улыбка на таком лице выглядела бы жутковатой гримасой.

На нем была простая черная туника, ноги, показавшиеся Пиррасу странным образом деформированными, обуты в матерчатые сандалии. Присмотревшись к этим ногам, варвар ощутил меж лопаток знакомый зуд любопытства — и поднял взгляд на хмурое лицо.

— Добро пожаловать в мое скромное жилище.— Уродливые тонкие губы разомкнулись, но голос оказался неожиданно мягким и ласковым, гость это счел противоестественным.— Я бы с удовольствием предложил еды и вина, да боюсь, пища, что я ем, и вино, которое пью, не придутся тебе по вкусу.— Гимиль-ишби негромко засмеялся, сделав рукой неопределенный жест.

— Я прибыл сюда не для того, чтобы есть или пить,— отчеканил аргайв.— Я хочу купить чары против демона.

— Купить чары?

Аргайв опорожнил над каменным столом мешочек с золотыми монетами, они матово засияли в полумраке подземного зала.

Раздавшийся в ответ смех Гимиля-ишби напомнил шуршание скользкого змеиного тела в сухой мертвой траве.

— На что мне этот желтый прах? Решил сражаться с демонами, а сам принес мне в уплату пыль, какую носит ветер.

— Пыль? — Пиррас непонимающе нахмурился.

Гимиль-ишби опустил руку на сверкающую горку и снова засмеялся. Где-то в ночи, вторя ему, заухала сова. Отшельник поднял руку — под нею оказалась лишь кучка желтой пыли. Внезапно сверху, с лестницы, потянуло сквозняком, пыль взмыла и закружилась над столом — мгновение в воздухе стоял столб искрящихся блесков. Пиррас выругался; зо-

лотая пыль осела на его доспехах, сверкала в каждом звене кольчуги.

— Пыль, какую носит ветер, — вполголоса повторил старец. — Присядь, Пиррас из Ниппура, и давай побеседуем.

Пиррас окинул взглядом помещение. Вдоль стен лежали целые груды глиняных табличек, поверх них — навалом — свитки папируса. Он уселся на каменную скамью напротив жреца-отступника, сдвинув перевязь с мечом так, чтобы эфес был под рукой.

— Далеко же ты ушел от колыбели своей расы, — заговорил Гимиль-ишби. — Ты первый и единственный из златовласых северян, ступивший в долины Ниппура.

— Я побывал во многих странах, — сказал аргайв, — но пусть стервятники выклюют мне глаза и растащат кости, если я видел хоть одну такую безумную страну, как эта, страдающая от переизбытка богов и демонов.

Его взгляд опустился и замер, очарованный руками Гимиль-ишби, — то были изящные, длинные, тонкие, белые и вместе с тем сильные руки юноши. Что-то грозное было в несоответствии этих рук и глаз всему остальному.

— У каждого города свои боги и свои жрецы, — сказал Гимиль-ишби, — которым могут верить лишь очень глупые люди. Жрецы самовольно возвысили мелких духов до ранга вершителей человеческих судеб, тогда как на самом деле за изначальным триединством Эйи, Ану и Энлиля скрываются куда более древние и могучие боги, забытые и не почитаемые людским племенем. Так уж устроен человек — всегда отрицает то, чего не может увидеть или потрогать. Жрецы Эреду, поклоняющиеся Эйе

и свету... разве не столь же слепы они, как священники в Ниппуре, что служат Энлилю, которого ошибочно считают богом Тьмы и первоосновой всего сущего. А он — лишь идол, божок маленькой и жалкой тьмы, которую придумали для себя люди, но не той Настоящей Тьмы, что больше любых понятий и представлений, превыше всех божеств. Я мельком узрел истину, будучи жрецом Энлиля, и эти болваны изгнали меня. Ха! Вот бы удивились они, узнав, сколько их прихожан приползает ко мне под покровом ночи, как ты сейчас...

— Старик, я не ползаю ни перед кем! — вмиг ошетинился аргайв. — Я приехал купить твои услуги. Назови свою цену или будь проклят!

— Ну-ну, не надо гневаться, — ухмыльнулся жрец. — Расскажи лучше, что тебя ко мне привело.

— Если ты и впрямь такой мудрец и прозорливец, то сам должен все знать, — проворчал Пиррас, слегка успокоившись. Взор его затуманился, когда память отправилась назад по собственным следам. — Какой-то колдун или служитель могущественного бога наложил на меня проклятие, — заговорил он. — Все началось сразу по моем триумфальном возвращении из Урука... Конь мой то и дело начинал бесноваться и шарахаться от чего-то не видимого никому, кроме его самого. Потом пошли сны, ночь от ночи все страшнее, пока не превратились в сущие кошмары. Во тьме моих покоев тихо хлопали крылья и крадучись ступали ноги. Вчера на пиру меня пыталась заколоть женщина, в мгновение ока превратившаяся в безумную фурию; по дороге домой кинулась под ноги гадука, и откуда только взялась... Ночью в мою спальню проникла Лилиту — если верить наложнице — и дразнила ужасным смехом...

— Лилиту? — В глазах чернокнижника мелькнули искорки понимания, на лице, более всего смахивающем на обтянутый сухой кожей череп мумии, заиграла жуткая ухмылка. — Да, воин, тебя поистине решили спровадить в Дом Эрейбу. Против нее и ее дружка Ардата Лили меч твой бессилен, все навыки бойца ничего не значат. В сумраке полуночи ее зубы отыщут твоё горло, смех сожжет твои уши, а горячие поцелуи иссушат тело, будешь как мертвый лист, гонимый знойным ветром пустыни. Твоим уделом станут безумие и тление, и очень скоро ты очутишься в Доме Эрейбу, из которого нет возврата.

Пиррас невольно вздрогнул, внемля последней фразе, и чуть слышно выругался.

— Что я могу тебе предложить, кроме золота? — прохрипел он.

— Как ни странно, меня интересует многое. — Черные глаза сверкали, уродливая щель рта кривилась от необъяснимого веселья. — Я готов назвать свою цену, но сначала мы поговорим о том, как тебе помочь.

Пиррас выразил свое согласие нетерпеливым жестом.

— По-твоему, кто мудрее всех на свете? — спросил вдруг отшельник.

— Египетские жрецы, чьими каракулями испещрены вон те пергаменты и папирусы, — отвечивал варвар.

Гимиль-ишби отрицательно покачал головой; на стене заплесала его тень — силуэт огромного стервятника, терзающего полумертвую жертву.

— Никто из них не был таким мудрым и могучим, как служители Тиамат. Глупцы верят, что она погибла давным-давно от меча Эйи, но Тиамат бес-

смертна и по сей день властвует над теньями, осеняя их своими черными крылами.

— Ничего об этом не слышал, — невнятно пробормотал Пиррас.

— Люди в городах не ведают о том, о чем не желают ведать. Довольно и того, что я об этом знаю, что знают заброшенные пустоши и старые развалины, камышевые топи, древние курганы и темные пещеры. Там нередко встретишь крылатых обитателей Дома Эрейбу.

— Я полагал, что из этого Дома никому нет выхода, — промолвил аргайв.

— И верно, и неверно: никто из людей не возвращается оттуда, слуги же Тиамат входят и выходят по собственному желанию.

В наступившей тишине Пиррас размышлял, представляя себе эту обитель мертвых, какой ее описывали шумерцы: огромнейшая пещера, пыльная, темная и тихая; по ней скитаются лишенные человеческого облика души умерших, не зная радости и любви, из всех людских качеств сохранив лишь ненависть ко всему живому, оставшемуся за чертой, которую дважды не перешагнуть.

— Я помогу тебе, — прошептал жрец.

Пиррас вскинул увенчанную шлемом голову и впился в него взглядом. В глазах Гимиля-ипби не осталось ничего человеческого, то были лишь отражения языков пламени в бездонных омотах чернильной мглы. Губы, сложившиеся в хищный хоботок, со свистом втягивали воздух, как будто он упивался всеми горестями и бедами человечества. Внезапно Пиррас испытал прилив ненависти к чернокнижнику, подобно тому, как страшится и ненавидит человек змею, притаившуюся во тьме и готовую к броску.

— Назови свою цену и помоги мне,— с трудом вымолвил он.

Гимиль-ишби сжал руку в кулак, а когда раскрыл ее, на ладони лежал золотой бочажок с крышкой, на которой вместо ручки красовался драгоценный камень. Старик снял крышку, и Пиррас увидел, что крохотный бочонок полон серой пыли. И содрогнулся, сам не ведая отчего.

— Сей прах некогда был черепом первого из владык Ура,— торжественно произнес Гимиль-ишби.— Умирая — а смерть, как известно, приходит и к царям,— он, искуснейший некромант, использовал все свои умения, чтобы сокрыть от посторонних глаз и алчных рук свои останки, но я отыскал его истлевшие кости и во мгле, что таила их, сразился с его неуспокоившейся душой, как человек бьется с питоном в непроглядной ночи. Моей добычей стал его череп — вместилище тайн куда более мрачных, чем те, что сокрыты в египетских пирамидах.

С помощью этого мертвого праха ты поймаешь Лилиту в ловушку. Не мешкая, уезжай и обоснуйся в каком-нибудь ограниченном пространстве — пещере или комнате...

Нет, пожалуй, лучше всего подойдет разрушенная вилла, что стоит как раз на полпути от этой берлоги до города. Войди в нее и рассыпь пыль тонкими дорожками на пороге и подоконниках, да смотри, не оставляй просветов, даже таких, в которые едва просунешь руку. Затем ложись и прикинься спящим. Когда Лилиту войдет — если, конечно, она пожелает войти,— останется только произнести слова, которым я научу тебя, и ты — ее хозяин, до тех пор, пока сам не освободишь, еще раз повторив заклятие. Убить ее ты не в

силах, но можешь потребовать, чтобы она оставила тебя в покое. Вели поклясться сосками Тиа-мат — для таких, как она, нет обета более святого. А теперь придвинься поближе, я шепну слова заклания.

Где-то на бескрайней ночной равнине подавала голос неведомая птица, но даже этот бросающий в дрожь крик был приятнее человеческому уху, чем шепот жреца-изгнанника, сравнимый разве что с шорохом гадюки, ползущей по топкому илу. Произнеся слова, он качнулся назад и хищно ухмыльнулся. Аргайв на мгновение застыл, точно бронзовая статуя. Среди падающих на стену теней уродливый, скрюченный зверь, пожиратель мертвечины, извивался рядом с огромным рогатым чудовищем.

Пиррас, взяв бочажок, поднялся и запахнул на груди малиновый плащ. В своем островерхом шлеме он казался необычайно высоким.

— И какова же цена?

Пальцы Гимиль-ишби изогнулись, как когти хищника, и затряслись от вождения.

— Кровь! Жизнь!

— Чья жизнь?

— Чья угодно! Лишь бы кровь лилась, лишь бы страх искажал лицо, лишь бы агония была помучительней да дух рвался прочь из содрогающейся плоти! У меня одна цена на все — человеческая жизнь! Мужчина, женщина, ребенок — все равно. Ты поклялся, помнишь? Так сдержи обещание — ты должен мне жизнь. Человеческую жизнь!

— Ах, жизнь?! — Меч Пирраса рассек полумрак сверкающей дугой, и уродливая голова Гимиль-ишби упала на каменный стол. Тело выпрямилось и замерло на секунду — из перерубленной шеи забила

черная кровь, — а потом с глухим стуком рухнула на каменный пол. Неподалеку грянулась и голова, прокатившись по столу. На мертвом лице застыла гримаса изумления и страха.

Снаружи донеслось испуганное ржание. Жеребец Пирраса, порвав недоуздок, бешено помчался прочь по равнине.

Пиррас бросился вон из сумрачного зала со всеми его клинописными табличками и пергаменами с непостижимыми иероглифами и останками их отвратительного хозяина. Когда он, одолев наконец вырубленную в каменном монолите лестницу, окунулся в звездный свет, то уже был готов усомниться в своем рассудке.

Над равниной взошла луна, кроваво-красная, темная, мрачная. Зной и грозная тишина воцарились над землей. Пиррас ощутил, как холодный пот выступил на коже; казалось, будто кровь замедлила свой бег по венам, превратилась в лед; язык с трудом ворочался во рту.

Доспехи вдруг показались непосильной ношей, плащ — опутывающей сетью. Сыпя нечленораздельными проклятиями, он, мокрый от пота и дрожащий, сдернул плащ и принялся стаскивать латы часть за частью и швырять в ночь. В аргайве проснулись древние страхи и первобытные инстинкты, все связанное с цивилизацией стало непреодолимо чуждым. Обнаженный, если не считать набедренной повязки и перевязи с мечом, он широким шагом двинулся по степи, сжимая в кулаке золотой бочажок.

Ни единый звук не нарушил спокойствия ночи, пока он добирался до полуразрушенного загородного дворца, остатки стен которого высились среди груд щебня. По капризу судьбы единственный

ущелевший зал был практически не тронут ни рукой изверга, ни временем. Сорванная с петель дверь криво загораживала проем входа.

Пиррас вошел. В три окна лился свет луны, в комнате было не очень темно. Не теряя времени, он тонкой струйкой насыпал пыль на пороге, так же поступил и с оконными проемами. Затем, отбросив пустой и уже бесполезный бочажок, забрался на помост, удачно расположенный в самом темном углу.

К этому времени хватка ужаса ослабла — тот, на кого еще совсем недавно охотились, сам превратился в охотника. Ловушка подготовлена, осталось терпеливо ждать добычу.

Долго ждать не пришлось. В воздухе захлопали огромные крылья, и по ту сторону залитого луной портала мелькнула уродливая тень. Напряжение достигло предела, в ушах Пирраса громом отдавались удары его собственного сердца — оно рвалось из клетки ребер, как дикий зверь. Но вот неясный силуэт мелькнул в дверном проеме и тут же исчез из виду в густой тени. Тварь — в доме, отродье ночи вошло в зал!

Рука Пирраса стиснула меч, и он резко поднялся со своего места. Громкий голос в ключья разнес покров безмолвия, злое, таинственное заклинание мертвого жреца эхом отразилось от стен и потолка. Ответом ему был испуганный возглас, послышалось быстрое шлепанье босых подошв, потом шум падения — и тень забилась на полу, не в силах подняться.

Пиррас проклял окружающую мглу, и тут же, как по заказу, в окно заглянул желтый глаз гоблина — луна залила комнату мертвенным светом. Аргайв увидел свою жертву.

Но тот, кто корчился у его ног на полу, ничем не напоминал Лилиту. Это был мужчина — гибкий и жилистый, нагой, темнокожий. Он корчился в мучительной агонии, принимая самые немыслимые позы, на губах выступила пена.

С кроважидным ревом Пиррас подскочил к изгибающейся как червяк твари и вонзил в нее меч. Острие звякнуло о плиту пола, и жуткий крик сорвался с испачканных пеной губ, но это было единственным зримым результатом мощного удара.

Аргайв, выдернув меч, застыл в изумлении, не увидев ни раны на теле, ни крови на клинке. Он резко обернулся, когда на дикий крик его пленника эхом отозвался другой, снаружи.

Прямо за зачарованным порогом стояла обнаженная смуглая женщина с горящими глазами на бездушном лице. Существо на полу перестало корчиться.

— Лилиту!

Она задержалась, словно билась о невидимую преграду. Во взоре, устремленном на Пирраса, плескалась лютая ненависть и жгучее желание упиться его кровью, его жизнью. Она заговорила, и это было страшно... Куда охотнее аргайв предпочел бы, чтобы к нему обратился на человеческом языке дикий зверь, а не эти прекрасные губы нежити.

— Тебе удалось заманить в ловушку моего милого! У тебя достало дерзости мучить Ардата Лили, перед которым трепещут боги! О, ты ответишь на это! Ты завоеешь, когда я начну рвать твои мускулы, жилы, кости на мелкие кусочки! Отпусти его немедленно! Произнеси заклятие и освободи, тогда, быть может, рок минует тебя!

— Все это слова! — расвирипев, крикнул в ответ варвар. — Ты травила меня, как гончая — зайца, а теперь не можешь пересечь дорожку из пыли, боясь угодить мне в руки, как это уже сделал твой приятель. Заходи же в зал, адская сука, и я тебя приласкаю, как твоего любовника. Вот так! И так! И так!

Ардат Лили хрипел и выл, дергался под жалящей сталью. Лилиту кричала и осыпала ударами невидимый барьер.

— Прекрати! Перестань немедленно! О, если бы я могла до тебя добраться! Я превратила бы тебя в слепой, глухой, немой, вечно страдающий комок плоти! Довольно! Скажи, чего ты хочешь, и я исполню твою волю!

— Ну, так-то лучше, — буркнул аргайв. — Я не могу отнять у этого отродья жизнь, но, как видишь, способен доставить ему некоторые неудобства. И пока ты не удовлетворишь моего желания, я буду подвергать его пыткам, каких даже тебе не измыслить.

— Проси же! Скорее! — убеждала она, приплясывая от нетерпения.

— Почему ты преследуешь меня? Что за грех на мне, чем я заслужил твою ненависть?

— Ненависть? — Она откинула голову. — Да разве мы, обитатели Шуапы, опустимся до ненависти или любви к людишкам? Нет, когда обрушивается топор судьбы, он падает слепо.

— В таком случае кто — или что — занесло надо мной топор судьбы с твоей помощью?

— Один из живущих в Доме Эрейбу.

— Но почему, во имя Имира? — воскликнул Пиррас. — С какой бы стати мертвецу ненавидеть меня? — Он осекся, вспомнив жреца, на проклинающих устах которого пузырилась кровь.

— Мертвому приказывает живой. Некто, живущий под светом солнца, но способный при этом в ночи общаться с обитателем Шуалы.

— Кто?!

— Не знаю.

— Врешь, тварь! Не иначе как это жрецы Ану, это их ты выгораживаешь. За эту ложь твой любовничек взвоет от стального поцелуя...

— Мясник! — закричала Лилиту. — Останови свою руку! Клянусь сосками Тиамат, моей госпожи, я не знаю того, о чем ты спрашиваешь. С какой стати я должна защищать каких-то жрецов Ану? Да я бы охотнее вспорола их жирные чрева — и тебе, если б только могла до тебя добраться! Освободи моего милого, и я провожу тебя в Дом Тьмы, где ты выведешь истину из уст того самого обитателя, конечно, если тебе хватит смелости...

— Я иду, — решительно ответил Пиррас, — но Ардат Лили останется здесь заложником. Если нарушишь уговор, он будет корчиться на заколдованном полу до окончания вечности.

Лилиту зарыдала от бессильной ярости, закричав:

— Нет даже демона в Шуале более жестокого, чем ты! Поспешь, во имя Апсу!

Сунув меч в ножны, Пиррас шагнул за порог. На его запястье сомкнулись пальцы женщины — под шелковистой их кожей угадывалась сталь. Лилиту что-то хрипло прокричала на незнакомом языке. И тут же все — разрушенный дом, свет луны и долина вокруг — исчезло в холодной непроглядной тьме. Было ощущение стремительного полета сквозь пустоту, что ревела в ушах аргайва подобно ветрам-титанам. Но вот мгновение хаоса — в прошлом, и ступня ударилась о твердь. Пиррас понял, что в

этот миг он пересек невообразимую бездну, разделяющую миры, более чуждые друг другу, чем день и ночь, и стоял теперь там, где ни разу не ступала нога живого человека.

Лилиту все так же держала его за руку, но видеть ее он не мог — вокруг царил темнота, какой он не знал доселе. Она была почти осязаемой, рядом с ней казалось немыслимым существование света и всего, что живет благодаря ему. То были явления совершенно противоположные, самый мир жизни и света был прихотью, капризом случая, яркой искрой, мимолетно сверкнувшей во вселенских бескрайности, пыли и мраке. Естественное состояние космоса — тишина и темнота, а вовсе не яркие краски, свет и шум жизни. Неудивительно, что мертвые так ненавидят живых, нарушающих черную неподвижность Вечности своим звонким смехом.

Лилиту влекла Пирраса сквозь беспредельную тьму. Казалось, будто он находится в огромной пещере — такой огромной, что не измерить, ни даже вообразить. Чутье говорило о присутствии стен и крыши, но он не увидел их и ни разу не коснулся, словно они отодвигались при его приближении. Иногда ноги задевали то, что, как он надеялся, было всего лишь пылью, — темноту пропитал ее запах вперемишку со смрадом гнили и плесени.

Внезапно он увидел во тьме необыкновенных светляков — они даже не светили в том смысле, какой придают люди этому слову, а были всего лишь пятнами менее черного мрака и потому выделялись на фоне. Они медленно плыли в бескрайней ночи. Один приблизился к путникам, и волосы на голове Пирраса встали дыбом, а рука инстинктивно

схватила за меч. Он явственно различил очертания лица, почти человеческого, но в то же время удивительно птицеподобного. Лилиту, не обращая на это никакого внимания, крепко держала Пирраса за руку.

Аргайву уже начало казаться, что вся его жизнь — не что иное, как нескончаемое путешествие сквозь черноту и прах в компании женщины-демона. Как вдруг Лилиту остановилась, он ткнулся ей в спину и услышал, как она с присвистом выдыхает сквозь зубы. Они прилетели.

Перед ними мерцал еще один странный светляк. Теперь Пиррас мог рассмотреть его получше, но так и не решил, кого видит перед собой: человека или птицу. Создание с телом, напоминающим человеческое, стояло вертикально, но при этом было покрыто серым оперением (по крайней мере, это больше походило на оперение, чем на что-либо другое).

— Вот обитатель Шуалы, наложивший на тебя проклятие смерти,— шепнула Лилиту.— У него и спрашивай имя того, кто так возненавидел тебя на земле.

— Назови мне имя моего врага! — потребовал Пиррас, с содроганием услышав собственный голос, ставший в этой бездне потусторонним и жутким.

Глаза мертвеца вспыхнули красным, зашелестели перья... и вдруг в поднятой руке блеснула длинная полоска металла.

Пиррас отпрянул, хватаясь за меч, но тут Лилиту зашипела: «Нет, используй вот это», — и он почувствовал, как его ладони коснулась рукоять оружия. «Ятаган», — сообразил он, уловив отблеск длинного серповидного лезвия.

Он успел подставить клинок под удар пернатой твари, и искры посыпались во мрак слепящими сгустками пламени. Аргайв был застигнут врасплох, да и без того схватка с тенью в сумятице ночного кошмара обещала мало хорошего. Только по странному блеску клинков мог он следить за действиями своего противника.

Смерть трижды пропела в его ушах, когда он еле успевал уклониться от колющих и рубящих ударов, потом его собственный изогнутый клинок рассек тьму и вонзился с хрустом в плечо врага. С пронзительным криком тварь выронила оружие и рухнула, молочно-белая жидкость струей полилась из зияющей раны. Пиррас снова занес свой ятаган, но вдруг отродье, задыхаясь, заговорило голосом, не более похожим на человеческий, чем скрип ветвей, трущихся друг о друга под порывами ветра:

— Нарам-нинуб, праправнук моего праправнука! Это он при помощи тайных знаний говорил со мной и повелевал сквозь пучину мрака!

— Нарам-нинуб! — От изумления Пиррас застыл как громом пораженный. Ятаган вырвался из руки, пальцы Лилиту сомкнулись на его запястье, и они снова погрузились в ревущую, несущуюся навстречу черноту бездны между мирами.

Он пришел в себя у залитых лунным светом руин, голова шла кругом. Рядом блеснули зубы — Лилиту ухмыльнулась при виде его слабости. Пиррас ухватил ее за густые волосы и грубо встряхнул, как самую обычную смертную женщину.

— Ах ты, плюха адова! Каким колдовством ты отравила мой ум?

— Колдовство тут ни при чем! — Она рассмеялась и с легкостью вырвалась. — Ты проделал путе-

шествие в Дом Эрейбу и вернулся обратно. Там ты побеседовал кое с кем и в жаркой схватке победил мечом Апсу тень человека, который мертв уже многие столетия.

— Так, значит, это не бред помешанного! Но Нарам-нинуб...— Он осекся, мысли путались в голове.— Почему, во имя Имира?! Ведь он мой самый близкий друг!

— Друг? — усмехнулась она. — А что такое дружба, если не идеальная маска для истинных чувств и черных замыслов? Но стоит часу пробить...

— Но чего ради, о боги?!

— Жалкие интриги людишек! — с внезапной злобой воскликнула женщина. — Сейчас я припоминаю, как, скрываясь под плащами, люди из Урука прокрадывались по ночам во дворец Нарам-нинуба.

— О, Имир! — Слепящей вспышкой к Пиррасу пришло понимание жестокой истины. — Да, он продал Ниппур Уруку, и теперь надо убрать меня с дороги, чтобы некому было возглавить полки, выступающие против вражеских сонмищ! Ах, пес, дай только моему клинку найти твое сердце!

— Пора сдержать обещание! — Настойчивый голос Лилиту вырвал его из багрового тумана ярости. — Я выполнила свою часть уговора, отвела тебя в чертог, недоступный для живущих, и невредимым доставила обратно. Я предала Тьму и ее жителей, и за это Тиамат продержит меня семижды семь дней на раскаленной добела решетке. Повтори же заклятие, освободи Ардата Лили!

Погруженный в невеселые мысли, еще не успевший смириться с гнусным предательством Нарам-нинуба, Пиррас послушно произнес заклинание. С громким вздохом облегчения демон поднялся с

каменных плит и вышел наружу. Глаза Лилиту сверкнули, она многозначительно поглядела на своего приятеля, и две тени стали медленно и неслышно подкрадываться к погруженному в думы аргайву, стоящему со склоненной головой и опущенными руками. Некий первобытный инстинкт заставил его резко вскинуть голову, — демоны уже совсем близко, глаза горят в лунном свете, хищные пальцы тянутся к его горлу. Он мгновенно понял свою оплошность. Но поздно... Нужно было взять с них клятву отпустить его с миром, а теперь никакие обеты не удерживают их от мести.

Со злобными кошачьими криками демоны атаковали, но аргайв оказался проворней, он увернулся и что есть сил помчался к далекому городу. Нежить бросилась в погоню, она так сильно жаждала его крови, что позабыла о колдовстве. Страх будто крылья приделал к ногам варвара, но за спиной не стихали топот ног и хриплое дыхание. И тут впереди дробно простучали копыта, и прямо на беглеца, петляющего между обгорелых пальмовых стволов, вылетел всадник, в руке его сверкала полоса металла.

Испуганно забожившись, конник стал разворачивать жеребца, тот взвился на дыбы. В этот миг Пиррас разглядел дородное тело в кольчуге, сверкающие под куполом шлема глаза, короткую черную бороду.

— Ты, пес! — в бешенстве заорал он. — Будь проклят! Давай посмотрим, сумеешь ли ты мечом закончить дело, начатое мерзкими чарами и предательством!

Конь бесновался, закусив удила. Яростно ругаясь и стараясь удержаться в седле, Нарам-нинуб обрушил клинок на голову варвара. Аргайв париро-

вал удар и сделал ответный выпад. Острие меча скользнуло по пластинам кольчуги и рассекло щеку семита. Тот вскрикнул и упал с обезумевшего жеребца, заливаясь кровью. Раздался треск ломающейся кости и пронзительный крик, на него ликующим воем ответил эхо и разбежалось по горелой роще.

Пиррас ловко вскочил на лошадь и дернул поводья. Нарам-нинуб стонал и корчился на земле, и аргайв успел заметить, как две тени метнулись к нему из-за огарков пальм. Ужасный крик сорвался с губ семита, откликом ему был еще более жуткий залиvistый хохот. В ночи воздухе запахло кровью — то пировали адские твари, в пылу погони не разобравшие, кто перед ними, и набросившиеся на свою жертву как голодные бешеные псы.

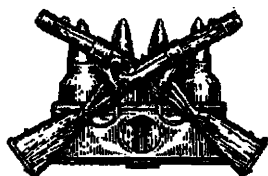
А аргайв уже мчался прочь, в сторону Ниппура. Спустя некоторое время внезапная мысль побудила его придержать коня. Вокруг расстилась ночная равнина, тихая и спокойная, залитая лунным светом. Позади осталась устремленная в небо Гробница Энцу и терзаемый клыками жутких потусторонних созданий друг, оказавшийся врагом и самолично вызвавший своих убийц из бездонных колодцев ада. Дорога в Ниппур была открыта, ничто не мешало возвращению Пирраса.

Возвращению к удивительному народу, который счастлив ползать в пыли, под пятой короля и бесчисленных жрецов. В город, прогнивший насквозь от разврата и интриг. К чуждой расе, отказывающей в доверии своим избавителям. К женщине, которая ненавидит своего господина.

И, вновь развернув коня, он направил его на запад, к пустынным землям. Он ехал, широко раскинув руки, будто с ликованием звал в свои объятия свободу и новую жизнь, навсегда оставляя за спи-

ной прошлое со всем, что ему принадлежало. От забот не осталось и следа, усталость и страх сброшены, как ветхий плащ. Он скакал вперед, длинные золотистые волосы развевались на ветру, и долго еще над шумерской равниной разносились звуки, каких она доселе не слышала,—дикий гортанный хохот свободного варвара.

БИБЛИОГРАФИЯ РОБЕРТА И. ГОВАРДА

Творчество Р. Говарда известно нашему читателю в основном по «самиздатовским» публикациям. Последующие издания чаще всего были составлены на основе тех же текстов. Многие из них, из-за отсутствия английских оригиналов, переводились с польского, чешского и немецкого языков, что привело к существенным искажениям подлинных названий Р. Говарда.

В настоящей библиографии редакция постаралась привести английские и русские названия в максимальное соответствие. Некоторые рассказы публиковались в журналах под разными названиями, поэтому данная библиография выверена по *книжным* публикациям произведений Р. Говарда. Для удобства поиска по алфавиту, в английских названиях опущены артикли.

А

- After the Game** — После игры
Akram the Mysterious — Загадочный Акрам (*незакончен.*)
Alleys of Darkness — Аллеи во тьме
Alleys of Peril — Аллеи опасности
Alleys of Treachery — Аллеи предательства
Almuric — Альмурик
Altar and the Scorpion — Алтарь и скорпион
Apache Mountain War — Война с апачами в горах
Arkham — Аркхам (*стих.*)

В

- Bastards All!** — Все ублюдки! (*драм.*)
Battling Sailor — Моряк-воин
•Beneath the glare...• — «За сиянием...»
Beyond the Black River — По ту сторону Черной Реки
Black Bear Bites — Укус черного медведя
Black Canaan — Черный Канаан
Black City — Черный город (*незакончен.*)
Black Colossus — Черный колосс
Black Country — Черная страна
Black Hound of Death — Черная гончая смерти
Black Moon — Черная луна
Black Stone — Черный камень
Black Stranger — Черный чужеземец
Black Vulmca's Vengeance — Мсть Черного Валми
Black Wind Blowing — Векют черные ветры
Blades for France — Мечи за Францию
Blades of the Brotherhood — Клинки братства
•Blazing sun in a blazing sky...• — «Пылающее солнце в
пылающем небе...»
Block — Блок
Blood of Belshazzar — Кровь Белшаззара
Blood of the Gods — Кровь Богов
Blue River Blues — Блюз Голубой Реки

- Brachen the Kelt** — Барак-кельт (*незакончен.*)
Bran Mak Morn — Бран Мак Мори (*драм.*)
Brotherly Advice — Братский совет
Bull Dog Breed — Бульдожья порода
By the Law of the Shark — По закону акулы
By This Axe I Rule! — Сим топором я буду править!

C

- Cairn on the Headland** — Надгробный памятник на мысе
Candles — Свечи (*стих.*)
Casonetto's Last Song — Последняя песня Касонетто
Castle of the Devil — Замок дьявола (*незакончен.*)
Challenge from Beyond — Вызов из другого мира
Champion of the Forecastle — Чемпион кубрика
Children of Asshur — Дети Ашшура (*незакончен.*)
Children of the Night — Дети ночи
Cimmeria — Киммерия (*стих.*)
Circus Fists — Цирковые бойцы
Cobra in the Dream — Кобра снов
Coming of El Borak — Приход Эль Борака
Crowd Horror — Собрание ужасов
Cupid from Bear Creek — Купидон с Медвежьей речки
Cupid vs Pollux — Купидон против Поллукса
Curse of his Brain — Проклятие разума
Curse of the Golden Skull — Проклятие Золотого Черепа

D

- Dagon Manor** — Особняк Дагона
«Danc came in...» — «Вошел датчанин...»
Dark Man — Черный человек
Daughter of Erlik Khan — Дочь Эрлика-хана
Daughters of Feud — Дочери раздора
Dead Remember — Мертвые помнят
Death's Black Riders — Всадники Черной смерти
 (*незакончен.*)

- Delcardes' Cat** — Кошка Делькарды
Delenda Est — Delenda Est
Dermod's Bane — Проклятие Дермода
Desert Blood — Пустыня крови
Desert Rendezvous — Встреча в пустыне
Devil in Iron — Стальной демон
Devil's Joker — Дьявольский джокер
Devils of Dark Lake — Дьяволы темного озера
Devil's Woodchopper — Дьявольский дровосек
Diablos Trail — След дьявола
Dig Me No Grave — Не рой мне могилу
Door to the Garden — Дверь в сад
Double Cross — Двойной крест
Dragon of Kao-Tsu — Дракон Као-Цу
Dream Snake — Змея во сне
Drums of Pictdom — Барабаны пиктов (стих.)
Drums of the Sunset — Барабаны заката
Drums of Tombalku — Барабаны Томбалку (незакончен.)
Dwellers Under the Tombs — Живущие под усыпальницами

E

- Eighttoes Makes a Play** — Восьмые делают игру
El Borak — Эль Борак
Elston Rescue — Спасение Элстона
Etchings in Ivory — Гравюра на слоновой кости
Evil Deeds at Red Cougar — Злодейства у Красной Пумы
Exile of Atlantis — Исход из Атлантиды

F

- Fear-Master** — Повелитель страха (незакончен.)
Ferocious Ape — Яростная обезьяна (незакончен.)
Feud Buster — Зачинщик ссоры
Fightin'est pair — Пара лучших бойцов
Fighting Fury — Ярость боя (незакончен.)

- Fighting Nerves** — Напряжение боя
Fire of Asshurbanipal — Пламя Ашурбанипала
Fist and Fang — Кулак и коготь
Fistic Psychology — Психология бокса (*незакончен.*)
Fists of the Desert — Кулаки пустыни
Fists of the Revolution — Кулаки революции
Flying Knuckles — Разбитые суставы
Footfalls Within — Шаги за дверью
For the Love of Barbara Allen — От любви к Барбаре Аллен
Frost Giant's Daughter — Дочь Исполина Льдов
Further Adventures of Lal Singh — Новые приключения Лала Сингха

G

- Garden of Fear** — Сад страха
Gates of Empire — Врата Империи
General Ironfist — Генерал Стальной Кулак
Gent from Bear Creek — Джентльмен с Медвежьей Речки
Gent from the Pecos — Джентльмен из Пекоса
Gents in Buckskin — Джентльмены в оленьей шкуре
Gents on the Lynch — Джентльмены и суд Линча
Gents in Rampage — Джентльмены в ярости
Ghost With the Silk Hat — Призрак в шелковой шляпе
Girl on Hell Ship — Девушка на адском корабле
God in the Bowl — Бог из чаши
Gods of Bal-Sagoht — Боги Бэл-Сагота
Gods of the North — Боги Севера
Gold from Tartary — Татарское золото
Golnor the Ape — Голнор-обезьяна (*незакончен.*)
Gondarian Man — Гондарец
Graveyard Rats — Кладбищенские крысы
Grey God Passes — Когда ушел седой Бог
Guardian of the Idol — Страж идола
Gunman's Debt — Долг стрелка
Guns of Khartum — Ружья Картума
Guns of the Mountains — Ружья гор

Н

«Hades Saloon and gambling hall, Buffalotown....» —

«Салун Аида и игорный зал Буффало...»

Hall of the Dead — Зал смерти

Hand of Nergal — Рука Нергала (незакончен.)

Hand of Obeah — Рука Обеаха

Hand of the Black Goddess — Рука Черной Богини

Hard-Fisted Sentiment — Добро с крепкими кулаками

Hashish Land — Земля гашиша

Haunted Hut — Заколдованная хижина

Haunted Mountain — Заколдованная гора

Haunter of the Ring — Дух кольца

Hawk of Basti — Бастийский ястреб (незакончен.)

Hawk of the Hills — Ястреб с холмов

Hawks of Outremer — Заморские ястребы

Hawks over Shem — Ястребы над Шемом

Heathen — Язычник

Hills of the Dead — Холмы Смерти

Honor of the Ship — Честь Корабля

Hoofed Thing — Тварь с копытами

Horror from the Mound — Ужас из могилы

«Hot Arizona sun...» — «Горячее солнце Аризоны...»

Hour of the Dragon — Час дракона

House of Arabu — Дом Эрейбу

House of Om — Дом Ома

House of Suspikon — Дом Саспикона

Hyborian Age — Хайборийская эра (эссе)

Hyena — Гиена

Horror in the Night — Ужас в ночи

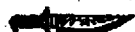
I

In the Forest of Villefere — В лесу Виллефэр

In High Society — В высшем обществе

Intrigue in Kurdistan — Интрига в Курдистане

(незакончен.)

- Iron Man** — Железный человек
Iron Terror — Железный ужас
Isle of Pirate's Doom — Остров обреченных
Isle of the Eons — Остров древних эпох (*незакончен.*)
It was the end... — Настал конец...

J

- Jewels of Gwahlur** — Сокровища Гвалура
Jinx — Приносящий неудачу
John Gorman found himself in Samarkand... — Джон
Горман оказался в Самарканде....
Judgement of the Desert — Правосудие пустыни

K

- Khoda Khan's Tale** — История Хода-хана
Kid Galahad — Маленький Галахад
King and the Oak — Король и дуб (*стих.*)
King of the Forgotten People — Король забытого народа
King of the Night — Король ночи
King's Service — На королевской службе
Knife, Bullet and Noose — Нож, пуля и петля
Knife River Prodigal — Блудный сын с Реки Ножей
Knight of The Round Table — Рыцарь круглого стола

L

- Lal Singh, Oriental Gentleman** — Лал Сингх, восточный
джентльмен
Land of Mystery — Земля тайн
Last Laugh — Последний смех
Last Ride — Последний всадник
Law-Shooters of Cowntown — Стрелки из Каутауна
Legend of Faring Town — Легенда города Фаринг (*стих.*)

- Lion of Tiberias** — Лев Тиберия
Little People — Малый народец
«Long, long ago...» — «Давным-давно...»
Lord of Samarkand — Повелитель Самарканда
Lord of the Dead — Повелитель мертвых
Loser — Проигравший
Lost Race — Потерянная раса

M

- Man of Peace** — Миротворец (*незакончен*)
Man on the Ground — Человек на земле
Man with the Mystery Mitts — Волшебные боксерские перчатки
Man-Eating Leopard — Леопард-людоед
Marchers of Valhalla — Шествующий из Вальгаллы
Mark of the Bloody Hand — Знак кровавой руки
Matter of Age — Вопрос времени
Mayhem and Taxes — Сумбур и налоги
Meet Cap'n Kidd — Встреча с капитаном Киддом
Men of the Shadows — Люди тьмы
Midnight — Полночь
Mirrors of Tuzun Thune — Зеркало Тузун Тхуна
Miss High-Hat — Мисс Высокая Шляпа
Mistress of Death — Владычица смерти
Moon of Skulls — Луна черепов
Moon of Zimbabwe — Алая луна Зимбабве
Musings of a Moron — Размышления придурка
Mystery of Tannernoc Lodge — Тайна дома Таннерно

N

- Names in the Black Book** — Имена в Черной Книге
Nekht Semerkcht — Некхт Семеркехт
Nerve — Отвага
New Game for Dorgan — Новая игра Доргана
Night of Battle — Ночь битвы

Night of the Wolf — Ночь волка

•Night was damp, misty... — «Ночь была сырой, мгlistой...»

North of Khyber — К северу от Хибера

Noseless Horror — Безносый ужас

Nut's Shell — Скорлупа ореха

O

Old Garfield's Heart — Сердце старого Гарфида

One Black Stain — Черное пятно (стих.)

One Shanghai Night — Однажды ночью в Шанхае

Outlaw Working — Вне закона

Out of the Deep — Из глубин

P

Pay Day — Судный день

Peaceful Pilgrim — Мирный пилигрим

People of the Black Circle — Люди Черного Круга

People of the Black Coast — Жители Черного Побережья.

People of the Dark — Дети тьмы

People of the Serpent — Змеиный народ

Phoenix on the Sword — Феникс на мече

Pigeons From Hell — Голуби ада

Pistol Politics — Политика пистолета

Pit of the Serpent — Змеиный колодец

Politics at Blue Lizard — Политика в Синей Ящерице

Pool of the Black One — Остров черных демонов

Power Among the Islands — Сила среди островов

Purple Heart of Erlik — Пурпурное сердце Эрлика

Q

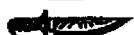
Queen of the Black Coast — Королева Черного Побережья

R

- Rattle of Bones** — Перестук костей
Red Blades of Black Cathay — Красные клинки Черного
Катая
Red Curls and Bobbed Hair — Рыжие локоны и короткая
стрижка
Red Nails — Гвозди с красными шляпками
Reformation: A Dream — Реформация: видение
Restless Waters — Тревожные воды
Return of Sir Richard Grenville — Возвращение сэра
Ричарда Гренвилла (стих.)
Return of Skull-Face — Возвращение Лица-черепа
Return of the Sorcerer — Возвращение колдуна
(незакончен.)
Riders Beyond the Sunrise — Скачущие с рассветом
(незакончен.)
Righ Hand of Doom — Правая рука Судьбы
Right Hook — Правый хук (незакончен.)
Ring-Tailed Tornado — Крутлохвостый Торнадо
Riot at Bucksnot — Бунт в Бакснорте
Riot at Cougar Paw — Восстание на Кугар-поу
Road of Eagles — Дорога орлов
Road to Bear Creek — Дорога на Медвежью речку
Rogues in the House — Сплошь негодяи в доме

S

- Sailor Costigan and the Swami** — Моряк Костиган и Свами
Sailor Dorgan and the Jade Monkey — Моряк Дорган и
Нефритовая обезьяна
Sailor Dorgan and the Turkish Menace — Моряк Дорган и
турецкая угроза
Sailor Dorgan and the Destiny Gorilla — Моряк Дорган и
Горилла Судьбы
Sailor's Grudge — Обида моряка
Scarlet Citadel — Алая цитадель

- Sea Curse — Проклятие моря
Serpent Vines — Змеинная лоза
Shackled Mitts — Скованные перчатки *(незакончен.)*
Shadow Kingdom — Королевство теней
Shadow of Doom — Тень рока
Shadow of the Beast — Тень зверя
Shadow of the Hun — Тень гунна
Shadow of the Vulture — Тень стервятника
Shadows in Moonlight — Тени в лунном свете
Shadows in Zamboula — Ночные тени Замбулы
Sharp's Gun Serenade — Серенада крутых стрелков
Ship in Mutiny — Мятеж на корабле
Shunned Castle — Замок на отшибе
Silver Heel — Серебряный каблук
Six-Gun Interview — Встреча с шестизарядным кольцом
Skull-Face — Лицо-череп
Skull of Silence — Череп безмолвия
Skulls in the Stars — Черепа среди звезд
Slave Princess — Принцесса-рабыня
Sleeping Beauty — Спящая красавица
Slithering Shadow — Ползучая тень
Sluggers' Game — Сильный игрок
Sluggers of the Beach — Игроки на побережье
Snout in the Dark — Рыло во тьме *(незакончен.)*
Solomon Kane — Соломон Кейн
Solomon Kane's Homecoming — Возвращение Соломона Кейна *(стих.)*
Song of the Race — Песнь Народа *(стих.)*
Songs of Bastards — Песни ублюдков *(црам.)*
Sonora Kid-Cowhand — Сонора-Кид, пастух
Sonora Kid's Winning Hand — Сонора-Кид, Счастливая Рука *(незакончен.)*
Sons of Hate — Сыны ненависти
Sons of the Hawk — Сыны Ястреба
Sophisticate — Утонченный
Sowers of the Thunder — Сеющие бурю
Spanish Gold on Devil Horse — Испанское золото на дьявольском коне
Spear and Fang — Копье и клык

- Spears of Clontarf** — Копья Клонтарфа
Spectres in the Dark — Призраки во тьме
Spell of Damballah — Заклятие Дамбаллаха
Spirit of Tom Molyneaux — Дух Тома Молино
«Steve Harrison received a wire...» — «Стив Гаррисон получил телеграмму...»
Stranger in Grizzli Claw — Чужестранец в Гризли-Клоу
Striking of the Gong — Удар гонга
Striped Shirts and Busted Hearts — Разорванные рубахи и разбитые сердца
Sunday in a Small Town — Летний день в маленьком городке
Supreme Moment — Миг победы
Sword Woman — Женщина-воин
Swords of Shahrhazar — Мечи Шахразара
Swords of the Brotherhood — Мечи братства
Swords of the Hills — Мечи с Холмов
Swords of the Northern Sea — Мечи Северного моря.
Swords of the Purple Kingdom — Мечи пурпурного королевства

Т

- Tale of the Rajah's Ring** — История кольца раджи
Talons in the Dark — Когти во тьме
Teeth of Doom — Зубы Судьбы
Temple of Abomination — Мерзкое святилище
Texas Fists — Кулаки Техаса
Texas Wildcat — Дикий кот Техаса
Thessallians — Тессалианцы
They Always Come Back — Они всегда возвращаются
Thing on the Roof — Тварь на крыше
Three-Bladed Doom — Судьба с тремя клинками
Thunder of Trumpets — Грохот труб
Thunder-Rider — Скачущий с громом
Tigers of the Sea — Тигры морей
Tomb of the Dragon — Могила дракона
Touch of Color — Прикосновение света

- Touch of Death** — Прикосновение смерти
Tough Nut to Crack — Крепкий орешек (*незакончен.*)
Tower of the Elephant — Башня Слона
Track of Bohemund — По следам Бохеманда
Trail of the Blood-Stained God — След окровавленного бога
Trail of the Snake — След змеи
Two Against Tyre — Двое против Тира
Two-Fisted Santa Claus — Санта-Клаус с кулаками

U

- Under the Baobab Tree** — Под баобабом

V

- Vale of Lost Women** — Долина Исчезнувших Женщин
Valley of the Lost — Долина сгинувших
Valley of the Worm — Долина червя
Vikings of the Gloves — Викинги в перчатках
Voice of Death — Голос смерти
Voice of Doom — Голос судьбы
Voice of El-Lil — Голос Эль-Лила
Voice of the Mob — Голос толпы
Vulture's Sanctuary — Святилище стервятников

W

- War on Bear Creek** — Война на Медвежьей речке
Waterfront Fists — Кулаки побережья
Waterfront Law — Закон побережья
Weary Pilgrims on the Road — Усталые пилигримы
Weeping Willow — Плакучая ива (*незакончен.*)
West Tower — Западная башня
Westward Ho! — Эй, Запад!

- When Bear Creek Came to Chawed Earl** — Как Медвежья
речка пришла к Огрызку Эрлу
While Smoke Rolled — Пока шел дым
Wild Man — Дикарь
Wild Water — Дикая вода
Wings in the Night — Крылья ночи
Winner Takes All — Победитель получает все
Witch Shall Be Born — Родится ведьма
Wizard and Warrior — Колдун и воин *(незакончен.)*
Wolfsdung — Волчий помет
Wolfshead — Волчья голова
Wolves Beyond the Border — Волки по ту сторону
границы *(незакончен.)*
Worms of the Earth — Черви земли

Y

- Ye College Days** — О, школьные деньки

СОДЕРЖАНИЕ

А. Тишинин. Предисловие	5
-------------------------------	---

ДЖОН КИРОВАН

Живущие под усыпальницами	
Перевод с англ. Г. Корчагин	19
Повелитель кольца	
Перевод с англ. Г. Корчагин	42
Дом, окруженный дубами	
Перевод с англ. Я. Забелина	62
Тварь на крыше	
Перевод с англ. Н. Лопушевский	87

ДЕ МОНТУР

В лесу Виллефэр	
Перевод с англ. Я. Забелина	101
Когда восходит полная луна	
Перевод с англ. Я. Забелина	108

ТЕНЬ ЗВЕРЯ

Черный Канаан	
Перевод с англ. Я. Забелина	145
Луна Замбидве	
Перевод с англ. Г. Корчагин	194
Голуби ада	
Перевод с англ. Я. Забелина	237
Долина сгинувших	
Перевод с англ. Я. Забелина	272
Сердце старого Гарфилда	
Перевод с англ. Г. Корчагин	304
Тень зверя	
Перевод с англ. Г. Корчагин	318

Пришелец из тьмы	
Перевод с англ. Я. Забелина	333
От любви к Барбаре Аллен	
Перевод с англ. И. Рошаль	355

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Пламя Ашурбанипала	
Перевод с англ. Н. Лопушевский	369
Черный камень	
Перевод с англ. Г. Корчагин	397
Грохот труб	
Перевод с англ. Я. Забелина	420
Delenda est	
Перевод с англ. Г. Корчагин	450
Обитатели Черного побережья	
Перевод с англ. Н. Лопушевский	460
Дом Эрейбу	
Перевод с англ. Г. Корчагин	472
Библиография Роберта Говарда	510

Литературно-художественное издание

ГОВАРД РОБЕРТ ИРВИН

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Сага темных земель

Составитель *Александр Тишинин*

Ответственный редактор *Наталья Баулина*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Екатерина Соболева*

Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*

Верстка *Елена Посадова*

Технический редактор *Елена Шараева*

Корректоры *Вера Чаленко, Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.11.97.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Гaramond».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,72. Тираж 10 100 экз. Заказ 2416.

Издательство «Северо-Запад». Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97.

194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 171.

E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.

220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА**

Вместе с героями Говарда
окунитесь в мир
головокружительных приключений,
где клинки и отважные сердца
противостоят
черному колдовству.

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И КАЖДОГО

** Любителям "крутого" детектива — собрания сочинений*

**Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Александры Марининой,
Владимира Шитова, Виктора Пронина**
и суперсериалы **Андрея Воронина "Комбат" и "Слепой"**.

** Поклонникам любовного романа — произведения "королев" жанра:*

**Дж. Макнот, Д. Линдсей, Б. Смолл, Дж. Коллинз, С. Браун,
Б. Картленд** — в книгах серий **"Шарм", "Очарование", "Страсть",
"Интрига"**.

** Полные собрания бестселлеров*
Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

** Почитателям фантастики — серии*

**"Век Дракона", "Звездный лабиринт", "Заклятые миры",
"Координаты чудес"**, а также самое полное собрание произведений
братьев Стругацких.

** Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:*

"Всё обо всём", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

** Замечательные детские книги из серий*

"Лучшие сказки мира", "Сказка-сказочка", "Мои любимые сказки".

** Школьникам и студентам — книги из серий*

**"Справочник школьника", "Школа классики",
"Справочник абитуриента", "250 "золотых" сочинений",
"Все произведения школьной программы".**

Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению
задач, пособий для подготовки к экзаменам.

А также разнообразная энциклопедическая и прикладная
литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете
приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: **107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".**

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские
фирменные магазины издательства **"АСТ"** по адресам:

Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584.

Арбат, д. 12. Тел. 291-6101.

Татарская, д. 14. Тел. 235-3406.

собрание сочинений

Роберт Ирвин Говард

(1906 — 1936)

Великий Мастер фэнтези, создатель знаменитой «Саги о Конане» и автор более трехсот фантастических, мистических и приключенческих романов, повестей и рассказов.

Черное колдовство вуду, галльские оборотни,
безглазые твари заброшенных штолен —
все это осколки неведомого мира,
куда закрыта дверь для простых смертных...
Только истинным Посвященным дано пройти
по ступеням разрушенных храмов, прочесть
полустертые скрижали, узреть танцы фей,
вопрошать мертвых...

Роберт Говард, Великий Мастер — был
Посвященным.

•Северо-Запад®